

Вестник

ЧЕЛЯБИНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 1994-2796 (print)
ISSN 2782-4829 (online)
doi 10.47475/1994-2796

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

MONT:BVSEL:SLN
10:IACT:BAT:COR
CRUDE:LS:LEX:NI
CARM:NL:NOS:TRI
REF:ORIM:F:DN:VN
MONT:BVSEL:SLN
10:IACT:BAT:COR
CRUDE:LS:LEX:NI
CARM:NL:NOS:TRI

11 / 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; Scopus Author ID: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь

Майоров Андрей Владимирович — доктор юридических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0002-8629-9837; Scopus Author ID: 55629771300;
ResearcherID: AAK-3612-2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Бугалин Александр Владимирович**, доктор экономических наук, профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор университета Париж-Дофин (Франция).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Д. А. Плетнёв, кандидат экономических наук, доцент, главный редактор научного направления (Челябинск); **Д. С. Бенц**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **О. В. Брижак**, доктор экономических наук, доцент (Москва); **А. В. Горшков**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **А. Ю. Даванков**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **И. П. Довбий**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Егорова**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Ю. Ш. Капкаев**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **И. П. Килина**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Н. В. Ким**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **И. Д. Колмакова**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Коркина**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **Н. Н. Мильчакова**, доктор экономических наук, профессор (Тюмень); **Г. И. Немченко**, доктор экономических наук, профессор (Тюмень); **Е. В. Николаева**, кандидат экономических наук, доцент, ответственный секретарь редакционной коллегии (Челябинск); **М. А. Пестунов**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **Г. Н. Пряхин**, доктор экономических наук, доцент, заместитель главного редактора научного направления (Челябинск); **А. А. Саламатов**, доктор экономических наук, профессор, заместитель главного редактора научного направления (Челябинск); **В. В. Седов**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **Д. А. Сорокин**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Е. А. Степанов**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.
Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления
«Экономические науки»:
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576
Тел. (351) 799-71-46
e-mail: vestnik_econ@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода
аннотаций несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312

Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректра *М. В. Трифионовой*
Верстка *М. В. Трифионовой*

Подписано в печать 14.12.23.
Выход в свет 21.12.23.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 30,0.
Уч.-изд. л. 32,0.
Тираж 500 экз. Заказ 571.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

Economic Sciences

Issue 82

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

A. V. Mayorov, Dr. Sci. (Law), Prof. (Assoc.), Member of ASEP

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); *Y. A. Bubnov*, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); *A. V. Buzgalin*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Lomonosov Moscow State University, Russia); *E. I. Golovanova*, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); *M. R. Zheltukhina*, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); *R. M. Katchalov*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); *A. B. Nevelev*, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); *R. M. Nizhegorodtsev*, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); *S. A. Pitina*, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); *E. V. Popov*, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANEP, Russia); *E. Demir*, PhD, University of Reykjavik, (Reykjavik, Iceland); *J. Richard*, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

D. A. Pletnev, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); *D. S. Bents*, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); *O. V. Brizhak*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Moscow); *A. V. Gorshkov*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); *A. Yu. Davankov*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); *I. P. Dovby*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); *A. A. Egorova*, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); *Yu. Sh. Kapkajev*, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); *I. I. Kilina*, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); *N. V. Kim*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); *I. D. Kolmakova*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); *T. A. Korkina*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); *N. N. Milchakova*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Tyumen); *G. I. Nemchenko*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Tyumen); *Ye. V. Nikolajeva*, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Executive Secretary of Editorial Board (Chelyabinsk); *M. A. Pestunov*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); *G. N. Pryakhin*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Deputy Chief Editor of Scientific Direction (Chelyabinsk); *A. A. Salamatov*, Dr. Sci. (Economics), Prof., Deputy Chief Editor of Scientific Direction (Chelyabinsk); *V. V. Sedov*, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); *D. A. Sorokin*, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); *Ye. A. Stepanov*, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk)

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Economic Sciences"
editorial office's address:
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia
Tel.: +7(351) 799-71-46
e-mail: vestnik_econ@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible for
the article content and quality
of annotations' translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies and
Communications
Certificate ПИ № ФЦ77-66312

Index 33077
in the "Press of Russia" catalog

Proofreader *M.V. Trifonova*
Imposition by *M.V. Trifonova*

Approved for printing 14.12.23.
Date of publication 21.12.23.
Format 60×84 1/8, Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 30,0.
Ac.-publ. sh. 32,0.
Circulation 500 copies.
Order 571. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

- Плетнёв Д. А.* Смерть поэта (памяти Александра Владимировича Бузгалина) 7

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Имамвердиева М. И., Хадасевич Н. Р., Кауфман Н. Ю.* Экономическое содержание эффекта декаплинга как ключевого элемента устойчивого развития компаний 9
- Гордеева Д. С., Егорова А. А.* Концептуализация оптимального развития организационной среды как коэволюции производственной и природной сфер 21

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

- Белова И. А.* Структурные различия и сдвиги в экономике субъектов Уральского федерального округа 30
- Колмакова И. Д., Бурлаков М. Е., Колмакова Е. М., Бутаков Н. А.* Влияние искусственного интеллекта на рынок труда Российской Федерации 44
- Артемова О. В., Нестеренко И. Ю.* Уровень и дифференциация расходов работников образования в российском регионе 53
- Саламатов А. А., Пряхин Г. Н., Малыгин Н. В.* Хозяйственно-технологические факторы обеспечения эколого-экономической безопасности региона 67
- Аюпова С. Г.* Особенности инвестиционной привлекательности Уральского федерального округа 79
- Бенц Д. С.* Инерционность экономического развития регионов металлургического профиля 91
- Логачева Н. М., Тихонова О. К.* Экономическое развитие региона и благосостояние населения: кейс «Большого Урала» 102

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

- Плетнёв Д. А., Наумова К. А.* Российские быстрорастущие компании в сельском хозяйстве во время пандемического кризиса 112
- Митрофанова О. Н.* Перспективы развития промышленного туризма в регионе 128
- Котляр К. А., Бабанова Ю. В., Антонян Р. С.* Роль системного подхода к информированию в управлении предприятием в условиях неопределённости 138
- Мысакова А. Г.* Гендерные различия в восприятии брендированных мобильных приложений АЗС компаний ТЭК 147
- Диесперова Н. А., Диесперов К. В.* Проблема импортозависимости в агрохимической отрасли России и пути её решения 155

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

- Берг Н. А., Дегтярева Н. А.* Принятие управленческих решений в сельском хозяйстве на основе модели множественной регрессии. 167

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ

- Южаков В. А.* Мобилизационная экономика: в будущее через прошлое 176
- Плетнёв Д. А.* Центры, полупериферия и периферия Урала и Поволжья в 2018–2022 годах 188

<i>Маньковский И. А.</i> Влияние бюджетного финансирования партийной политической активности на эффективность институциональной среды и развитие национальной экономики	196
<i>Саламатов А. А., Ужegov А. О.</i> Анализ подходов к оценке устойчивого развития и выявление противоречий: территориальные аспекты	205
<i>Коробов А. А.</i> О некоторых экономико-правовых аспектах противодействия теневой экономике с учётом её современной эволюции	215
<i>Егорова А. А., Данилов И. А., Гельм С. А.</i> Особенности инновационных конкурентных преимуществ в ретроспективе и в современной экономике	222
<i>Геокчалян А. Г.</i> Проблемы развития проектного управления	231
<i>Силова Е. С., Аюпова С. Г., Мухомкина Т. А.</i> Особые территории как драйвер регионального экономического развития	237

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

<i>Тушин И. С., Рупасов М. А.</i> Промышленные кластеры как инструмент развития регионов	246
<i>Алферов И. И.</i> Актуальность идей Ж. Ш. де Сисмонди в современном мире	253

CONTENTS

EDITORIAL

- Pletnev D. A.* Death of the Poet (In Memory of Alexander Vladimirovich Buzgalin) 7

THEORY AND METHODOLOGY

- Imamverdieva M. I., Khadasevich N. R., Kaufman N. Y.* Economic Content of the Effect of Decoupling as a Key Element of Sustainable Development of Companies 9
- Gordeeva D. S., Egorova A. A.* Conceptualization of Optimal Development of Organizational Environment as a Co-evolution of Production and Natural Spheres 21

WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

- Belova I. A.* Structural Differences and Shifts in the Economy of the Subjects of the Ural Federal District 30
- Kolmakova I. D., Burlakov M. E., Kolmakova E. M., Butakov N. A.* Impact of Artificial Intelligence on the Russian Federation Labor Market 44
- Artemova O. V., Nesterenko I. Y.* Level and Differentiation of Expenditures of Educational Workers in the Russian Region 53
- Salamatov A. A., Pryakhin G. N., Malygin N. V.* Economic and Technological Factors of Ensuring for Environmental-Economic Safety of the Region 67
- Ayupova S. G.* Features of Investment Attractiveness of the Ural Federal District 79
- Benz D. S.* Rigidities in the Economic Development of Metallurgical Regions 91
- Logacheva N. M., Tikhonova O. K.* Economic Development of the Region and the Welfare of the Population: the Case of the “Big Urals” 102

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

- Pletnev D. A., Naumova K. A.* Russian High-Growth Firms in Agriculture During the Pandemic Crisis 112
- Mitrofanova O. N.* Prospects for the Development of Industrial Tourism in the Region 128
- Kotlyar K. A., Babanova Yu. V., Antonyan R. S.* The Role of a Systematic Approach to Information in Enterprise Management Under Conditions of Uncertainty 138
- Mysakova A. G.* Gender Differences in the Perception of Branded Mobile Applications of Fuel and Energy Companies 147
- Diesperova N. A., Diesperov K. V.* Russian Import Dependency Problem of the Agrochemical Industry and Ways of Its Solution 155

ECONOMIC EDUCATION

- Berg N. A., Degtyareva N. A.* Management Decision-making in Agriculture Based on the Multiple Regression Model 167

REVIEWS AND DISCUSSIONS

- Yuzhakov V. A.* Mobilization Economy: Into the Future Through the Past 176
- Pletnev D. A.* Centers, Semi-Periphery and Periphery of the Urals and Volga Region in 2018–2022 . . . 188

<i>Mankovsky I. A.</i> The Influence of Budget Financing of Party Political Activity on the Effectiveness of the Institutional Environment and the Development of the National Economy.	196
<i>Salamatov A. A., Uzhegov A. O.</i> Analysis of Approaches to Assessing Sustainable Development and Identifying Contradictions: Territorial Aspects.	205
<i>Korobov A. A.</i> On Some Economic and Legal Aspects of Countering the Shadow Economy, Taking Into Account Its Modern Evolution	215
<i>Egorova A. A., Danilov I. A., Gelm S. A.</i> Features of Innovative Competitive Advantages in Retrospect and in the Modern Economy	222
<i>Geokchakyan A. G.</i> Problems of Project Management Development	231
<i>Silova E. S., Aupova S. G., Mutovkina T. A.</i> Special Territories as a Driver of Regional Economic Development	237

A FRESH LOOK

<i>Tushin I. S., Rupasov M. A.</i> Industrial Clusters as a Tool for Regional Development	246
<i>Alferov I. I.</i> Relevance of the Ideas of J. Ch. de Sismondi in the Modern World.	253

РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

EDITORIAL

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 7–8.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(11(471):7-8. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Редакторская статья

УДК 330.858

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-7-8

СМЕРТЬ ПОЭТА (памяти Александра Владимировича Бузгалина)

Дмитрий Александрович Плетнёв

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, pletnev@csu.ru, ORCID 0000-0002-6494-572X

Ключевые слова: политическая экономия, А. В. Бузгалин, российские экономисты

Для цитирования: Плетнёв Д. А. Смерть поэта (памяти Александра Владимировича Бузгалина) // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 7–8. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-7-8.

Editorial article

DEATH OF THE POET (In Memory of Alexander Vladimirovich Buzgalin)

Dmitri A. Pletnev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, pletnev@csu.ru, ORCID 0000-0002-6494-572X

Keywords: political economy, Alexander Buzgalin, Russian economists

For citation: Pletnev DA. Death of the Poet (In Memory of Alexander Vladimirovich Buzgalin). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):7-8. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-7-8.

Академическая карьера (и карьера ученого-экономиста, увы, не исключение) часто делает человека циником. Понимание механизмов функционирования экономики и общества, противоречий, «ловушек» и «провалов» не способствует вере в их быстрое качественное улучшение. Поэтому среди маститых ученых и академиков крайне редко можно встретить тех, в ком жив внутренний огонь, свойственный юности, когда веришь в человека, его возможности, его разум и волю и когда стремишься внести свою лепту в изменение мира для человека к лучшему. Александр Владимирович Бузгалин, член редакционного совета нашего журнала, был как раз таким: полным энергии, идей, веры и в каждого конкретного человека, и в человечество вообще. Всей своей многогранной деятельностью он

опровергал тезис Т. Карлейля о том, что экономика — «мрачная наука». Он умел видеть позитивную перспективу, помогал ее увидеть нам.

Научное наследие Александра Владимировича во всем его многообразии нам еще предстоит осознать. Картина позднего капитализма и его особенности в России, движение к Марксовому «царству свободы» в реалиях современной экономики, «человеческий потенциал» как замена ущербному «человеческому капиталу», морок превратных форм и товарного фетишизма в современной экономике, отчуждение и разотчуждение, теоретические основы реформирования образования и актуализация политической экономии. Изучая его труды, утверждаешься во мнении, что экономика — это самая настоящая наука, а не набор прикладных инструментов, как считают сегодня многие. Он был самым публикуемым и цитируемым политэкономом

в российской науке, поистине — хранителем традиций и создателем новых. «Кто созидает новое, лелея старое, тот может быть учителем», говорил Конфуций. И Александр Владимирович очень точно подходил под это определение.

Редко бывает так, что талантливый ученый одновременно и замечательный наставник и педагог. Иногда не хватает времени, иногда — ораторского искусства, иногда — любви к ближнему и веры в него. Александр Владимирович был прекрасным примером исключения из этого правила. Его лекции и выступления на конференциях неизменно собирали полные залы, рядом с ним всегда были верные ученики, развивающие его идеи и делающие самостоятельные шаги. Заслуженный профессор Московского государственного университета, руководитель Центра современных марксистских исследований там же. Докторанты, аспиранты, магистранты и студенты бакалавриата ведущего вуза страны с благодарностью вспоминают его яркие, оставляющие след в душе лекции. Он умел завлечь самой, казалось, скучной теорией так, что она оживала и становилась современной, актуальной и интересной.

Многие мои коллеги знают Александра Вла-

димировича прежде всего как прекрасного организатора. Он умел сплотить коллег вокруг какой-нибудь идеи, будь то конференция, гражданская инициатива, журнал. Международный политэкономический конгресс, Московский академический экономический форум, Санкт-Петербургский экономический конгресс во многом состоялись и стали ведущими научными форумами для экономистов благодаря его усилиям и энергии. Журнал «Вопросы политической экономии» под его руководством за короткий срок вырос до ведущего российского издания в области теоретической экономики.

Среди российских экономистов Александр Владимирович Бугалин выделялся примерно так, как его знаменитый тезка (Пушкин) среди поэтов той поры. Он был талантлив, ярок, бескомпромиссен. И в качестве члена редакционного совета нашего журнала он задавал высокую планку, которой мы стремились соответствовать. Благодаря его участию наш журнал и публикации в нем становились всё качественнее и интереснее. Нам будет не хватать его благожелательной критики, идей, которыми он щедро делился, и его запоминающейся доброй улыбки.

Информация об авторе

Д. А. Плетнёв — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Information about the author

D. A. Pletnev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of the Institute of Economics of Industry, Business and Administration.

Статья поступила в редакцию 25.10.2023; одобрена после рецензирования 05.11.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 25.10.2023; approved after reviewing 05.11.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

THEORY AND METHODOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 9–20.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(11(481):9-20. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 330.341

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-9-20

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЭФФЕКТА ДЕКАПЛИНГА КАК КЛЮЧЕВОГО ЭЛЕМЕНТА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КОМПАНИЙ

**Марина Ивановна Имамвердиева¹, Наиля Ракиповна Хадасевич²,
Наталья Юрьевна Кауфман³**

¹ Сургутский государственный университет, Сургут, Россия, imamverdieva.mi@gmail.com, ORCID 0000-0001-5226-2668

² Сургутский государственный университет, Сургут, Россия, 19982005@mail.ru, ORCID 0000-0002-7908-618X

³ Сургутский государственный университет, Сургут, Россия, ntlrus@gmail.com, ORCID 0000-0002-7385-9276

Аннотация. Популяризация концепции устойчивого развития оказала значительное влияние на определение приоритетов в различных направлениях деятельности, в том числе в области стратегического планирования на предприятиях. К тому же условия структурно-динамической трансформации экономики способствуют активизации внедрения устойчивого развития в деятельность компаний. Статья посвящена идентификации содержания и особенностей эффекта декарпинга, под которым авторы понимают создание и развитие эколого ориентированных направлений, способствующих снижению негативного воздействия на окружающую среду в результате сокращения потребления ресурсов и оптимизации производственных процессов. Понятие «декарпинг» напрямую взаимосвязано с одним из приоритетных направлений устойчивого развития — экологией. В рамках исследования проведен теоретический обзор категории «устойчивое развитие», что позволяет сделать вывод о важности экологического компонента. Понятийный и функциональный анализ эффекта декарпинга, а также систематизация методов количественного выражения экологического направления позволяют определить ключевые индикаторы, а также возможности их агрегирования. В ходе анализа методов оценки устойчивого развития выявлены основные барьеры, препятствующие реализации концепции и ее масштабированию. Полученные в ходе исследования результаты позволяют определить условия для достижения эффекта декарпинга, а также возможности его количественной оценки. Важное значение определения функционала данной категории отмечено в организациях, реализующих концепцию устойчивого развития и в эколого ориентированных компаниях.

Ключевые слова: устойчивое развитие, эффект декарпинга, уровень устойчивого развития, экологическое содержание устойчивости, негативное воздействие на окружающую среду

Для цитирования: Имамвердиева М. И., Хадасевич Н. Р., Кауфман Н. Ю. Экономическое содержание эффекта декарпинга как ключевого элемента устойчивого развития компаний // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 9–20. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-9-20.

Original article

ECONOMIC CONTENT OF THE EFFECT OF DECOUPLING AS A KEY ELEMENT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF COMPANIES

Marina I. Imamverdieva¹, Nailya R. Khadasevich², Nataliya Y. Kaufman³

¹ Surgut State University, Surgut, Russia, imamverdieva.mi@gmail.com, ORCID 0000-0001-5226-2668

² Surgut State University, Surgut, Russia, 19982005@mail.ru, ORCID 0000-0002-7908-618X

³ Surgut State University, Surgut, Russia, ntlrus@gmail.com, ORCID 0000-0002-7385-9276

Abstract. The popularization of the concept of sustainable development has had a significant impact on the determination of priorities in various areas of activity, including in the field of strategic planning at enterprises. In addition, the conditions of structural and dynamic transformation of the economy contribute to the intensification of the implementation of sustainable development in the activities of companies. The article is devoted to identifying the content and features of the decoupling effect, by which the authors understand the creation and development of environmentally-oriented areas that help reduce the negative impact on the environment as a result of reducing resource consumption and optimizing production processes. The category of “decoupling” is directly related to one of the priority areas of sustainable development — ecology. As part of the study, a theoretical review of the category “sustainable development” was carried out, which allows us to draw a conclusion about the importance of the environmental component. Conceptual and functional analysis of the decoupling effect, as well as systematization of methods for quantitatively expressing the environmental direction, allows us to identify key indicators, as well as the possibilities of their aggregation. During the analysis of methods for assessing sustainable development, the main barriers to the implementation of the concept and its scaling were identified. The results obtained during the study make it possible to determine the conditions for achieving the decoupling effect, as well as the possibility of its quantitative assessment. The importance of defining the functionality of this category is noted in organizations implementing the concept of sustainable development and in environmentally-oriented companies.

Keywords: sustainable development, decoupling effect, level of sustainable development, ecological content of sustainability, negative impact on the environment

For citation: Imamverdieva MI, Khadasevich NR, Kaufman NY. Economic Content of the Effect of Decoupling as a Key Element of Sustainable Development of Companies. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):9-20. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-9-20.

Введение

Категория «устойчивое развитие» с широким перечнем понятий с ней, отождествляемых на протяжении пятидесятилетнего периода, интерпретируется и видоизменяется, встречается в текстах нормативно-правовых актов, становится основанием для научной полемики и дискуссий.

Достаточно продолжительный период интеграции устойчивого развития в разные отрасли наук позволяет более пристально рассмотреть его ключевые компоненты, одним из которых является экологический компонент. Систематизация знаний об охране окружающей среды и ее управленческой и экономической содержательной части позволяет заключить важность развития экологического подхода с точки зрения понятийного аппарата и функционального значения, что обуславливает актуальность исследования.

Авторами определена цель исследования: на основании теоретического обзора и анализа подходов к количественной оценке экологического направления устойчивого развития определить возможности интеграции и ключевые барьеры для достижения эффекта декаплинга на предприятиях.

На основании поставленной цели определена логика исследования, включающая в себя: теоретический обзор и идентификацию ключевых целей и ориентиров компонентов категории «устойчивое развитие»; структуризацию экологического компонента; теоретический обзор содержательной части декаплинга и анализ подхо-

дов к его оценке; определение барьеров, препятствующих эффективному внедрению концепции устойчивого развития, в частности, экологического направления в деятельность компаний.

С. М. Леле в период становления устойчивого развития как институциональной категории отмечает, что следует признать «динамическое взаимодействие между социальными структурами и условиями окружающей среды», которое обусловлено созависимостью всех компонентов устойчивого развития, а также скоростью и степенью достижения целей в рамках каждого направления [1].

Д. Нортоном и Р. Капланом также отмечается важность экологии в системе устойчивого развития: «завоевать устойчивое преимущество в условиях рынка простым, хотя и быстрым внедрением новых технологий в производство (материальные активы) или отличным управлением финансовыми активами и пассивами стало невозможно» [2].

При раскрытии понятийного аппарата категории «устойчивое развитие» следует учесть ее междисциплинарный характер. Идеалистический подход, при котором все три направления находятся в состоянии когерентности и их интересы удовлетворены в равной степени, на практике реализовать достаточно сложно, что также представляет собой определенные барьеры при применении и оценке устойчивого развития. Выражение каждого компонента посредством показателей не всегда может отвечать требованиям «равнозначности». «Противоречивость» катего-

рии «устойчивое развитие» подтверждается высоким уровнем сложности интеграции экологической устойчивости в производственные процессы, с одной стороны, и невозможностью прогнозировать социальные и экономические последствия экологической трансформации и приоритизации охраны окружающей среды, с другой. С точки зрения капитализма, где прибыль — главный ориентир, вопросы снижения экологической нагрузки посредством сокращения выбросов, возможного в случае снижения объемов производства, также не укладываются в концепцию когерентного развития всех трех направлений: экологии, экономики и социума, так как естественно, что экономика и социум при сокращении производственных мощностей не будут в полной мере находиться в состоянии «развития» [3].

К. Томислав на основании хронологического обзора значения устойчивого развития в период 1987–2015 гг. делает вывод о том, что, несмотря на важность охраны окружающей среды, невозможно рассматривать экологическую составляющую без экономического, социально и даже политического контекста [4].

С. В. Орехова определяет устойчивое развитие с позиции промышленности как «целенаправленный процесс перманентных, положительных качественных преобразований его ресурсов для гармонизации взаимоотношений с другими акторами, включая государство» [5], а также акцентирует внимание на том, что в современных реалиях исследуемая концепция рассматривается по следующим направлениям: устойчивость институциональных соглашений и институциональной среды [6].

Подходы к устойчивому развитию трансформируются под воздействием изменений, происходящих в мировой экономико-политической сфере, а также в соответствии с глобальными изменениями окружающей среды. Но большинство авторов считает, что устойчивое развитие невозможно без экологического подхода, являющегося причиной создания и реализации концепции, что подтверждает актуальность исследования. Цель исследования состоит в конкретизации содержательной части экологического компонента, что позволяет определить основные элементы и возможности устойчивого развития через призму воздействия на окружающую среду.

Материалы и методы исследования

Анализ теоретических подходов к категории «устойчивое развитие» позволяет идентифициро-

вать методологическую базу исследования, представленную ключевыми положениями о концепции в рамках исследования авторских интерпретаций и акцентировании внимания на определяющих данное понятие составляющих. В ходе исследования применен сравнительный анализ подходов к устойчивому развитию, идентификация ключевых элементов в целях определения и раскрытия содержания экологического направления и роли эффекта декаплинга. Систематизация данных об особенностях когерентности триады направлений и эффективности реализации концепции на предприятии является основой для выражения экологического компонента посредством показателей и индикаторов, что, в свою очередь, способствует планированию и прогнозированию показателей компаний с помощью эконометрических методов.

В рамках исследования акцентировано внимание на возможности сегментации элементов устойчивого развития по направлению и характеру реализации, в частности экологического направления, а также отмечена важность и перспективность количественного выражения категории и принципиальных смысловых задач. В процессе исследования выявлена необходимость отождествления экологического направления с показателями, отражающими его эффективность и практическую ориентацию.

Многоаспектность подходов к количественной интерпретации и созданию информационной базы устойчивого развития обусловлена не только сложной структурой категории, но и совокупностью факторов и тенденций, оказывающих влияние на устойчивое развитие компаний.

Результаты исследования и их обсуждение

К условиям, определяющим эффективность реализации устойчивого развития, следует отнести состояние экономической стабильности, интеграцию экологических направлений во все виды производств, социально ориентированную политику государства, создающую возможность для получения качественного образования всех уровней, создание благоприятных трудовых условий, повышение качества жизни населения, повышение уровня значимости защиты окружающей среды (достижение эффекта декаплинга).

Ориентир на достижение эффекта декаплинга создает условия для ориентации бизнеса на принципы устойчивого развития, что является реализацией одного из направлений концепции. Сложность равновесной реализации всех компонентов

обусловлена логическими факторами, а также спецификой деятельности. Но возможно заключить, что когерентность направлений вполне логична и актуализирована в отчетности предприятий.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о необходимости четкой идентификации данных об устойчивом развитии, обоснования их ценности и исключения информации, не представляющей собой достаточный уровень полезности для практического применения. На данный момент не существует унифицированного подхода к сбору и выборке действительно важных показателей устойчивого развития и направлений, его образующих, что приводит к завышенным затратам на упорядочение информации, длительности ее

обработки и невозможности сопоставления данных из-за их разной природы. Условия структурно-динамической трансформации предполагают возможность выделения наряду с триадой классических направлений (экономика, экология, социум) иных компонентов. Каждое из направлений имеет свои постулаты и приоритетные цели (табл. 1). Также следует отметить, что устойчивое развитие — динамичная категория, учитывающая тенденции и вызовы, а собирательный характер данного понятия может способствовать видоизменению его содержательной части в зависимости от политических, экономических, ресурсных и иных показателей.

Анализ, проведенный в табл. 1, показывает, что для каждого компонента существуют определен-

Таблица 1
Table 1

Ключевые цели и ориентиры компонентов устойчивого развития
Key objectives and benchmarks of the components of sustainable development

Компонент	Основной постулат реализации компонента	Приоритетные цели в рамках реализации устойчивого развития	Влияние на реализацию концепции устойчивого развития
Экономический	<ul style="list-style-type: none"> – Высокий уровень финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. – Диверсифицированный портфель добычных проектов (для добывающих компаний) 	<ul style="list-style-type: none"> – Внедрение системы углеродного менеджмента. – Политика импортозамещения в части производства и эксплуатации оборудования 	<ul style="list-style-type: none"> – Мониторинг рисковой составляющей, обусловленной структурно-динамической трансформацией экономики и периодом энергетического перехода
Экологический	<ul style="list-style-type: none"> – Внедрение экологичных технологий в производственную деятельность, позволяющих минимизировать отрицательное воздействие на окружающую среду (утилизация отходов, эффективная очистка сточных вод, реализация на системной основе экологических инвестиционных проектов и природоохранных мероприятий) 	<ul style="list-style-type: none"> – Развитие низкоуглеродного сегмента, в том числе продукции с улучшенными экологическими характеристиками, соответствующими стандартам качества 	<ul style="list-style-type: none"> – Рациональное и ответственное отношение к экологии и использованию природных ресурсов, минимизация рисков на территориях присутствия. – Сокращение выбросов без снижения объемов добычи
Социальный	<ul style="list-style-type: none"> – Создание условий для обеспечения эффективного использования кадровых ресурсов, в том числе гибкости кадрового потенциала, отвечающего требованиям внешней среды и быстро меняющейся внешней конъюнктуры 	<ul style="list-style-type: none"> – Сотрудничество с образовательными организациями Российской Федерации. – Удовлетворение интересов всех экономических субъектов, находящихся в прямом или косвенном взаимодействии с предприятием 	<ul style="list-style-type: none"> – Развитие репутационного капитала предприятия как фактора воздействия на общество, формирование имиджа компании как работодателя, нивелирование негативной информации. – Активная внутренняя и внешняя социальная политика

Источник: составлено автором на основании данных отчетов об устойчивом развитии. Отчет в области устойчивого развития ПАО «НК «Роснефть» за 2021 г. // Роснефть: офиц. сайт. URL: <https://www.rosneft.ru/> (дата обращения: 15.08.2023); Отчет Группы Газпром о деятельности в области устойчивого развития за 2021 г. // Газпром: офиц. сайт. URL: <https://www.gazprom.ru/> (дата обращения: 15.08.2023); Отчет ПАО «Лукойл» об устойчивом развитии за 2021 г. // Лукойл: офиц. сайт. URL: <https://lukoil.ru/> (дата обращения: 15.08.2023).

ные цели и задачи в области устойчивого развития. Существует логическая взаимосвязь всех компонентов. В некоторых случаях невозможно четко идентифицировать цель и компонент, поэтому авторы могут выделять смежные направления (например, экоинновации, использование которых позволяет одновременно отслеживать непрерывное совершенствование как всей организации, так и результатов, полученных в конкретных действиях по продвижению и внедрению экоинноваций [7]).

В рамках исследования проведен анализ классического направления — экологии, с учетом специфики и взаимодействия данного компонента с другими, а также с позиции возможностей достижения эффекта декарпинга. Существует взаимосвязь сегмента бизнеса и степени внедрения структурных подразделений, координирующих вопросы предотвращения рисков ситуаций, в том числе в аспекте экологического мониторинга и контроля. Как правило, доля крупнейших компаний, внедряющих такие подразделения, выше доли компаний, относящихся к крупному и среднему бизнесу. Малый бизнес практически не практикует внедрение отделов, чья деятельность направлена на минимизацию рисков событий, ликвидацию образуемых ими последствий и эффективную реализацию системы экологического мониторинга и достижения эффекта декарпинга.

Достижение эффекта декарпинга как одного из элементов системы экологического направления включает в себя:

- раскрытие информации с использованием CDP CDP (Carbon Disclosure Project) — организация, разрабатывающая методологии и системы раскрытия данных, в том числе по управлению климатическими аспектами и выбросам парниковых газов;

- раскрытие информации с использованием TCFD TCFD (Task Force on Climate-related Financial Disclosures) — это рабочая группа по вопросам раскрытия финансовой информации, связанной с изменением климата, при международном Совете по финансовой стабильности, учрежденном Большой двадцаткой;

- сертификация по ISO 14001¹.

¹ ESG в российском бизнесе: влияние новых условий: Как изменились практики устойчивого развития в российских компаниях в 2022 году. URL: https://esgworld.ru/wp-content/uploads/2022/11/esg_opros_2610_9c34964c5c.pdf (дата обращения: 03.08.2023)

В рамках экологического компонента эффект декарпинга необходимо отразить и с позиции ресурсов, и с позиции воздействия, что представляет собой определенную сложность трансформации качественной характеристики в количественную. Следовательно, необходимо учесть и снижение объема потребления ресурсов для выпуска единицы производимой продукции, и возможность снижения негативного воздействия на окружающую среду.

Экологический компонент устойчивого развития компаний основан на стандартизации и установлении определенных нормативов функционирования (предельное значение выбросов, пороговые значения утилизации и т. д.). Ограничения, проявляемые в установлении норм, позволяют сделать вывод о невозможности абсолютного недопущения негативного влияния на окружающую среду, и, следовательно, идентифицируя значимость экологического направления, необходимо говорить о снижении отрицательного влияния на экологию и созависимость направления деятельности компании и эффекта декарпинга.

С. А. Саркоди и И. Озтурк подтверждают закономерность, именуемую эффектом Кузнецца: рост доходов населения на начальном этапе негативно воздействует на окружающую среду, но в процессе достижения обществом состояния рационального потребления и возможности применения более инновационных и технологичных подходов нагрузка на экологию снижается [8].

С. Н. Бобылев характеризует декарпинг как «рассогласование связи между “нарушением” окружающей среды и экономическим ростом, которое может выражаться в увеличении производительности ресурсов или росте экологической эффективности» [9]. Корреляции между увеличением экономического производства и снижением качества окружающей среды — «явление, при котором, вопреки большинству прошлого опыта, экономический рост происходит без сопутствующего роста использования материальных ресурсов или негативного воздействия на окружающую среду» [10].

Т. Ваден и коллектив авторов классифицируют декарпинг по двум уровням (легкий и сложный) и отмечают, что достижение первого (легкого) более реалистично, в том числе и в аспекте обозначенных авторами критериев (степень охвата, период, география) [11]. Данный подход прослеживается и в иных источниках и позволяет декомпозировать условия достижения эффекта декарпинга в зависимости от критериев (география,

отрасль, период, инвестиционная нагрузка и т. д.) и их интеграции.

В рамках устойчивого развития дискуссионным остается вопрос о природе декаплинга как меры экологической эффективности, а не устойчивости. Данное высказывание представляет собой важный элемент исследования, так как, с одной стороны, невозможно достичь высокого уровня экологической устойчивости без эффективности, но с другой, и понятие эффективности может быть рассмотрено вне рамок устойчивого развития, например, с точки зрения оптимизации затрат в целях повышения финансового благосостояния.

Создание условий для достижения эффекта декаплинга на уровне предприятий базируется на стратегии сбалансированной динамики ключевых показателей, включающей синхронную оптимизацию технико-экономических индикаторов. Наиболее важным остается вопрос создания условий интенсификации производства и достижения эффекта декаплинга. Так как интенсификация включает в себя не только расширение и повышение производственных мощностей, но и применение наиболее эффективных и инновационных средств производств, то такие средства должны отвечать критериям экологически, и одним из аспектов их функционала должно являться снижение негативного воздействия на окружающую среду.

Т. Парикью и коллектив авторов выделяют несколько причин, препятствующих достижению эффекта декаплинга, что является основным барьером для «зеленого роста»: повышение энергозатрат в сфере производства; структурные изменения в экономике, провоцируемые эффектом «отскока»; взаимозависимость и взаимозаменяемость ресурсов; невозможность (на текущий момент) полной замены рынка материальных товаров на рынок услуг; ограниченность переработки; ориентир прогрессивных технологий не на инструменты для достижения снижения негативного воздействия на окружающую среду, а на оптимизацию процессов [12]. Также препятствием для повсеместного достижения эффекта декаплинга является экстернализация негативного влияния на окружающую среду, характерная не только для компаний, но и для государств, в частности приращения эффекта декаплинга к ВВП [13].

Понятийный и функциональный анализ эффекта декаплинга свидетельствует о важности категории не только в аспекте деятельности пред-

приятий, но и в процессе реализации концепции устойчивого развития, а именно, в рамках экологически ориентированного направления. Практическая ориентация эффекта декаплинга может быть выражена посредством коэффициентов, характеризующих конкретную отрасль, так как экологическое направление носит отраслевой характер, выраженный в специфике и масштабе негативного воздействия на окружающую среду.

Проблемы высокой экологической нагрузки характерны для предприятий промышленного комплекса, особенно нефтегазового сектора. И. Ианоу и коллектив ученых, рассматривающие условия достижения компромисса между целями устойчивого развития и добычей углеводородов, подчеркивают неизбежность достижения сбалансированности и ликвидации последствия противоречий, «с которыми сталкиваются при разработке технологий для обеспечения устойчивой энергетики и химических веществ, что усиливает необходимость учета в текущих оценках целого ряда показателей устойчивости, помимо воздействия глобального потепления» [14].

Также авторские подходы доказывают, что экологическое направление является масштабной категорией и включает себя другие элементы (рис. 1). На основании представленной на рис. 1 структуры экологического направления логичным является заключение о сложности представления в количественном выражении.

Методики оценки уровня устойчивого развития включают в себя не только возможность оценки эффекта декаплинга, но и другие способы количественного выражения всех компонентов.

Агрегирование показателей, исчисляемых в разных единицах измерения и зависимых от совокупности внешних факторов, представляют собой серьезный барьер для стоимостного выражения экологического компонента и условий для достижения эффекта декаплинга. На текущий момент не существует универсальной методики оценки уровня устойчивого развития, но многими отечественными и зарубежными учеными предложены авторские интерпретации количественного выражения направлений устойчивого развития. Достаточно высокой частотой применения характеризуется модель нечеткой логики для оценки устойчивого развития [15].

В классической интерпретации оценка устойчивого развития проводится по трем компонентам: экологический, экономический, социальный [16–18]. Ряд авторов модернизирует классический подход и предлагает внедрить новые компонен-

Рис. 1. Структура экологического направления устойчивого развития

Fig. 1. The structure of the ecological direction of sustainable development

Источник: составлено автором

ты: внешняя устойчивость [19], показатель здоровьесберегающей среды [20].

Масштабное исследование подходов к построению системы индикаторов устойчивого развития, акцентирующих внимание в том числе и на интерпретации экологического направления, представлено в табл. 2. Анализ, проведенный в табл. 2, позволяет сделать вывод о том, что авторами предпринята попытка агрегировать разные по природе показатели посредством вне-

дрения в формулы расчета коэффициентов. Количественное выражение экологического компонента позволяет не только рассчитать его уровень, но и предотвратить возможные отклонения от нормативов, а также проанализировать затраты на охрану окружающей среды в рамках инвестиций в устойчивое развитие. Акцентируя внимание на актуальные вопросы оценки уровня устойчивого развития, следует отметить, что для его показателей должны быть присущи

Подходы к оценке экологического компонента устойчивого развития
Approaches to assessing the environmental component of sustainable development

№	Автор	Подход к расчету экологического компонента
1	К. А. Денисов [21]	Устойчивость развития экологической сферы предприятия: $УР_{экол} = ТР Р / (ТР Пнег \cdot ТР ЭЕ)$, где ТР Р — темп роста результативности деятельности предприятия (прибыли, рентабельности и др.); ТР Пнег — темп роста платы за негативное воздействие на окружающую среду (плата за выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, сбросы загрязняющих веществ в водные объекты, размещение отходов и др.); ТР ЭЕ — темп роста энергоемкости производства
2	Ю. В. Карпович [20]	Интегральный показатель экологического развития: $K_{ЭКР} = \sqrt[3]{K_{ПМ} \cdot K_B \cdot K_{РТ}}$, $K_{ПМ}$ — коэффициент роста затрат на природоохранные мероприятия; K_B — доля продукции, которая по окончании срока службы может быть восстановлена или повторно использована; $K_{РТ}$ — коэффициент ресурсосберегающих технологий
3	С. В. Кузнецов [17]	Экологическая составляющая: $У_{экол} = \sum_{j=1}^z \beta_i \cdot F_{jэкол}$, где β_i — удельный вес экологического $F_{jэкол}$ показателя; z — количество показателей экологической составляющей; $F_{1экол}$ — концентрация приоритетных загрязняющих веществ; $F_{2экол}$ — индекс эмиссии CO_2 ; $F_{3экол}$ — степень очистки воды; $F_{4экол}$ — утилизация ТБО; $F_{5экол}$ — индекс энергоемкости
4	Н. А. Хомяченкова [16]	Интегральный показатель экологической устойчивости $У_{эб} = \sqrt[4]{K_{РТ} \cdot K_{ОС} \cdot K_{ПМ} \cdot П_Р}$, где $K_{РТ}$ — коэффициент ресурсосберегающих технологий; $K_{ОС}$ — коэффициент загрязнения окружающей среды; $K_{ПМ}$ — коэффициент природоохранных мероприятий; $П_Р$ — коэффициент природоемкости
5	М. Шакра [22]	Индекс устойчивости экологической сферы туристского комплекса: $Y_3 = 0,592 \cdot Z_6 + 0,272 \cdot Z_7 + 0,136 \cdot Z_8$, где Z_6 — нормированное значение фактора «негативная экологичность окружающей среды»; Z_7 — нормированное значение фактора «текущие затраты на охрану окружающей среды»; Z_8 — нормированное значение фактора «инвестиционные затраты в охрану окружающей среды»
6	О. В. Шаламова [23]	Экологическая устойчивость Уровень загрязнения атмосферного воздуха, % Уровень очистки сточных вод, % Затраты на утилизацию отходов, р. Затраты, связанные с содержанием и эксплуатацией фондов природоохранительного значения, р
7	М. И. Имамвердиева [24]	Экологический компонент $У_{экол} = \frac{(K_{inv} - K_{neg}) \cdot K_{otr}}{(1 - K_{inv})(1 - K_{neg}) \cdot K_{zagr}}$, где K_{inv} — доля инвестиций, направленных на охрану окружающей среды, к объему затрат на ООС; K_{neg} — доля затрат на оплату штрафов и платежей за негативное воздействие на окружающую среду объему затрат на ООС; K_{otr} — отраслевой коэффициент, отражающий эффективность деятельности предприятия в области ООС; K_{zagr} — удельные выбросы загрязняющих веществ по видам деятельности предприятия

Источник: составлено автором на основании [16; 17; 20; 21; 22; 23; 24].

следующие черты: простота расчета, полезность для принятия решений и надежность для прогресса в достижении устойчивости [25].

Анализ, проведенный в ходе исследования, позволяет сформулировать ряд барьеров, препятствующих эффективному внедрению концепции в деятельность компаний:

- Отсутствие возможности долгосрочного инвестирования для предприятий, относящихся к среднему сегменту.
- Зависимость от узкоспециализированных технологий, особенно в сфере экологической безопасности.
- Ориентация на традиционные цели, отсутствие системы актуализации целей и условий структурно-динамической трансформации экономики.
- Отсутствие системы мотивации и популяризации ESG-подхода в компании и, как следствие, невозможность интеграции интеллектуального и трудового потенциала сотрудников в реализацию концепции устойчивого развития.
- Необъективная оценка экологичности производства по удельным выбросам токсичных веществ. Высокая степень когерентности вида производства и негативного влияния на окружающую среду.
- Игнорирование роли персонала в достижении положительного результата определенного процесса.
- Гринвошинг.
- Отсутствие унифицированной системы мониторинга устойчивого развития, включающего методику оценки, позволяющей определить уровень реализации концепции на предприятиях по компонентам или в совокупности (интегральный показатель).

Заключение

В рамках данного исследования авторами предпринята попытка проанализировать ключе-

вые особенности, связанные с экологическим направлением, а именно, вопросы достижения эффекта декарпинга и подходы к его количественному выражению.

Теоретический обзор категории «декарпинг» позволяет сделать вывод о недостаточной популярности категории в аспекте деятельности организаций, что оказывает влияние на структуризацию экологического направления устойчивого развития.

Необходимо отметить важность оценки эффекта декарпинга, представляющую на данный момент определенный набор подходов и отсутствие данных для апробации. Но игнорирование количественного подхода приводит к невозможности анализа значений показателей, а также прогнозирование возможных отклонений и выявлений их причин.

Проведенный теоретический обзор категории, а также проанализированные подходы к оценке декарпинга позволяют выявить барьеры, препятствующие его полноценной реализации.

Актуальным направлением пролонгации исследования является возможность декомпозиции декарпинга посредством анализа воздействующих на него факторов, как в рамках конкретного предприятия, так и с позиции унификации подхода.

Создание условий для достижения эффекта декарпинга, а также для эффективной реализации иных компонентов устойчивого развития позволяет повысить уровень реализации концепции. В свою очередь, реализация концепции устойчивого развития в современных компаниях с ориентацией на их функциональные особенности и национальные приоритеты позволяет сформировать эффективную систему анализа и планирования по ключевым направлениям деятельности как в автономном порядке, так и в рамках их когерентности и взаимной реализации.

Список источников

1. Lélé S. M. Sustainable development: a critical review // *World development*. 1991. № 19 (6). P. 607–621.
2. Каплан Р. С., Нортон Д. П. Стратегические карты: трансформация нематериальных активов в материальные результаты. М. : Олимп-Бизнес, 2005. 512 с.
3. Daly H. E. *Beyond growth: the economics of sustainable development*. Beacon Press, 2014.
4. Tomislav K. The concept of sustainable development: From its beginning to the contemporary issues // *Zagreb International Review of Economics & Business*. 2018. Т. 21, № 1. P. 67–94.
5. Устойчивое развитие промышленного предприятия в условиях неоиндустриальной трансформации / под науч. ред. Я. П. Силина. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2017. 207 с.
6. Орехова С. В. Эмпирическое конструирование институциональной карты российского металлургического комплекса // *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 2017. № 4. С. 73–99.

7. Eco-innovation indicators for sustainable development: the role of the technology institutes / S. Scarpellini [et al.] // *International Journal of Innovation and Sustainable Development*. 2016. Vol. 10, iss. 1. P. 40–56.
8. Sarkodie S. A., Ozturk I. Investigating the environmental Kuznets curve hypothesis in Kenya: a multivariate analysis // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2020. Vol. 117. P. 109481.
9. Зелёная экономика и цели устойчивого развития для России: коллективная монография / под науч. ред. С. Н. Бобылёва, П. А. Кирюшина, О. В. Кудрявцевой. М. : Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019. 284 с.
10. Bringezu S. et al. Assessing global resource use: A systems approach to resource efficiency and pollution reduction. 2017.
11. Vadén T. et al. Decoupling for ecological sustainability: A categorisation and review of research literature // *Environmental science & policy*. 2020. Vol. 112. P. 236–244.
12. Parrique T. et al. Decoupling debunked // *Evidence and arguments against green growth as a sole strategy for sustainability*. A study edited by the European Environment Bureau EEB. 2019.
13. Haberl H. et al. A systematic review of the evidence on decoupling of GDP, resource use and GHG emissions, part II: synthesizing the insights // *Environmental research letters*. 2020. Vol. 15, № 6. P. 065003.
14. Ioannou I. et al. Trade-offs between Sustainable Development Goals in carbon capture and utilisation // *Energy & Environmental Science*. 2023. Vol. 16, № 1. P. 113–124.
15. Dalevska N. et al. A model for estimating social and economic indicators of sustainable development // *Entrepreneurship and sustainability issues*. 2019. Vol. 6, № 4. P. 1839.
16. Хомяченкова Н. А. Современные аспекты мониторинга устойчивого развития промышленного предприятия: методика и практика // *Экономические исследования*. 2010. № 2.
17. Кузнецова Е. Ю. и др. Оценка устойчивого развития промышленного предприятия // *Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление*. 2019. Т. 2, № 18. С. 186–209.
18. Elhuni R. M., Ahmad M. M. Key performance indicators for sustainable production evaluation in oil and gas sector // *Procedia Manufacturing*. 2017. Vol. 11. P. 718–724.
19. Ильичева А. В. Методика интегральной оценки устойчивости развития предприятий территориально-промышленного мясного комплекса (на примере Краснодарского края) // *Наука и бизнес: пути развития*. 2013. № 9. С. 112–117.
20. Карпович Ю. В. Формирование механизма устойчивого развития промышленного предприятия на основе здоровьесбережения // *Экономика и предпринимательство*. 2015. № 12-1. С. 752–754.
21. Денисов К. А. Стратегия устойчивого развития промышленных предприятий на инновационной основе как фактор обеспечения экологической безопасности региона / К. А. Денисов, С. В. Прокопенков, О. С. Чечина ; под ред. д-ра экон. наук, проф. А. Г. Бездудной. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019. 104 с.
22. Шакра М. Разработка экономико-математического инструментария анализа и оценки устойчивого развития регионального туристского комплекса : автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.13. Владивосток, 2021. 22 с.
23. Шаламова О. В. Формирование системы управления устойчивым развитием промышленных предприятий // *УЭКС*. 2013. № 4 (52).
24. Имамвердиева М. И. Формирование устойчивого развития промышленных предприятий в условиях структурно-динамической трансформации : автореф. дис. ... кандидат экон. наук: 5.2.3. Казань, 2022. 26 с.
25. Koltun P. Materials and sustainable development // *Progress in Natural science: materials international*. 2010. Vol. 20. P. 16–29.

References

1. Lélé SM. Sustainable development: a critical review. *World development*, 1991. Pp. 607–621.
2. Kaplan RS, Norton DP. Strategic maps: transformation of intangible assets into tangible results. Moscow; 2005. 512 p. (In Russ.).
3. Daly HE. *Beyond growth: the economics of sustainable development*. Beacon Press, 2014.
4. Tomislav K. The concept of sustainable development: From its beginning to the contemporary issues. *Zagreb International Review of Economics & Business*, 2018. Pp. 67–94.
5. Silin YaP. Sustainable development of an industrial enterprise in the conditions of neo-industrial transformation. Yekaterinburg; 2017. 207 p. (In Russ.).

6. Orekhova SV. Empirical construction of the institutional map of the Russian metallurgical complex. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika = Bulletin of the Moscow University. Series 6. Economics*. 2017;(4):73-99. (In Russ.).
7. Scarpellini S. et al. Eco-innovation indicators for sustainable development: the role of the technology institutes. *International Journal of Innovation and Sustainable Development*. 2016;10(1):40-56.
8. Sarkodie SA, Ozturk I. Investigating the environmental Kuznets curve hypothesis in Kenya: a multivariate analysis. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2020;117:109481.
9. Bobylev SN, Kiryushin PA, Kudryavtseva OV. Green Economy and Sustainable Development Goals for Russia: a collective monograph. Moscow; 2019. 284 p. (In Russ.).
10. Bringezu S et al. Assessing global resource use: A systems approach to resource efficiency and pollution reduction, 2017.
11. Vadén T et al. Decoupling for ecological sustainability: A categorisation and review of research literature. *Environmental science & policy*. 2020;112:236-244.
12. Parrique T et al. Decoupling debunked. In: Evidence and arguments against green growth as a sole strategy for sustainability. A study edited by the European Environment Bureau EEB, 2019.
13. Haberl H et al. A systematic review of the evidence on decoupling of GDP, resource use and GHG emissions, part II: synthesizing the insights. *Environmental research letters*. 2020;15(6):065003.
14. Ioannou I. et al. Trade-offs between Sustainable Development Goals in carbon capture and utilization. *Energy & Environmental Science*. 2023;16(1):113-124.
15. Dalevska N et al. A model for estimating social and economic indicators of sustainable development. *Entrepreneurship and sustainability issues*. 2019;6(4):1839.
16. Khomyachenkova NA. Modern aspects of monitoring the sustainable development of an industrial enterprise: methodology and practice. *Ekonomicheskie issledovaniya = Economic research*. 2010;(2). (In Russ.).
17. Kuznetsova EY et al. Assessment of the sustainable development of an industrial enterprise. *Vestnik UrFU. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Bulletin of UrFU. Syria: Economics and Management*. 2019;2(18):186-209. (In Russ.).
18. Elhuni RM., Ahmad MM. Key performance indicators for sustainable production evaluation in oil and gas sector. *Procedia Manufacturing*. 2017;11:718-724.
19. Ilyicheva AV. Methodology of integral assessment of the sustainability of the development of enterprises of the territorial-industrial meat complex (on the example of the Krasnodar Territory). *Nauka i biznes: puti razvitiya = Science and business: ways of development*. 2013;(9):112-117. (In Russ.).
20. Karpovich YV. Formation of a mechanism for sustainable development of an industrial enterprise based on health saving. *Ekonomika i predprinimatelstvo = Economics and entrepreneurship*. 2015;(12-1):752-754. (In Russ.).
21. Denisov KA et al. Strategy of sustainable development of industrial enterprises on an innovative basis as a factor of ensuring environmental safety of the region. St. Petersburg; 2019. 104 p. (In Russ.).
22. Shakra M. Development of economic and mathematical tools for analysis and assessment of sustainable development of the regional tourist complex. Thesis abstract. 2021. 22 p. (In Russ.).
23. Shalamova OV. Formation of a management system for the sustainable development of industrial enterprises. *UEkS = UEkS*. 2013;4(52). (In Russ.).
24. Imamverdieva MI. Formation of sustainable development of industrial enterprises in the conditions of structural and dynamic transformation. Thesis Abstract. 2022. 26 p. (In Russ.).
25. Koltun P. Materials and sustainable development. *Progress in Natural science: materials international*. 2010;20:16-29.

Информация об авторах

М. И. Имамвердиева — кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления и управления персоналом.

Н. Р. Хадасевич — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления и управления персоналом.

Н. Ю. Кауфман — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципально-го управления и управления персоналом.

Information about the authors

M. I. Imamverdieva — Candidate of Economic Sciences, Senior Lecturer of the Department of State and Municipal Management and Personnel Management.

N. R. Khadasevich — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and Municipal Management and Personnel Management.

N. Y. Kaufman — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management and Personnel Management.

Статья поступила в редакцию 21.08.2023; одобрена после рецензирования 19.10.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 21.08.2023; approved after reviewing 19.10.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 330.15

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-21-29

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОПТИМАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СРЕДЫ КАК КОЭВОЛЮЦИИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ И ПРИРОДНОЙ СФЕР

Дарья Сергеевна Гордеева¹, Александра Анатольевна Егорова²

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, gordeeva.darya@mail.ru, ORCID 0000-0003-1795-9990

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, aleksandra_csu@mail.ru, ORCID 0000-0002-6291-9878

Аннотация. В последнее время в обществе всё чаще и острее встают вопросы устойчивого развития общества и обеспечения его эколого-экономической безопасности, суть которой заключается в развитии эколого-экономических отношений в благоприятных для природы и общества направлениях, обеспечивающих экономическое благополучие, качественные условия жизнедеятельности и состояние здоровья человека. При исследовании конкурентной организационной среды и процессов, связанных с возникновением и «смертью» предприятий, а также с «естественным отбором» на уровне организаций, будут проведены аналогии с процессами, происходящими в природе. При этом особый акцент будет сделан на том, что существование многообразных организационных форм (как и в природе) является результатом «естественного отбора» в ходе рыночной конкуренции и одной оптимальной организационной формы нет и быть не может — в разных условиях оптимальными будут разные формы. Оптимизирующей силой выступает окружающая среда. Необходимо развивать отношения организаций (человеческий потенциал) и окружающей среды (ресурсный потенциал) с учетом опыта исторически сложившихся управленческих концепций, воспринимая трудности и ошибки как некий релятивизм, без которого невозможно достижение абсолютного успеха. Представленная статья направлена на осмысление противоречивых отношений современных организаций с окружающей средой в условиях либеральной экономики посредством многоаспектного анализа правовых, финансово-экономических и высокотехнологических форм управленческой деятельности. Каждая стадия развития организации должна быть экологически и экономически обоснована: изучение технического устройства, технологического решения и внедрения инновационного продукта должно включать их эколого-экономический анализ и эколого-экономическое обоснование.

Ключевые слова: экология организации, экологические механизмы функционирования организационных сетей, эколого-экономические индикаторы устойчивого организационного развития

Для цитирования: Гордеева Д. С., Егорова А. А. Концептуализация оптимального развития организационной среды как коэволюции производственной и природной сфер // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 21–29. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-21-29.

Original article

CONCEPTUALIZATION OF OPTIMAL DEVELOPMENT OF ORGANIZATIONAL ENVIRONMENT AS A CO-EVOLUTION OF PRODUCTION AND NATURAL SPHERES

Darya S. Gordeeva¹, Alexandra A. Egorova²

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, gordeeva.darya@mail.ru, ORCID 0000-0003-1795-9990

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, aleksandra_csu@mail.ru, ORCID 0000-0002-6291-9878

Abstract. Recently, issues of sustainable development of society and ensuring its environmental and economic security have arisen more and more often in society, the essence of which is the development of environmental and economic relations in directions favorable to nature and society, ensuring economic well-being, quality living

conditions and human health. When studying the competitive organizational environment and processes associated with the emergence and “death” of enterprises, as well as with “natural selection” at the organizational level, analogies will be drawn with processes occurring in nature. In this case, special emphasis will be placed on the fact that the existence of diverse organizational forms (as in nature) is the result of “natural selection” in the course of market competition, and there is not and cannot be one optimal organizational form — different forms will be optimal in different conditions. The environment acts as an optimizing force. It is necessary to develop the relationship between organizations (human potential) and the environment (resource potential), taking into account the experience of historically established management concepts, perceiving difficulties and mistakes as a kind of relativism, without which it is impossible to achieve absolute success. The presented article is aimed at understanding the contradictory relationships of modern organizations with the environment in a liberal economy, through a multidimensional analysis of legal, financial, economic and high-tech forms of management activity. Each stage of an organization’s development must be environmentally and economically justified: the study of a technical device, technological solution and implementation of an innovative product must include their environmental and economic analysis and environmental and economic justification.

Keywords: ecology of the organization, environmental mechanisms of the functioning of organizational networks, environmental and economic indicators of sustainable organizational development

For citation: Gordeeva DS, Egorova AA. Conceptualization of Optimal Development of Organizational Environment as a Co-evolution of Production and Natural Spheres. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):21-29. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-21-29.

Введение

Действия, которые представляются оптимальными отдельному участнику рынка, могут быть совсем не оптимальными с точки зрения, например, отрасли в целом. То есть принцип «коллективной рациональности» в рамках экологического подхода признается господствующим над «индивидуальной рациональностью» отдельной организации, менеджмент которой принимает решение следовать той или иной стратегии. Будет ли избранная стратегия пригодна — вопрос, ответ на который зависит от множества внешних сил, скорости и характера изменений, происходящих на рынке, а не только (и не столько) от менеджмента отдельной организации. Научная значимость определения стратегических направлений устойчивого регионального развития обуславливается комплексным изучением внешних явлений и закономерностей, бифуркационных моментов, а также скорости и нелинейности происходящих изменений организационного развития на стыке коэволюционирующих антагонистических систем производственной и природной сфер [2–5; 10].

Актуальность концептуализации оптимального развития организационной среды как коэволюции производственной и природной сфер определяется тем, что исследование экологии организационных отношений, использование интегрированных эколого-экономических подходов к построению управленческой стратегии, разработка системы показателей, регламентирующих величину внешних нагрузок (угроз) по условиям толерантности эколого-экономических си-

стем, построение адекватной экономико-математической модели стратегического реагирования организации на эколого-экономические угрозы безопасного функционирования позволят приблизиться к согласованному резонансному воздействию на процесс глобального менеджмента посредством эколого-экономической его ориентации, что является приемлемым выходом из общемирового эколого-экономического кризиса.

Из всего многообразия задач, связанных с решением обозначенной выше фундаментальной проблемы, выделяется важный аспект: в новых объективных условиях эколого-экономического кризиса требуется разработка концепции развития организационной среды как коэволюции производственной и природной сфер с преодолением фрагментарности отдельных подходов к проблемам стратегического внутрифирменного управления.

В качестве объекта исследования определена экология менеджмента — инновационное научно-исследовательское направление, включающее сложную систему правовых, естественно-научных, финансово-экономических и высокотехнологических форм управленческой деятельности в условиях либеральной экономики, которая реализует функции организации, контроллинга, мотивации и координации производственной деятельности, ориентируясь на динамику показателей состояния окружающей среды [1]. Выделение данной проблематики обусловлено следующими обстоятельствами:

1. Развитие организации, построенное на принципах технократизации и неэквивалентности со-

циоприродного обмена, приведет к экономической неустойчивости и дисбалансу природных процессов.

2. Углубленное познание законов и закономерностей развития подсистемы экономических отношений с учетом объективных законов эволюции целостной социоприродной системы будет способствовать коэволюции производственной и природных сфер.

3. Конструктивный синтез концептуально-теоретических подходов к проблеме обеспечения оптимального развития организационной среды как коэволюции производственной и природной сфер, объединяющий современные достижения различных наук о природе и обществе, даст возможность расширения горизонта и глубины исследовательских инструментов менеджмента предприятий.

4. Использование положений естественно-организмического и отчасти рационального подходов к вопросу развития организации даст возможность расширенного анализа экономических процессов во взаимосвязи с социоприродными и тем самым обеспечит предотвращение кризисных явлений как организационной среды, так и окружающей природной среды [9; 22].

Если обратиться к анализу монографической и периодической литературы по проблематике проекта, можно прийти к выводу, что в целом научные публикации по вопросам эколого-экономического управления весьма разнообразны по подходам и тематике и охватывают широкий круг проблем.

Их можно сгруппировать по тематической направленности следующим образом:

– познавательные корни проблемы экологического взаимодействия и гармоничного единства общества и среды его обитания исследованы в трудах В. Вернадского [6], А. Гумбольта [7], Е. Когай [8] и др.;

– научному обоснованию концепции эколого-экономического развития Российской Федерации и ее субъектов посвящены фундаментальные научные работы Н. Е. Булетова [12], О. В. Бружукова [13], М. Д. Аринцева [17] и др.;

– проблемы формирования эффективной региональной системы регулирования качества окружающей среды в рыночных условиях отражены в трудах Б. А. Иткина [18] и др.

Успешное разрешение современной эколого-экономической проблематики и поиск путей выхода из экстремального природохозяйственного кризиса во многом обусловлены степенью разра-

ботанности самого широкого спектра эколого-экономических проблем, анализу и решению которых посвящены труды зарубежных ученых, например, D. R. Shonnard, G. Speth и др. [19; 20].

Традиционно эколого-экономическое управление рассматривается как подсистема системы управления предприятием. В то же время в предпринимательской практике недостаточно внимания уделяется экологической стратегии, а также роли системы управления в формировании и реализации экологической стратегии. В начальной стадии в отечественной науке находятся исследования таких инструментов эффективного эколого-экономического управления, как экологический маркетинг, учет и аудит, экология менеджмента.

Концепция коэволюции производственной и природной сфер помогает избежать двух крайностей: стремления к абсолютному господству человека над природой и полного смирения перед ней. Согласно принципу коэволюции, человечество, чтобы обеспечить свое будущее, должно не только изменять природу, приспособлявая ее к своим потребностям, но и изменяться само, приспособляваясь к объективным требованиям природы [11; 20].

При помощи принципов и методов теории самоорганизации актуально создание моделей с нелинейной динамикой и хорошо определенными параметрами, призванных помочь в решении сложных проблем прогнозирования и принятия решений. Значимыми исследованиями в области синергетики применительно к социальным системам являются работы А. Д. Мурзина, А. Ж. Якушева, А. В. Половяна и др. [15; 21; 22].

Важность проблемы синтеза организационного развития с принципами экологической безопасности отмечена в концепции эколого-экономической сбалансированности регионального развития, основные положения которой изложены в работах Института проблем региональной экономики РАН.

Целью представленного исследования является теоретическое обоснование процессов формирования и функционирования пограничных зон на стыке коэволюционирующих антагонистических систем производственных и природной сфер (в основе лежит принцип создания равных возможностей для развития организационной и природной среды). В соответствии с целью исследовательской работы логичным актом представляется описание задач и логики научной статьи.

Задачи исследования:

1. Проанализировать научные труды российских и зарубежных ученых, касающиеся методологии построения концепции оптимального развития организационной среды на стыке коэволюции природной и производственной сфер.

2. Представить категориально-понятийный аппарат научного исследования.

3. Рассмотреть систему показателей оптимального развития организационной среды как коэволюции производственной и природной сфер.

4. Представить перечень решений выдвинутых противоречий на стыке коэволюции природной и производственной сфер.

Поставленная в проекте задача и комплекс связанных с ней исследований имеют, безусловно, аналоги в мировой практике, однако в настоящее время не найдено принципиального решения глобального эколого-экономического кризиса, доминирующие управленческие теории направлены на оптимизацию экономического устройства, рассматривая экологические аспекты управления как необходимые, но неудобные издержки. Несмотря на масштабы и разносторонность исследований в этой области, практически все известные в настоящее время подходы к решению проблемы социо-экономико-природной неустойчивости имеют существенные недостатки, не позволяющие найти способы ее кардинального решения.

Методология исследования

Методологические основания являются важнейшим атрибутом экологии менеджмента как концепции оптимального развития организационной среды и определяют решение ряда ключевых противоречий: между усиливающимися процессами коэволюции производственной и природной сфер и недостаточной теоретико-методической разработанностью эпистемологии данного синтеза, между необходимостью проведения экспертизы современных управленческих проектов с позиции междисциплинарного, трансдисциплинарного и полидисциплинарного подходов и в то же время сохранением специфики исследования социальной реальности каждой из областей интегрированного знания.

Определен философский уровень исследования выделенной проблемы, фундаментальной основой которого являются диалектический подход и конструктивизм, общенаучная основа исследования, ориентированная на реализацию принципов холистического и синергетического подходов, его теоретико-методологическая стратегия,

основанная на принципах проектно-планового, процессного и естественно-организмического подходов и практико-ориентированную тактику эконометрического подхода.

Диалектический подход исходит из представлений о таком основании, которое обуславливает субстанциональный характер развития (саморазвития) социально-экономической и природной систем, но не сводится к собственным закономерностям развития каждой из них в отдельности.

Через всеобщий принцип противоречия диалектики осуществляется переход от исходных теоретических абстракций экологических и экономических вариантов развития к единой коэволюционирующей траектории, определяющей управленческую стратегию эколого-экономической сбалансированности.

Конструктивизм выступит основанием для построения и обоснования концепции экологии менеджмента — жизнеспособной в измененной среде коэволюционирующих производственной и природной сфер.

Холистический подход описывает процессы совместного развития экономических и экологических систем с помощью механизмов коэволюции — совместного развития двух и более систем, обусловленного взаимным влиянием и связями между этими подсистемами.

Синергетический подход позволит выявить единые механизмы развития систем различной природы с помощью общих инвариантных законов применительно к эколого-экономической проблематике.

Принцип экосинергизма предполагает выявление точек бифуркации — переломных моментов при выборе между сохранением существующего положения дел и качественным переходом на новый уровень осмысления организационного развития.

Проектно-плановый подход позволяет реализовывать стратегические цели посредством достижения установленных эколого-экономических индикаторов организационного развития.

Процессный подход позволяет применять более точные методы координации, создать эффективную систему контроля и прогнозирования состояния организационного развития.

С позиции естественно-организмического подхода субъект саморазвития расположен в межграничном пространстве — от реального, часто неоптимального до идеального способа самоорганизации. Субъект саморазвития, балансируя между реалиями и идеалом, вырабатывает опре-

деленный способ организации своей профессиональной траектории, зависящий не только от его природных особенностей, но и в значительной степени от его ценностных ориентаций, установок, жизненных целей.

Эконометрический подход позволит построить адекватную и качественную экономико-математическую модель оптимального развития организации как коэволюции производственной и природной сфер.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ научных трудов [1; 2; 12–15] указал на то, что многие проблемы экологической, экономической и социальной несбалансированности, приводящие к глобальным угрозам общественного развития, в первую очередь зарождались на местном и региональном уровне на основании разрозненности интересов и ряда системных противоречий.

Рассмотрим систему показателей оптимального развития организационной среды как коэво-

люции производственной и природной сфер. Для этого необходимо определять меру предпочтения потребителя.

Из табл. 1 следует, что экологические, экономические и социальные показатели оптимального развития организационной среды как коэволюции производственной и природной сфер тесно взаимосвязаны, взаимозависимы и противоречивы.

Поиск вариантов решения противоречий (согласование взаимоисключающих критериев) поможет избежать появления дисбалансов. Эффективность формирования подходов к управлению оптимальным развитием организационной среды как коэволюции производственной и природной сфер реализуется за счет подбора условий хозяйственной деятельности и потребительского поведения в рамках эколого-экономического баланса развития организационной системы.

Выявленный спектр социо-эколого-экономических условий обуславливает наличие системных противоречий, образующихся:

Таблица 1
Table 1

Экологические, экономические, социальные показатели развития организационной среды Environmental, economic, social indicators of the development of the organizational environment

Ресурсы потребителя	Природная сфера	Производственная сфера	Социальные эффекты
Финансовый потенциал	<p>Финансовые расходы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Ухудшение доступности или качества рекреационных услуг. 2. Потребление товаров с экологичными свойствами. 3. Падение уровня рентабельности собственного капитала из-за инвестиций в экологические программы. 4. Издержки на переселение из-за загрязнения окружающей среды. 5. Экологические интересы вторичны 	<p>Финансовые расходы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. На содержание, замещение или ремонт имущества. 2. Увеличение цены товаров, производимых в условиях повышенного загрязнения среды. 3. Использование природных ресурсов для производства общественных благ. 4. Максимизация рентабельности собственного капитала. 5. Минимизация текущих расходов и потребления товаров длительного распада. 6. Экономические интересы первичны 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Дополнительные затраты на уход за здоровьем. 2. Затраты на образование — занять определенное положение в обществе. 3. Сдерживание опасных факторов окружающей среды и неблагоприятных климатических условий. 4. Затраты на поддержание физического развития, правильного питания, на фильтры для очистки воды, предназначенной для питья. 5. Социальные интересы первичны
	<p>Финансовые потенции:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Максимизация эколого ориентированных инвестиций. 2. Минимизация потребления товаров длительного распада. 3. Минимизация налоговой нагрузки на «чистые» производства 	<p>Финансовые потенции:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Минимизация потребления товаров длительного распада. 2. Привлечение льготированных ресурсов, направленных на рост эколого ориентированных инвестиций и повышенное налогообложение вредных для окружающей среды производств. 3. Формирование личности «эффективного собственника» 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Социальное самочувствие улучшается на основе индивидуального успеха. 2. Свобода действий и морального выбора. 3. Коллективные решения через компромисс. 4. Оптимизация условий труда и отдыха

Ресурсы потребителя	Природная сфера	Производственная сфера	Социальные эффекты
Удовлетворение потребности как основное содержание интереса/условия	<p>Потребности и блага окружающей среды:</p> <p>а) качество атмосферного воздуха:</p> <ul style="list-style-type: none"> – объем выбросов автотранспорта и промышленных предприятий; – объем нагрузки атмосферного воздуха вредными химическими веществами; – показатель общего загрязнения воздуха; – превышение допустимых концентраций загрязняющих веществ; <p>б) качество водных объектов:</p> <ul style="list-style-type: none"> – уровень загрязнения химическими веществами водной среды; – превышение допустимых концентраций вредных и загрязняющих веществ в водоемах региона; – значения индикаторов санитарного режима водоемов; <p>в) качество почв:</p> <ul style="list-style-type: none"> – уровень загрязнения почв химическими веществами; – превышение допустимых концентраций вредных и загрязняющих веществ в почвах региона [16]. 	<p>Потребности в экономических благах:</p> <ul style="list-style-type: none"> – объем валового регионального продукта; – объем промышленного производства; – степень износа основных производственных фондов организаций; – объем прямых инвестиций; – доля «грязных» производств в структуре совокупного промышленного производства 	<p>Потребности в социальных благах:</p> <ul style="list-style-type: none"> – численность населения региона (территории); – уровень смертности; – уровень заболеваемости населения; – показатели опасных факторов окружающей среды и неблагоприятных климатических условий; – средняя ожидаемая продолжительность жизни

Источник: [1; 2; 12–15].

1) на уровне региональных властей между максимизацией налоговых поступлений от промышленного сектора и минимизацией налоговой нагрузки на «чистые» производства;

2) на уровне хозяйствующего субъекта между максимизацией рентабельности собственного капитала и максимизацией эколого ориентированных инвестиций;

3) на уровне домашних хозяйств между минимизацией текущих расходов и минимизацией потребления товаров длительного распада.

В силу многогранности предмета настоящего исследования достижение одних тактических целей может привести к снижению других ключевых показателей устойчивого развития общества. Каждое из указанных выше противоречий состоит из взаимоисключающих показателей, выступающих при различных стратегиях управления в качестве критериев оценки влияния социо-эко-

лого-экономических условий на формирование направленности личности через ее потребности и интересы.

Заключение

В процессе развития общества при стремлении к достижению поставленных целей различными его субъектами возникают одновременно протекающие социально-эколого-экономические противоречия, оказывающие влияние на динамику качества определенных характеристик. Последствия данных противоречий объясняются удовлетворением экономических и социальных интересов за счет экологических. Необходимо построить эконометрическую модель согласования экологических, экономических и социальных интересов организационных систем. В новых объективных условиях требуется пересмотр организационных, экономических, естественнонаучных

основ оптимального развития организационной среды как коэволюции производственной и природной сфер. Необходимо развивать отношения организаций (человеческий потенциал) и окружающей среды (ресурсный потенциал) с учетом опыта исторически сложившихся управленческих концепций [18]. Экология менеджмента — качественно новый, но закономерный этап в развитии управленческой мысли, ориентированный на принцип создания равных возможностей для развития социально-экономической (организация) и природной систем. Исследование пове-

дения организаций с учетом интегрированных эколого-экономических подходов, разработка системы показателей, регламентирующих величину внешних нагрузок (угроз) по условиям толерантности эколого-экономических систем, построение адекватной экономико-математической модели стратегического реагирования организации на эколого-экономические угрозы безопасного функционирования, безусловно, придадут целенаправленность и конкретность изысканиям в обозначенной проблемной области.

Список источников

1. Социо-эколого-экономические факторы качества жизни населения региона : коллективная монография / под общ. ред. В. Н. Белкина, Г. Н. Пряхина. Челябинск : Энциклопедия, 2019. 344 с.
2. Татаркин А. И., Гершанок А. Г. Методология оценки устойчивого развития локальных территорий на основе измерения их социально-экономической и экологической емкости // Вестник НГУ: серия социально-экономические науки. 2006. Т. 6, вып. 1. С. 40–48.
3. Rączka J. Cost-efficiency analysis based on dynamic rate of unit cost // Training materials developed under the Transform Advice Programme — Investment in Environmental Infrastructure in Poland. 2002. 255 p.
4. Czaplicka-Kolarz K., Burchart-Korol D., Krawczyk P. Eco-efficiency analysis methodology on the example of the chosen polyolefins production // Journal of Achievements in Materials and Manufacturing Engineering. 2010. № 43/1. P. 469–475.
5. Baitz M., Albrecht S., Deimling S., Goymann M. Environmental and economic analysis of different synthesis routes for ethylene. Germany : GmbH. Leinfelden–Echterdingen, 2007.
6. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М. : Наука, 1989. 262 с.
7. Гумбольдт А. Картины природы. М. : Географгиз, 1959. 269 с.
8. Когай Е. А. Экологическая парадигма культуры и образования // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 4. С. 114–129.
9. Thant M. M., Charmondusit K. Eco-efficiency assessment of pulp and paper industry in Myanmar // Clean Technologies and Environmental Policy. 2010. № 12. P. 427–439.
10. Michelsen O., Fet A. M., Dahlsrud A. Eco-efficiency in extended supply chains: A case study of furniture production // Journal of Environmental Management. 2006. № 79. P. 290–297.
11. Shonnard D. R., Kicherer A., Saling Pr. Industrial application using BASF eco-efficiency analysis: perspectives on green engineering principles // Environmental science and technology journal. 2003. Vol. 37, № 23.
12. Булетова Н. Е. Эколого-экономическая безопасность: природа, содержание и проблемы диагностики в регионах России : монография. Волгоград : Волгоградский филиал РГТЭУ, 2013. 220 с.
13. Бружукова О. В. Совершенствование управления социо-эколого-экономическими системами в регионе // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6.
14. Гофман К. Г. Экономическая оценка природных ресурсов и издержек загрязнения окружающей среды (вопросы теории и методологии). М. : ВИНТИ, 1975. 765 с.
15. Даванков А. Ю., Двинин Д. Ю., Постников Е. А. Методический инструментарий оценки социо-эколого-экономической среды региона в границах устойчивости биосферы // Экономика региона. 2016. Т. 12, № 4. С. 1029–1039.
16. Мурзин А. Д. Комплексная оценка социо-эколого-экономических факторов состояния урбанизированности территорий // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 8. С. 44–50.
17. Аринцев М. Д., Аринцева И. К. Экология-кадры-менеджмент: системный анализ // Актуальные вопросы правового обеспечения охраны окружающей среды и экологической безопасности в современных условиях : сборник научных статей, посвященный Году Экологии в России. М., 2017. С. 5–11.
18. Иткин Б. А. Сколько «экологии» в системе экологического менеджмента? // Методы менеджмента качества. 2019. № 6. С. 10–14.

19. Shonnard D. R., Kicherer A., Saling Pr. Industrial application using BASF eco-efficiency analysis: perspectives on green engineering principles // *Environmental science and technology journal*. 2003. Vol. 37, № 23.
20. Speth G. *The bridge at the edge of the world — capitalism, the environment, and the crossing from crisis to sustainability*. Yale University Press, New Haven/London, 2008. 456 p.
21. Половян А. В., Сеницына К. И. Коэволюционный подход к сбалансированному развитию экономических и экологических систем // *Коэволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи : сборник докладов, Москва, 17–18 декабря 2020 г. / под общ. ред. А. Л. Андреева, З. К. Селивановой, В. И. Герасимова. М. : Издательский дом МЭИ, 2020. С. 156–160.*
22. Якушев А. Ж. Моделирование системных противоречий развития инновационного и постиндустриального секторов экономики // *Модернизация национальной экономики: проблемы и решения / под ред. Н. А. Адамова. М., 2014. С. 27–64.*

References

1. Belkin GN. Pryakhin Socio-ecological and economic factors of the quality of life of the population of the region: a collective monograph. Chelyabinsk, Encyclopedia Publ.; 2019. 344 p. (In Russ.).
2. Tatarkin AI, Gershanok AG. Methodology for assessing the sustainable development of local territories based on measuring their socio-economic and ecological capacity. *Vestnik NGU: seriya socialno-ekonomicheskie nauki = Bulletin of the National University: a series of socio-economic sciences*. 2006;6(1):40-48. (In Russ.).
3. Rączka J. Cost-efficiency analysis based on dynamic rate of unit cost. In: *Training materials developed under the Transform Advice Programme — Investment in Environmental Infrastructure in Poland, 2002*. 255 p.
4. Czaplicka-Kolarz K, Burchart-Korol D, Krawczyk P. Eco-efficiency analysis methodology on the example of the chosen polyolefins production. *Zhurnal dostizhenij v oblasti materialovedeniya i tekhnologii proizvodstva = Journal of Achievements in Materials and Manufacturing Engineering*. 2010;(43(1):469-475.
5. Baitz M, Albrecht S, Deimling S, Goymann M. Environmental and economic analysis of different synthesis routes for ethylene. GmbH. Leinfelden–Echterdingen, Germany; 2007.
6. Vernadsky VI. Biosphere and noosphere. Moscow, Nauka Publ.; 1989. 262 p. (In Russ.).
7. Humboldt A. Pictures of nature. Moscow, Geografiz Publ.; 1959. 269 p. (In Russ.).
8. Kogai E. A. Ecological paradigm of culture and education. *Socialno-gumanitarnye znaniya = Socio-humanitarian knowledge*. 1999;(4):114-129. (In Russ.).
9. Thant MM, Charmondusit K. Eco-efficiency assessment of pulp and paper industry in Myanmar. *Clean Technologies and Environmental Policy*. 2010;(12):427-439.
10. Michelsen O, Fet AM, Dahlsrud A. Eco-efficiency in extended supply chains: A case study of furniture production. *Zhurnal ekologicheskogo menedzhmenta = Journal of Environmental Management*. 2006;(79):290-297.
11. Shonnard DR, Kicherer A, Saling Pr. Industrial application using BASF eco-efficiency analysis: perspectives on green engineering principles. *Zhurnal nauki i tekhniki ob okruzhayushchej srede = Environmental science and technology journal*. 2003;37(23).
12. Buletova NE. Ecological and economic security: nature, content and problems of diagnostics in the regions of Russia : monograph. Volgograd; 2013. 220 p. (In Russ.).
13. Bruzhukova OV. Improving the management of socio-ecological and economic systems in the region. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2013;(6). (In Russ.).
14. Hoffman KG. Economic assessment of natural resources and environmental pollution costs (questions of theory and methodology). Moscow; 1975. 765 p. (In Russ.).
15. Davankov AYu, Dvinin DYu, Postnikov EA. Methodological tools for assessing the socio-ecological and economic environment of the region within the boundaries of the stability of the biosphere. *Ekonomika regiona = The economy of the region*. 2016;12(4):1029-1039. (In Russ.).
16. Murzin AD. Comprehensive assessment of socio-ecological and economic factors of the state of urbanization of territories. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika = Regional economy: theory and practice*. 2012;(8):44-50. (In Russ.).
17. Arintsev MD, Arintseva IK. Ecology-personnel-management: system analysis. In: *Aktualnye voprosy pravovogo obespecheniya ohrany okruzhayushchej sredy i ekologicheskoy bezopasnosti v sovremennykh usloviyah: sbornik nauchnykh statej, posvyashchyonnyj Godu Ekologii v Rossii = Topical issues of legal support of*

environmental protection and environmental safety in modern conditions: collection of scientific articles dedicated to the Year of Ecology in Russia. Moscow; 2017. Pp. 5–11. (In Russ.).

18. Itkin BA. How much “ecology” in the environmental management system? *Metody menedzhmenta kachestva = Methods of quality management*. 2019;(6):10-14. (In Russ.).

19. Shonnard DR, Kicherer A, Saling Pr. Industrial application using BASF eco-efficiency analysis: perspectives on green engineering principles. *Zhurnal nauki i tekhniki ob okruzhayushchej srede = Environmental science and technology journal*. 2003;37(23).

20. Speth G. The bridge at the edge of the world — capitalism, the environment, and the crossing from crisis to sustainability. Yale University Press, New Haven/London; 2008. 456 p.

21. Polovyan AV, Sinitsyna KI. Coevolutionary approach to the balanced development of economic and ecological systems. In: Co-evolution of technology and society in the context of the Digital Age: Collection of Reports, Moscow, December 17–18, 2020. Under the general editorship of AL Andreev, ZK Selivanova, VI Gerasimov. Moscow: Publishing House MPEI; 2020. 156–160 pp. (In Russ.).

22. Yakushev AZh. Modeling of systemic contradictions in the development of innovative and post-industrial sectors of the economy. In: Modernizaciya nacionalnoj ekonomiki: problemy i resheniya = In the book: Modernization of the national economy: problems and solutions. Edited by N. A. Adamov. Moscow; 2014. Pp. 27–64. (In Russ.).

Информация об авторах

Д. С. Гордеева — кандидат педагогических наук, доцент, заместитель декана по научной работе экономического факультета.

А. А. Егорова — кандидат экономических наук, доцент, декан экономического факультета.

Information about the authors

D. S. Gordeeva — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Deputy Dean for Scientific Work of the Faculty of Economics.

A. A. Egorova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Economics.

Статья поступила в редакцию 10.10.2023; одобрена после рецензирования 11.11.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 10.10.2023; approved after reviewing 11.11.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 30–43.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(11(481):30-43. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 338

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-30-43

СТРУКТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ И СДВИГИ В ЭКОНОМИКЕ СУБЪЕКТОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Ирина Анатольевна Белова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, belova@csu.ru, ORCID 0000-0001-6308-5011

Аннотация. Предложен комплексный подход к оценке структурных различий и сдвигов в экономике субъектов Уральского федерального округа. В качестве информационной базы исследования выступили данные Росстата, а именно данные о распределении среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности за 2011–2021 гг. в разрезе федеральных округов (детально по субъектам УФО) и России в целом. Подход основан на использовании индекса Рябцева, который рассчитан по показателю среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности. Установлены субъекты, имеющие наиболее близкую или схожую структуру по данному показателю к общероссийской структуре. Выявлена особенность структурных различий субъектов УФО в сравнении со структурой УФО в целом: наибольшая схожесть свойственна регионам индустриального типа (Курганская, Свердловская, Челябинская области), наименьшая — регионам сырьевой направленности (Тюменская область с автономными округами). Сделан вывод об устойчивости отраслевой структуры среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности в 2011–2021 гг. субъектов УФО вследствие несущественности структурных сдвигов. Методика оценки структурных различий, предложенная в данной работе, в дальнейших исследованиях будет применена в отношении оценки интенсивности сдвигов в направлении инвестиций в основной капитал. Настоящее исследование целесообразно продолжить, осуществив оценку структурных изменений в рамках делового цикла, а также изучить особенности структурных сдвигов в периоды кризисов и экономического роста.

Ключевые слова: структурные различия, структурные сдвиги, отраслевая структура, занятость, виды экономической деятельности, федеральный округ, субъекты, регионы, Уральский федеральный округ

Для цитирования: Белова И. А. Структурные различия и сдвиги в экономике субъектов Уральского федерального округа // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 30–43. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-30-43.

Original article

STRUCTURAL DIFFERENCES AND SHIFTS IN THE ECONOMY OF THE SUBJECTS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT

Irina A. Belova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, belova@csu.ru, ORCID 0000-0001-6308-5011

Abstract. An integrated approach to assessing structural differences and shifts in the economy of the subjects of the Urals Federal District is proposed. The approach is based on the use of the Ryabtsev index, which is calculated based on the average annual number of employees by type of economic activity. The subjects having the closest or similar structure according to this indicator to the all-Russian structure are established. A feature of the structural differences of the subjects of the Ural Federal District in comparison with the structure of the Ural Federal District as a whole was revealed: the greatest similarity is characteristic of industrial-type regions (Kurgan, Sverdlovsk,

Chelyabinsk regions), the smallest — to regions of a raw material orientation (Tyumen region with autonomous districts). The conclusion is made about the stability of the sectoral structure of the average annual number of employees by type of economic activity in 2011–2021 subjects of the Ural Federal District due to the insignificance of structural changes. Rosstat data, in particular, data on the distribution of the average annual number of employees by type of economic activity for 2011–2021, served as the information base for the study. in the context of federal districts (detailed by subjects of the Ural Federal District) and Russia as a whole. The methodology for assessing structural differences proposed in this paper will be applied in further studies in relation to assessing the intensity of shifts in the direction of investment in fixed assets. In addition, taking into account the current and earlier study of the sectoral structure of gross value added, an assessment of structural changes within the business cycle will be carried out, as well as a study of the features of structural shifts during periods of crises and economic growth.

Keywords: structural differences, structural shifts, sectoral structure, employment, types of economic activity, federal district, subjects, regions, Ural Federal District

For citation: Belova IA. Structural Differences and Shifts in the Economy of the Subjects of the Ural Federal District. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):30-43. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-30-43.

Введение

В последние годы развитие национальной экономики в целом и региональных экономик в частности происходит под влиянием (помимо ряда социально-экономических, экономико-географических и иных факторов) экономических санкций, что неизбежно сказывается на изменении отраслевой структуры. Трансформация территориально-отраслевой структуры в свою очередь существенно влияет на условия жизни населения каждого региона. Важным в этом ключе становится достижение сбалансированного регионального развития с учетом производственного и технического потенциала каждого региона, имеющих в распоряжении его территориальных ресурсов. В связи с чем одной из задач настоящего исследования выступает определение структурных сдвигов и их интенсивности, свойственных для экономики Уральского федерального округа, его субъектов, происходящих в условиях нестабильности и санкционного давления.

Изучение различных аспектов развития Уральского федерального округа в целом и его субъектов в частности находит отражение в многочисленных работах отечественных ученых, в том числе его уроженцев. В числе таковых можно выделить В. В. Акбердину, Ю. Г. Лаврикову, Я. П. Силина, Е. Г. Анимицу, Н. В. Новикову, Ю. Ш. Капкаева, В. И. Бархатова, Д. А. Плетьева, Д. С. Бенц, Е. С. Силува [1; 5–8; 11; 13; 24; 26].

Исследованию отраслевой структуры экономики субъектов РФ, национальной экономики в целом, структурных различий и сдвигов также посвящен большой пласт работ. В числе таковых можно выделить труды В. И. Бархатова [2], А. А. Башировой [9], А. В. Мошкова [15], Ю. В. Трифонова и Н. В. Веселовой [25], И. А. Елхиной [12], А. Н. Лякина [14], Г. Л. Поповой [17],

И. А. Беловой [10] и др. Авторы исследуют структурные различия и сдвиги по показателям валовой добавленной стоимости, численности занятых, инвестиций в основной капитал. Также есть работы, отражающие исследование отраслевой структуры экономики хозяйствующих субъектов в разрезе размера бизнеса, выделяя крупный, малый и средний бизнес [3; 4; 16]

Цель настоящего исследования заключается в оценке структурных различий и сдвигов в экономике субъектов Уральского федерального округа.

Материалы и методы исследования

В качестве методологической базы исследования выступили аналитические и обзорные статьи в области изучения структурных различий и сдвигов (а также их интенсивности) в экономике России и ее регионов; отраслевой структуры хозяйственных систем России и особенностей ее формирования.

В качестве информационной базы исследования выступили данные Росстата, а именно данные о распределении среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности за 2011–2021 гг. в разрезе федеральных округов (детально по субъектам УФО) и России в целом.

Методология исследования строится на применении общенаучных методов и подходов, включая сравнительный анализ, системный подход, метод аналогий, моделирования, индукции и дедукции. Оценка структурных различий и сдвигов проведена с помощью индекса Рябцева (IR):

$$I_R = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (d_i^1 - d_i^0)^2}{\sum_{i=1}^n (d_i^1 + d_i^0)^2}}, \quad (1)$$

где d_i^1, d_i^0 — удельные веса отдельных элемен-

тов (доли сравниваемых видов экономической деятельности) в субъекте УФО (d_i^1) и в целом в УФО (d_i^0);

n — число видов экономической деятельности в структуре среднегодовой численности занятых.

Данный индекс был использован не случайно. В отличие от индекса Гатева и индекса Салаи используемый в настоящем исследовании показатель имеет шкалу оценки существенности структурных различий (табл. 1), а также может быть применен на различных выборках статистических данных.

Предложен комплексный подход к оценке структурных различий среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности субъектов УФО, включающий: оценку структурных различий от общероссийской структуры, от структуры округа в целом, а также в сравнении структуры УФО с другими федеральными округами; оценку межрегиональных различий субъектов УФО в сравнении с субъектом, имеющим существенную долю в ВРП округа (таковым субъектом является Тюменская область с автономными округами: по итогам 2021 г. доля этого субъекта в ВРП округа составила 68,5 %); оценку внутренних структурных различий УФО в целом и его субъектов в динамике (в частности, за период 2011–2021 гг.).

Результаты исследования и их обсуждение

Рассмотрим распределение среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности в УФО и его субъектах в 2021 г. (табл. 2). В рассматриваемой структуре регионов УФО четко выделяются две группы субъек-

тов, отличающиеся разными типами развития их экономик. Первую группу субъектов формируют регионы, имеющие индустриальную направленность экономики: Курганская, Свердловская, Челябинская области. Если чуть детальнее углубляться в типы, выделенные Ю. Г. Лавриковой [13], то с учетом некоторых уточнений Курганская область относится к аграрно-индустриальному типу, Челябинская область — к индустриальному, Свердловская область — к индустриально-торговому. Примечательным является тот факт, что эти регионы территориально расположены в центральной и южной частях Уральского региона.

Для данной группы субъектов характерны высокие доли занятых в обрабатывающих производствах, сельском и лесном хозяйстве. Так, доля занятых в обрабатывающих производствах в анализируемой структуре Свердловской области по итогам 2021 г. составила 20,2 %, Челябинской области — 21,2 %, Курганской области — 17,7 %. Причем доля занятых в обрабатывающих производствах каждого из этих регионов выше аналогичного показателя по УФО и РФ в целом.

Вторую группу субъектов формируют регионы энерго-сырьевой направленности: Тюменская область с автономными округами (ХМАО и ЯНАО). Эти регионы территориально расположены в северной части округа. В данных регионах доминирует доля занятых в добывающей промышленности. Так, согласно данным Росстата, по итогам 2021 г. доля занятых в этой отрасли в Тюменской области с автономными округами составила 15,1 % (в ХМАО — 21,7 %, в ЯНАО — 21,8 %). Таким образом, определяющими в структуре

Таблица 1

Table 1

Шкала оценки меры существенности структурных различий по индексу Рябцева (I_R)
The scale of assessment of the measure of the materiality of structural differences according to the Ryabtsev index (I_R)

Интервал значений I_R	Характеристика меры структурных различий
0,000–0,030	Тождественность структур
0,031–0,070	Весьма низкий уровень различия структур
0,071–0,150	Низкий уровень различия структур
0,151–0,300	Существенный уровень различия структур
0,301–0,500	Значительный уровень различия структур
0,501–0,700	Весьма значительный уровень различия структур
0,701–0,900	Противоположный тип структур
0,901 и выше	Полная противоположность структур

Источник: составлено автором по данным [23].

Распределение среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности в РФ, УФО и его субъектах, 2021 г. (% от общей численности занятых)
Distribution of the average annual number of employees by type of economic activity in the Russian Federation, the Federal District and its subjects, 2021 (in % of the total number of employees)

Вид экономической деятельности	РФ	УФО	Субъекты УрФО						
			Курганская область	Свердловская область	Челябинская область	Тюменская область, в том числе	Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	Ямало-Ненецкий автономный округ	Тюменская область без автономных округов
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	6,3	3,6	9,0	2,7	5,1	2,6	1,3	1,3	5,4
Добыча полезных ископаемых	1,6	6,2	0,4	1,4	1,2	15,1	21,7	21,8	1,5
Обрабатывающие производства	14,1	15,9	17,7	20,2	21,9	7,0	5,9	2,8	11,1
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	2,2	2,6	3,3	2,4	2,0	3,3	3,4	4,7	2,2
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	1,0	0,9	0,9	1,0	1,0	0,8	0,9	0,5	0,8
Строительство	9,2	9,5	5,8	6,6	9,8	12,3	10,3	16,3	13,0
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	18,7	16,9	14,7	21,0	17,5	13,1	12,2	7,2	17,9
Транспортировка и хранение	8,0	7,9	6,2	7,0	6,6	10,1	10,3	11,7	8,9
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	2,6	2,4	1,7	2,2	2,2	2,8	2,4	3,0	3,4
Деятельность в области информации и связи	2,2	1,9	1,5	2,2	1,7	1,7	1,5	1,7	2,0
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	2,7	2,6	1,8	2,6	2,8	2,6	2,6	2,4	2,6
Образование	7,5	7,6	10,4	8,0	7,6	6,8	6,8	6,5	7,0
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	6,3	6,2	8,5	6,3	6,0	5,9	5,7	4,3	7,0
Другие виды деятельности	17,6	15,8	18,0	16,4	14,7	15,9	15,0	15,8	17,3

Источник: составлено автором по данным [22].

занятых Тюменской области являются именно ее автономные округа. Кроме того, в данном регионе высока доля занятых в строительстве и сфере транспортировки и хранения (в том числе и на фоне других субъектов УФО и РФ в целом).

Таким образом, структура среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности является неким отражением структуры

валовой добавленной стоимости этих регионов, формирование которой происходит под влиянием ряда факторов (экономико-географических, природно-ресурсных и социально-экономических).

Традиционно высокие доли занятых во всех субъектах УФО наблюдаются в сфере оптовой и розничной торговли. Выделяются на фоне других отраслей и доли занятых в образовании (ди-

апазон 6,5–10,4 %) и здравоохранении (диапазон 4,3–8,5 %). Причем нижняя граница диапазона в обеих сферах свойственна для доли занятых в Ямало-Ненецком автономном округе, а верхняя граница — для доли занятых в Курганской области. Остальные регионы УФО имеют «срединные» значения.

В табл. 3 представлены результаты оценки существенности структурных различий в среднегодовой численности занятых в субъектах УФО в сравнении со структурой РФ, УФО и Тюменской области с автономными округами. Анализ табл. 3 позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, оценка структурных различий субъектов УФО в сравнении со структурой РФ, равно как и со структурой УФО и структурой Тюменской области с автономными округами, позволяет выявить три уровня различия структур, различающихся в зависимости от проводимых срав-

нений. Так, низкий уровень различия структур среднегодовой численности занятых в сравнении со структурой РФ имеют четыре региона, в числе которых Курганская, Челябинская, Свердловская и Тюменская (без автономных округов) области. Следует отметить, что аналогичный уровень различий имеет и Уральский федеральный округ в целом. Таким образом, наиболее близкой или схожей по показателю среднегодовой численности занятости по видам экономической деятельности к общероссийской структуре обладают именно вышеназванные регионы. Наименьшую схожесть имеет Тюменская область с автономными округами, для которой характерен существенный уровень отличия структур. При этом примечательным является тот факт, что при исследовании оценки структурных различий по показателю валовой добавленной стоимости, которой провел автор ранее [9], установлено, что три

Таблица 3
Table 3

Оценка существенности структурных различий в среднегодовой численности занятых в субъектах УФО, 2021 г.
Assessment of the significance of structural differences in the average annual number of employees in the subjects of the UFD, 2021

Субъект	В сравнении со структурой РФ		В сравнении со структурой УФО		В сравнении со структурой Тюменской области с автономными округами	
	IR	Интерпретация	IR	Интерпретация	IR	Интерпретация
РФ	0,000	–	–	–	–	–
УФО	0,092	Низкий уровень различия структур	0,000	–	–	–
Курганская область	0,122	Низкий уровень различия структур	0,154	Существенный уровень различия структур	0,334	Значительный уровень различия структур
Свердловская область	0,115	Низкий уровень различия структур	0,119	Низкий уровень различия структур	0,328	Значительный уровень различия структур
Челябинская область	0,125	Низкий уровень различия структур	0,119	Низкий уровень различия структур	0,330	Значительный уровень различия структур
Тюменская область, в том числе	0,266	Существенный уровень различия структур	0,212	Существенный уровень различия структур	0,000	–
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	0,364	Значительный уровень различия структур	0,298	Существенный уровень различия структур	0,108	Низкий уровень различия структур
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,432	Значительный уровень различия структур	0,372	Значительный уровень различия структур	0,163	Существенный уровень различия структур
Тюменская область без автономных округов	0,077	Низкий уровень различия структур	0,123	Низкий уровень различия структур	0,239	Существенный уровень различия структур

Источник: расчет автора по данным [22; 23].

из четырех регионов (Курганская, Свердловская и Челябинская области) имеют существенный уровень различия структур. Иными словами, при наименьшей схожести отраслевой структуры валовой добавленной стоимости этих регионов со структурой РФ наблюдается наибольшая схожесть или сбалансированность в структуре среднегодовой численности занятых, а в регионах, имеющих весьма значительный уровень различия структур в валовой добавленной стоимости (Тюменская область с автономными округами, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра) и даже противоположный тип структур (Ямало-Ненецкий автономный округ), наблюдается несколько сглаженный, но всё же существенный и значительный уровень различия структур в среднегодовой численности занятых.

Во-вторых, в результате проведенной оценки структурных различий по показателю занятости субъектов УФО в сравнении с отраслевой структурой УФО в целом выделены три группы субъектов. Низкий уровень различия структур имеют Свердловская, Челябинская и Тюменская (без автономных округов) области; существенный уровень — Курганская область, Тюменская область с автономными округами, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра; значительный уровень — Ямало-Ненецкий автономный округ. Несмотря на то, что Курганская область в соответствии со шкалой оценки меры существенности структурных различий имеет существенный уровень различия, значение индекса Рябцева (0,154) максимально приближено к нижней границе интервала значений I_R (0,150–0,300), что позволяет считать, хотя и с натяжкой, что различия

структур этой области и УФО в целом находятся на низком уровне. Таким образом, если опираться на типы регионов УФО, выявленные Ю. Г. Лавриковой [13], то можно сделать вывод о том, что наибольшая схожесть структуры среднегодовой численности занятых со структурой УФО в целом свойственна так называемым регионам индустриального типа (Курганская, Свердловская, Челябинская области), наименьшая — регионам сырьевой направленности (Тюменская область с автономными округами).

В-третьих, при оценке структурных различий в среднегодовой численности занятых субъектов УФО с Тюменской областью (с автономными округами) картина распределения уровней различий получилась вполне ожидаемой. Учитывая сырьевую направленность субъекта, выбранного для сравнения, наибольшие различия (в данном случае значительный уровень различия структур) в структурах имеют Курганская, Свердловская и Челябинская области. В этих субъектах высокая доля занятых наблюдается в сфере обрабатывающих производств, сельского и лесного хозяйства. Наименьшие различия структур (низкий и существенный уровень различия) свойственны для автономных округов Тюменской области, которые являются определяющими для области в целом.

В табл. 4 представлены результаты оценки существенности структурных различий в среднегодовой численности занятых в УФО в сравнении с другими федеральными округами. Анализ табл. 4 позволяет сделать следующие выводы. Первый. Выявлены лишь два уровня различия структур: низкий уровень и существенный уро-

Таблица 4
Table 4

Оценка существенности структурных различий в среднегодовой численности занятых в УФО в сравнении с другими федеральными округами России, 2021 г.
Assessment of the significance of structural differences in the average annual number of employees in the UFD region in comparison with other federal districts of Russia, 2021

Округ	I_R	Интерпретация
УФО/РФ	0,092	Низкий уровень различия структур
УФО/ЦФО	0,124	Низкий уровень различия структур
УФО/СЗФО	0,090	Низкий уровень различия структур
УФО/ПФО	0,094	Низкий уровень различия структур
УФО/СФО	0,098	Низкий уровень различия структур
УФО/ЮФО	0,162	Существенный уровень различия структур
УФО/ДВФО	0,144	Низкий уровень различия структур
УФО/СКФО	0,248	Существенный уровень различия структур

Источник: расчет автора по данным [22; 23].

вень. Второй: низкий уровень различия структур (или наибольшая схожесть) наблюдается при сравнении структуры УФО со структурами пяти округов: ЦФО, СЗФО, ПФО, СФО, ДВФО. Структуры оставшихся двух округов (ЮФО и СКФО) в наименьшей мере схожи со структурой УФО, что подтверждают значения рассчитанных индексов Рябцева, равные 0,162 и 0,248 соответственно. Такие различия в большей степени обусловлены территориально-географическими особенностями этих округов, в структуре валовой добавленной стоимости и среднегодовой численности занятых которых существенную долю имеет сфера сельского и лесного хозяйства. И опять же хочется провести сопоставление результатов оценки структурных различий в валовой добавленной стоимости исследуемого округа в сравнении с другими федеральными округами [10]. При весьма значительном (при сравнении с ЦФО, ЮФО, СКФО) и значительном (при сравнении с СЗФО, ПФО, СФО) уровне различия структур в валовой добавленной стоимости наблюдается низкий уровень различия структур в среднегодовой численности занятых. Иными словами, можно сделать аналогичный вывод, что и при сравнении субъектов УФО с общероссийской структурой. При наименьшей схожести отраслевой структуры валовой добавленной стоимости УФО в сравнении с другим федеральными округами наблюдается наибольшая схожесть или сбалансированность в структуре среднегодовой численности занятых.

На рис. 1–9 представлена динамика структурных изменений по индексам Рябцева, рассчитанных по структуре среднегодовой численности занятых в субъектах РФ (в частности, в УФО, регионах УФО) и РФ в целом в 2011–2021 гг. При этом рисунки сгруппированы таким образом, чтобы была видна однонаправленность тенденций и интенсивность сдвигов у различных субъектов. Так, на рис. 1–5 геометрия графиков почти совпадает, на рис. 6–9 геометрия графиков менее схожая, но всё же есть общие для всех графиков тенденции. При анализе всех рисунков можно заметить, что наибольшая интенсивность сдвигов у всех анализируемых субъектов приходится на 2015 г. Это говорит о том, что экономика изучаемых хозяйствующих субъектов отреагировала на санкции, введенные против России в 2014 г., перестроив структуру занятых в связи с трансформацией рыночной конъюнктуры.

Еще один выбивающийся из общей картины сдвиг, хотя и менее интенсивный, чем в 2015 г.,

зафиксирован в 2017 г. На наш взгляд, этот сдвиг носит технический характер и в большей степени обусловлен изменением в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности, вступившим в силу в 2017 г. и действующим по настоящее время (ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2)).

При этом рассчитанные значения индексов Рябцева позволяют выделить две группы субъектов, отличающиеся уровнями структурных сдвигов. Так, в первую группу субъектов, для которых характерен весьма низкий уровень структурных сдвигов в среднегодовой численности занятых в 2015 г., вошли: общеотраслевая структура РФ (рис. 1), структура Тюменской области с автономными округами (рис. 2), структура УФО (рис. 6), структура Курганской (рис. 7), Свердловской (рис. 8) и Челябинской области (рис. 9). Во вторую группу субъектов, для которых характерен низкий уровень структурных сдвигов, вошли: структура Тюменской области без автономных округов (рис. 3), структура Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (рис. 4), структура Ямало-Ненецкого автономного округа (рис. 5). Таким образом, можно сделать вывод о том, что наибольшие сдвиги исследуемой структуры наблюдаются у субъектов, относящихся к энерго-сырьевому типу хозяйства, а менее интенсивные — у субъектов индустриального типа. Исключение составляет лишь индекс Рябцева для Тюменской области с автономными округами, значение которого всё же не столь далеко от нижней границы интервала значений, соответствующего низкому уровню различия структур.

Всё же, несмотря на некую идентичность ряда трендов для всех изучаемых субъектов, динамика структурных изменений Свердловской, Курганской, Челябинской областей несколько выпадает из общей картины. И здесь опять можно сделать вывод о неравномерности развития регионов вследствие различной направленности экономики хозяйствующих субъектов. При этом наибольшим перепадам подвержена структура среднегодовой численности занятых экономики Курганской и Свердловской области, о чем свидетельствуют значения индексов Рябцева в 2016–2019 гг.

Выводы

В результате проведенного исследования можно сделать ряд выводов.

Во-первых, особенности отраслевой структуры субъектов УФО, выраженные в выделении

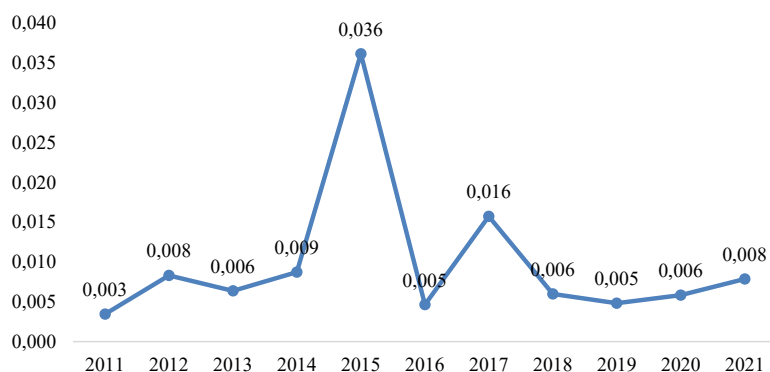

Рис. 1. Динамика структурных изменений по индексам Рябцева, рассчитанных по структуре среднегодовой численности занятых в экономике России, 2011–2021 гг., %

Fig. 1. Dynamics of structural changes according to the Ryabtsev indices calculated according to the structure of the average annual number of people employed in the Russian economy, 2011-2021, %

Источник: расчет автора по данным [18–22]

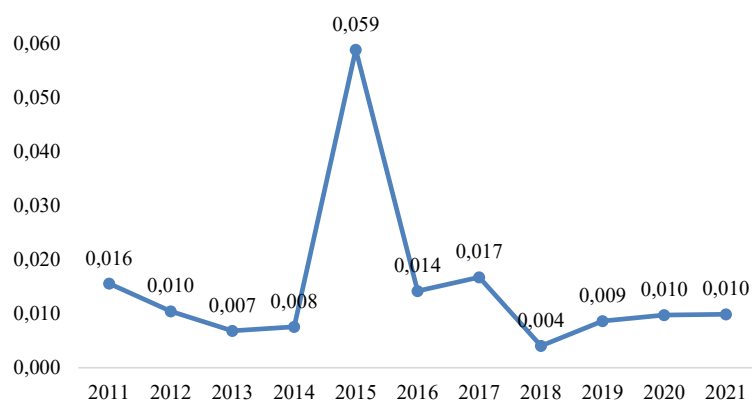

Рис. 2. Динамика структурных изменений по индексам Рябцева, рассчитанных по структуре среднегодовой численности занятых в экономике Тюменской области с автономными округами, 2011–2021 гг., %

Fig. 2. Dynamics of structural changes according to Ryabtsev indices calculated by the structure of the average annual number of people employed in the economy of the Tyumen Region with autonomous districts, 2011-2021, %

Источник: расчет автора по данным [18–22]

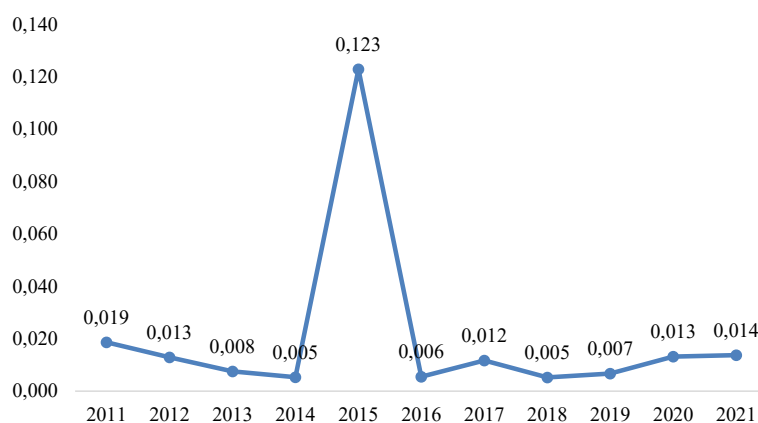

Рис. 3. Динамика структурных изменений по индексам Рябцева, рассчитанных по структуре среднегодовой численности занятых в экономике Тюменской области без автономных округов, 2011–2021 гг., %

Fig. 3. Dynamics of structural changes according to Ryabtsev indices calculated from the structure of the average annual number of people employed in the economy of the Tyumen Region without autonomous districts, 2011-2021, %

Источник: расчет автора по данным [18–22]

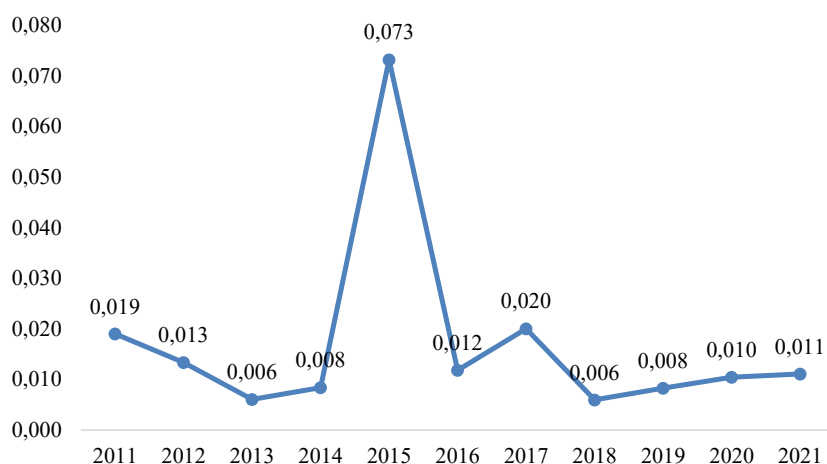

Рис. 4. Динамика структурных изменений по индексам Рябцева, рассчитанных по структуре среднегодовой численности занятых в экономике Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, 2011–2021 гг., %

Fig. 4. Dynamics of structural changes according to Ryabtsev indices calculated according to the structure of the average annual number of people employed in the economy of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra, 2011-2021, %

Источник: расчет автора по данным [18–22]

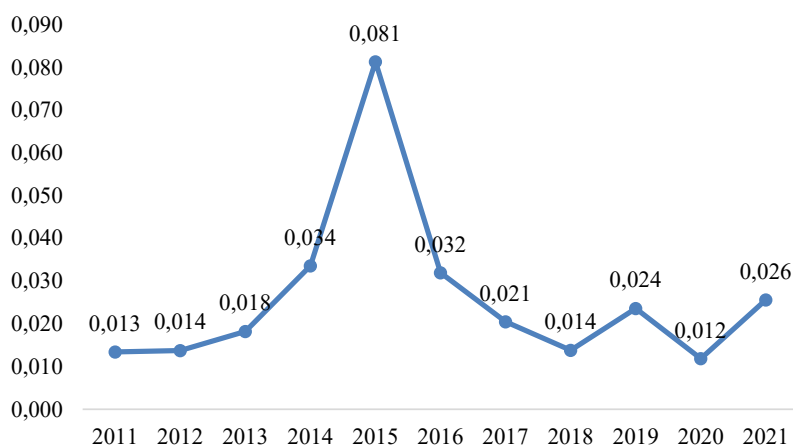

Рис. 5. Динамика структурных изменений по индексам Рябцева, рассчитанных по структуре среднегодовой численности занятых в экономике Ямало-Ненецкого автономного округа, 2011–2021 гг., %

Fig. 5. Dynamics of structural changes according to Ryabtsev indices calculated from the structure of the average annual number of people employed in the economy of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, 2011-2021, %

Источник: расчет автора по данным [18–22]

двух групп субъектов, отличающихся сырьевой и индустриальной направленностью их экономики, отражаются на распределении среднегодовой численности занятых. Так, в регионах индустриального типа (Курганская, Свердловская, Челябинская области) существенные доли занятых приходятся на сферы обрабатывающих производств, сельского и лесного хозяйства. Также высока доля занятых в оптовой и розничной торговле. В регионах сырьевого типа (Тюменская область с автономными округами — ХМАО и ЯНАО) существенная доля занятых приходится на добывающую промышленность. Также высока

доля занятых в строительстве и сфере транспортировки.

Во-вторых, установлено, что наиболее близкой или схожей по показателю среднегодовой численности занятости по видам экономической деятельности к общероссийской структуре областают Курганская, Челябинская, Свердловская и Тюменская (без автономных округов) области. Более того, при наименьшей схожести отраслевой структуры валовой добавленной стоимости этих регионов со структурой РФ наблюдается наибольшая схожесть или сбалансированность в структуре среднегодовой численности занятых.

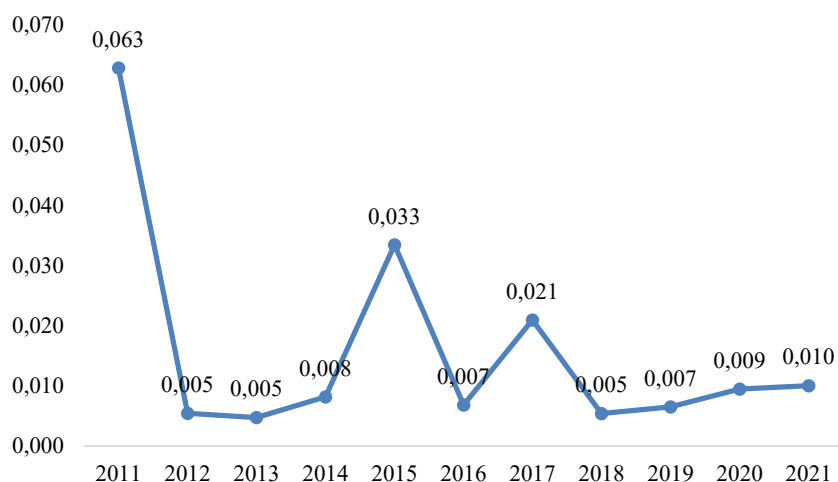

Рис. 6. Динамика структурных изменений по индексам Рябцева, рассчитанных по структуре среднегодовой численности занятых в экономике УФО, 2011–2021 гг., %

Fig. 6. Dynamics of structural changes according to Ryabtsev indices calculated according to the structure of the average annual number of people employed in the economy of the UFD, 2011–2021, %

Источник: расчет автора по данным [18–22]

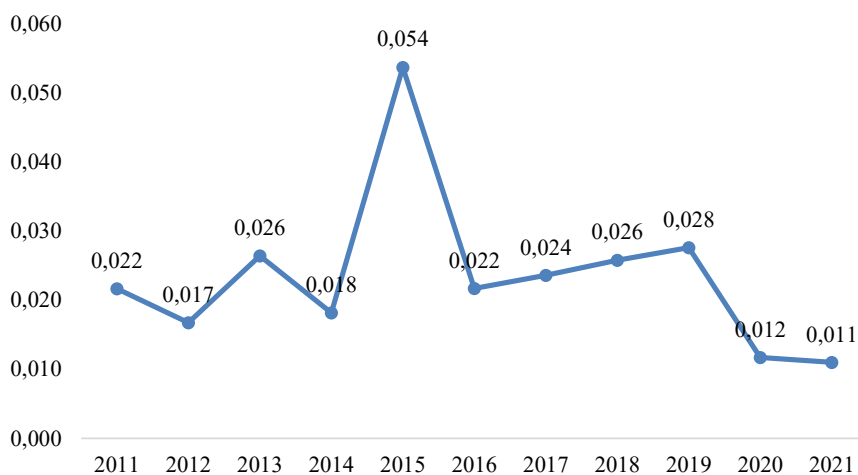

Рис. 7. Динамика структурных изменений по индексам Рябцева, рассчитанных по структуре среднегодовой численности занятых в экономике Курганской области, 2011–2021 гг., %

Fig. 7. Dynamics of structural changes according to Ryabtsev indices calculated according to the structure of the average annual number of people employed in the economy of the Kurgan Region, 2011–2021, %

Источник: расчет автора по данным [18–22]

В-третьих, наибольшая схожесть структуры среднегодовой численности занятых со структурой УФО в целом свойственна так называемым регионам индустриального типа (Курганская, Свердловская, Челябинская области), наименьшая — регионам сырьевой направленности (Тюменская область с автономными округами).

В-четвертых, структурные различия в среднегодовой численности занятых по округам находятся на низком уровне, вследствие чего можно сделать вывод о схожести изучаемых структур. Несколько искажают общую картину лишь два округа (ЮФО и СКФО), имеющие свои территориально-географические особенности.

В-пятых, отраслевая структура среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности в 2011–2021 гг. субъектов УФО отличается достаточной устойчивостью. Ежегодные сдвиги в исследуемой отраслевой структуре незначительны. Наиболее интенсивный сдвиг был зафиксирован в 2015 г., что обусловлено перестройкой занятых по видам экономической деятельности в ответ на изменение рыночной конъюнктуры вследствие введения санкций против России в 2014 г.

Методика оценки структурных различий, предложенная в данной работе, в дальнейших исследованиях будет применена в отношении оцен-

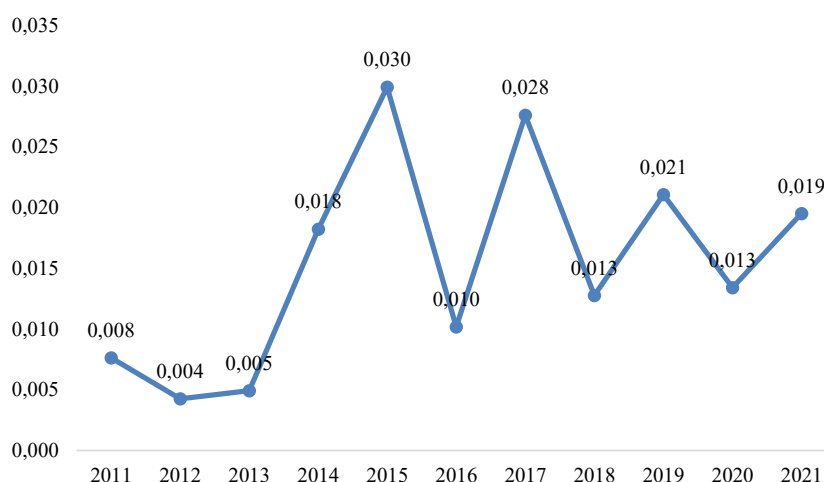

Рис. 8. Динамика структурных изменений по индексам Рябцева, рассчитанных по структуре среднегодовой численности занятых в экономике Свердловской области, 2011–2021 гг., %
 Fig. 8. Dynamics of structural changes according to Ryabtsev indices calculated from the structure of the average annual number of people employed in the economy of the Sverdlovsk region, 2011–2021, %

Источник: расчет автора по данным [18–22]

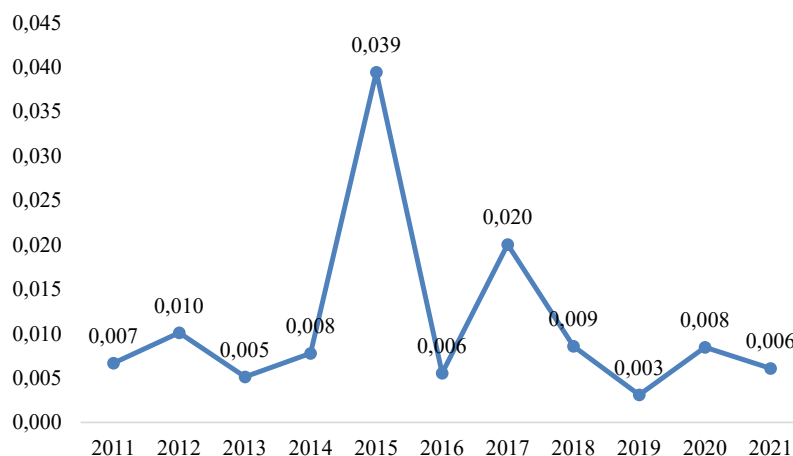

Рис. 9. Динамика структурных изменений по индексам Рябцева, рассчитанных по структуре среднегодовой численности занятых в экономике Челябинской области, 2011–2021 гг., %

Fig. 9. Dynamics of structural changes according to Ryabtsev indices calculated according to the structure of the average annual number of people employed in the economy of the Chelyabinsk region, 2011–2021, %

Источник: расчет автора по данным [18–22]

ки интенсивности сдвигов в направлении инвестиций в основной капитал. Кроме того, с учетом настоящего и ранее проведенного исследования отраслевой структуры валовой добавленной сто-

имости будет осуществлена оценка структурных изменений в рамках делового цикла, а также исследование особенностей структурных сдвигов в периоды кризисов и экономического роста.

Список источников

1. Анимица Е. Г., Силин Я. П., Новикова Н. В. Тенденции развития экономического пространства Уральского макрорегиона // Управленец. 2017. № 2 (66). С. 2–11.
2. Бархатов В. И., Кадыров П. Р. Структурные деформации в национальной экономике России // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 11 (433). С. 30–37.
3. Бархатов В. И., Белова И. А., Бенц Д. С. Крупные предприятия России: анализ ключевых сфер деятельности // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 14 (410). С. 78–85.
4. Бархатов В. И., Белова И. А., Бенц Д. С. Предприятия крупного бизнеса России: анализ в разрезе федеральных округов // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 5 (401). С. 104–113.

5. Бархатов В. И., Бенц Д. С. Источники роста промышленного региона в уральском федеральном округе // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 3 (413). С. 19–29.
6. Бархатов В. И., Бенц Д. С. Промышленные рынки уральского региона: экономический рост в условиях «новой нормальности» // Управленец. 2019. Т. 10, № 3. С. 83–93.
7. Бархатов В. И., Капкаев Ю. Ш., Силова Е. С. Инновационная активность в России: субъектный анализ // Вестник Сургутского государственного университета. 2019. № 1 (23). С. 28–36.
8. Бархатов В. И., Плетнёв Д. А., Капкаев Ю. Ш. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 65–83.
9. Баширова А. А. Отраслевая структура экономики как фактор сбалансированности экономического развития СКФО (часть I) // Экономика и предпринимательство. 2020. № 8 (121). С. 499–504.
10. Белова И. А. Интенсивность структурных сдвигов и различий в экономике субъектов Уральского федерального округа // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 3. С. 19–29.
11. Бенц Д. С. Тренды развития Уральского макрорегиона // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 2 (436). С. 92–101.
12. Елхина И. А. Структурные сдвиги и структурные различия хозяйственных систем в России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. № 4 (53). С. 38–41.
13. Лаврикова Ю. Г. Особенности процессов новой индустриализации в Уральском регионе // Неоиндустриально ориентированные преобразования в экономическом пространстве Уральского макрорегиона : монография / под науч. ред. Я. П. Силина, Е. Г. Анимитцы. Екатеринбург, 2017. С. 47–74.
14. Лякин А. Н. Структурные сдвиги в российской экономике: потенциал деловых циклов исчерпан // ЭКО. 2020. № 7. С. 8–28.
15. Мошков А. В. Пространственные особенности формирования территориально-отраслевой структуры экономики субъектов Дальневосточного федерального округа Российской Федерации // Проблемы современной экономики. 2018. № 1 (65). С. 127–132.
16. Пиньковецкая Ю. С. Отраслевая структура малого и среднего предпринимательства в России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия Экономика и экологический менеджмент. 2017. № 3. С. 3–13.
17. Попова Г. Л. Инновации и отраслевая структура экономики региона: анализ взаимовлияния // Дайджест-финансы. 2022. Т. 27, № 3 (263). С. 283–309.
18. Регионы России. Социально-экономические показатели : статистический сборник. М. : Росстат, 2017. 1402 с.
19. Регионы России. Социально-экономические показатели : статистический сборник М.: Росстат, 2018. 1162 с.
20. Регионы России. Социально-экономические показатели : статистический сборник. М. : Росстат, 2019. 1204 с.
21. Регионы России. Социально-экономические показатели : статистический сборник. М. : Росстат, 2020. 1242 с.
22. Регионы России. Социально-экономические показатели : статистический сборник. М. : Росстат, 2022. 1122 с.
23. Рябцев В. М., Чудилин Г. И. Региональная статистика. М. : МИД, 2001. 378 с.
24. Силин Я. П., Анимитца Е. Г., Новикова Н. В. Уральский макрорегион: большие циклы индустриализации. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2019. 371 с.
25. Трифонов Ю. В., Веселова Н. В. Методологические подходы к анализу структуры экономики на региональном уровне // Вопросы статистики. 2015. № 2. С. 37–49.
26. Уральский федеральный округ: скрытые риски номинального роста / под общ. ред. д-ра экон. наук Ю. Г. Лавриковой, д-ра экон. наук В. В. Акбердиной; кол. авт. ; Институт экономики УрО РАН. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2021. 100 с.

References

1. Animitsa EG, Silin YaP, Novikova NV. Trends in the development of the economic space of the Ural macroregion. *Upravlenec = Manager*. 2017;(2(66):2-11. (In Russ.).
2. Barkhatov VI, Kadyrov PR. Structural deformations in the national economy of Russia. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2019;(11(433):30-37. (In Russ.).

3. Barkhatov VI, Belova IA, Benz DS. Large enterprises in Russia: analysis of key areas of activity. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2017;(14(410):78-85. (In Russ.).
4. Barkhatov VI, Belova IA, Benz DS. Large business enterprises in Russia: analysis in the context of federal districts. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2017;(5(401):104-113. (In Russ.).
5. Barkhatov VI, Benz DS. Sources of growth of the industrial region in the Ural Federal District. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2018;(3(413):19-29. (In Russ.).
6. Barkhatov VI, Benz DS. Industrial markets of the Ural region: economic growth in the conditions of the “new normal”. *Upravlenec = Manager*. 2019;(10(3):83-93. (In Russ.).
7. Barkhatov VI, Kapkaev YuSh, Silova ES. Innovative activity in Russia: subjective analysis. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Surgut State University*. 2019;(1(23):28-36. (In Russ.).
8. Barkhatov VI, Pletnev DA, Kapkaev YuSh. Centers and Periphery of the Urals and the Volga Region in the Conditions of the “New Normality”. *Socium i vlast = Socium and Power*. 2019;(5(79):65-83. (In Russ.).
9. Bashirova AA. Sectoral structure of the economy as a factor in balancing the economic development of the North Caucasus Federal District (part I). *E`konomika i predprinimatel`stvo = Economics and Entrepreneurship*. 2020;(8(121):499-504. (In Russ.).
10. Belova IA. The intensity of structural shifts and differences in the economy of the constituent entities of the Ural Federal District. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Surgut State University*. 2023;(11(3):19-29. (In Russ.).
11. Benz DS. Trends in the development of the Ural macroregion. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2020;(2(436):92-101. (In Russ.).
12. Elkhina IA. Structural shifts and structural differences of economic systems in Russia. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo socialno-ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*. 2014;(4(53):38-41. (In Russ.).
13. Lavrikova YuG. Features of the processes of new industrialization in the Ural region. In: Neo-industrial-oriented transformations in the economic space of the Ural macro-region: monograph. Yekaterinburg; 2017. Pp. 47–74. (In Russ.).
14. Lyakin AN. Structural shifts in the Russian economy: the potential of business cycles has been exhausted. *EKO = EKO*. 2020;(7):8-28. (In Russ.).
15. Moshkov AV. Spatial features of the formation of the territorial and sectoral structure of the economy of the subjects of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation. *Problemy` sovremennoj e`konomiki = Problems of the modern economy*. 2018;(1(65):127-132. (In Russ.).
16. Pinkovetskaya YuS. Sectoral structure of small and medium-sized businesses in Russia. *Nauchny`j zhurnal NIU ITMO. Seriya E`konomika i ekologicheskij menedzhment = Scientific journal NRU ITMO. Series Economics and environmental management*. 2017;(3):3-13. (In Russ.).
17. Popova GL. Innovations and sectoral structure of the region’s economy: an analysis of mutual influence. *Dajdzhest-finansy = Digest-Finance*. 2022;27(3):283-309. (In Russ.).
18. Regions of Russia. Socio-economic indicators. Moscow, Rosstat; 2017. 1402 p. (In Russ.).
19. Regions of Russia. Socio-economic indicators. Moscow, Rosstat; 2018. 1162 p. (In Russ.).
20. Regions of Russia. Socio-economic indicators. Moscow, Rosstat; 2019. 1204 p. (In Russ.).
21. Regions of Russia. Socio-economic indicators. Moscow, Rosstat; 2020. 1242 p. (In Russ.).
22. Regions of Russia. Socio-economic indicators. Moscow, Rosstat; 2022. 1122 p. (In Russ.).
23. Ryabcev VM, Chudilin GI. Regional statistics. Moscow, MID; 2001. 378 p. (In Russ.).
24. Silin YaP, Animitsa EG, Novikova NV. Ural macroregion: large cycles of industrialization. Yekaterinburg; 2019. 371 p. (In Russ.).
25. Trifonov YuV, Veselova NV. Methodological approaches to the analysis of the structure of the economy at the regional level. *Voprosy statistiki = Questions of statistics*. 2015;(2):37-49. (In Russ.).
26. Ural Federal District: hidden risks of nominal growth / ed. by YuG Lavrikova, VV Akberdina; Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Yekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2021. 100 p. (In Russ.).

Информация об авторе

И. А. Белова — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Information about the author

I. A. Belova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of the Institute of Economics of Industry, Business and Administration.

Статья поступила в редакцию 20.03.2023; одобрена после рецензирования 18.10.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 20.03.2023; approved after reviewing 18.10.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 351/354:004

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-44-52

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА РЫНОК ТРУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ирина Дмитриевна Колмакова¹, Михаил Евгеньевич Бурлаков²,
Екатерина Микаеловна Колмакова³, Никита Александрович Бутаков⁴

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, kolmirina@mail.ru, ORCID 0000-0002-5686-6378

² АНО «ЦИСМ», Москва, Россия, bm@cism-ms.ru, ORCID 0000-0003-1486-0581

³ Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия, katekol_mn@mail.ru, ORCID 0000-0001-7635-2246

⁴ АНО «ЦИСМ», Москва, Россия, n.butakov@cism-ms.ru

Аннотация. В настоящий момент в силу интенсивного развития искусственного интеллекта и адаптивных алгоритмов актуализируется вопрос их применимости к конкретным областям экономики с возможной трансформацией как глобального, так и отечественного рынков труда. Проблематика понимания объемов и глубины указанных воздействий остается открытой и сложно прогнозируемой. В статье рассматриваются аспекты влияния развития искусственного интеллекта на рынок труда в Российской Федерации в настоящий момент времени с анализом прогнозных тенденций его воздействия на рынки труда. Выявлены тенденции и проблемы, влияющие на рынок труда в России: активное внедрение искусственного интеллекта в технологические процессы и производство; концентрация развития искусственного интеллекта в точках роста; увеличение необходимости в постоянном совершенствовании знаний и навыков; повышение спроса на «креативность» и др. Исходя из вышеизложенных тенденций и сопутствующих им проблем, выявлены последствия влияния развития искусственного интеллекта на рынок труда. Широкое внедрение современных технологий приведет к радикальным изменениям на рынке труда, вызывая огромные структурные сдвиги. Искусственный интеллект оказывает значительное влияние на существующую реальность, а последствия его внедрения неоднозначны и вызывают многочисленные дискуссии.

Ключевые слова: искусственный интеллект, трансформация рынков труда, конвертация трудовых ресурсов

Для цитирования: Колмакова И. Д., Бурлаков М. Е., Колмакова Е. М., Бутаков Н. А. Влияние искусственного интеллекта на рынок труда Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 44–52. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-44-52.

Original article

IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON THE RUSSIAN FEDERATION LABOR MARKET

Irina D. Kolmakova¹, Mikhail E. Burlakov², Ekaterina M. Kolmakova³, Nikita A. Butakov⁴

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, kolmirina@mail.ru, ORCID 0000-0002-5686-6378

² ANO “CISM”, Moscow, Russia, bm@cism-ms.ru, ORCID 0000-0003-1486-0581

³ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, katekol_mn@mail.ru, ORCID 0000-0001-7635-2246

⁴ ANO “CISM”, Moscow, Russia, n.butakov@cism-ms.ru

Abstract. At the moment, due to the intensive development of artificial intelligence and adaptive algorithms, the question of its applicability to specific areas of the economy with the possible transformation of both global and domestic labor markets is being updated. The issue of understanding the scope and depth of these impacts remains open and difficult to predict. The article discusses aspects of the impact of the development of artificial intelligence on the labor market in the Russian Federation at the present time with an analysis of further trends in its impact on

labor markets. The trends and problems affecting the labor market in Russia are identified: the active introduction of artificial intelligence in technological processes and production; concentration of the development of artificial intelligence in points of growth; increasing need for continuous improvement of knowledge and skills; increase in demand for “creativity”, etc. Based on the above trends and their attendant problems, the consequences of the influence of the development of artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, transformation of labor markets, conversion of labor resources

For citation: Kolmakova ID, Burlakov ME, Kolmakova EM, Butakov NA. Impact of Artificial Intelligence on the Russian Federation Labor Market. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):44-52. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-44-52.

Введение

Широкое внедрение киберфизических систем в производственные процессы в нашей стране совпало с достижением прогресса в развитии нанотехнологий, биотехнологий, искусственного интеллекта, Интернета вещей, робототехники и 3D-печати [1].

В наше время искусственный интеллект (далее — ИИ) является одной из самых быстрорастущих и перспективных областей науки. Внедрение современных технологий работы в отраслях народного хозяйства и сфере услуг приведет к увеличению производительности труда до 40 %¹, а использование искусственного интеллекта позволит оптимально использовать производственный и человеческий потенциал, обеспечить развитие экономики и рост валового внутреннего продукта.

Единого понятия «искусственный интеллект» пока не существует, так как он может использоваться в разных формах. По своей сути искусственным интеллектом является большое количество программ (систем), состав и функционал которых неоднороден как по составу, так и по степени сложности [2]. Искусственный интеллект определяют как некий информационно-программный инструмент (комплекс), который действует аналогично механизмам мышления человека и действия которого нельзя отличить от действий реального человека, обладающего глубокими профессиональными навыками. То есть действия ИИ равнозначны по отношению к действиям эксперта в определенной области знания [3].

С позиций институциональной теории под искусственным интеллектом понимают сетевую структуру, объединяющую в себе совокупность как формальных правил, определяющих архитектуру и юридические нормы использования интел-

лектуальных (технических и/или программных) систем, так и неформальных ограничений, регулирующих поведение пользователей при их взаимодействии с вышеуказанными системами [4]. Таким образом, искусственный интеллект можно определить как систему, которая имитирует умственную (когнитивную) деятельность человека, как свойство автоматизированных или автоматических систем брать на себя отдельные функции интеллекта человека.

В свете развития ИИ актуальной становится тема технологической сингулярности — гипотетическая ситуация, когда технический прогресс достигает такого уровня, что обгоняет человеческое мышление.

Использование искусственного интеллекта в различных сферах и секторах анализировалось многими учеными [5–8]. В настоящее время повсеместное внедрение ИИ скорее норма, чем исключение. Вследствие этого происходит динамичная трансформация рынка труда, не только изменяется его структура, но и начинают предъявляться новые требования к навыкам, которые работодатели ищут в потенциальных сотрудниках.

Таким образом, ИИ оказывает влияние на существующую реальность, а последствия его внедрения вызывают многочисленные дискуссии.

Материалы и методы исследования

При проведении исследования были использованы официальные статистические и аналитические материалы. В работе проведен оперативный сопоставительный анализ процессов, характеризующих влияние искусственного интеллекта на рынок труда в Российской Федерации; его возможности, потенциал и пути адаптации к меняющимся условиям в контексте стратегии достижения целей устойчивого развития. Для исследования были использованы методы анализа, синтеза, дедукции, а также некоторые элементы ресурсного подхода, с помощью которых сделаны основные выводы о проблемах и тенденциях развития российского рынка труда в связи с разви-

¹ CNN: искусственный интеллект может заменить до 300 млн рабочих мест по всему миру. СМИ ИноТВ. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2023-03-31/CNN-iskusstvennij-intellekt-mozhet-zamenit> (дата обращения: 03.06.2023)

тием искусственного интеллекта. Однако не все представляющие на данный момент интерес показатели для анализа влияния искусственного интеллекта на рынок труда содержатся в оперативной статистической информации, что в некоторой степени ограничивает проведение полноценного комплексного исследования рассматриваемых в рамках статьи проблем и перспектив развития рынка труда.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Тенденции и проблемы, влияющие на рынок труда в связи с развитием ИИ.

В системе целей устойчивого развития (ЦУР), сформулированных в стратегических документах Правительства Российской Федерации, а также в национальных и федеральных проектах, ЦУР «содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех» имеют особую актуальность в связи с широким внедрением цифровых технологий и их влиянием на рынок труда [9].

К факторам и условиям достойного труда относятся: наличие квалифицированного персонала, заинтересованного в инновациях; функционирование системы организации труда, поощряющей личную инициативу, генерацию новых идей и способов их реализации; эффективный механизм регулирования инновационной деятельности со стороны органов государственной и муниципальной власти и т. д. [10].

Искусственный интеллект в настоящее время является областью стратегической важности и ключевым двигателем экономического развития. Широкое развитие и внедрение ИИ в сфере деятельности человека закономерно приводит к возникновению вопросов о том, как эти технологии могут влиять на нашу жизнь и общество в целом и насколько правильно заменять человеческий труд технологиями ИИ.

Необходимо отметить, что в 2021 г. Альянсом в сфере ИИ анонсировано подписание Кодекса этики в области ИИ (далее — Кодекс), создана Комиссия по его реализации¹.

Кодексом поставлены следующие задачи²:

¹ К Кодексу этики искусственного интеллекта присоединились еще 20 организаций. Альянс в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://a-ai.ru/ethics-code-20-new-companies/> (дата обращения: 01.06.2023).

² Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. Альянс в сфере искусственного интеллекта.

– предоставить рекомендации для принятия этического решения относительно создания и использования ИИ;

– снизить риски неэтичного использования ИИ, нарушающего права и интересы человека;

– создать инструмент взаимодействия государства, разработчиков, научных организаций и общества по вопросам этики ИИ.

Кодекс включает в себя человеко- и риск-ориентированный подходы к внедрению и развитию искусственного интеллекта, подчеркивает ответственность человека за моральные риски и обозначает необходимость гуманистической направленности умных технологий. ИИ должен способствовать развитию личности человека, его когнитивных способностей и общества в целом.

Чем больше ИИ используется в сферах деятельности человека, тем актуальнее становится вопрос потенциальной безработицы и изменения трудовой экосистемы³. Исходя из этого возникают новые тенденции в области влияния ИИ на рынок труда и сопутствующие им проблемы, которые нужно учитывать при использовании и разработке ИИ.

Рассмотрим ключевые тенденции в области влияния ИИ на рынок труда и сопутствующие проблемы.

1. Активное внедрение ИИ в технологические процессы и производство.

Всё большее число организаций в настоящее время используют приложения ИИ, машинное обучение для внутреннего анализа больших данных с помощью генерации естественного языка или распознавания речи. Появляется всё большее количество чат-сервисов, в котором чат-бот или виртуальный агент генерируют ответы клиентам на естественном языке. Всё чаще используются сервисные роботы, которым свойственна определенная степень автономности, например, для выполнения уборки, опасных или повторяющихся задач, таких как очистка от ядовитых веществ, сортировка товаров на складе, помощь покупателям в покупках или в пунктах оплаты и т. д. (рис. 1).

URL: https://a-ai.ru/wp-content/uploads/2021/10/Кодекс_этики_в_сфере_ИИ_финальный.pdf (дата обращения: 02.06.2023).

³ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта в России. Tadviser: Государство, Бизнес, Технологии. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Национальная_стратегия_развития_искусственного_интеллекта (дата обращения: 04.06.2023).

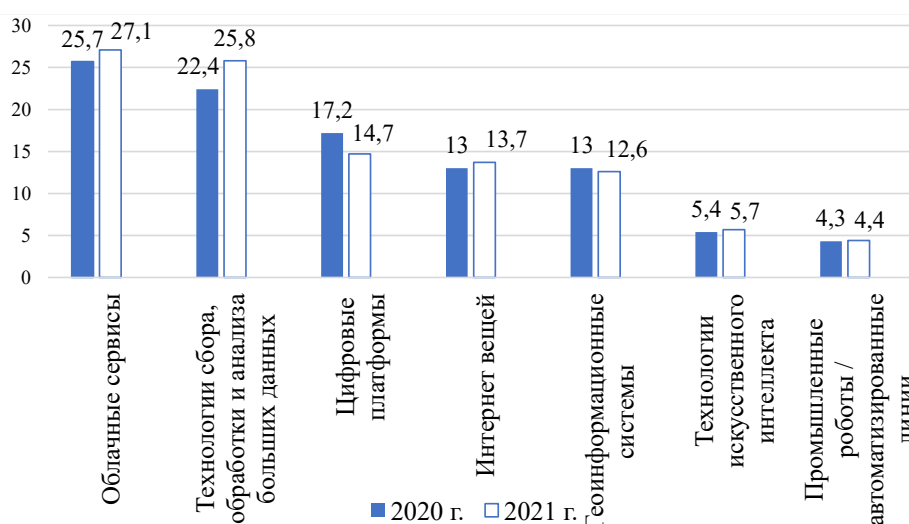

Рис. 1. Использование цифровых технологий в организациях РФ (% от общего числа организаций)

Fig. 1. The use of digital technologies in Russian organizations (as a percentage of the total number of organizations)

Источник: составлено авторами по: Цифровая экономика: 2023 : краткий статистический сборник. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/icekr> (дата обращения: 07.06.2023).

Использование технологий искусственного интеллекта в организациях в РФ возросло за один год с 5,4 до 5,7 %.

Использование технологий искусственного интеллекта в разрезе отдельных видов экономической деятельности представлено на рис. 2. Наибольшая доля организаций, использующих технологии искусственного интеллекта по итогам 2021 г., наблюдается в сфере оптовой и розничной торговли, финансовом секторе, секторе информации и связи. Однако в РФ на низком уровне находится патентная активность проектов, связанных с использованием и применением ИИ.

В результате внедрения ИИ в производство на рынке труда обнаруживается недостаток квалифицированных кадров, растет технологическая безработица, связанная с освобождением рабочих мест, которые легко автоматизировать¹. Развитие высокотехнологичного оборудования постоянно выдвигает новые требования к кадрам, а научно-технический прогресс (далее — НТП) приводит к появлению новых профессий.

2. Процесс концентрации развития ИИ в точках роста.

Технические специальности, требующие высокой квалификации, являются востребованными на рынке труда, и работода-

Рис. 2. Использование технологий ИИ в разрезе отдельных видов экономической деятельности (% от общего числа организаций)
Fig. 2. The use of AI technologies by individual types of economic activity (in % of the total number of organizations)

Источник: составлено авторами по: Цифровая экономика: 2023 : краткий статистический сборник. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/icekr> (дата обращения: 07.06.2023).

¹ Влияние искусственного интеллекта на рынок труда. Tadviser: Государство, Бизнес, Технологии. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Влияние_искусственного_интеллекта_на_рынок_труда (дата обращения: 07.06.2023).

тели предлагают высокую заработную плату. Сфера услуг имеет значительный спрос на низкоквалифицированные рабочие места, но оплата труда в этой области довольно низкая. В то же время рабочие места средней квалификации, которые являются основным сегментом рынка труда, находятся в процессе сокращения.

Научно-технический прогресс, цифровизация экономики, активное внедрение технологий искусственного интеллекта неизбежно сопровождаются изменением роли и функций человека в трудовом процессе. Осуществляется переход к деятельности, основанной преимущественно на переработке информации и знаний. Эффективность этой деятельности определяют такие факторы, как знания, умения, творческий потенциал работников, без которых становится невозможным производство инновационных продуктов. Важным направлением развития социально-трудовой сферы в этих условиях становится увеличение занятости в отраслях, связанных с технологическим прогрессом, широким использованием Интернета, информационных и коммуникационных технологий [11].

Данная тенденция связана с ростом численности выпускников вузов страны по направлению подготовки «Информатика и вычислительная техника» на 10 000 человек населения Российской Федерации (за период 2010–2021 гг. оно возросло в 4 раза) (рис. 3).

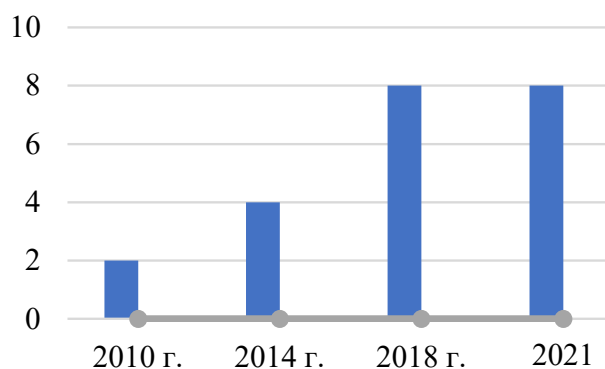

Рис. 3. Численность выпускников государственных образовательных организаций высшего образования по направлению подготовки «Информатика и вычислительная техника» на 10 000 населения, чел.

Fig. 3. The number of graduates of state educational institutions of higher education in the field of Computer Science and computer engineering per 10,000 population, people

Источник: составлено авторами по:
<https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity>

3. Непрерывность образования, частая смена деятельности.

Внедрение ИИ в совокупности с цифровизацией рынка труда приводит к тому, что возникает необходимость в постоянном повышении квалификации. Иногда НТП приводит к тому, что людям приходится менять сферу деятельности по причине деградации спроса на нерелевантные профессии.

Ожидается расширение сегмента российского рынка труда, связанного с технологией искусственного интеллекта. Предполагается, что их внедрение позволит дополнительно создать в России около 3 млн рабочих мест к 2025 г. Прогноз во многом может оправдаться, так как ежегодные темпы роста рынка решений искусственного интеллекта в России эксперты оценивают на уровне 20–30 % [12].

4. Повышение спроса на «креативность».

Рутинные трудовые процессы всё больше заменяются ИИ, тем самым требования к человеческому капиталу повышаются. Помимо профессиональных знаний сотрудники должны обладать нетривиальными личными качествами, например гибкими навыками. Однако наибольшую ценность в настоящее время имеет творческое мышление, «креативность».

5. Значительное сокращение сектора госслужащих в перспективе.

Более явно данная тенденция стала проявляться в связи с принятием Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. В стратегии отмечается значимость повышения эффективности госуправления и развития цифровой экономики¹.

В последние годы получение населением государственных и муниципальных услуг в электронной форме неуклонно возрастает. Если в 2016 г. доля населения, получившего государственные и муниципальные услуги в электронной форме, составляла 28,8 % от общей численности населения в возрасте 15–72 лет, то в 2021 г. — уже 68,2 %², то есть возросла в 2,4 раза.

Внедрение ИИ в государственном секторе может привести к увеличению структурной

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 06.06.2023).

² Цифровая экономика: 2023 : краткий статистический сборник. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/icekr> (дата обращения: 07.06.2023)

безработицы и возникновению противоречий внутри государственной системы.

II. Будущее рынка труда.

Исходя из вышеизложенных тенденций и сопутствующих им проблем можно предположить будущее развитие рынка труда.

За роботизацией и интеллектуализацией последуют определенные негативные явления, связанные с сокращением или перестройкой рабочих мест в отраслях производства и в отдельных секторах сферы обслуживания.

Статистика ряда исследований говорит о возможном сокращении рабочих мест (от 8 до 47 %), а темпы сокращения профессий будут составлять по 1–3 профессии ежегодно [13]. Изменения затронут преимущественно профессии, основанные на повторяющихся алгоритмах и скриптах поведения.

Так, согласно исследованию Всемирного экономического форума, ожидается, что к 2025 г. ИИ автоматизирует 75 млн рабочих мест во всем мире и вместо них создаст 133 млн новых рабочих мест¹. Эти трансформационные процессы на рынке труда создадут как проблемы, так и новые перспективы для работников и для работодателей.

Исследования в указанной сфере в основном дают пессимистические прогнозы и говорят о значительном росте безработицы, что может привести к напряженности в социально-трудовых отношениях [14].

Однако данные предположения не имеют под собой оснований, так как внедрение ИИ может повлиять и положительно на рынок труда. Что касается интеллектуальной деятельности, то конкуренция с человеком практически исключена, даже несмотря на возможности машин анализировать и обрабатывать большое количество данных [15].

Уже сейчас возникают профессии, в которых крайне важным критерием является наличие человеческого капитала, а не ИИ. Приоритетными станут такие требования, как гибкое стратегическое управление, эмоциональный и когнитивный труд, исследования, обучение людей, сфера машинного обучения, информационно-коммуникационные технологии и др. В связи с этим возникает необходимость в обучении новых специалистов и их дальнейшем трудоустройстве, а непре-

рывное обучение позволит человеку оставаться востребованным на рынке труда, а также адаптироваться к изменениям в бизнес-моделях.

Широкое внедрение современных технологий ведет к радикальным изменениям на рынке труда, вызывая огромные структурные сдвиги.

Согласно докладу Всемирного экономического форума «Будущее профессий», 65 % школьников, которые сейчас обучаются в начальных классах, будут работать по специальностям, которых еще не существует². Постепенно современный рынок труда начинает тяготеть в сторону новых секторов экономики, а не рынка услуг. Это подтверждают и данные рынка труда: 10 наиболее востребованных в 2010 г. специальностей не существовали в 2004 г.

В краткосрочной перспективе ожидаются сложности с заменой специалистов, переобучением и недостатком вакансий. Данный эффект называется «несовпадением навыков и технологий» (skills and technologies mismatch). Уже сейчас ощущается нехватка кадров в областях, связанных с ИИ. Высокие технологии помогают обществу привыкнуть к изменениям. Профессии устаревают, технологии меняются, но высококвалифицированные специалисты всегда остаются востребованными. Профессии меняются слишком быстро, чтобы традиционные модели рабочей силы успевали за ними. Это привело к появлению нового термина «организация, основанная на навыках». Переход от работы к навыкам сложен. Он включает в себя разложение операций на детализированный уровень, основанный на навыках. Это требует времени, и данные могут быть потеряны, если система управления персоналом или система обучения не обновлялись какое-то время. Кроме того, количество навыков, которыми обладает организация, примерно в два раза превышает количество операций и должностей. В связи с этим организации видят перспективу в использовании ИИ.

Таким образом, присутствие ИИ на рынке труда в большинстве своем влияет на профессии, в основном связанные с выполнением рутинных операций и низкой квалификацией работников.

Тем временем цифровая экономика связана с новыми профессиями, требующими высокой квалификации работника и овладения сложными навыками. Это может привести к рассло-

¹ ВЭФ спрогнозировал потерю 85 млн рабочих мест к 2025 г. из-за новых технологий. ИнтерФакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/732397> (дата обращения: 01.06.2023).

² Профессии будущего (Прогноз ВЭФ). MEL.FM URL: <https://mel.fm/blog/nataliia-ovchinnikova/35921-professii-budushchego-prognoz-vef> (дата обращения: 05.06.2023).

нию рынка труда, его поляризации, нарастанию структурной безработицы и увеличению напряженности в социально-трудовых отношениях, перерастающей в социальные конфликты.

Однако потенциальный рост безработицы можно рассматривать лишь в краткосрочной перспективе, так как на смену уже неактуальным профессиям будут приходиться новые специальности вследствие диверсификации рынка труда.

Важным аспектом в использовании ИИ является проблема открытости, прозрачности и этичности. Например, компании Amazon пришлось отменить модель искусственного интеллекта для найма сотрудников из-за предвзятого отношения к женщинам¹ [16]. В литературе высказываются опасения использования ИИ из-за того, что алгоритмы найма и проверки дискриминируют людей с ограниченными возможностями. Использование ИИ эффективно, если он смоделирован на основе максимально точных и репрезентативных данных.

Заключение

Искусственный интеллект может значительно улучшить жизнь людей и принести большую пользу обществу и экономике во всех сферах

¹ Amazon отказывается от секретного рекрутингового инструмента с искусственным интеллектом, который демонстрировал предвзятое отношение к женщинам. URL: <https://www.reuters.com/article/us-amazon-com-jobs-automation-insight-idUSKCN1MK08G> (дата обращения: 18.06.2023).

жизни: промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте, в сфере охраны окружающей среды, в здравоохранении, в борьбе с киберпреступностью и т. д. Но развитие искусственного интеллекта связано не только с технологическими, но и социальными, экономическими, экологическими, этическими аспектами, что особенно влияет на рынок труда Российской Федерации. В сфере создания систем искусственного интеллекта, базирующегося на машинном обучении, Россия имеет значительный потенциал, выражающийся в наличии крупных компаний (например, подразделения Сбербанка, Mail.Ru Group и др.), осуществляющих активное развитие технологий ИИ. Вследствие этого происходит динамичная трансформация рынка труда в Российской Федерации. За роботизацией и интеллектуализацией последуют определенные негативные последствия и тенденции, которые приведут к сокращению или перестройке рабочих мест в промышленности, сельском хозяйстве и в отдельных секторах сферы обслуживания. Широкое внедрение современных технологий приведет к радикальным изменениям на рынке труда, вызывая огромные структурные сдвиги. Это может привести к поляризации рынка труда, укреплению структурной безработицы и нарастанию социальных конфликтов. Таким образом, искусственный интеллект оказывает влияние на существующую реальность, а последствия его внедрения неоднозначны и вызывают многочисленные дискуссии.

Список источников

1. Рыбак О. П. Искусственный интеллект как объект статистического изучения // Вопросы статистики. 2020. № 2. С. 34–47.
2. Солдатенко Д. М. Искусственный интеллект: прошлое, настоящее и будущее // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 9. С. 127–134.
3. Устьян Э. А. Понятие «искусственный интеллект»: от теории к правовому регулированию // Правовое регулирование экономической деятельности. 2023. № 2. С. 103–111.
4. Осипов Ю. М., Юдина Т. Н., Купчишина Е. В. «Искусственный интеллект», большие данные как институты экономики нового технологического поколения // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2020. № 4. С. 27–46.
5. Lobovikov V. O. Artificial intelligence and an almost unknown aspect of mathematical linguistics. // Discourse-P. 2022. Т. 19, № 3. С. 170–184.
6. Принцев Р. А. Искусственный интеллект как фактор динамики финансового сектора // Финансовая экономика. 2018. № 4. С. 90–92.
7. Ларионов Ф. Г., Микаева С. А. Искусственный интеллект в медицине // Наукосфера. 2022. № 10-2. С. 204–207.
8. Устинова О. Е. Искусственный интеллект в менеджменте компаний // Креативная экономика. 2020. Т. 14, № 5. С. 885–904.
9. Колмакова И. Д., Колмакова Е. М. Состояние социально-трудовой сферы в контексте стратегии

достижения целей устойчивого развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). С. 81–91.

10. Колмакова Е. М. Развитие потенциала социально-трудовой сферы региона: теоретические, методические и прикладные аспекты : дис. ... канд. экон. наук. Челябинск, 2013.

11. Колмакова И. Д., Колмакова Е. М. Направления изменений социально-трудовой сферы в информационной экономике // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2020. № 1 (4). С. 76–80.

12. Игнатъева Е. А., Базылев Я. С. Оценка влияния цифровизации на рынок труда: возможности и риски // Оригинальные исследования. 2022. Т. 12, № 11. С. 414–421.

13. Дубинина М. Г. Влияние информационных технологий на динамику занятости в России и за рубежом // Управление наукой и наукометрия. 2017. № 2 (24). С. 109–133.

14. Shindina T. A., Kolmakova E. M., Vlasova G. A., Orlova N. A., Kolmakova I. D. Labour and social relations as the economical category and the efficiency of the regional system of labour and social relations // Journal of Applied Economic Sciences. 2016. Т. 11, № 4. С. 782–785.

15. Мкртумова А. А. Трансформация роли человека в условиях цифровизации экономики // Креативная экономика. 2019. Т. 13, № 6. С. 1163–1168.

References

1. Rybak OP. Artificial intelligence as an object of statistical study. *Voprosy statistiki = Questions of statistics*. 2020;(2):34-47. (In Russ.).

2. Soldatenko DM. Artificial intelligence: past, present and future. *Rossiiskij vneshneekonomicheskij vestnik = Russian Foreign Economic Bulletin*. 2020;(9):127-134. (In Russ.).

3. Ustyan EA. The concept of “artificial intelligence”: from theory to legal regulation. *Pravovoe regulirovanie ekonomicheskoy deyatel'nosti = Legal regulation of economic activity*. 2023;(2):103-111. (In Russ.).

4. Osipov YuM, Yudina TN, Kupchishina EV. “Artificial intelligence”, big data as economic institutions of the new technological generation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika = Bulletin of Moscow University. Series 6: Economics*. 2020;(4):27-46. (In Russ.).

5. Lobovikov VO. Artificial intelligence and an almost unknown aspect of mathematical linguistics. *Discourse-P*. 2022;19(3):170-184.

6. Princes RA. Artificial intelligence as a factor in the dynamics of the financial sector. *Finansovaya ekonomika = Financial Economics*. 2018;(4):90-92. (In Russ.).

7. Larionov FG, Mikaeva SA. Artificial intelligence in medicine. *Scienceosphere = Naukosfera*. 2022;(10-2):204-207. (In Russ.).

8. Ustinova OE. Artificial intelligence in company management. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2020;14(5):885-904. (In Russ.).

9. Kolmakova ID, Kolmakova EM. The state of the social and labor sphere in the context of the strategy for achieving sustainable development goals. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2022;(11(469):81-91. (In Russ.).

10. Kolmakova EM. Development of the potential of the social and labor sphere of the region: theoretical, methodological and applied aspects. Thesis. Chelyabinsk. 2013. (In Russ.).

11. Kolmakova ID, Kolmakova EM. Directions of changes in the social and labor sphere in the information economy. *Nauchnyj ezhegodnik Centra analiza i prognozirovaniya = Scientific Yearbook of the Center for Analysis and Forecasting*. 2020;(1(4):76-80. (In Russ.).

12. Ignatieva EA, Bazylev YS. Assessing the impact of digitalization on the labor market: opportunities and risks. *Original'nye issledovaniya = Original research*. 2022;12(11):414-421. (In Russ.).

13. Dubinina MG. The impact of information technology on employment dynamics in Russia and abroad. *Upravlenie naukoy i naukometriya = Science management and scientometrics*. 2017;(2(24):109-133. (In Russ.).

14. Shindina TA, Kolmakova EM, Vlasova GA, Orlova NA, Kolmakova ID. Labour and social relations as the economical category and the efficiency of the regional system of labour and social relations. *Journal of Applied Economic Sciences*. 2016;11(4):782-785.

15. Mkrumova AA. Transformation of the human role in the conditions of digitalization of the economy. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2019;13(6):1163-1168. (In Russ.).

Информация об авторах

И. Д. Колмакова — доктор экономических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления.

М. Е. Бурлаков — заместитель генерального директора.

Е. М. Колмакова — кандидат экономических наук, доцент факультета «Высшая школа управления».

Н. А. Бутаков — менеджер проектов в области информационных технологий отдела сопровождения проектов Департамента мониторинга и анализа деструктивных проявлений в киберсреде.

Information about the authors

I. D. Kolmakova — Doctor of Economic Sciences, Head of the Department of State and Municipal Administration.

M. E. Burlakov — Deputy General Director.

E. M. Kolmakova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Faculty of Higher School of Management.

N. A. Butakov — Project Manager in the Field of Information Technology of the Project Support Department of the Department for Monitoring and Analyzing Destructive Manifestations in the Cyber Environment.

Статья поступила в редакцию 21.06.2023; одобрена после рецензирования 30.09.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 21.06.2023; approved after reviewing 30.09.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.1

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-53-66

УРОВЕНЬ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РАСХОДОВ РАБОТНИКОВ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Ольга Васильевна Артемова¹, Ирина Юрьевна Нестеренко²

¹ Челябинский филиал ИЭ УрО РАН, Челябинск, Россия, artemova.ov@uiec.ru

² Челябинский филиал ИЭ УрО РАН; Уральский социально-экономический институт (филиал) Академии труда и социальных отношений, Челябинск, Россия, nesterenko.iy@uiec.ru

Аннотация. Авторами на основе социологического опроса 247 домохозяйств проведено исследование по благосостоянию домохозяйств российского региона, от которого (благосостояния) зависит качество жизни как отдельных групп граждан, так и общества в целом. Учитывая, что благосостояние домохозяйств определяется уровнем их доходов и расходов, структура и логика исследования включали две части: определение уровня и степени дифференциации доходов (первая часть) и расходов (вторая часть) применительно к работающим в сфере образования. В данной статье сделан акцент и представлены результаты по второй части, а именно проблеме дифференциации расходов населения в российском регионе. Авторы констатируют значительную дифференциацию расходов домохозяйств различных групп населения, сфер деятельности работников, мест проживания, наличия детей в семьях. Среди факторов, существенно влияющих на расходы домохозяйств, названы: уровень доходов домохозяйств, уровень цен, государственные расходы, ставки налогов, процентные ставки. Неблагоприятные факторы ведут к напряженности потребительских настроений домашних хозяйств, поэтому важно оценить текущую ситуацию по расходам работников образовательной сферы, что и показано в предлагаемой статье.

Ключевые слова: расходы работников образовательной сферы, структура расходов, дифференциация расходов, прожиточный минимум

Финансирование. Статья подготовлена в соответствии с планом НИР ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» на 2023 г.

Для цитирования: Артемова О. В., Нестеренко И. Ю. Уровень и дифференциация расходов работников образования в российском регионе // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 53–66. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-53-66.

Original article

LEVEL AND DIFFERENTIATION OF EXPENDITURES OF EDUCATIONAL WORKERS IN THE RUSSIAN REGION

Olga V. Artemova¹, Irina Y. Nesterenko²

¹ Chelyabinsk Branch of Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia, artemova.ov@uiec.ru

² Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Ural Socio-Economic Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Chelyabinsk, Russia, nesterenko.iy@uiec.ru

Abstract. Based on a sociological survey of 247 households, the authors conducted a study on the welfare of households in the Russian region, on which the quality of life of both individual groups of citizens and society as a whole depends. Considering that the well-being of households is determined by the level of their income and expenses, the structure and logic of the study included two parts: determining the level and degree of differentiation of income (the first part) and expenses (the second part) in relation to those working in the field of education. The results of the study on the first part were published earlier. This article focuses on and presents the results on the problem of

differentiation of expenditures of the population in the Russian region. The authors state a significant differentiation of household expenditures of different population groups, the sphere of activity of employees, place of residence, the presence of children in families. Among the factors that significantly affect household spending are: household income level, price level, state.

Keywords: expenses of educational workers, cost structure, cost differentiation, living wage

Funding. The article was prepared in accordance with the research plan of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2023.

For citation: Artemova OV, Nesterenko IY. Level and Differentiation of Expenditures of Educational Workers in the Russian Region. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):53-66. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-53-66.

Введение

Среди субъектов экономической деятельности важное место отведено домашним хозяйствам, благосостояние которых определяет качество жизни как отдельных групп граждан, так и общества в целом [5; 6; 8; 13]. Следует согласиться с авторами, отмечающими, что благосостояние домохозяйств имеет существенное влияние на состояние экономики [7]. Благосостояние домохозяйств определяется уровнем их доходов и расходов. Действительно, домашние хозяйства выступают поставщиками экономических ресурсов и являются получателями дохода, они также выступают основной расходующей группой [15]. Таким образом, между доходами и расходами домохозяйств существует неразрывная тесная взаимосвязь: структура и объем расходов зависят от объема и структуры доходов [1; 15]. Кроме того, как отмечают специалисты, при росте доходов домашних хозяйств и насыщении их базовых потребностей существенно меняется структура потребления: снижается доля расходов на продовольствие и растет доля расходов на товары длительного пользования [3].

Напротив, при снижении доходов структура расходов меняется в сторону текущего потребления. При этом необходимо учитывать, что расходы домохозяйств определяются такими факторами, как уровень доходов домохозяйств и уровень цен, государственные расходы (в том числе трансфертами), налоги, процентные ставки, периоды потребления (текущий и перспективный), потребности домохозяйств, о чем пишут специалисты [11].

Учитывая эти факторы (в особенности рост цен на потребительские товары и услуги), в настоящее время у среднестатистического домохозяйства наблюдается тенденция роста расходов и снижение доходов. Одной из существенных проблем остается напряженность потребительских настроений, динамика которых отражает незавершенный характер кризисных явлений,

связанных с пандемией коронавируса [10]. Кроме того, существует ряд проблем, препятствующих росту благосостояния населения, в частности, речь в настоящее время идет о неблагоприятных тенденциях изменения структуры доходов и расходов домашних хозяйств в связи с введенными в отношении России западными санкциями [9].

В целом дифференциация расходов домохозяйств имеет место и усиливается для различных групп населения, сфер деятельности работников, наличия детей в семьях и пр. [2; 3; 14]. Так, отмечается, что уровень и структура расходов существенно различаются между домашними хозяйствами, имеющими разный уровень дохода; что доходы и расходы домохозяйств в городах больше, чем в сельской местности, что они растут с увеличением размера города [2]. В проведенном в 2022 г. опросе «Всероссийское обследование домохозяйств по потребительским финансам» говорится о большом разрыве в доходах и расходах домохозяйств из разных децильных групп [2]. Отмечается, что для семей с детьми вероятность оказаться в сложном финансовом положении больше [2; 12]. Подчеркивается неустойчивое финансовое положение домохозяйств из низкодходных групп и семей с детьми, что следует рассматривать как социальную проблему [2].

Исследования, ведущиеся отечественными и зарубежными учеными и специалистами по проблемам жизнедеятельности населения в рамках домохозяйств в части их экономического благополучия [7; 13], всегда были и остаются в фокусе внимания власти, бизнеса и общества. В порядке конкретизации и углубления актуальными остаются исследования, предметом которых выступают уровень и дифференциация доходов и расходов домашних хозяйств.

Авторы данной статьи, продолжая тему исследований благосостояния домашних хозяйств применительно к работающим в образовательной сфере, акцентировали свое внимание на ситуации с расходной частью бюджета домохозяйств.

Исследователи отмечают, что расходам населения, как объекту исследования, отечественные и зарубежные авторы уделяли пристальное внимание, но до сих пор остается много дискуссионных вопросов и единое мнение не сформировалось [4].

Цель исследования состояла в определении степени дифференциации расходов работников образования региона. Предметом являлись расходы работников образования региона с позиций их дифференциации.

Объект исследования: образовательная сфера региона в разрезе территориальной локализации, видов образовательных учреждений, категорий работников. Полигон: образовательные учреждения Челябинской области (ЧО). Период исследования: IV квартал 2021 г.

Основной метод исследования был основан на социологическом опросе работников образования региона, в процессе которого были получены данные респондентов об их расходах.

Методы и материалы

В данном исследовании использовались следующие критерии дифференциации расходов:

– по отраслевому признаку: сфера образования в разрезе дошкольных образовательных учреждений (ДОУ), общеобразовательных учреждений (ООУ), учреждений среднего профессионального образования (СПО);

– по территориальному признаку: крупные города, средние и малые города, сельские поселения;

– по категориям работников образования: административно-управленческий персонал (АУП), педагогический персонал (ПП), учебно-вспомогательный персонал (УВП), обслуживающий персонал (ОП).

В исследовании был использован такой инструмент анализа, как социологический опрос. В опросе приняли участие 247 домохозяйств работников образования. Обследование проводилось в г. Челябинске (статус города по численности населения — «крупнейший»), г. Магнитогорске (статус — «крупный»), а также средних и малых городских поселениях, сельских поселениях.

Расходы фиксировались по целям потребления: а) оплата товаров и услуг (расходы на приобретение продуктов питания, оплату жилищно-коммунальных услуг, транспортные расходы, приобретение одежды и обуви, приобретение предметов гигиены, бытовой химии, расходы на здравоохранение, образование и др.); б) обязательные пла-

тежи и взносы (налоги с физических лиц, взносы в общественные и кооперативные организации, страховые платежи, погашение кредита и процентов по кредитам); в) капитальные расходы (приобретение недвижимости и транспортных средств, крупной бытовой техники, мебели). Также оценивался прирост (уменьшение) финансовых активов домашних хозяйств работников образования.

Были проведены сравнительная оценка расходов работников образования по выбранным критериям, сравнение расходов относительно их среднего значения на территории Челябинской области, а также относительно величины установленного в регионе прожиточного минимума.

Обработка полученных результатов опроса позволила выявить ряд количественных и качественных характеристик расходов анализируемой категории работников.

Результаты

Используя предложенные авторами подходы, был проведен анализ и дана сравнительная оценка уровня расходов работников образования, выявлена степень их (расходов) дифференциации.

Средние расходы домашних хозяйств работников образования на 1 человека в месяц по Челябинской области по результатам анализа обследованных семей в IV квартале 2021 г. составили 18 582 руб., что на 441 руб. больше средних доходов. Таким образом, средний уровень прироста (уменьшения) финансовых активов (текущего уровня прироста сбережений) составил 2,32 % от уровня доходов (табл. 1).

В разрезе категорий работников образовательных организаций дифференциация расходов ожидаемо аналогична дифференциации доходов: категории работников с большими доходами имеют более высокий уровень расходов и, наоборот, менее доходные категории работников имеют меньшие расходы. По результатам исследования наибольшие расходы имеют место в семьях АУП — 25 165 руб. в месяц на человека (135,4 % от средних по работникам образования области), далее по убывающей: расходы домашних семей педперсонала — 19 053 руб. в месяц на человека (102,5 % от средних по работникам образования области), учебно-вспомогательного персонала — 17 012 руб. (91,6 %), обслуживающего персонала — 13 099 руб. на человека в месяц (70,5 % от средних).

В разрезе видов образовательных организаций наиболее высокие расходы в анализируемом периоде сложились у работников ДОУ — 20 097 руб.

Средние доходы, расходы и уровень прироста (уменьшения) финансовых активов домашних хозяйств по категориям работников образования Челябинской области в 4 квартале 2021 года
Average income, expenses and the level of growth (decrease) in financial assets of households by categories of education workers in the Chelyabinsk region in the 4th quarter of 2021

Категория работников	Ср. доходы в месяц на 1 чел., руб.	Доля от средних доходов по ЧО, всего, %	Ср. расходы в месяц на 1 чел., руб.	Доля от средних расходов по ЧО всего, %	Прирост (уменьшение) финансовых активов в месяц на 1 чел., руб.	Доля прироста (уменьшения) финансовых активов в доходах, %
ЧО	19 023	100,00	18 582	100,00	441	2,32
АУП	24 898	130,88	25 165	135,43	-267	-1,07
ПП	19 750	103,82	19 053	102,53	697	3,53
УВП	17 400	91,47	17 012	91,55	388	2,23
ОП	14 044	73,83	13 099	70,49	945	6,73
ДОУ	18 738	98,50	20 097	108,15	-1 359	-7,25
АУП	26 379	138,67	31 056	167,13	-4 677	-17,73
ПП	18 142	95,37	18 694	100,60	-552	-3,04
УВП	16 259	85,47	17 159	92,34	-900	-5,54
ОП	14 174	74,51	13 478	72,53	696	4,91
ООУ	18 932	99,52	18 257	98,25	675	3,57
АУП	23 604	124,08	23 955	128,92	-351	-1,49
ПП	22 174	116,56	20 902	112,49	1 272	5,74
УВП	17 841	93,79	16 873	90,80	968	5,43
ОП	12 111	63,67	11 298	60,80	813	6,71
СПО	20 529	107,92	18 971	102,09	1 558	7,59
АУП	26 544	139,54	24 293	130,73	2 251	8,48
ПП	18 933	99,53	17 564	94,52	1 369	7,23
УВП	20 693	108,78	19 394	104,37	1 299	6,28
ОП	15 946	83,82	14 634	78,75	1 312	8,23

Источник: составлено авторами.

в месяц на члена семьи (108,2 % от средних по работникам образования области), у работников СПО — 18 971 руб. (102,1 %) и общеобразовательных организаций — 18 257 руб. на человека (98,3 %).

При среднем уровне прироста (уменьшения) финансовых активов по всем респондентам в 2,32 % от уровня доходов наблюдается высокая дифференциация данного показателя и по категориям работников образования, и по отдельным семьям. Работники среднего профессионального образования имеют самый высокий уровень текущих сбережений — 7,59 %, общеобразовательных организаций — в среднем 3,57 %, а уровень текущих сбережений работников ДОУ составил отрицательную величину (-7,25 %). Отрицательное значение уровня прироста (уменьшения) финансовых активов означает, что в анализируемом периоде расходы домашних хозяйств превышали доходы. Это возможно за счет использования ра-

нее накопленных сбережений или осуществления расходов за счет привлечения кредитов. В частности, такая ситуация возникла у персонала дошкольных образовательных организаций и административно-управленческого персонала общеобразовательных учреждений.

В разрезе территорий ранжирование уровня расходов также аналогично ранжированию уровней доходов (табл. 2).

Наибольшее значение среднедушевых расходов домашних хозяйств работников образования сложилось в крупных городах — 21 171 руб./мес. (113,9 % от средних по работникам образования области), на втором месте — среднедушевые расходы средних и малых городов — 19 661 руб./мес. (105,8 % от средних) и самые низкие денежные расходы в сельских поселениях — 14 914 руб./мес. на человека (80,3 % от средних).

В структуре расходов домашних хозяйств работников образования области преобладают

Средние доходы, расходы и прирост (уменьшение) финансовых активов домашних хозяйств работников образования по территориям Челябинской области в IV квартале 2021 г.
Average income, expenses and increase (decrease) in financial assets of households of educators by territory of the Chelyabinsk region in the 4th quarter of 2021

Категория работников	Ср. доходы в месяц на 1 чел., руб.	Доля от средних доходов по ЧО, всего, %	Ср. расходы в месяц на 1 чел., руб.	Доля от средних расходов по ЧО всего, %	Прирост (уменьшение) финансовых активов в месяц на 1 чел., руб.	Доля прироста (уменьшения) финансовых активов в доходах, %
ЧО	19 023	100,00	18 582	100,00	441	2,32
АУП	24 898	130,88	25 165	135,43	-267	-1,07
ПП	19 750	103,82	19 053	102,53	697	3,53
УВП	17 400	91,47	17 012	91,55	388	2,23
ОП	14 044	73,83	13 099	70,49	945	6,73
Крупные города	22 030	115,81	21 171	113,93	859	3,90
АУП	27 239	143,19	27 176	146,25	63	0,23
ПП	23 877	125,52	22 971	123,62	906	3,79
УВП	21 350	112,23	20 247	108,96	1 103	5,17
ОП	15 652	82,28	14 292	76,91	1 360	8,69
Средние и малые города	19 306	101,49	19 661	105,81	-355	-1,84
АУП	26 571	139,68	28 694	154,42	-2123	-7,99
ПП	18 991	99,83	18 025	97,00	966	5,09
УВП	17 934	94,28	18 564	99,90	-630	-3,51
ОП	13 728	72,17	13 360	71,90	368	2,68
Сельские поселения	15 734	82,71	14 914	80,26	820	5,21
АУП	20 884	109,78	19 623	105,60	1 261	6,04
ПП	16 381	86,11	16 164	86,99	217	1,32
УВП	12 917	67,90	12 226	65,79	691	5,35
ОП	12 753	67,04	11 644	62,66	1 109	8,70

Источник: составлено авторами.

расходы на покупку товаров и услуг текущего характера — 77,76 %. Обязательные платежи (налоги, взносы, в том числе по страхованию, выплаты на погашение кредита и процентов по нему) составляют 13,33 %. Расходы капитального характера составляют 6,93 %, в том числе расходы на приобретение недвижимости и транспортных средств — 1,09 %, на приобретение крупной бытовой техники, мебели, ремонт жилья — 5,84 % (табл. 3).

В структуре расходов по категориям товаров и услуг наибольшую долю составляют расходы на питание (27,66 %) и оплату коммунальных услуг (12,96 %). Достаточно большую долю в структуре расходов составляют расходы на погашение кредита — 11,76 %, что говорит о высоком уровне закредитованности работников.

К другим значимым расходам домашних хозяйств относятся расходы на приобретение одежды и обуви (9,50 % расходов), бытовых товаров и услуг, в том числе компьютеров и телефонов, (5,87 %), транспортные расходы (5,87 %), затраты на здравоохранение (4,44 %), приобретение косметики, парфюмерии, бытовой химии и предметов гигиены (3,68 %), на образование (3,40 %). Очень низкий уровень в структуре расходов составляют затраты на отдых — 0,69 %.

Уровень затрат на питание и на отдых являются индикаторами уровня благосостояния населения. При росте уровня благосостояния снижается доля затрат на питание и увеличивается доля затрат на отдых. И наоборот: при снижении уровня благосостояния растет доля затрат на питание и уменьшается доля затрат на отдых, поскольку

**Структура расходов домашних хозяйств по категориям работников образования
Челябинской области в IV квартале 2021 г.**
**The structure of household expenditures by category of education workers in the Chelyabinsk region
in the 4th quarter of 2021**

Виды расходов	Расходы в среднем на 1 чел. домаш. хоз-ва, руб.	Доля в расходах, %	Доля по видам расходов по категориям работников образования, %			
			АУП	ПП	УВП	ОП
1. Покупка товаров и оплата услуг	14 449	77,76	70,07	75,75	79,51	85,70
1.1) приобретение продуктов питания	5 140	27,66	23,38	27,04	31,59	28,63
1.2) оплата коммунальных услуг	2 408	12,96	10,74	11,55	13,47	16,08
1.3) покупка одежды и обуви	1 765	9,50	7,88	9,38	9,04	11,69
1.4) приобретение косметики, парфюмерии, бытовой химии и предметов гигиены	684	3,68	2,66	3,12	5,02	3,92
1.5) затраты на здравоохранение	825	4,44	3,05	3,81	4,45	6,47
1.6) затраты на посещение культурно-досуговых и спортивных учреждений	242	1,30	1,65	1,41	1,05	1,08
1.7) затраты на образование	632	3,40	6,02	2,95	2,53	2,11
1.8) транспортные расходы	1 091	5,87	6,71	5,60	4,66	6,51
1.9) затраты на приобретение бытовых товаров и услуг	1 091	5,87	5,46	5,97	6,55	5,51
1.9.1) в том числе компьютеров, ноутбуков, сотовых телефонов, гаджетов к ним	509	2,74	2,65	3,19	3,28	1,82
1.10) затраты на отдых	128	0,69	0,74	0,95	0,62	0,45
1.11) оказание финансовой помощи и подарки	325	1,75	1,41	2,44	1,41	1,73
1.12) прочие расходы	190	1,02	0,52	1,46	0,66	1,43
2. Обязательные платежи	2 477	13,33	16,53	16,07	12,28	8,45
2.1) налоги и сборы, пошлины	124	0,67	0,68	0,45	0,76	0,81
2.2) взносы в общественные и кооперативные организации	46	0,25	0,32	0,27	0,19	0,23
2.3) платежи по страхованию	121	0,65	0,67	1,06	0,54	0,33
2.4) погашение кредита и процентов и комиссий по кредитам	2 185	11,76	14,86	14,33	10,83	7,03
3. Приобретение недвижимости и транспортных средств	2 03	1,09	1,93	2,45	0,00	0,00
4. Приобретение крупной бытовой техники, мебели, осуществление ремонта жилья	1 085	5,84	9,46	3,73	5,30	4,87
РАСХОДЫ, всего	18 582	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: составлено авторами.

потребители прежде всего стремятся сохранить уровень потребления товаров первой необходимости за счет перераспределения ресурсов из менее значимых для выживания направлений. Доля расходов на отдых в структуре расходов работников образования Челябинской области составляет менее 1 %, что свидетельствует о низком уровне благосостояния.

Дифференциация структуры расходов по категориям работников образования соответствует

общей тенденции изменения структуры расходов в зависимости от доходов потребителей — с ростом доходов уменьшается доля текущих расходов, прежде всего на приобретение продуктов питания, и увеличиваются расходы капитального характера — на приобретение недвижимости и транспортных средств, крупной бытовой техники, мебели. У административно-управленческого персонала, который имеет самые высокие доходы в анализируемой группе работников, ниже

среднего доля расходов на питание (23,38 %), на оплату коммунальных услуг (10,74 %), но самая высокая доля расходов на погашение кредита (14,86 %) и доля расходов капитального характера (11,39 %): приобретение недвижимости и транспортных средств (1,93 %) и крупной бытовой техники и мебели, осуществление ремонта жилья (9,46 %). Наименее доходная категория работников образования — обслуживающий персонал — на текущие расходы тратит 85,70 % бюджета, в том числе на продукты питания — 28,63 %, коммунальные услуги — 16,08 %, покупку одежды и обуви — 11,69 %. Доля капитальных расходов данной категории работников составляет 4,87 %. Ни один респондент из данной категории работников не указал в составе своих расходов приобретение недвижимости и транспортных средств.

Структура расходов домашних хозяйств работников образования по территориям области показывает, что у жителей средних и малых городов доля расходов на покупку товаров и услуг текущего потребления, в том числе продукты питания, составляет большую долю, чем в крупных городах, а доля расходов капитального характера, соответственно, меньше (табл. 4). Это согласуется с обратной зависимостью, что менее доходные группы населения тратят больше своих доходов на товары повседневного спроса, поскольку среднедушевые доходы работников образования средних и малых городов составляют в среднем 86 % от среднедушевых доходов работников образования крупных городов. Но работники образования сельских поселений, которые имеют наименьшие доходы среди работников образования области (71 % от среднедушевых доходов работников образования крупных городов и 82 % от среднедушевых доходов работников образования средних и малых городов), имеют меньшую долю расходов на товары повседневного спроса, в том числе продукты питания, по сравнению с работниками образования городов. Такая ситуация может быть связана со следующими причинами. Во-первых, у работников образования сельских поселений самая высокая доля расходов на погашение кредита среди работников образования области — 12,64 %, что выше среднего уровня. А более высокая доля расходов в форме обязательных платежей уменьшает долю других видов расходов. Во-вторых, у жителей сельских поселений в структуре потребления продуктов питания самая высокая доля продуктов собственного производства, что уменьшает денежные расходы домашних хозяйств на приобретение продуктов питания.

Продукты питания собственного производства (выращенные на садовых участках, личном подсобном хозяйстве) занимают значимую долю в структуре потребления работников образования области, особенно сельских поселений. Доля продукции собственного производства в составе потребления продуктов питания работников образования крупных городов составляет в среднем 9 %, средних и малых городов — 15 % и сельских поселений — 25 %. Наибольшее значение продукты питания собственного производства имеют в структуре потребления ОП сельских поселений — в среднем 44 %.

На осуществление расходов капитального характера (покупка объектов недвижимости, транспортных средств, крупной бытовой техники, мебели, осуществление крупного ремонта жилья) в течение 2021 г. указали 53 % респондентов (табл. 5).

При этом доля домашних хозяйств с кредиторской задолженностью составляет 58 % (табл. 6).

Размер расходов на погашение кредита превышает уровень капитальных расходов домашних хозяйств — доля расходов капитального характера в структуре расходов домашних хозяйств работников образования ЧО составляет в среднем 6,93 %, а доля расходов на погашение кредитов — 11,76 % (см. табл. 2). Размер расходов на погашение кредита превышает размер капитальных расходов на 40 %. Это означает, что не только приобретение объектов недвижимости, транспортных средств, крупной бытовой техники, мебели осуществляется в кредит, но частично и покупка товаров повседневного спроса — сотовых телефонов, компьютеров, одежды, обуви. Уровень текущих сбережений домашних хозяйств по всем категориям работникам образования в среднем составляет 2,32 % от уровня текущих доходов (см. табл. 1). Эти характеристики структуры расходов семей свидетельствуют, что осуществление расходов капитального характера для большинства респондентов невозможно без относительно длительного периода накопления средств или приобретения товаров в кредит.

В процессе исследования было проведено сравнение полученных результатов опроса работников образования и данных Росстата о величине потребительских расходов жителей Челябинской области. Важной оценочной характеристикой расходов работников образования является их сравнение с прожиточным минимумом и среднедушевыми месячными расходами жителей области (табл. 7).

Таблица 4
Table 4

Структура расходов семей работников образования по территориям Челябинской области в 2021 г., %
The structure of expenses of families of educators by territory of the Chelyabinsk region in 2021, %

Виды расходов	Расходы в крупных городах ЧО					Расходы в средних и малых городах ЧО					Расходы в сельских поселениях ЧО				
	Ср. зна- чение	АУП	ПП	УВП	ОП	Ср. зна- чение	АУП	ПП	УВП	ОП	Ср. зна- чение	АУП	ПП	УВП	ОП
1. Покупка товаров и оплата услуг	76,91	66,01	76,58	81,78	83,27	81,39	75,87	78,68	75,66	95,35	74,97	68,33	71,99	81,07	78,49
1.1) приобретение продуктов питания	25,65	21,45	23,25	28,22	29,66	29,80	24,01	30,13	30,61	34,45	27,54	24,69	27,75	35,94	21,78
1.2) оплата коммунальных услуг	13,63	10,43	13,92	12,88	17,28	15,75	13,68	12,95	17,81	18,54	9,51	8,11	7,78	9,72	12,43
1.3) покупка одежды и обуви	8,74	7,61	7,97	9,00	10,37	8,14	6,53	9,19	8,30	8,53	11,62	9,51	10,99	9,82	16,18
1.4) приобретение косметики, парфюмерии, бытовой химии и предметов гигиены	3,35	2,44	2,87	5,27	2,80	3,77	2,68	3,12	3,48	5,80	3,92	2,85	3,36	6,30	3,17
1.5) затраты на здравоохранение	4,73	4,25	4,71	5,25	4,72	4,50	2,54	3,05	2,61	9,81	4,10	2,37	3,65	5,50	4,88
1.6) затраты на посещение культурно-досуговых и спортивных учреждений	1,25	1,02	1,86	1,13	0,99	1,80	2,62	1,19	1,57	1,81	0,85	1,30	1,18	0,46	0,44
1.7) затраты на образование	4,04	5,69	3,89	4,50	2,07	4,26	10,34	2,84	1,39	2,47	1,91	2,04	2,10	1,70	1,80
1.8) транспортные расходы	5,20	4,46	5,36	5,99	5,00	5,36	9,08	4,47	2,06	5,81	7,05	6,60	6,97	5,91	8,70
1.9) затраты на приобретение бытовых товаров и услуг	6,08	5,26	5,49	6,50	7,09	4,34	2,72	6,75	5,53	2,34	7,20	8,40	5,68	7,64	7,09
1.9.1) в том числе компьютеров, ноутбуков, готовых телефонов, гаджетов к ним	2,87	2,84	3,50	2,72	2,44	1,73	0,34	3,14	3,14	0,28	3,61	4,78	2,93	3,99	2,74
1.10) затраты на отдых	0,73	0,69	1,19	0,75	0,27	0,68	0,34	1,26	0,11	1,02	0,66	1,19	0,41	0,99	0,06
1.11) оказание финансовой помощи и подарки	2,73	1,94	3,76	2,69	2,52	1,59	1,03	2,04	1,36	1,95	0,93	1,26	1,53	0,19	0,73
1.12) прочие расходы	1,25	1,24	2,31	0,95	0,50	1,29	0,31	1,40	0,90	2,54	0,51	0,00	0,67	0,12	1,25
2. Обязательные платежи	13,35	14,98	14,11	14,02	10,28	12,19	15,92	13,24	15,97	3,65	14,45	18,68	20,86	6,84	11,43
2.1) налоги и сборы, пошлины	0,66	0,59	0,59	0,75	0,70	0,57	0,75	0,44	0,42	0,66	0,80	0,70	0,31	1,10	1,07
2.2) взносы в общественные и кооперативные организации	0,36	0,26	0,36	0,15	0,65	0,26	0,41	0,35	0,28	0,00	0,14	0,29	0,09	0,14	0,03
2.3) платежи по страхованию	0,88	0,86	1,13	1,04	0,48	0,37	0,44	0,85	0,04	0,14	0,71	0,71	1,21	0,54	0,38
2.4) погашение кредита и процентов и комиссий по кредитам	11,46	13,27	12,03	12,08	8,45	11,19	14,32	12,36	15,23	2,85	12,64	16,98	18,60	5,19	9,79
3. Приобретение недвижимости и транспортных средств	2,62	5,78	4,72	0,00	0,00	0,48	0,00	1,90	0,00	0,00	0,18	0,00	0,72	0,00	0,00
4. Приобретение крупной бытовой техники, мебели, осуществление ремонта жилья	7,00	12,75	4,59	4,20	6,45	4,38	7,87	3,49	5,18	0,99	6,14	7,76	3,11	6,51	7,18
РАСХОДЫ, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: составлено авторами.

Таблица 5

Table 5

Доля домашних хозяйств работников образования Челябинской области, в структуре потребления которых имеются капитальные расходы в течение 2021 г., %
The share of households of education workers in the Chelyabinsk region, in the structure of consumption of which there are capital expenditures during 2021, %

Виды образовательных организаций по территориям	Доля домохозяйств, имеющих капитальные расходы, %				
	Среднее по ЧО	Категории работников			
		АУП	ПП	УВП	ОП
ЧО	53	68	55	42	49
ДОУ	59	60	67	56	48
ООУ	51	73	52	35	53
СПО	46	75	44	40	33
Крупные города	53	73	44	44	67
ДОУ	56	57	62	40	56
ООУ	54	86	40	38	83
СПО	43	100	30	67	0
Средние и малые города	43	33	53	13	33
ДОУ	57	67	50	50	75
ООУ	37	0	52	0	0
СПО	30	0	60	0	0
Сельские поселения	66	100	75	71	42
ДОУ	65	0	100	100	30
ООУ	62	100	63	60	50
СПО	100	100	100	0	100

Источник: составлено авторами.

Таблица 6

Table 6

Доля домашних хозяйств работников образования Челябинской области, выплачивающих обязательства по кредитам в течение 2021 г., %
The share of households of educators in the Chelyabinsk region paying loan obligations during 2021, %

Виды образовательных организаций по территориям	Доля домохозяйств, имеющих капитальные расходы, %				
	Среднее по ЧО	Категории работников			
		АУП	ПП	УВП	ОП
ЧО	58	68	65	68	28
ДОУ	56	80	64	67	30
ООУ	57	55	67	59	24
СПО	68	75	63	100	33
Крупные города	55	60	26	63	27
ДОУ	62	71	10	80	22
ООУ	41	43	9	38	33
СПО	79	100	7	100	0
Средние и малые города	64	83	61	100	33
ДОУ	62	100	50	100	50
ООУ	70	50	71	100	33
СПО	50	100	40	100	0
Сельские поселения	57	75	79	43	26
ДОУ	40	0	63	0	30
ООУ	65	100	84	60	13
СПО	75	50	100	0	100

Источник: составлено авторами.

Среднедушевые месячные расходы домашних хозяйств работников образования Челябинской области в IV квартале 2021 г. относительно прожиточного минимума и среднедушевых месячных расходов жителей Челябинской области
Average per capita monthly expenses of households of educators in the Chelyabinsk region in the 4th quarter of 2021 relative to the subsistence minimum and average per capita monthly expenses of residents of the Chelyabinsk region

Показатели доходов	В среднем по категориям работников образования	Категории работников образования			
		АУП	ПП	УВП	ОП
В среднем по Челябинской области					
Среднедушевые месячные расходы работников образования, руб./мес.	18 582	25 165	19 053	17 012	13 099
Величина среднедушевых расходов в прожиточных минимумах ¹⁾ , раз	1,63	2,20	1,67	1,49	1,15
Доля от среднедушевых расходов жителей ЧО ²⁾ , %	78,0	105,6	80,0	71,4	55,0
По дошкольным образовательным учреждениям Челябинской области					
Среднедушевые месячные расходы работников образования, руб./мес.	20 097	31 056	18 694	17 159	13 478
Величина среднедушевых расходов в прожиточных минимумах ¹⁾ , раз	1,76	2,72	1,64	1,50	1,18
Доля от среднедушевых расходов жителей ЧО ²⁾ , %	84,4	130,4	78,5	72,0	56,6
По общеобразовательным учреждениям Челябинской области					
Среднедушевые месячные расходы работников образования, руб./мес.	18 257	23 955	20 902	16 873	11 298
Величина среднедушевых расходов в прожиточных минимумах ¹⁾ , раз	1,60	2,10	1,83	1,48	0,99
Доля от среднедушевых расходов жителей ЧО ²⁾ , %	76,6	100,6	87,7	70,8	47,4
По учреждениям среднего профессионального образования Челябинской области					
Среднедушевые месячные расходы работников образования, руб./мес.	18 971	24 293	17 564	19 394	14 634
Величина среднедушевых расходов в прожиточных минимумах ¹⁾ , раз	1,66	2,13	1,54	1,70	1,28
Доля от среднедушевых расходов жителей ЧО ²⁾ , %	79,6	102,0	73,7	81,4	61,4
В крупных городах Челябинской области					
Среднедушевые месячные расходы работников образования, руб./мес.	21 171	27 176	22 971	20 247	14 292
Величина среднедушевых расходов в прожиточных минимумах ¹⁾ , раз	1,85	2,38	2,01	1,77	1,25
Доля от среднедушевых расходов жителей ЧО ²⁾ , %	88,9	114,1	96,4	85,0	60,0
В средних и малых городах Челябинской области					
Среднедушевые месячные расходы работников образования, руб./мес.	19 661	28 694	18 025	18 564	13 360
Величина среднедушевых расходов в прожиточных минимумах ¹⁾ , раз	1,72	2,51	1,58	1,62	1,17
Доля от среднедушевых расходов жителей ЧО ²⁾ , %	82,5	120,5	75,7	77,9	56,1
В сельских поселениях Челябинской области					
Среднедушевые месячные расходы работников образования, руб./мес.	14 914	19 623	16 164	12 226	11 644
Величина среднедушевых расходов в прожиточных минимумах ¹⁾ , раз	1,30	1,72	1,41	1,07	1,02
Доля от среднедушевых расходов жителей ЧО ²⁾ , %	62,6	82,4	67,9	51,3	48,9

¹⁾ Прожиточный минимум в IV квартале 2021 г. на одного человека в Челябинской области составлял 11 430 руб./мес.

²⁾ Среднедушевые месячные расходы жителей Челябинской области в 2021 г. составили 23 821 руб. (Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. / Росстат. М., 2022).

Источник: составлено авторами.

Расчет среднедушевых расходов домашних хозяйств в прожиточных минимумах показывает, что данный показатель домашних хозяйств работников образования в среднем составил в IV квартале 2021 г. 1,63 прожиточных минимума. Дифференциация данного показателя по категориям персонала и видам образовательных учреждений области составляет от 0,99 прожиточных минимумов у ОП в общеобразовательных учреждениях области до 2,72 прожиточного минимума у АУП в дошкольных образовательных учреждениях.

Сравнение среднедушевых месячных расходов домашних хозяйств работников образования по территориям Челябинской области со среднедушевыми месячными расходами жителей Челябинской области представлено на рис. 1.

Среднедушевые расходы домашних хозяйств работников образования Челябинской области составили 78 % от потребительских расходов на 1 человека в месяц в Челябинской области в 2021 г. Дифференциация данного показателя по категориям персонала и территориям области была от 48,9 % у ОП в сельских поселениях до 120,5 % у АУП в средних и малых городах.

Авторами было проведено сравнение структуры использования денежных доходов работников образования (рассчитанных по результатам опроса) со средними показателями по жителям Челябинской области (табл. 8).

Структура использования денежных доходов работниками образования Челябинской области примерно соответствует такой структуре в среднем по жителям Челябинской области: расходы

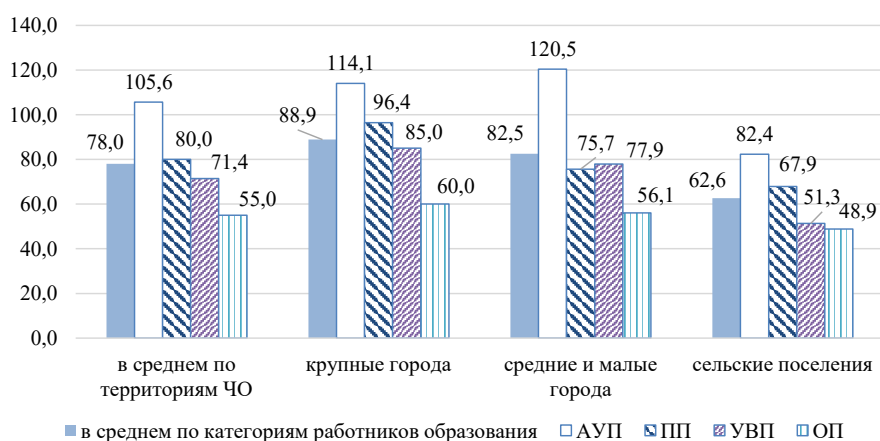

Рис. 1. Среднедушевые месячные расходы домашних хозяйств работников образования Челябинской области в IV квартале 2021 г. относительно среднедушевых месячных расходов жителей Челябинской области, %

Fig. 1. Average per capita monthly expenses of households of educators in the Chelyabinsk Region in the 4th quarter of 2021 relative to the average per capita monthly expenses of residents of the Chelyabinsk Region, %

Источник: составлено авторами

Таблица 8
Table 8

**Структура использования денежных доходов домашних хозяйств (% от общего объема денежных доходов) в Челябинской области в 2021 г.
The structure of the use of household cash income (in % of total cash income) in the Chelyabinsk Region in 2021**

Виды использования денежных доходов	Челябинская область ¹⁾	Работники образования ЧО
Покупка товаров и оплата услуг	80,8	83,64 ²⁾
Обязательные платежи и взносы	15,7	13,33
Приобретение недвижимости	2,7	1,09 ³⁾
Прирост (уменьшение) финансовых активов	0,8	2,32

¹⁾ По данным Росстата (Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022 : стат. сб. / Росстат. М., 2022).

²⁾ По данным табл. 2 (включает покупку товаров и оплату услуг и приобретение крупной бытовой техники, мебели, осуществление ремонта жилья).

³⁾ По данным табл. 2 (включает приобретение недвижимости и транспортных средств).

Источник: составлено авторами.

на покупку товаров и услуг составляют немногим более 80 % от денежных доходов, расходы в форме обязательных платежей и взносов — в пределах 13–16 %. Можно отметить только, что работники образования в анализируемом периоде в большей степени склонны к сбережениям и в меньшей степени — к приобретению недвижимости по сравнению со средними показателями по жителям области. Доля прироста финансовых активов в использовании денежных доходов работников образования в 3 раза выше данного показателя в среднем по жителям Челябинской области, а доля расходов на приобретение недвижимости — в 2,5 раза меньше соответственно.

Заключение

Проведенное исследование позволило обобщить результаты и сделать ряд выводов по нескольким важным аспектам, к которым относятся:

- Уровень и дифференциация расходов работников образовательных организаций Челябинской области в анализируемом периоде (*IV квартал 2021 г.*).

- Средние расходы домашних хозяйств работников образования на 1 человека в месяц по Челябинской области незначительно превышали их средние доходы.

- Дифференциация расходов по категориям работников ожидаемо аналогична дифференциации их доходов. Наибольшие расходы имеют место в семьях АУП, далее по убыванию: расходы домашних семей педработников, учебно-вспомогательного персонала.

- Наиболее высокие расходы по видам образовательных организаций сложились у работников ДОУ, в то же время в этот же период у них ниже доходы, чем у работников других видов образовательных организаций.

- Ранжирование уровня расходов по территориальному признаку аналогично ранжированию уровней доходов: наибольшее значение среднедушевых расходов сложилось в крупных городах, на втором месте — среднедушевые расходы в средних и малых городах и самые низкие денежные расходы в сельских поселениях.

- Размер среднедушевых расходов домашних хозяйств работников образования в прожиточных минимумах составил в IV квартале 2021 г. 1,63 прожиточных минимума. Дифференциация данного показателя по категориям персонала и видам образовательных учреждений области составляет от 0,99 прожиточного минимума у ОП в ООУ области до 2,72 прожиточного минимума у АУП в ДОУ.

- Структура расходов работников образовательных организаций Челябинской области в анализируемом периоде (IV квартал 2021 г.).

- В структуре расходов домашних хозяйств работников образования области преобладают расходы на покупку товаров и услуг текущего характера (77,76 %). Обязательные платежи (налоги, взносы, погашение кредита и др.) составляют 13,33 %. Расходы капитального характера составляют 6,93 %.

- В структуре расходов по категориям товаров и услуг наибольшую долю составляют расходы на питание — 27,66 % и оплату коммунальных услуг — 12,96 %. Достаточно высокую долю в структуре расходов составляют расходы на погашение кредита — 11,76 %, что говорит о высоком уровне за кредитованности работников.

- Структура расходов домашних хозяйств работников образования по территориям области показывает, что у жителей средних и малых городов доля расходов на покупку товаров и услуг текущего потребления составляет большую долю, чем в крупных городах, а доля расходов капитального характера соответственно меньше. Это согласуется с тем, что менее доходные группы населения (в частности, проживающие в средних и малых городах) тратят больше своих доходов на товары повседневного спроса. Работники образования сельских поселений, у которых наименьшие доходы среди работников образования области, имеют меньшую долю расходов на товары повседневного спроса, в том числе продукты питания, по сравнению с работниками образования городов. Это объясняется тем, что у работников образования сельских поселений более высокая доля расходов на погашение кредита среди работников образования области (12,64 %), что уменьшает долю других видов расходов. Кроме того, у жителей сельских поселений в структуре потребления продуктов питания самая высокая доля продуктов собственного производства.

- На осуществление расходов капитального характера в течение 2021 г. указали 53 % респондентов. При этом доля домашних хозяйств с кредиторской задолженностью составляет 58 %. Размер расходов на погашение кредита превышает размер капитальных расходов домашних хозяйств на 40 %.

- Сравнение среднедушевых расходов домашних хозяйств работников образования со среднедушевыми расходами по Челябинской области.

- Среднедушевые расходы домашних хозяйств работников образования Челябинской области

в среднем составили 78 % от потребительских расходов на 1 человека в месяц в Челябинской области в 2021 г. Дифференциация данного показателя по категориям персонала и территориям области была от 48,9 % у ОП в сельских поселениях до 120,5 % у АУП в средних и малых городах.

– Доля потребительских расходов домашних хозяйств по целям потребления работниками образования Челябинской области по наиболее затратным статьям расходов (приобретение продуктов питания и оплата ЖКУ, включая расходы

на информацию и коммуникацию) соответствует их доле в структуре потребительских расходов в среднем по жителям Челябинской области. Выше средних доля расходов работников образования в структуре потребительских расходов на покупку одежды и обуви, приобретение предметов домашнего обихода, бытовой техники, на уход за домом, образование, здравоохранение, ниже средних — на транспорт, отдых и культурные мероприятия.

Список источников

1. Артемова О. В., Савченко А. Н., Меленькина С. А. Благополучие как мера обеспеченности благами населения // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 59. С. 58–77. DOI 10.17223/19988648/59/4.
2. Бессонова Е., Цветкова А. Финансы российских домохозяйств в 2022 г. : аналитическая записка Департамента исследований и прогнозирования. Банк России, 2023.
3. Влияние уровня и распределения доходов на структуру потребления российских домашних хозяйств // Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН Группа RIM Бюллетень «Проблемы социальной политики». 2020. Вып. № 10 (Январь).
4. Евстафьева И. Ю. Структура расходов домашних хозяйств: факторы, определяющие ее динамику // Экономика и управление. 2016. № 9 (131). С. 15–21.
5. Земцов А. А. Домохозяйство: Основания. Финансы. Консалтинг. Томск, 2015. 351 с.
6. Карачурина Г. Г., Садыков Р. М., Халикова Э. К. Оценка социально-экономического благополучия населения российского региона // Региональная экономика: теория и практика. 2020. Т. 18, № 10 (481). С. 1910–1925. DOI 10.24891/ге.18.10.1910.
7. Кодолова И. А., Юсупова Л. М., Никонова Т. В., Хисамова Э. Д., Воронцова Л. В. Специфика функционирования домашних хозяйств в Российской Федерации // МНИЖ. 2023. № 1 (127). С. 32.
8. Леонидова Г. В. и др. Благополучие населения в исследованиях ФГБУН ВолНЦ РАН // Социальное пространство. 2020. Т. 6, № 4. С. 1. DOI 10.15838/sa.2020.4.26.1
9. Митрошин И. В. Доходы и потребительские расходы домашних хозяйств в России // Научный результат. Экономические исследования. 2022. № 2. С. 74–84.
10. Мониторинг социально-экономического положения и социального самочувствия населения: три квартала 2021 г. / под ред. Л. Н. Овчаровой. М. : НИУ ВШЭ, 2021.
11. Разумовская Е. А. Проблемы критериального анализа финансовых решений домохозяйств в современных российских условиях // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2012. № 6. С. 108–115.
12. Ржаницына Л. С. Стандарт экономической устойчивости семьи с детьми — новый ориентир политики доходов // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 1. С. 121–129.
13. Салин В. Н., Качанова Н. Н., Глебова И. Ю. Статистический анализ финансов домашних хозяйств // Финансы: теория и практика. 2016. № 3. С. 72–82.
14. Структура потребления российских домашних хозяйств // Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН Группа RIM Бюллетень «Проблемы социальной политики». 2019. Вып. № 9 (Июнь).
15. Чапаргина А. Н. Функциональная роль домашних хозяйств в системе регионального развития // Вектор экономики. 2019. № 12(42). С. 75.

References

1. Artemova OV, Savchenko AN, Melen'kina SA. Well-being as a measure of the sufficiency of benefits for the population. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Bulletin of Tomsk State University. Economy*. 2022;(59):58-77. DOI 10.17223/19988648/59/4. (In Russ.).
2. Bessonova E, Tsvetkova A. Russian household finances in 2022, Analytical note of the Research and Forecasting Department, Bank of Russia, 2023.

3. Influence of the level and distribution of income on the structure of consumption of Russian households. *Institut narodnohozyajstvennogo prognozirovaniya RAN Gruppa RIM Byulleten' "Problemy social'noj politiki"* = *Institute for Economic Forecasting RAS RIM Group Bulletin "Problems of Social Policy"*. 2020;(10).
4. Evstafieva IYu. The structure of household expenditures: factors that determine its dynamics. *Ekonomika i upravlenie* = *Economics and Management*. 2016;9(131):15-21. (In Russ.).
5. Zemtsov AA. Household: Foundations. Finance. Consulting. Tomsk; 2015. 351 p. (In Russ.).
6. Karachurina GG, Sadykov RM, Halikova EK. Assessment of the socio-economic well-being of the population of the Russian region. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* = *Regional economy: theory and practice*. 2020;18(10(481)):1910-1925. DOI 10.24891/re.18.10.1910. (In Russ.).
7. Kodolova IA, Yusupova LM, Nikonova TV, Khisamova ED, Vorontsova LV. The specifics of the functioning of households in the Russian Federation. *MNIZH*. 2023;(1(127)):32. (In Russ.).
8. Leonidova GV et al. Welfare of the population in studies of the VolRC RAS. *Social'noe prostranstvo* = *Social Space*. 2020;6(4):1. DOI 10.15838/sa.2020.4.26.1 VolRC RAS. (In Russ.).
9. Mitroshin IV. Income and consumer spending of households in Russia. *Nauchnyj rezul'tat. Ekonomicheskie issledovaniya* = *Scientific result. Economic research*. 2022;(2):74-84. (In Russ.).
10. Monitoring the socio-economic situation and social well-being of the population: three quarters of 2021. Moscow; 2021. (In Russ.).
11. Razumovskaya EA. Problems of criteria analysis of financial decisions of households in modern Russian conditions. *Vestnik UrFU. Seriya: Ekonomika i upravlenie* = *Bulletin UrFU. Series: Economics and Management*. 2012;(6):108-115. (In Russ.).
12. Rzhanicyna LS. The standard of economic stability of a family with children — a new benchmark of income policy. *Narodonaselenie* = *Population*. 2019;22(1):121-129. (In Russ.).
13. Salin VN, Kachanova NN, Glebkova IYu. Statistical analysis of household finance. *Finansy: teoriya i praktika* = *Finance: theory and practice*. 2016;(3):72-82. (In Russ.).
14. Consumption structure of Russian households. *Institut narodnohozyajstvennogo prognozirovaniya RAN Gruppa RIM Byulleten' "Problemy social'noj politiki"* = *Institute for Economic Forecasting RAS RIM Group Bulletin "Problems of Social Policy"*. 2019;(9).
15. Chapargina, A. N. Functional role of households in the system of regional development. *Vektor ekonomiki* = *Vector of Economics*. 2019;(12)42:75.

Информация об авторах

О. В. Артемова — доктор экономических наук, профессор, директор.

И. Ю. Нестеренко — кандидат экономических наук, доцент, директор Уральского социально-экономического института (филиала) Академии труда и социальных отношений; старший научный сотрудник Челябинского филиала Института экономики УрО РАН.

Information about the authors

O. V. Artemova — Doctor of Economic Sciences, Professor, Director.

I. Y. Nesterenko — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Director of the Ural Socio-Economic Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations; senior researcher of the Chelyabinsk branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редакцию 15.07.2023; одобрена после рецензирования 27.09.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 15.07.2023; approved after reviewing 27.09.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 338.07:91

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-67-78

ХОЗЯЙСТВЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

Артем Аркадьевич Саламатов¹, Геннадий Николаевич Пряхин²,
Никита Валерьевич Малыгин³

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, salamatov79@mail.ru, ORCID 0000-0002-3070-9753

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, pgn248@csu.ru, ORCID 0000-0003-1998-046X

³ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, malygin_97@mail.ru, ORCID 0000-0001-8542-9233

Аннотация. Показана важность сбалансированного развития социо-эколого-экономической системы и обеспечения ее эколого-экономической безопасности исходя из существующих ныне вызовов и угроз во внешнеполитической и экономической сфере. В результатах исследования обоснована сущность эколого-экономической безопасности региона, представляющая собой способность региональной эколого-экономической системы сохранять текущее состояние и возможность развития под влиянием внешних или внутренних воздействий, в том числе техногенного характера, а также функционировать, не изменяя собственную структуру, и находиться в равновесии для обеспечения нормальной жизнедеятельности населения региона. На основе существующих данных научной литературы и официальных сайтов руководителей регионов проведен анализ воздействия факторов внешней и внутренней среды на эколого-экономическую безопасность. Целью настоящей научной работы является исследование эколого-экономической безопасности региона через хозяйственно-технологические факторы ее обеспечения. На основе приведенных данных государственной статистики авторами статьи показана значимость хозяйственно-технологических факторов в системе эколого-экономической безопасности регионов. Авторами были выделены три подгруппы хозяйственно-технологических факторов — результаты производственной деятельности, структура экономики, качественная модернизация в рамках стратегии устойчивого развития; определены показатели, отображающие влияние хозяйственно-технологической деятельности на эколого-экономическую безопасность региона.

Ключевые слова: социо-эколого-экономическая система, эколого-экономическая безопасность, вызовы, угрозы, хозяйственно-технологические факторы

Для цитирования: Саламатов А. А., Пряхин Г. Н., Малыгин Н. В. Хозяйственно-технологические факторы обеспечения эколого-экономической безопасности региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 67–78. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-67-78.

Original article

ECONOMIC AND TECHNOLOGICAL FACTORS OF ENSURING FOR ENVIRONMENTAL-ECONOMIC SAFETY OF THE REGION

Artyom A. Salamatov¹, Gennady N. Pryakhin², Nikita V. Malygin³

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, salamatov79@mail.ru, ORCID 0000-0002-3070-9753

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, pgn248@csu.ru, ORCID 0000-0003-1998-046X

³ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, malygin_97@mail.ru, ORCID 0000-0001-8542-9233

Abstract. The article shows the importance of the balanced development of the socio-ecological-economic system and ensuring for its environmental and economic safety is shown based on the current challenges and threats in the foreign policy and economic sphere. The results of the study substantiate the essence of the ecological and economic security of the region, which is the ability of the regional ecological and economic system to maintain the current

state and the possibility of development under the influence of external or internal influences, including man-made ones, and also to function without changing its own structure and to be in balance to ensure normal life of the region's population. Based on existing scientific literature data and official websites of regional leaders, an analysis of the impact of external and internal environmental factors on ecological and economic safety was carried out. The purpose of this scientific work is to investigate the environmental and economic safety of the region through the economic and technological factors of its ensuring. Based on the given state statistics data, the authors of the article showed the importance of economic and technological factors in the system of environmental and economic safety of the regions. The authors identified three subgroups of economic and technological factors — the results of production activities, the structure of the economy, high-quality modernization within the framework of the sustainable development strategy; indicators that reflect the impact of economic and technological activities on the environmental and economic safety of the region have been identified.

Keywords: socio-ecological-economic system, environmental-economic safety, challenges, threats, economic and technological factors

For citation: Salamatov AA, Pryakhin GN, Malygin NV. Economic and Technological Factors of Ensuring for Environmental-Economic Safety of the Region. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):67-78. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-67-78.

Введение

Обеспечение долгосрочного устойчивого социо-эколого-экономического развития региона является одной из ключевых проблем регионального управления. Среди достаточно большого количества задач, которые необходимо при этом решать, одной из основных методологических задач является определение факторов эколого-экономической безопасности и движение эколого-экономической системы региона по траектории устойчивого развития. С нашей точки зрения, устойчивое развитие региона означает достижение запланированных целевых показателей развития в условиях нестабильности эколого-экономических процессов, которые могут привести к изменению доступности экономических, социальных и экологических ресурсов. При рассмотрении категории «устойчивость эколого-экономического развития» нами выделяется понятие стабильности, то есть стабильность основных эколого-экономических показателей хозяйственной системы, говоря иначе способность эколого-экономической системы региона функционировать, не изменяя собственную структуру, и находиться в равновесии.

Уровень устойчивого и стабильного развития региональных эколого-экономических систем — это результат сочетания множества факторов внешней и внутренней среды региона, которые в свою очередь могут оказывать не только положительное, но и отрицательное влияние на все сферы хозяйственной деятельности и способствовать или нет повышению уровня и качества жизни населения. В число внешних факторов входят социальные, экономические, экологические, технологические, культурные и другие, которые оказывают существенное влияние на эколого-экономическую систему.

К внутренним факторам можно отнести ресурсные, природно-экологические, которые, в свою очередь определяют отраслевую специализацию региона, хозяйственно-технологические, научные и другие.

Важно подчеркнуть, что роль каждого фактора в настоящее время меняется в зависимости от постоянно возникающих новых вызовов и угроз, исходящих со стороны недружественных стран, и нестабильности политико-экономической системы мира. В сложившейся ситуации возрастает роль и хозяйственно-технологических факторов, влияющих на эколого-экономическую безопасность регионов, да и страны в целом. Так, санкции, импортозамещение, смена технологических укладов, новые изобретения, цифровизация экономики и др. требуют не только развития, но и преобразования целых отраслей экономики, внедрения современных технологий, создания или диверсификации производств, ранее не производивших подобной продукции, и т. д. Как справедливо писал в свое время И. В. Кузнецов, обобщая научное наследие В. И. Вернадского, «...социальная жизнь человечества всё теснее сплетается в единую сеть взаимозависимостей с теми природными процессами и объектами, которые образуют первоисходную основу бытия. Сама эта первооснова становится существенно иной. На нее накладывается неизгладимый глубокий отпечаток человеческой деятельности, общественного труда, вооружаемого и многократно усиливаемого научной мыслью» [9].

В соответствии с вышеизложенным целью настоящей научной работы стало исследование содержания системы эколого-экономической безопасности региона через хозяйственно-технологические факторы ее обеспечения.

Материалы исследования

На протяжении многих лет исследователи подходили к изучению региона как системы. В последние десятилетия акцент сместился к таким понятиям, как социально-экономическая система, социо-эколого-экономическая система, социально-экологическая система и также эколого-экономическая система, рассматривающая интеграцию экономики и природы. «Использование системного подхода к анализу региона как эколого-экономической системы значительно расширяет возможности разработки формализованных моделей, поскольку его применение позволяет представить исследуемый объект в виде системы, выделить и выполнить анализ структуры, вычленивать промежуточные звенья между математической моделью и реальным прототипом» [11].

По мнению И. П. Нужиной и О. Б. Юдахиной, «...региональную эколого-экономическую систему следует рассматривать как интегральную территориальную систему мезоуровня, объединяющую совокупность взаимодействующих разнородных объектов (элементов), образующих экологическую и экономическую подсистемы, а также совокупность взаимосвязей между объектами (элементами) и процессами при определенных природно-климатических и пространственно-временных параметрах» [10].

А. Я. Якобсон и Б. Б. Якобсон, О. С. Шимова и Н. К. Соколовский считают, что «...это интеграция экономики и природной среды (природы и хозяйства), представляющая собой взаимосвязанное и взаимообусловленное функционирование общественного производства и естественных процессов в природе» [16; 17].

Ш. Ш. Хамзина и Б. К. Жумабекова определяют эколого-экономическую систему как «хозяйство любого региона, элементами структуры которого выступают протекающие в нем экономические, социальные, технологические и природные процессы» [15].

В. Е. Стровский и О. В. Косолапов определяют эколого-экономическую систему как «...ограниченную территорией проявления последствий антропогенного воздействия часть экосферы, в которой природная и социоэкономическая подсистемы, взаимосвязанные посредством потоков вещества, энергии и информации, функционируют совместно для достижения единой системной цели» [13].

Рассматривая различные подходы к пониманию сути региональной эколого-экономической системы, мы приходим к выводу, что по своей

сущности они мало чем отличаются и составлены, как правило, в соответствии с намеченными целями своих исследований. Главное и общее, что можно выделить, это то, что эколого-экономическая система региона подразумевает развитие на определенной территории и системообразующими являются взаимосвязанные и взаимозависимые сбалансированные процессы в экономике и природе в условиях ограниченности ресурсов на данной территории.

Хозяйственная и технологическая деятельность в регионе зависит не только от наличия имеющихся ресурсов, но и от возможных антропогенных воздействий. Поэтому, соглашаясь с М. Ф. Замятиной, отметим, что «...только развитие региона, основанное на учете экономических, экологических и социальных интересов территориального сообщества, позволяет обеспечить эколого-экономическую безопасность и реализовать конституционное право граждан на благоприятную региональную среду обитания как совокупность условий, обеспечивающих качество жизни и жизнедеятельности проживающего на данной территории населения» [7].

Эколого-экономическая безопасность региона — это «...защищенность жизненно важных интересов населения и экосистемы, в границах которых расположен регион, от негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, от катастроф природного и техногенного характера» [7].

В табл. 1 нами приведены дефиниции понятия «эколого-экономическая безопасность». Из табл. 1 следует, что эколого-экономическая безопасность — это многоаспектное понятие: ее рассматривают одновременно и как защищенность природной среды, и как защищенность личности, общества, субъектов хозяйствования, экономики региона от внешних и внутренних угроз.

Так, В. В. Балашенко, С. С. Савченков в своей работе отмечает, что «...угроза эколого-экономической безопасности регионов, как действие или последовательность событий, которые угрожают резко и в течение относительно короткого промежутка времени ухудшить качество жизни, или угрожает значительно сузить диапазон использования земель на территории РФ правительству или частным лицам. Значимость эколого-экономической безопасности регионов РФ прежде всего необходимо связать с проблемой нарушения и рекультивации земель в регионах РФ и сосредоточить внимание на роли окружающей среды» [3].

Таблица 1
Table 1**Дефиниции понятия «эколого-экономическая безопасность»
Definitions of the concept “ecological and economic security”**

Автор	Определение эколого-экономической безопасности
А. И. Татаркин	«...состояние защищенности природной среды и, как следствие, экологических интересов личности от любых негативных воздействий со стороны хозяйственной деятельности либо вследствие чрезвычайных ситуаций» [14].
А. А. Баширова	«...состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, окружающей природной среды региона от угроз, вызванных воздействием жизнедеятельности людей и отраслей экономики на природную среду и, в свою очередь, природной среды на людей и субъекты хозяйствования» [1].
Н. Е. Булетова	«...совокупность состояний, процессов и действий, способных обеспечить баланс интересов национальной (региональной, местной) экономики и окружающей среды, не приводящих к нарушениям (или угрозам таких нарушений) для природной среды и общества за пределами установленных законодательством норм» [4].
И. С. Белик	«...состояние защищенности социальных, экономических и экологических интересов личности, общества от угроз, исходящих от действия деструктивных природных сил, технических систем и производств, с характерными для его обеспечения формами и методами предвидения опасных ситуаций, позволяющими выходить из них с наименьшими для природной среды, экономики и здоровья людей последствиями» [2].
Е. Н. Зименкова	«...состояние защищенности личности от негативных последствий деятельности человека и деструктивных сил природы, возможность предотвращения опасных ситуаций, способность экономики обеспечить устойчивый темп развития при сохранении динамического равновесия между удовлетворением экономических интересов и соблюдением целостности экосистемы региона» [8].
Е. А. Сайкова, А. Д. Семенова	«...состояние защищенности не только общества и региона от различных угроз, которые негативно влияют на все сферы жизнедеятельности субъектов хозяйствования, а также защищенность природной среды от внешних и внутренних угроз» [12]

Источник: составлено авторами.

Необходимо подчеркнуть, что современные вызовы, как глобальные, национальные, так и региональные, порождают угрозы эколого-экономической безопасности, которые «...во многом обусловлены институциональными проблемами в сфере государственного управления охраной окружающей среды и связаны в значительной мере со сложившейся технически отсталой структурой экономики, малой результативностью проводимой в стране экологической политики, отсутствием эффективных экономических инструментов экологического регулирования, неадекватным потребностям экологической сферы финансированием, постоянным ослаблением роли природоохранного законодательства, ростом правонарушений и коррупции в экологической сфере, низкой экологической ответственностью бизнеса и другими причинами. Всё это формирует серьезные вызовы в области обеспечения экологической безопасности в стране в целом и ее регионах» [5]. Нельзя с этим не согласиться, однако каждый регион в Российской Федерации имеет свою специфику, свою климатическую и природную особенность и характер экономики. В дополнение к этому вновь принятые в состав России

четыре субъекта еще только начинают прогнозировать свое возможное развитие.

Результаты исследования и их обсуждение

Состояние защищенности подразумевает способность игнорировать или минимизировать влияние различных негативных внешних и внутренних факторов, а также продолжать функционировать при длительном их воздействии на систему. В настоящей работе нас интересуют в большей степени хозяйственно-технологические факторы, оказывающие влияние на эколого-экономическую безопасность региональных систем. В научных публикациях большее внимание уделяется факторам макросреды, которые напрямую или опосредованно воздействуют и на мезоуровень, в том числе на систему эколого-экономической безопасности региона.

Приведем выдержки из Указа Президента Российской Федерации «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года»¹. Так, «Сохраняются угрозы

¹ Указ Президента РФ «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» от 19 апреля 2017 г. № 176.

экологической безопасности, несмотря на принимаемые меры по снижению уровней воздействия на окружающую среду химических, физических, биологических и иных факторов, по предотвращению чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, включая аварийные ситуации на опасных производственных объектах, по адаптации отраслей экономики к неблагоприятным изменениям климата»; «Окружающая среда в городах и на прилегающих к ним территориях, где проживает 74 процента населения страны, подвергается существенному негативному воздействию, источниками которого являются объекты промышленности, энергетики и транспорта, а также объекты капитального строительства»; «Сброс неочищенных и недостаточно очищенных сточных вод является причиной загрязнения поверхностных и подземных вод, накопления в донных отложениях загрязняющих веществ, деградации водных экосистем»; «Свыше 30 млрд тонн отходов производства и потребления накоплено в результате прошлой хозяйственной и иной деятельности»; «Сохраняется высокий уровень износа (более 60 процентов) основных фондов опасных производственных объектов» и др. Подводя итог сказанному, отметим, что хозяйственно-технологические факторы подразумевают прямое или косвенное воздействие как на экономику, так и на экологию, а также здоровье и качество жизни населения.

В проведенном исследовании мы выделили три подгруппы хозяйственно-технологических факторов:

- результаты производственной деятельности;
- структура экономики;
- качественная модернизация в рамках стратегии устойчивого развития.

Нами был также определен ряд показателей, отображающих влияние хозяйственно-технологической деятельности на эколого-экономическую безопасность региона.

Объектами исследования стали г. Москва, г. Санкт-Петербург, Свердловская и Челябинская область, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (далее ХМАО-Югра), Краснодарский и Приморский край.

Города Москва и Санкт-Петербург рассматриваются в сравнении с регионами вследствие того, что их социально-экономические показатели сопоставимы именно с региональными экономиками. Так, население Москвы и Санкт-Петербурга составило на начало 2022 г. 12,6 и 5,4 млн человек соответственно, в то время как в Краснодарском крае про-

живает 5,7 млн человек, в Свердловской области — 4,3 млн человек, в ХМАО-Югре — 1,7 млн человек, в Челябинской области — 3,4 млн человек, в Приморском крае — 1,7 млн человек. Если рассматривать объем ВРП, то в Москве он составляет 20 трлн рубл., в Санкт-Петербурге — 5,2 трлн руб., в Краснодарском крае — 2,6 трлн руб., в Свердловской области — 2,5 трлн руб., в ХМАО-Югре — 3,4 трлн руб., в Челябинской области — 1,6 трлн руб. и в Приморском крае — 1,1 трлн руб. То есть объемы экономик выбранных субъектов сопоставимы для сравнения между собой.

Еще одна причина выбора данных регионов — их географическое расположение и, как следствие, природно-климатические условия, в частности средняя месячная температура воздуха. Краснодарский край — южный регион, расположенный на берегу Черного моря, вследствие чего он самый теплый регион из рассматриваемых — средняя температура в январе +2,9 °С, в то время как ХМАО-Югра, расположенный на севере, имеет самую низкую температуру из данных регионов (–27,3 °С в январе). Москва и Санкт-Петербург имеют схожую температуру (–6,7 и –6,3 °С соответственно в январе и 21,6 и 21,3 °С соответственно в июле), при этом отклонения от нормы у них также составляют 3–4 °С, в то время как у остальных регионов отклонения от нормы меньше. Челябинская и Свердловская области, а также Приморский край имеют схожую среднюю температуру и в зимний, и в летний период, с довольно незначительными отклонениями от нормы. Однако необходимо учитывать и разницу в географическом расположении и, как следствие, различия климата — в Челябинской и Свердловской областях климат резко континентальный, а в Приморском крае — умеренный муссонный, что оказывает влияние на экономическую деятельность регионов и на экологическую ситуацию в них вследствие возникновения природных катаклизмов.

Еще одним фактором, определившим выбор данных регионов, — разница в структуре экономик субъектов РФ. В ВРП Москвы и Санкт-Петербурга преобладают торговля и операции с недвижимостью, в ХМАО-Югре — добыча природных ресурсов, Свердловская и Челябинская области — промышленные регионы, в Краснодарском крае развиты сельское хозяйство, торговля и сфера услуг, а в Приморском крае — логистика и рыболовство.

Результаты производственной деятельности представлены в табл. 2, которые составлены

Таблица 2
Table 2Показатели производственной деятельности за 2019–2021 гг.
Production activity indicators for 2019–2021

Показатель	Москва	Санкт-Петербург	Свердловская область	ХМАО-Югра	Челябинская область	Краснодарский край	Приморский край
	2019/ 2020/ 2021	2019/ 2020/ 2021	2019/ 2020/ 2021	2019/ 2020/ 2021	2019/ 2020/ 2021	2019/ 2020/ 2021	2019/ 2020/ 2021
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, тыс. т	75/ 60/ 63	67/ 67/ 72	898/ 784/ 784	1 270/ 1 142/ 1 231	493/ 457/ 467	432/ 415/ 435	178/ 170/ 197
Улавливание загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, тыс. т	93/ 117/ 182	7 987/ 38/ 33	7 060/ 6 893/ 7 778	225/ 239/ 244	2 131/ 1 871/ 2 864	1 095/ 1 141/ 1 019	1 911/ 1 303/ 1 556
Расходы на охрану окружающей среды, млн руб/	45 728/ 55 690/ 57 943	15 804/ 14 485/ 16 709	27 807/ 26 929/ 31 942	31 623/ 29 896/ 30 215	17 086/ 23 492/ 27 554	12 753/ 13 597/ 30 245	7 287/ 8 688/ 8 913
Степень износа основных фондов, %	34,0/ 35,4/ 35,0	39,9/ 41,5/ 43,1	60,2/ 61,3/ 64,5	71,5/ 72,5/ 73,8	52,0/ 51,9/ 52,9	44,0/ 45,1/ 45,2	43,9/4 44,5/ 40,8
Индексы промышленного производства, % к предыдущему году	107,3/ 114,7/ 134,7	104,5/ 98,4/ 107,7	103,4/ 102,0/ 101,5	100,8/ 91,6/ 102,0	101,0/ 99,2/ 108,1	102,9/ 95,0/ 112,6	118,2/ 80,5/ 122,2
Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, млн м ³	820/ 799/ 807	975/ 971/ 998	566/ 557/ 524	83/ 94/ 86	230/ 211/ 279	732/ 519/ 672	259/ 261/ 251
Разработанные передовые производственные технологии, ед.	233/ 342/ 421	157/ 192/ 298	69/ 180/ 135	29/ 24/ 23	135/ 73/ 101	52/ 57/ 84	–/ –/ –
Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации в общем числе обследованных организаций, %	45,1/ 32,6/ 32,1	33,7/ 35,3/ 34,7	24,1/ 25,0/ 24,7	9,5/ 12,9/ 10,2	25,3/ 26,7/ 25,5	10,3/ 12,8/ 11,0	19,4/ 20,5/ 20,6

Источник: составлено авторами на основе нормированных показателей по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1242 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.

на основе данных из официальных статистических источников.

Как видно из табл. 2, в 2019 г. по ряду показателей наихудшие результаты имеет ХМАО-Югра. Данный регион занимает последнее место из рассматриваемых в статье регионов по выбросу загрязняющих веществ в атмосферу (1 270 тыс. т), степени износа основных фондов (71,5 %), доле

улавливания загрязняющих веществ (1/5 часть от выбросов в атмосферу), а по разработкам передовых и производственных технологий и осуществлению технологических инноваций регион также находится на последнем месте. Согласно статистическим данным за 2021 г., данный регион также показывает наихудшие результаты по рассматриваемым показателям, демонстри-

руля либо незначительное снижение негативно-го воздействия на окружающую среду (выбросы загрязняющих веществ в атмосферу составили 1 231 тыс. т), либо ухудшение значений выбранных показателей (степень износа основных фондов увеличилась на 2,3 % и составила 73,8 %).

Однако следует отметить, что сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты в ХМАО-Югре значительно ниже, чем в других регионах и в 2021 г. составлял 86 млн м³, в Санкт-Петербурге, например, этот показатель составил 998 млн м³.

При этом в 2021 г. по сравнению с 2020 г. в ХМАО-Югре темпы роста промышленного производства составили всего 102 %, что ниже значений данного показателя в других регионах, за исключением Свердловской области, где он составил 101,5 %.

С учетом данных показателей, а также структуры своей экономики ХМАО-Югра вынужден тратить значительные средства на охрану окружающей среды — 30 млрд руб., что делает его вторым по расходам по данному направлению после Москвы (58 млрд руб.).

Москва и Санкт-Петербург осуществляют наименьшее количество выбросов в атмосферу (в 2021 г. они составили 63 тыс. и 72 тыс. т соответственно), что обусловлено структурой региональной экономики. Среди рассматриваемых субъектов РФ оба этих города обладают высокими показателями в области разработки передовых производственных технологий и по количеству организаций, осуществляющих технологические инновации. Это обусловлено тем фактом, что и Москва, и Санкт-Петербург в структуре своего ВРП имеют высокие значения по такой отрасли, как «Деятельность профессиональная, научная и техническая» (9 % от ВРП в Москве, 8,5 % в Санкт-Петербурге), что позволяет активно разрабатывать и внедрять новые технологии, оказывающие меньшее негативное воздействие на окружающую среду. При этом в Москве отмечен наибольший темп роста промышленного производства — 134,7 %, что говорит о том, что негативное воздействие на экологию постепенно снижается, позволяя увеличивать темпы производства.

Свердловская и Челябинская области являются промышленными регионами, где преобладают обрабатывающие производства, следовательно, и влияние на экологию также оказывается значительным. Так, выбросы загрязняющих веществ в атмосферу в Свердловской области в 2021 г. со-

ставили 784 тыс. т, а в Челябинской — 467 тыс. т (в 2019 г. они составляли 898 тыс. и 493 тыс. т соответственно). Следовательно, и расходы на охрану окружающей среды довольно высокие — 32 млрд руб. в Свердловской области (2021 г.) и 27,5 млрд руб. в Челябинской области (что на 10 млрд руб. больше, чем в 2019 г.; это говорит о стремлении руководства области к резкому снижению негативного воздействия на окружающую среду).

В Краснодарском крае значения показателей практически идентичны значениям в Свердловской и Челябинской областях. Выбросы в атмосферу в 2021 г. незначительно ниже выбросов в Челябинской области — 435 тыс. т, а расходы на охрану окружающей среды — 30 млрд руб. Однако удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, довольно низок — 11 % от общего числа организаций, в то время как и в Свердловской и в Челябинской областях этот показатель составляет 25 %.

Приморский край показывает самый низкий уровень выбросов в атмосферу после Москвы и Санкт-Петербурга: 197 тыс. т. Данный факт, а также то, что в регионе низкий удельный вес обрабатывающих производств, позволяет региону тратить меньше средств на охрану окружающей среды, чем другие регионы, рассматриваемые в данной статье, — 9 млрд руб. При этом каждая пятая организация осуществляет технологические инновации, что позволяет добиться высокого роста промышленного производства (122,2 % относительно 2020 г.), несмотря на низкие расходы на охрану окружающей среды.

Анализируя структуру ВРП рассматриваемых регионов, можно заметить значительные различия в структуре самой экономики регионов (табл. 3).

Так, основная специализация ХМАО-Югры — добывающая промышленность, на что указывает удельный вес данной отрасли в общей структуре. В 2019 г. доля добычи полезных ископаемых составляла 73,3 %. Однако уже в 2021 г. она снизилась до 61,5 %, что позволило обратить внимание хозяйствующих субъектов региона на другие сферы — обрабатывающее производство и торговлю, которые в 2021 г. составили 2,3 и 2,8 % соответственно, в то время как в предыдущие годы их доля была незначительна и отображалась в статистике как прочие виды деятельности.

Рассматривая информацию о структуре ВРП Москвы и Санкт-Петербурга, можно увидеть, что наибольшие значения имеют показатели торговли и операции с недвижимым имуществом, которые

Таблица 3

Table 3

Структура валового регионального продукта регионов по отраслям экономики в 2019–2021 гг.
The structure of the gross regional product of the regions by economic sectors in 2019–2021

Показатель	Москва	Санкт-Петербург	Свердловская область	ХМАО-Югра	Челябинская область	Краснодарский край	Приморский край
	2019/ 2020/ 2021	2019/ 2020/ 2021	2019/ 2020/ 2021	2019/ 2020/ 2021	2019/ 2020/ 2021	2019/ 2020/ 2021	2019/ 2020/ 2021
Обрабатывающие производства	16,2/ 15,7/ 14,3	17,2/ 13,9/ 13,9	32,5/ 31,9/ 31,7	–/ –/ 2,3	36,0/ 32,1/ 30,4	11,7/ 11,6/ 9,7	9,5/ 9,2/ 7,2
Строительство	3,4/ –/ 4,8	4,4/ –/ –	4,2/ 4/ 4,6	5,2/ 5,3/ 7,4	5,8/ 5,7/ 6,1	6,9/ 6,3/ 5,8	4,9/ 4,4/ 4,4
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	28,6/ 26,1/ 23,7	17,7/ 15,3/ 15,4	15,3/ 12,7/ 14,2	–/ –/ 2,8	11,1/ 10,6/ 10,5	17,3/ 14,6/ 15,8	19,3/ 15,9/ 16,0
Транспортировка и хранение	7,1/ 6,7/ 6,2	10,8/ 10,4/ 10,4	8,7/ 7,5/ 5,9	4,7/ 4,6/ 6,5	6,6/ 6,8/ 6,8	16,3/ 14,5/ 14,3	21,4/ 18,3/ 19,2
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	9,6/ 11,7/ 12,3	10,1/ 17,8/ 17,6	6,3/ 10,4/ 10,2	–/ –/ 4,5	6,6/ 9,7/ 9,3	6,0/ 12,5/ 12,3	4,6/ 11,3/ 11,8
Деятельность профессиональная, научная и техническая	8,2/ 8,5/ 9,0	7,9/ 7,8/ 8,5	4,0/ 4,2/ 4,0	–/ –/ –	3,5/ 3,7/ 4,0	–/ –/ –	–/ –/ –
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	4,1/ 5,1/ 5,6	4,4/ 5,2/ 5,2	4,6/ 5,7/ 6,1	–/ –/ –	4,3/ –/ 5,0	4,3/ 4,8/ 6,0	6,7/ 12,3/ 12,0
Прочие виды экономической деятельности	16,3/ 19,6/ 16,3	15,8/ 18,0/ 16,6	20,3/ 19,5/ 18,9	16,8/ 18,0/ 15,0	15,9/ 16,5/ 13,4	21,5/ 17,0/ 16,3	19,6/ 16,6/ 15,0
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	–/ –/ –	6,3/ 5,8/ 6,4	4,1/ 4,1/ 4,4	–/ –/ –	4,8/ 5,1/ 5,5	5,4/ 5,5/ 5,7	5,6/ 4,7/ 5,5
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	–/ –/ –	–/ –/ –	–/ –/ –	–/ –/ –	5,4/ 5,0/ 4,1	10,6/ 8,8/ 10,7	8,4/ 7,3/ 8,9
Добыча полезных ископаемых	–/ –/ –	–/ –/ –	–/ –/ –	73,3/ 72,1/ 61,5	–/ –/ 4,9	–/ –/ –	–/ –/ –

Источник: составлено авторами на основе нормированных показателей по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1242 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.

в 2019 г. составляли в Москве 28,6 и 9,6 % соответственно, а в Санкт-Петербурге — 17,7 и 10,1 % соответственно. При этом за изучаемый период наблюдается снижение доли торговли в структуре ВРП до 23,7 % в Москве и 15,4 % в Санкт-Петербурге и увеличение удельного веса в структуре ВРП операций с недвижимым имуществом

в 2021 г. — 12,3 % в Москве и 17,6 % в Санкт-Петербурге. Также наблюдается снижение доли обрабатывающих производств в Москве и Санкт-Петербурге во временном отрезке с 2019 по 2021 г. на 1,9 и 3,3 % соответственно.

Челябинская и Свердловская области имеют идентичную структуру ВРП, где основной специ-

ализацией является обрабатывающая промышленность. В 2019 г. доля обрабатывающих производств в этих областях составила 32,5 % в Свердловской и 36 % в Челябинской областях. Однако в последние годы наблюдается снижение удельного веса перерабатывающей промышленности в структуре экономики областей: в 2021 г. он составил 31,7 % в Свердловской области и 30,4 % в Челябинской области. Если в Свердловской области снижение оказалось незначительным, то в Челябинской оно составило 5,6 %. Это произошло вследствие увеличения доли добывающей промышленности в структуре ВРП и составило 4,9 %.

Краснодарский край, как и Москва с Санкт-Петербургом, в структуре своего ВРП наибольший удельный вес имеет в сферах торговли и логистики, а также обладает хорошо развитой сферой сельского хозяйства. Доля сельского хозяйства составляет в среднем 10 %, как и доля обрабатывающего производства на протяжении всего изучаемого периода. Доля торговли и логистических услуг в Краснодарском крае в 2019 г. составляли 17,3 и 16,3 % соответственно. В 2021 г. их удельный вес незначительно снизился до 15,8 % (торговля) и 14,3 % (логистика). Преобладание именно этих двух отраслей экономики в структуре ВРП региона обусловлено его расположением и климатом. Край расположен на берегу Черного моря, что делает его привлекательным для туристов и предпринимателей, работающих в сфере услуг, торговли и логистики.

В структуре экономики Приморского края, как и в структуре Краснодарского края, преобладают сферы торговли и логистики. Однако, в отличие от Краснодарского края, здесь наибольший удельный вес имеет логистическая отрасль, на долю которой приходится 20 % всего ВРП. Доля торговли в 2021 г. снизилась на 3,3 % по сравнению с 2019 г. (19,3 %). Это обусловлено расположением региона, которое позволяет предоставлять услуги торгового и логистического центра. На долю обрабатывающих производств в Приморском крае приходилось 7,2 % в 2021 г., что на 2,3 % меньше, чем в 2019 г.

Третья группа факторов — качественная модернизация в рамках стратегии устойчивого развития. Это регламентируется Энергетической стратегией России, принятой на период до 2035 г. Основными целями стратегии значатся содействие социально-экономическому развитию страны, а также укрепление и сохранение позиций Российской Федерации в мировой энергетике.

Для достижения поставленных целей, согласно Стратегии, необходим ускоренный переход (модернизационный рывок) к более эффективной, гибкой и устойчивой энергетике, который характеризуется как структурной диверсификацией (углеродная энергетика дополняется неуглеродной), так и снижением негативного воздействия отраслей топливно-энергетического комплекса на окружающую среду. Однако данный переход производится неравномерно, и в каждой стране доля возобновляемой энергетики варьируется: Германия — 51,2 % (2020 г.); Индия — 23,51 % (2020 г.); Австралия — 23,5 % (2019 г.); США — 13,08 % (2020 г.); Китай — 8 % (2019 г.); Россия — 0,5 % (2022 г.) [6].

Медленное увеличение доли возобновляемой энергии в России обусловлено тем, что структура экономики России характеризуется высокой долей добычи полезных ископаемых и энергоемкого обрабатывающего производства. Ускоренный переход на альтернативные источники энергии повлечет за собой структурные сдвиги в экономике страны, что негативно скажется на всех сферах жизни государства.

Заключение

Как видно из проведенного исследования, влияние на эколого-экономическую безопасность региона оказывает множество факторов. Это и социальные (социально-психологические, психолого-педагогические и т. п.), политические, культурные (национальные, этнические, религиозные и т. п.), экономические, институциональные и многие другие факторы. Однако хозяйственно-технологические факторы являются ключевыми в обеспечении эколого-экономической безопасности региона и страны. Именно экономическая характеристика превалирует в эколого-экономической системе, диктуя направления ее развития, а также в большей мере обеспечивая ее способность к самосохранению. В последние два года произошли значительные изменения в нашей стране и во всем мире. Резко возросло количество вызовов и угроз для эколого-экономической безопасности регионов, что привело к необходимости усиливать не только защиту от негативных факторов, но и прилагать огромные усилия к экономическому развитию и в то же время сохранению природного потенциала страны и ее регионов. Это видно на примере Челябинской области. Так, «...динамика, набранная региональной промышленностью во второй половине прошлого года, сохраняется и сейчас. ...Индекс

промышленного производства за первый квартал текущего 2023 года составил 107,3 %, причем в секторе обрабатывающих производств индекс вырос на 9,5 %, ...мы в 7 раз увеличили господдержку промышленного комплекса, в первую очередь в той части, которая касается импортозамещения. ...Объем продукции сельского хозяйства достиг почти 150 миллиардов рублей с ростом на 16,8 % в сопоставимых ценах... Объемы жилищного строительства, в том числе благодаря действовавшей весь год льготной ипотеке, также выросли — на 8,3 % — и составили 1 миллион 870 тысяч квадратных метров. ...По итогам 2022 года объем инвестиций в основной капитал составил 373 миллиарда рублей с приростом почти в 50 миллиардов рублей к 2021 году. ...Сни-

жение выбросов только в Челябинске с базового, 2017 года составило более 40 %, ...ликвидировали 534 малые свалки в самых различных территориях. У нас в регионе 5 федеральных и 142 региональные особо охраняемые природные территории. ...Хочу обратить ваше внимание, что, несмотря на все вызовы, сложности и проблемы, с которыми сталкивается страна, наш регион смог продолжить реализацию масштабных планов обновления инфраструктуры и крупные проекты развития»¹.

¹ Обращение губернатора Челябинской области Алексея Текслера к Законодательному Собранию Челябинской области 25 мая 2023 г. URL: <https://gubernator74.ru/obrascheniye-2023>.

Список источников

1. Баширова А. А. Формирование стратегии регионального развития с позиций эколого-экономической сбалансированности // Экономика и управление. 2010. № 11 (72). С. 87–90.
2. Белик И. С. Эколого-экономическая безопасность : учеб. пособие / И. С. Белик, Л. А. Бурмакина, К. А. Выварец, Н. В. Стародубец ; под науч. ред. проф. И. С. Белик. Екатеринбург : УрФУ, 2015. 152 с.
3. Балашенко В. В., Савченков С. С. Новые парадигмы в исследовании эколого-экономической безопасности регионов // Экологическая и техносферная безопасность горнопромышленных регионов : труды VIII Международной конференции / отв. редактор А. И. Семячков. Екатеринбург, 2020. 347 с.
4. Булетова Н. Е. Эколого-экономическая безопасность: природа, содержание и проблемы диагностики в регионах России : монография. Волгоград : Волгогр. фил. РГТЭУ, 2013. 220 с.
5. Бурматова О. П. Экологические вызовы в регионе: анализ, пути предотвращения рисков и снижения угроз // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 1. С. 249–261.
6. Даванков А. Ю., Двинин Д. Ю., Мальцев Ю. Г. Моделирование уровня сбалансированности социально-эколого-экономической системы региона при переходе к альтернативной энергетике // Управление в современных системах. 2021. № 2 (30). С. 3–12.
7. Замятина М. Ф. Формирование институциональных условий эколого-экономического развития регионов // Социально-экономическое развитие отдельных регионов. 2016. № 1 (50). С. 81–98.
8. Зименкова Е. Н. Сущность понятия «эколого-экономическая безопасность региона» // Устойчивое развитие социально-экономической системы Российской Федерации : материалы XVIII региональной научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедры менеджмента, г. Евпатория, 02–03 декабря 2016 г. Симферополь, 2017. С. 97–99.
9. Кузнецов И. В. Естествознание, философия и становление ноосферы // Философские мысли натуралиста / предисл. ред. кол. А. Л. Яншин. М. : Наука, 1988. С. 460–480.
10. Нужина И. П., Юдахина О. Б. Концептуальная модель региональной эколого-экономической системы // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2008. № 1 (2). С. 54–67.
11. Орлова Е. Р., Булетова Н. Е. Региональная эколого-экономическая система как объект диагностики и стратегического управления // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 45 (234). С. 22–37.
12. Сайкова Е. А., Семенова А. Д. Оценка эколого-экономической безопасности региона (на примере Челябинской области) // Теоретические и прикладные вопросы экономики, управления и образования : сборник статей III Международной научно-практической конференции / под науч. ред. Б. Н. Герасимова. Пенза : Пензенский государственный аграрный университет, 2022. С. 410–415.
13. Стровский В. Е., Косолапов О. В. Эколого-экономическая система горного предприятия: структура, взаимосвязи // Известия Уральского государственного горного университета. 2017. № 4 (48). С. 118–122.

14. Татаркин А. И., Куклин А. А., Черепанова А. В. Социально-демографическая безопасность регионов России: текущее состояние и проблемы диагностики // Экономика региона. 2008. № 3 (15). С. 153–161.
15. Хамзина Ш. Ш., Жумабекова Б. К. Экология и устойчивое развитие : учебник. М. : Издательский дом Академия естествознания, 2016. 330 с.
16. Шимова О. С., Соколовский Н. К. Экономика природопользования : учеб. пособие. М. : Инфра-М, 2005. 377 с.
17. Якобсон А. Я., Якобсон Б. Б. Эколого-экономические системы как объект информации управления и районирования. Новосибирск : ИЭИОПП, 1987. 19 с.

References

1. Bashirova AA. Formation of a regional development strategy from the perspective of environmental and economic balance. *Ekonomika i upravlenie = Economics and management*. 2010;(11(72):87-90. (In Russ.).
2. Belik IS et al. Ecological and economic safety: textbook. manual. Yekaterinburg; 2015. 152 p. (In Russ.).
3. Balashenko VV, Savchenkov SS. New paradigms in research of ecological and economic security of regions. In: *Ekologicheskaya i tehnosfernaya bezopasnost gornopromyshlennykh regionov: Trudy VIII Mezhdunarodnoj konferencii = Ecological and technospheric safety of mining regions: Proceedings of the VIII International Conference*. Yekaterinburg; 2020. 347 p. (In Russ.).
4. Buletova NE. Ecological and economic security: nature, content and problems of diagnostics in the regions of Russia: a monograph. Volgograd; 2013. 220 p. (In Russ.).
5. Burmatova OP. Environmental Challenges in Regions: Analysis and Measures to Reduce Potential Risks. *Ekonomika regiona = Economy of region*. 2021;17(1):249-261. (In Russ.).
6. Davankov AY, Dvinin DYu, Maltsev Yu. G. Modeling the level of balance of the socio-ecological-economic system of the region in the transition to alternative energy. *Upravlenie v sovremennykh sistemah = Management in Modern Systems*. 2021;(2(30):3-12. (In Russ.).
7. Zamyatina MF. Forming of institutional conditions of regional ecological and economic development. *Sotsialno-ekonomicheskoe razvitie otdelnykh regionov = Socio-economic development of individual regions*. 2016;(1(50):81-98. (In Russ.).
8. Zimenkova EN. The essence of the concept of “ecological-economic security of the region”. In: Sustainable development of socio-economic system of the Russian Federation: materialy XVIII regionalnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashennoj 25-letiyu kafedry menedzhmenta, Yevpatoriya, 02–03 dekabrya 2016 g = materials of the XVIII regional scientific-practical conference dedicated to the 25th anniversary of the Department of Management, Yevpatoria, December 02–03, 2016. Sipferopol; 2017. Pp. 97–99. (In Russ.).
9. Kuznetsov IV. Natural science, philosophy and the formation of the noosphere. In: Philosophical thoughts of a naturalist. Moscow, Nauka Publ.; 1988. Pp. 460–480. (In Russ.).
10. Nuzhina IP, Yudakhina OB. Conceptual model of the regional ecological-economic system. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Bulletin of Tomsk State University. Economics*. 2008;(1(2):54-67. (In Russ.).
11. Orlova ER, Buletova NE. Regional ecological-economic system as an object of diagnostics and strategic management. *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost = National interests: priorities and security*. 2013; 45(234):22-37. (In Russ.).
12. Saikova EA, Semenova AD. Assessment of ecological and economic security of the region (on the example of the Chelyabinsk region). In: *Teoreticheskie i prikladnye voprosy ekonomiki, upravleniya i obrazovaniya Sbornik statej III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Pod nauchnoj redakciej B. N. Gerasimova = Theoretical and applied issues of economics, management and education Collection of articles of the III International Scientific and Practical Conference. Under the scientific editorship of B. N. Gerasimov*. Penza, 2022. Pp. 410–415. (In Russ.).
13. Strovsky VE, Kosolapov OV. Ecological and economic system of a mining enterprise: structure, interrelations. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo gornogo universiteta = Izvestia Ural State Mining University*. 2017;(4(48):118-122. (In Russ.).
14. Tatarkin AI, Kuklin AA, Cherepanova AV. Socio-demographic security of Russian regions: current state and problems of diagnostics. *Ekonomika regiona = Regional Economics*. 2008;(3(15):153-161. (In Russ.).
15. Khamzina ShSh, Zhumabekova BK. Ecology and sustainable development: textbook. Moscow, 2016. 330 p. (In Russ.).

16. Shimova OS, Sokolovsky NK. Economics of Nature Management: textbook. Moscow; 2005. 377 p. (In Russ.).
17. Yakobson AY, Yakobson BB. Ecological-economic systems as an object of management information and zoning. Novosibirsk; 1987. 19 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А. А. Саламатов — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и регионального развития.

Г. Н. Пряхин — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и регионального развития.

Н. В. Малыгин — аспирант кафедры экономической теории и регионального развития.

Information about the authors

A. A. Salamatov — Doctor of Pedagogy Sciences, Professor, Head of the Department of Economic Theory and Regional Development.

G. N. Pryakhin — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and regional development.

N. V. Malygin — Postgraduate Student of the Department of Economic Theory and Regional Development.

Статья поступила в редакцию 05.10.2023; одобрена после рецензирования 13.10.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 05.10.2023; approved after reviewing 13.10.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 338.484, 338.486

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-79-90

ОСОБЕННОСТИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Светлана Геннадьевна Аюпова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, asg@csu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу инвестиционной привлекательности Уральского федерального округа. Уральский федеральный округ имеет потенциал для привлечения инвестиций в различные секторы экономики. Однако инвесторы должны проводить предварительное исследование рынка и оценивать риски, связанные с конкретными проектами и условиями округа. Для привлечения инвестиций на территорию необходимо учитывать не только природные ресурсы, но и другие факторы, включая экономическую стабильность, наличие инфраструктуры, бизнес-климат, наличие высококвалифицированных кадров, доступность рынков, правительственную политику, налоговые льготы, стабильность законодательства и правоохранительной системы, доступность кредитования и финансового сектора и другие инвестиционные механизмы. Кроме того, необходимо учитывать глобальные экономические факторы, которые могут повлиять на инвестиционную активность в регионе. Для анализа инвестиционной привлекательности территории рассмотрены методики оценки, проведен анализ динамики инвестиционной привлекательности различных регионов УрФО на примере рейтинга инвестиционной привлекательности Национального рейтингового агентства. В статье на основе данных Росстата произведен анализ объема валового внутреннего продукта Уральского федерального округа, проанализированы объем и структура инвестиций в основной капитал. На основе полученных данных сделан вывод о достаточно гибком изменении показателей под воздействием новых экономических и внешнеполитических условий. Кроме того, при формировании инвестиционной привлекательности регионов и сохранении инвестиционной активности необходимы государственная поддержка и структурная трансформация, поэтому тренд на сохранение роли бюджетных инвестиций при реализации инвестиционных проектов, на наш взгляд, сохраниться. Это позволит более быстрыми темпами в среднесрочной перспективе адаптироваться к санкционному давлению.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная привлекательность, инвестиционный потенциал, факторы инвестиционной привлекательности, инвестиционный рейтинг, конкурентоспособность региона, инвестиционный стандарт

Для цитирования: Аюпова С. Г. Особенности инвестиционной привлекательности Уральского федерального округа // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 79–90. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-79-90.

Original article

FEATURES OF INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT

Svetlana G. Ayupova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, asg@csu.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the investment attractiveness of the Ural Federal District. The Ural Federal District has the potential to attract investment in various sectors of the economy. However, investors should conduct preliminary market research and assess the risks associated with specific projects and county conditions. To attract investments into the territory, it is necessary to take into account not only natural resources, but also other factors including economic stability, infrastructure availability, business climate, availability of highly qualified personnel, market availability, government policy, tax incentives, stability of legislation and the law en-

forcement system, availability of credit and the financial sector and other investment mechanisms. In addition, it is necessary to take into account global economic factors that may affect investment activity in the region. To analyze the investment attractiveness of the territory, assessment methods were considered, the dynamics of investment attractiveness of various regions of the Ural Federal District was analyzed on the example of the rating of investment attractiveness of the National Rating Agency. Based on Rosstat data, the article analyzed the Gross Domestic Product of the Ural Federal District, analyzed the volume and structure of investments in fixed assets. Based on the data obtained, it was concluded that the indicators were quite flexible under the influence of new economic and foreign policy conditions. In addition, when forming the investment attractiveness of the regions and maintaining investment activity, state support and structural transformation are necessary. Therefore, the trend towards maintaining the role of budgetary investments in the implementation of investment projects in our opinion will continue. This will allow a faster pace in the medium term to adapt to sanctions pressure.

Keywords: investment, investment attractiveness, investment potential, investment rating, competitiveness of the region

For citation: Ayupova SG. Features of Investment Attractiveness of the Ural Federal District. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):79-90. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-79-90.

Введение

Санкции недружественных государств и неспокойная геополитическая обстановка сегодня определяют новые правила и пути качественного развития регионов и отраслей экономики России. Нехватка ресурсов диктует правила переориентации производства товаров и услуг, что требует объективных решений со стороны региональных властей для получения долгосрочного эффекта от принятых инвестиционных решений. Одним из ключевых элементов формирования инвестиционной политики является наличие ряда документов, определяющих стратегическое планирование в области инвестиционной деятельности. Наличие и прозрачность подобных документов и механизмов реализации позволяют привлекать на территорию инвесторов, предоставляя информацию о существующем потенциале территории: оценке ресурсов, возможностях и мероприятиях, ключевых мерах поддержки, то есть обо всем, что создает благоприятные условия для решения ключевых задач бизнеса, власти, населения. Таким образом, «чем нагляднее и доступнее информация о возможностях и рисках, связанных с тем или иным объектом, тем проще инвестору оценить его инвестиционную привлекательность и принять взвешенное инвестиционное решение» [5]. Одним из факторов повышения конкурентоспособности и стабильных темпов роста социально-экономического развития территории является наличие хорошей инвестиционной привлекательности. «Привлечение инвестиций в экономику страны является важной составляющей для ее роста и развития. Нарращивание инвестиций, предпринимательской активности — это, безусловно, и экономическая задача (это основа экономического роста и укрепления доходной на-

логовой базы регионов), но это и в полном смысле этого слова задача политическая, потому что именно это создает реальные ресурсы, увеличивает ресурсы для развития здравоохранения, образования, социальной сферы в целом, для реализации программ благоустройства и улучшения городской среды, реализации экологических проектов»¹.

На сегодняшний день основные перспективы развития России до 2030 г. представлены в «Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года»², где указывается необходимость увеличения инвестиционной активности регионов для повышения инвестиционной привлекательности. Данный процесс зависит от множества связанных между собой факторов, которые в совокупности формируют инвестиционный климат государства и инвестиционную привлекательность территории. Анализ инвестиционной привлекательности помогает просчитать целесообразность вложения средств в различные объекты предпринимательской деятельности, ожидаемую прибыль от реализации, возможные риски будущих инвесторов [3]. Расширение возможностей для инвесторов дает территории возможность развития за счет концентрации нового капитала, внедрения новых технологий, эффективного использования имеющихся ресурсов, предоставления новых рабочих мест и, как следствие, ее экономического подъема. Каждый субъект РФ

¹ В. В. Путин на заседании Госсовета, 27 декабря 2017 г.

² Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/

стремится к созданию благоприятного инвестиционного климата, повышая инвестиционную привлекательность территории, что предполагает решительные действия от региональных органов власти [14] и дополнительные возможности для инвесторов. Анализ и разработка мероприятий по повышению инвестиционного потенциала любого региона, определение драйверов развития, изучение взаимосвязи и взаимозависимости отдельных факторов на постоянной основе, а также стимулирование роста ответственности в развитии инвестиционной привлекательности позволяют увеличить ценность региона и создать наиболее ликвидный и рентабельный актив с высокой степенью управляемости. Таким образом, привлечение инвестиций в регион является основополагающим фактором в формировании инвестиционной привлекательности территории [2], что обосновывает выбор темы исследования.

Материалы и методы исследования

Основой анализа послужили аналитические обзоры, а также материалы отечественных ученых по проблеме исследования. Результаты исследования составлены на основе данных Федеральной службы государственной статистики, а также показателей рейтинговых агентств и систем по оценке инвестиционной привлекательности регионов, таких как Рейтинговая система Минэкономразвития России, Национального рейтингового агентства, «Эксперт РА», за период 2019–2022 гг. В работе используются общенаучные методы системного подхода, анализа и синтеза. Методология проведения исследования базируется на сравнительном, экономико-статистическом и системном видах анализа, позволяющих на основе динамики массива информации по регионам проанализировать тенденции инвестиционного развития регионов УрФО.

Результаты исследования

Основополагающим термином в области региональной экономики был и остается на сегодняшний день термин «инвестиционная привлекательность». Так, В. И. Перцухов трактует понятие инвестиционной привлекательности как «совокупность ряда объективных признаков, средств, возможностей и ограничений, обуславливающих потенциальный платежеспособный спрос на размещение инвестиций в пределах данной территории» [9]. На наш взгляд, под инвестиционной привлекательностью региона следует понимать комплексную оценку, отражающую уникальный

набор факторов, позволяющий объективно принять решение о дальнейших капиталовложениях и состоянии территории.

На сегодняшний день многие исследователи сходятся во мнении, что инвестиционная привлекательность территории — показатель интегральный и предполагает воздействие на его формирование целого ряда «объективных признаков, свойств, средств, возможностей» [11] факторов [4]. Целесообразно отметить, что для принятия окончательного решения потенциальному инвестору и региональным властям, по мнению автора, необходимо разделять факторы, формирующие инвестиционную привлекательность, на следующие категории: неизменяемые факторы («жесткие»), изменяемые («мягкие») в долгосрочном и краткосрочном периоде (рис. 1).

За счет изменения «мягких» факторов у региона появляется возможность активизировать процесс инвестиционной деятельности. Любая территория заинтересована в долгосрочном взаимодействии, поскольку долгосрочные инвестиции являются катализаторами социально-экономического развития территории [8]. В этом случае администрации региона необходимо определиться с требованиями инвестора и указать доступным способом понятные «правила игры». В условиях «правил игры» региональными органами принимаются различные меры по упрощению процедур регистрации бизнеса, снижению бюрократических барьеров, улучшению условий для предпринимательства и защите прав инвесторов. Но и здесь возникает вопрос: «Что же нужно современному инвестору при взаимодействии с администрацией региона?» Требования инвесторов растут, а принятие решения всё также зависит от максимизации прибыли при минимальном риске и затраченных ресурсах при условии максимальной определенности. Но ведь это практически невозможно. В этом случае крупный инвестор проводит анализ по следующим направлениям:

- рентабельность производства;
- конкурентные преимущества территории;
- оценка природных ресурсов;
- имеющаяся инфраструктура;
- потенциальные рынки сбыта;
- преференции по налогам;
- готовые предложения со стороны администрации в виде производственных площадок;
- готовность решать вопросы в условиях «единого окна»;
- уровень и доступность консультирования;

Рис. 1. Факторы, формирующие инвестиционную привлекательность территории
 Fig. 1. Factors shaping the investment attractiveness of the territory

Источник: составлено автором

- доступность и комфортность проживания на данной территории;
- наглядность и простота получения информации о возможностях и рисках;
- прочие.

Ответы на все эти и не только вопросы инвестор найдет благодаря разработкам Министерства экономического развития. Так, созданный в 2021 г. инвестиционный стандарт призван сократить входные барьеры инвестора начиная от этапа разработки до стадии завершения инвестиционного процесса. Он устанавливает набор правил и критериев, которые определяет различные аспекты проектов и позволяет принять обоснованные решения о вложении средств. Принять участие в разработке могут как государственные организации, так и частные инвестиционные фонды, банки или другие финансовые учреждения. Кроме того, он также может служить основой для привлечения финансирования от институциональных инвесторов, таких как пенсионные или инвестиционные фонды, страховые компании. Уже с 2023 г. Агентство стратегических инициатив при составлении рейтин-

га инвестиционной привлекательности регионов будет учитывать такой показатель, как соответствие стандарту.

Основной идеей создания стандарта было упрощение вхождения инвестора на территорию за счет следующих элементов, представленных на рис. 2.

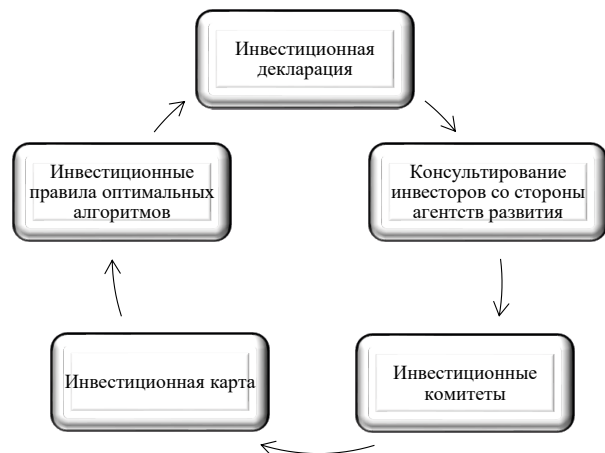

Рис. 2. Элементы инвестиционного стандарта
 Fig. 2. Elements of the investment standard

Источник: составлено автором

Так, в инвестиционной декларации инвестор найдет те самые «правила игры» при ведении бизнеса на конкретной территории. Кроме того, он может рассчитывать на гарантии и обязательства со стороны главы региона, которые также указаны в данном документе.

Агентства инвестиционного развития берут на себя роль привлечения, сопровождения и консультирования частных инвесторов в режиме «одного окна». Вместе с тем здесь инвестор найдет поддержку для создания проектных команд, приобретет возможность взаимодействия с финансовыми организациями для расширения потенциала в области финансовой поддержки инвестиций.

Инвестиционный комитет предполагает отдельную автономную структуру, которая может заниматься следующими направлениями:

- совершенствование инвестиционного климата и осуществление проектов;
- внесение предложений по сокращению входных барьеров, замедляющих потенциальное развитие экономики;
- решение спорных вопросов, касающихся нарушения инвестиционной декларации, несоблюдения свода инвестиционных правил, соблюдения обязательств по инвестиционным проектам.

Инвестиционная карта поможет определиться с наличием особых льготных режимов, инвестиционных объектов и инженерной инфраструктурой, а также ресурсами, необходимыми для осуществления капиталовложений на конкретной территории.

Не менее интересным является свод инвестиционных правил, который содержит «оптимальные алгоритмы» для всех участников инвестиционного процесса для воплощения мечты инвестора в реальность. Он содержит инструкции для подключения к энерго-, газо-, тепло- и водоснабжению и водоотведению, а также все виды работ с земельными участками, получение всевозможных разрешений и многое другое.

Таким образом, инвестиционная привлекательность региона формируется под воздействием внутренних и внешних факторов среды, в том числе имеет возможность и самостоятельно осуществлять векторное направление активизации деятельности потенциальных инвесторов, наращивая объемы и темпы инвестирования в основной капитал, а также развитие региональных объектов на территории [1].

Результатами оценки инвестиционной привлекательности регионов могут воспользоваться как

на уровне федеральных и региональных органов власти [12], так и на уровне частного инвестора. На федеральном уровне результаты оценки необходимы для органов государственной власти в качестве принятия обоснованных решений, необходимых для сокращения дисбаланса в социально-экономическом развитии между территориями, отслеживании необходимости финансовой поддержки и повышения качества управления. Для региональных властей — это возможность сократить инвестиционные риски, масштабировать использование апробированных практик другими регионами путем предоставления доступа к «лучшим практикам».

За последние годы разработано немало методик оценки инвестиционной привлекательности территории, многие исследователи отмечают необходимость комплексности показателей при анализе инвестиционной привлекательности [10]. Так, например, при анализе территории Ф. З. Семенова оценивает инвестиционный климат через показатели инвестиций в основной капитал и ВРП [12]. Сегодня особенно актуально стоит вопрос прозрачности и универсальности системы оценки критериев инвестиционной привлекательности регионов, причем как внутренних, так и особенно внешних инвесторов. Системы оценивания инвестиционной привлекательности дополняют имеющийся мировой опыт в оценке привлекательности со стороны инвестиций страны в целом. Сегодня рейтинг страны может не отражать дифференциации социально-экономического развития регионов.

Одними из самых распространенных и доступных методик и результатов анализа инвестиционной привлекательности для инвестора являются ежегодные рейтинги инвестиционной привлекательности, проводимые Агентством стратегических инициатив, Национальным рейтинговым агентством, «Эксперт РА», Советом по изучению производительных сил Министерства экономического развития РФ и РАН [11]. Методики анализа предполагают интегральную оценку на основе учета большого спектра количественных показателей, в том числе экспертных оценок. В силу сложности, высоких трудозатрат и субъективности, разработкой методик оценки инвестиционной привлекательности продолжают заниматься отечественные и зарубежные исследователи. Однако широкого распространения авторские методики в кругу инвесторов не получают. Это связано с выборкой регионов отдельными исследователями, сложностью интерпретации, находя-

дения информации, а также более узкого подхода к оценке. Сегодня как авторские, так и рейтинговые методики ведущих экспертов рассматривают инвестиционную привлекательность в виде объекта исследования, определяют ее как оценку «совокупности факторов, влияющих на целесообразность, эффективность и уровень рисков инвестиционных вложений на территории данного региона... включают не только аспекты регулирования и сопровождения инвестиционной деятельности, но и фундаментальные факторы, характеризующие ресурсный и инфраструктурный потенциал регионов России» [6].

Решение задач увеличения темпов экономического роста, инновационной активности на высокотехнологичных рынках без усиления роли инвестиционного процесса в регионе не представляется возможным. Регионы Уральского федерального округа не являются исключением. Уральский федеральный округ, расположенный в самом сердце России, в последние годы приобретает значительное внимание со стороны инвесторов благодаря своим природным и технологическим возможностям. Округ, состоящий из шести регионов, включая Челябинскую, Курганскую, Свердловскую, Тюменскую области, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, быстро становится перспективным хабом для инвесторов, ищущих прибыльные возможности.

Одним из ключевых факторов, способствующих инвестиционной привлекательности Уральского федерального округа, является его богатый ресурсный потенциал. Этот регион известен своими огромными запасами природных ресурсов, включая нефть, газ, уголь, железную руду, медь и золото. Эти ресурсы обеспечивают прочную основу для различных отраслей, привлекая как местных, так и зарубежных инвесторов. Кроме того, Уральский федеральный округ предлагает высококвалифицированную рабочую силу с высоким уровнем промышленного развития. Регион имеет фундаментальный опыт в машиностроении и металлургии, выпуская качественные машины и оборудование, что в сочетании с квалифицированной рабочей силой и передовой технической экспертизой создает благоприятные условия для развития обрабатывающей и высокотехнологичной промышленности.

Расположенный на перекрестке между Европой и Азией, Уральский федеральный округ служит важнейшим звеном для торговых и транспортных путей. Эта стратегическая позиция открывает широкие возможности для компаний, стре-

мящихся расширить свои рынки и установить международные партнерства. В связи с этим развитие инфраструктуры — еще один важнейший аспект, повышающий инвестиционную привлекательность Уральского федерального округа. Регион отличается хорошо развитыми транспортными сетями, включая разветвленную железнодорожную систему и крупные автомагистрали, связывающие его с другими частями России и соседними странами. Вместе с тем здесь имеется несколько международных аэропортов, что обеспечивает эффективную логистику для предприятий.

В последние годы Уральский федеральный округ стал свидетелем существенной государственной поддержки и благоприятной инвестиционной политики. Местные власти осуществляют различные меры по привлечению и удержанию инвесторов, включая налоговые льготы, упрощенные административные процедуры и особые экономические зоны. Эти инициативы не только способствуют росту бизнеса, но и обеспечивают благоприятный инвестиционный климат, поощряя как внутренних, так и иностранных инвесторов к изучению возможностей в регионе. Направление развития капиталовложений в регионе можно отследить по показателю объема инвестиций в основной капитал.

Анализ инвестиций в основной капитал в регионе показывает объем и направление инвестиций в основные активы, которые используются в производстве товаров и услуг. Кроме того, это позволяет оценить эффективность использования инвестиций и может помочь в принятии решений относительно привлечения инвестиций, разработки программ и стратегий развития региона, тем самым увеличив инвестиционную привлекательность округа. Так, основную долю в общем объеме инвестиций в основной капитал в 2022 г. занимали добыча полезных ископаемых (46,6 %) и обрабатывающее производство (14,8 %) (рис. 3). Стоит отметить, что УрФО обеспечил 40 % объема добычи полезных ископаемых страны, 12,5 % обрабатывающей промышленности. Основной вклад в объем инвестиций в основной капитал по УрФО в 2022 г. внесли Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа. Они занимают 2- и 3-ю строчки рейтинга по данным Росстата: ЕМИСС (fedstat.ru).

Существенный объем капиталовложений инвесторов УрФО объясняется значительным скоплением отраслей естественных монополий, которые практически гарантированно обеспечивают спрос как на внутреннем, так и на внешнем

Рис. 3. Отраслевая структура инвестиций в основной капитал по УрФО за 2022 г.

Fig. 3. The sectoral structure of investments in fixed assets in the Ural Federal District for 2022

Источник: составлено по данным Росстата (<https://rosstat.gov.ru/>), раздел «Валовой региональный продукт»: ВРП ОКВЭД 2 (с 2016 г.), ВРП с 1998 г.; приведены наиболее актуальные данные (2020 г.)

рынке. Показатель инвестиций в основной капитал с 2016 по 2022 г. зависел от отраслей промышленного производства (рис. 4) и имел стабильно повышался, за исключением пандемийного периода.

В целом по Уральскому федеральному округу за исследуемый период с 2016 по 2022 г. зафиксирован рост показателя «объем инвестиций в основной капитал». Доля инвестиций в основной капитал в общем объеме по РФ составила

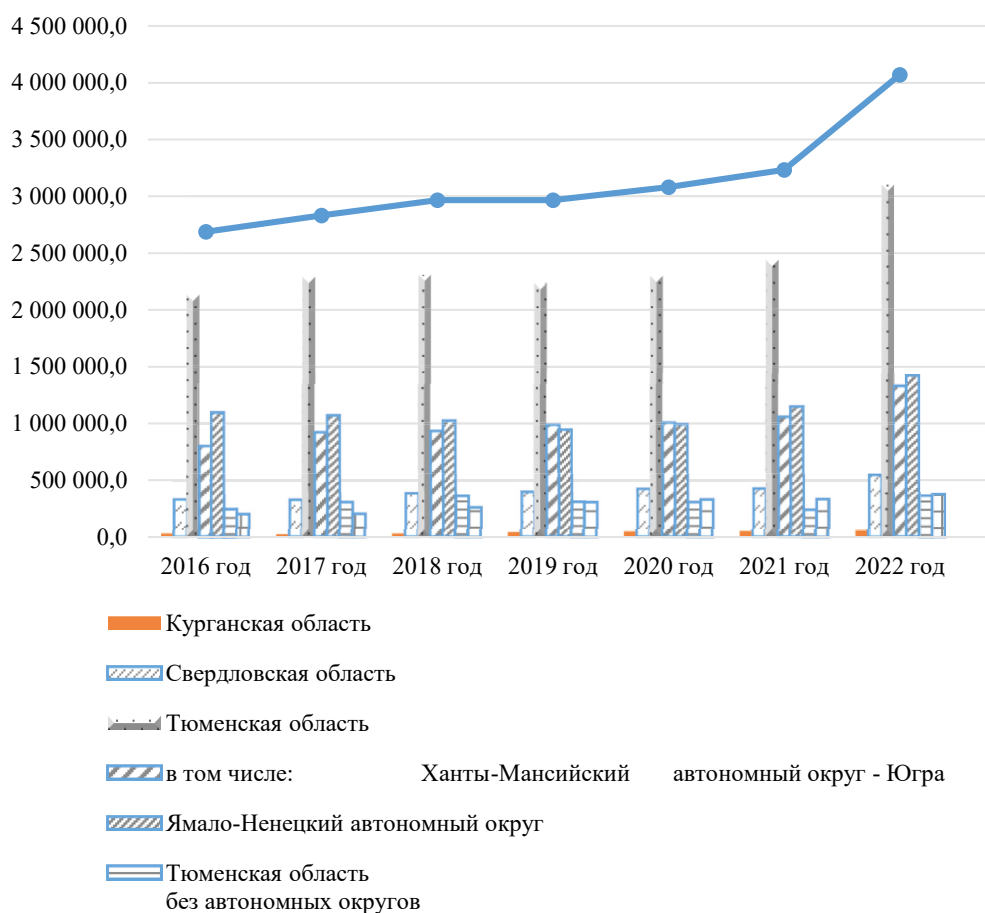

Рис. 4. Динамика инвестиций в основной капитал, млн р.

Fig. 4. Dynamics of investments in fixed assets, million rubles

Источник: Росстат. ЕМИСС (fedstat.ru)

на конец исследуемого периода 14,6 %. Лидерами по данному показателю являются нефтегазонасыщенные территории — Ханты-Мансийский (4,8 %) и Ямало-Ненецкий (5,1 %) автономные округа. Значение показателя на 2022 г. составило 1 328 382,3 и 1 414 673,8 млн руб. соответственно. Стоит отметить, что пандемийный период оказал негативное воздействие не только на инвестиционную сферу, но и на большинство других в Российской Федерации в целом. Объем инвестиций в основной капитал сократился по стране на 1,4 %. Несмотря на сокращение показателя, результат оказался выше, чем прогнозировалось. Введенные ограничения «заморозили» бизнес-процессы, что не могло не сказаться на динамике капитальных вложений. Однако необходимо отметить, что списывать всё на covid-19 не стоит. Так, долгосрочные инвестиции в Арктической зоне позволили Ямало-Ненецкому автономному округу незначительно сократить темпы роста показателя. К основным сильным сторонам, оказывающим положительное воздействие на нефтегазодобывающие территории, по-прежнему относятся запасы природных ресурсов, а также высокие доходы населения. Снижение показателя по остальным регионам объясняется завершением крупных инвестиционных проектов в ряде отраслей экономики. Отсутствие альтернативных источников инвестиций при выходе крупных игроков по завершении инвестиционных циклов предопределило нестабильность инвестиционного процесса данных территорий. Основные болезненные точки ресурсных

территорий, как правило, либо институциональная среда, либо инфраструктура. При этом обе эти проблемы относятся к «мягким» факторам, формирующим инвестиционную привлекательность территорий. И если логистические трудности возможно решить в долгосрочной перспективе, то институциональная среда более гибкая и возможный эффект можно получить в краткосрочном периоде за счет использования льгот и возможностей, предоставляемых на федеральном уровне для всех отраслей экономики.

Что же касается структуры инвестиций в основной капитал по Уральскому федеральному округу, то, как и прежде, собственные средства остаются основным источником финансирования инвестиций. За последние два года доля собственных средств в объеме инвестиций в основной капитал уменьшилась на 3,6 %, это сопровождалось увеличением привлеченных средств по УрФО. Однако такая тенденция типична не для всех регионов. Доля собственных средств в общем объеме источников финансирования инвестиций в основной капитал Ханты-Мансийского автономного округа уменьшилась на 1,3 %, сократив при этом долю финансирования из федерального бюджета. В привлеченных средствах по-прежнему большая часть приходится на бюджетные средства (рис. 5).

По результатам оценки Национального рейтингового агентства, инвестиционная привлекательность регионов УрФО за четыре года не претерпела изменений и с 2019 по 2022 г. ежегодно подтверждала свое рейтинговое значение (табл. 1).

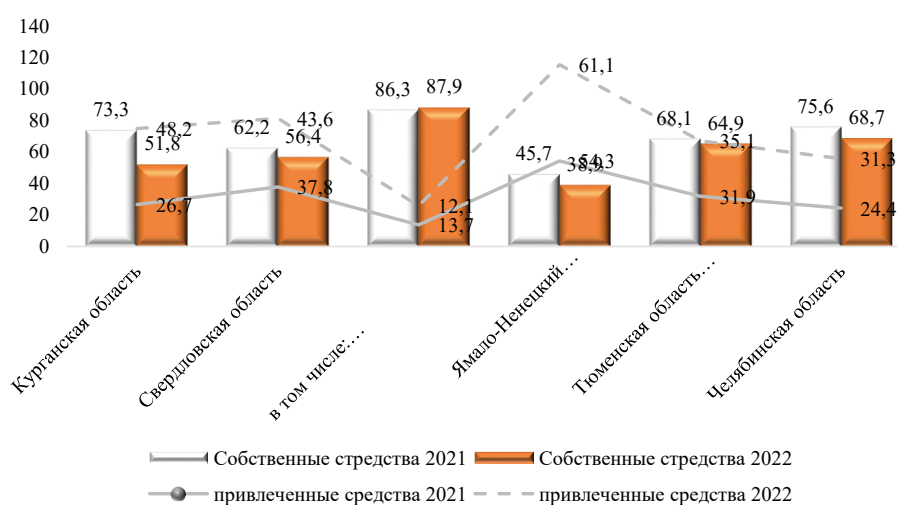

Рис. 5. Структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования, % к общему объему за 2021–2022 гг.

Fig. 5. The structure of investments in fixed assets by sources of financing, % of the total volume for 2021–2022. Источник: Росстат. ЕМИСС (fedstat.ru)

Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов Уральского федерального округа
Rating of investment attractiveness of the regions of the Ural Federal District

Субъект РФ	2019	2020	2021	2022	Рейтинг 2022/2019
Курганская область	A-3	A-3	A-3	A-3	Подтвержден
Свердловская область	B-1	B-1	B-1	B-1	Подтвержден
Тюменская область	B-1	B-1	B-1	B-1	Подтвержден
в том числе: Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	B-1	B-1	B-1	B-1	Подтвержден
Ямало-Ненецкий автономный округ	A-1	A-1	A-1	A-1	Подтвержден
Челябинская область	A-3	A-3	A-3	A-3	Подтвержден

Источник: составлено автором на основе данных Национального рейтингового агентства.

Во многом подтверждение рейтинга, на наш взгляд, объясняется его индустриально-сырьевой направленностью, что особенно ценно в условиях современного геополитического состояния. Основной специализацией для округа является:

- топливная промышленность;
- черная и цветная металлургия;
- машиностроение;
- химическая промышленность;
- лесопромышленный комплекс.

Это же подтверждается основным обобщающим показателем экономической деятельности территории и проявлением инвестиционной привлекательности — валовым региональным продуктом. При анализе ВРП УрФО отметим, что на долю добычи полезных ископаемых приходится 46,6 % в общем объеме ВРП (добыча газа свыше 90 % общероссийской добычи, нефти — 66 %).

Анализируя темпы роста ВРП по регионам, стоит отметить, что значение показателя за исключением кризисных периодов в УрФО имеют положительную динамику и высокий показатель. Особое влияние на движение ВРП УрФО оказывают опять те же топливно-энергетические регионы — Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа (табл. 2).

Исторически сложилось, что основная часть валовой прибыли создается добывающими, нефтеперерабатывающими и металлургическими производствами. Однако за последнее время эти отрасли подверглись давлению сначала со стороны пандемийного периода, а впоследствии и в результате санкционного давления. Стабильный и достаточный уровень ВРП в УрФО указывает на сильную экономику региона и неплохие возможности для инвесторов, особенно в отраслях нефтяной и газовой промышленности. В том числе достаточно стабильные показатели на протя-

жении длительного периода времени сигнализируют об устойчивости региональной экономики, высоком уровне экономического развития и производительности, наличии драйверов, а также сокращении рисков со стороны инвесторов в ряде отраслей, включая периоды нестабильной экономической ситуации. Таким образом, анализ ВРП региона является важным инструментом для оценки инвестиционного потенциала и стабильности региона.

Заключение

В заключение следует отметить, что УрФО открывает широкие инвестиционные возможности благодаря богатому ресурсному потенциалу, квалифицированной рабочей силе, надежной инфраструктуре, благоприятной государственной политике, стратегическому расположению и высокому качеству жизни. Поскольку этот регион продолжает развиваться и диверсифицировать свою экономику, он готов стать процветающим центром для различных отраслей с учетом государственной поддержки и грамотного государственного управления. Таким образом, увеличение капиталовложений на территорию открывает новые горизонты развития для роста экономики округа.

Экономка регионов УрФО достаточно гибко реагирует на новые экономические и внешнеполитические условия. В формировании инвестиционной привлекательности регионов и сохранении инвестиционной активности необходимы государственная поддержка и структурная трансформация. Поэтому тренд на сохранение роли бюджетных инвестиций при реализации инвестиционных проектов, на наш взгляд, сохранится. Это позволит более быстрыми темпами в среднесрочной перспективе адаптироваться к санкционному давлению.

Анализ динамики ВРП Уральского федерального округа за 1998–2021 гг.
Analysis of the dynamics of GRP in the Ural Federal District for 1998-2021

Год	Уральский федеральный округ		Курганская область		Свердловская область		Тюменская область		в т. ч. Ханты-Мансийский АО — Югра		Ямало-Ненецкий АО		Тюменская область (без автономных округов)		Челябинская область	
	млрд руб.	темп роста	млрд руб.	темп роста	млрд руб.	темп роста	млрд руб.	темп роста	млрд руб.	темп роста	млрд руб.	темп роста	млрд руб.	темп роста	млрд руб.	темп роста
1998	315,7		9,5		73,1		188,6			44,6	
1999	522,5	165	14,8	156	112,4	154	316,2	168	79,1	177
2000	1 387,1	265	18,7	127	156,1	139	570,8	181	403,8	...	117,1	120,6	152
2001	1 803,1	130	25,4	136	199,9	128	753,1	132	498,0	...	184,3	142,5	118
2002	2 150,9	119	29,9	118	234,9	118	898,7	119	552,5	...	262,4	172,4	121
2003	2 659,7	124	37,0	124	284,6	121	1 117,5	124	717,2	...	283,2	220,2	128
2004	3 546,7	133	42,5	115	364,4	128	1 536,7	138	956,2	...	355,7	291,2	132
2005	4 932,4	139	50,2	118	475,6	131	2 215,6	144	1 399,3	...	441,7	350,0	120
2006	5 861,1	119	68,4	136	653,9	137	2 551,4	115	1 594,1	...	546,4	446,9	128
2007	6 559,3	112	81,1	118	820,8	126	2 758,8	108	1 728,3	...	594,7	575,6	129
2008	7 472,2	114	106,2	131	923,6	113	3 121,4	113	1 937,2	...	719,4	664,5	115
2009	6 788,7	91	107,9	102	825,3	89	2 870,3	92	1 778,6	...	649,6	557,0	84
2010	7 873,0	116	117,9	109	1 046,6	127	3 301,6	115	1 971,9	...	782,2	652,9	117
2011	10 426,9	132	136,3	116	1 291,0	123	4 112,6	125	2 440,4	...	966,1	...	706,1	...	774,4	119
2012	11 723,8	112	146,0	107	1 484,9	115	4 625,5	112	2 703,6	111	1 191,3	123	730,6	103	842,0	109
2013	12 518,4	107	167,0	114	1 568,7	106	4 950,2	107	2 729,1	101	1 375,9	115	845,2	116	882,3	105
2014	13 414,7	107	170,3	102	1 659,8	106	5 295,3	107	2 860,5	105	1 633,4	119	801,5	95	993,9	113
2015	14 914,6	111	179,4	105	1 822,8	110	5 851,6	111	3 154,1	110	1 791,8	110	905,7	113	1 209,2	122
2016	15 896,4	107	202,1	113	2 109,6	116	6 126,0	105	3 130,2	99	2 028,2	113	967,5	107	1 332,8	110
2017	18 080,3	114	210,0	104	2 259,5	107	7 097,1	116	3 557,4	114	2 456,3	121	1 083,4	112	1 416,6	106
2018	21 910,6	121	215,6	103	2 423,7	107	8 875,0	125	4 506,7	127	3 051,6	124	1 316,7	122	1 521,3	107
2019	22 224,5	101	236,8	110	2 535,2	105	8 952,5	101	4 558,9	101	3 158,8	104	1 234,8	94	1 547,5	102
2020	18 916,8	85	240,2	101	2 512,7	99	7 280,6	81	3 341,8	73	2 767,7	88	1 171,0	95	1 602,7	104
2021	28 048,4	148	268,5	112	3 038,4	121	11 349,4	156	5 651,9	169	4 161,5	150	1 536,0	131	2 042,6	127

Источник: Анализ произведён по данным Росстата (<https://rosstat.gov.ru/>)

Стоит особо отметить, что проводить анализ рекомендуем с учетом комплексной оценки факторов инвестиционной привлекательности и времени их изменения одновременно. Такая оценка инвестиционной привлекательности позволит оценить условия, возможности и риски для по-

тенциальных инвесторов. Полученные значения при анализе способствуют выявлению резервов роста региональной экономики, формированию и корректировке векторного направления инвестиционного стандарта УрФО и инвестиционной политики региона и страны в целом.

Список источников

1. Вдовин С. М. Инвестиционная привлекательность как фактор устойчивого развития региона // Экономический анализ: теория и практика. 2014. Т. 13, вып. 41. С. 20–27.
2. Вилинская В. Ю., Кострюкова Л. А. Об инвестиционном климате в России // Устойчивое развитие России: финансово-экономические аспекты : сб. науч. тр. Челябинск : ЮУрГУ, 2015. С. 16–18.
3. Герасимов В. А. Государственная инвестиционная политика и инвестиционный климат в регионе // Проблемы современной экономики. 2008. № 1. С. 456–458.
4. Зорина Т. М. Инвестиционная активность промышленных предприятий: рост или стагнация? // Проблемы учета и финансов. 2016. № 4 (24). С. 64–68.
5. Литвинова В. В. Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат региона : монография. М. : Финансовый университет, 2013. 116 с.

6. Мозгоев, А. О некоторых терминах, используемых в инвестиционных проектах // Инвестиции в России. 2002. № 6. С. 48.
7. Оганян М. А. Управление инвестиционным климатом на основе определения неоднородности регионов // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2009. № 4 (81). С. 173–177.
8. Осипов П. Ю. Инвестиционный климат регионов как объект воздействия региональной инвестиционной политики // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 8 (64). С. 412–416.
9. Перцухов В. И. Инвестиционный климат территориальных образований: основные положения исследования социально-экономических и инвестиционных процессов на территориальном уровне управления // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2010. № 4. С. 61–65.
10. Подшиваленко Г. П. Инвестиционный климат и инвестиционная привлекательность // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2010. № 15. С. 7–10.
11. Ройзман И. И., Гришина И. В. Сложившаяся перспективная инвестиционная привлекательность крупнейших отраслей отечественной промышленности // Инвестиции в России. 1998. № 1. С. 37–39.
12. Ряховский Д. О российском инвестиционном климате // Предпринимательство. 2007. № 6. С. 11–19.
13. Семенова Ф. З. Инвестиционный климат и потенциал активизации инвестиционной деятельности региона // Аудит и финансовый анализ. 2009. № 1. С. 221–225.
14. Социально-экономические проблемы локальных территорий / Т. В. Ускова [и др.]. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.
15. Токаева С. К. К вопросу об инвестиционном климате и роли государства в инвестиционном процессе // Terra Economicus. 2005. № 3–4. С. 62–68.

References

1. Vdovin SM. Investment attractiveness as a factor in the sustainable development of the region. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika = Economic analysis: theory and practice*. 2014;13(41):20-27. (In Russ.).
2. Vilinskaya VYu, Kostryukova LA. On the investment climate in Russia. *Ustojchivoe razvitie Rossii: finansovo-ekonomicheskie aspekty: sb. nauch. tr. = Sustainable development of Russia: financial and economic aspects: sat. scientific. tr.* Chelyabinsk; 2015. Pp. 16–18. (In Russ.).
3. Gerasimov VA. State investment policy and investment climate in the region. *Problemy sovremennoj ekonomiki = Problems of the modern economy*. 2008;(1):456-458. (In Russ.).
4. Zorina TM. Investment activity of industrial enterprises: growth or stagnation? *Problemy ucheta i finansov = Problems of accounting and finance*. 2016;4(24):64-68 (In Russ.).
5. Litvinova VV. Investment attractiveness and investment climate of the region: monograph. Moscow; 2013. 116 p. (In Russ.).
6. Mozgoyev A. On some terms used in investment projects. *Investicii v Rossii = Investments in Russia*. 2002;(6):48. (In Russ.).
7. Ohanyan MA. Management of investment climate based on the determination of heterogeneity of regions. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki = Scientific and technical statements of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences*. 2009;4(81):173-177. (In Russ.).
8. Osipov PYu. Investment climate of regions as an object of impact of regional investment policy. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*. 2008;8(64):412-416. (In Russ.).
9. Pertsukhov VI. The investment climate of territorial entities: the main provisions of the study of socio-economic and investment processes at the territorial level of management. *Intellekt. Innovacii. Investicii = Intellect. Innovation. Investments*. 2010;(4):61-65. (In Russ.).
10. Podshivalenko GP. Investment climate and investment attractiveness. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial analytics: problems and solutions*. 2010;(15):7-10.
11. Roizman II, Grishina IV. The existing promising investment attractiveness of the largest industries of the domestic industry. *Investicii v Rossii = Investments in Russia*. 1998;(1):37-39. (In Russ.).
12. Ryakhovskiy D. On the Russian investment climate. *Predprinimatel'stvo = Entrepreneurship*. 2007;(6):11-19. (In Russ.).

13. Semenova FZ. Investment climate and potential for intensifying investment activities in the region. *Audit i finansovyj analiz = Audit and financial analysis*. 2009;(1):221-225. (In Russ.).
14. Socio-economic problems of local territories. TV. Uskova [et al.]. Vologda; 2013. 196 p. (In Russ.).
15. Tokayeva SK. On the question of the investment climate and the role of the state in the investment process. *Terra Ekonomikus = Terra Economicus*. 2005;(3-4):62-68. (In Russ.).

Информация об авторе

С. Г. Аюпова — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Information about the author

S. G. Ayupova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of Industries and Markets of the Institute of Economics of Industries, Business and Administration.

Статья поступила в редакцию 29.10.2023; одобрена после рецензирования 11.11.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 29.10.2023; approved after reviewing 11.11.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 330.34; 332.05

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-91-101

ИНЕРЦИОННОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Дарья Сергеевна Бенц

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, benz@csu.ru, ORCID 0000-0003-1257-248X

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена инерции в долгосрочном экономическом развитии регионов металлургического профиля. Цель статьи — показать фактор инерции в экономическом развитии регионов металлургического профиля, количественно определить степень затухания инерции. На основе ранее проведенных исследований автором включены в выборку шесть регионов, отнесенных к регионам металлургического профиля, — это Вологодская, Липецкая, Мурманская, Свердловская, Тульская и Челябинская области. Конкретными методами исследования выступили метод графической иллюстрации и регрессионный анализ с лагированными переменными. В отношении долгосрочного экономического развития лидерами являются Тульская и Свердловская области, аутсайдером — Мурманская. Переменными регрессий выступили предыдущее и последующее значения индекса физического объема ВРП в фиксированных ценах. По результатам регрессионного анализа построены семь функциональных зависимостей — шесть для каждого региона в отдельности и одна функция по панельной выборке. Установлены виды функций, характеризующие экономическое развитие регионов. Это линейная функция, характеризующая развитие Тульской области, и степенная функция, описывающая развитие остальных пяти регионов. При помощи полученных уравнений регрессии автором показан затухающий характер инерции экономического развития.

Ключевые слова: инерционность развития, инерция, экономическое развитие, экономический рост, долгосрочный период, металлургический профиль, экономика региона

Для цитирования: Бенц Д. С. Инерционность экономического развития регионов металлургического профиля // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 91–101. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-91-101.

Original article

RIGIDITIES IN THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF METALLURGICAL REGIONS

Daria S. Benz

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, benz@csu.ru, ORCID 0000-0003-1257-248X

Abstract. The author studies the phenomenon of inertia in the long-term economic development of metallurgical regions. The purpose of the article is to show the inertia factor in the economic development of the regions of the metallurgical profile and also to quantify the degree of inertia attenuation. Based on previously conducted studies, the author included in six following regions classified as metallurgical regions — these are Vologda, Lipetsk, Murmansk, Sverdlovsk, Tula and Chelyabinsk regions. Specific research methods are graphical illustration and regression analysis with lagged variables. With regard to long-term economic development, the leaders are the Tula and Sverdlovsk regions, the outsider is Murmansk. The regression variables are the prf the physical volume of GRP in fixed prices. Based on the results of regression analysis, the author builds seven functional dependencies — six for each region separately and one function per panel sample. The author received types of functions characterizing the economic development of the regions. This is a linear function characterizing the development of the Tula region, and a power function describing the development of the remaining five regions. Using the obtained regression equations, the author shows the fading nature of the inertia of economic development.

Keywords: rigidities of development, inertia, economic development, economic growth, long-term period, metallurgical profile, regional economy

For citation: Benz D. Rigidities in the Economic Development of Metallurgical Regions. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):91-101. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-91-101.

Введение

Обзор литературы показал, что небольшое число публикаций в области экономических наук содержит в названии термин «инерционность развития»¹ [1–8]. Причем объекты исследования в найденных публикациях различны. Это и развитие городов [2; 3], и промышленности [1], и национальной экономики [4–7], и социально-экономических систем в целом [8]. Уже из этого набора литературы можно констатировать, что термин «инерционность развития» применим в отношении любой социально-экономической системы.

В действительности же многие ученые допускают фактор инерции в отношении развития социально-экономических систем. Инерционность исследуется и как фактор цикличности экономики [9], и как антипод инновационного развития [4; 5; 10], и как феномен, характерный для объектов материального мира и субъективной реальности [11]. Исследование пространства также невозможно без принятия фактора инерции [5; 12–14].

Таким образом, констатируем, что инерция, будучи свойством системы [15], не может быть оставлена без внимания. Инерция, как правило, не выходит за рамки любого исследования в области естественных и технических наук, но редко выступает самостоятельным объектом исследования в экономических науках.

В своем исследовании будем придерживаться следующего понимания инерционности социально-экономической системы: это «такое свойство социально-экономической системы, когда при изменении внешних и внутренних факторов (сил воздействия) на элементы системы они некоторое время не меняют свои параметры состояния, то есть сохраняют инерцию» [11]. В нашем же исследовании речь идет об «инерционности развития», поэтому к приведенному определению добавлю: инерционность развития означает сохранение некоторого времени траектории развития.

Часто авторы противопоставляют инерционное развитие инновационному. Однако может ли экономическая система встать на рельсы инновационного (высокотехнологичного) развития, сохраняя при этом некоторую инерционность? Вероятно, да. Если принять во внимание, что инер-

ционность — это неотъемлемое свойство любой социально-экономической системы, то ускоренное развитие возможно и при наличии этого свойства. Инерция может работать как со знаком «+», так и со знаком «–», она может ускорять или замедлять экономическое развитие.

Регионы металлургического профиля часто ассоциируют с медленно растущими регионами, в том числе в силу низкой технологичности самой отрасли. Автором исследованы среднесрочные и долгосрочные тренды экономического развития регионов металлургической специализации [16] и металлургического профиля [17]. К регионам металлургической специализации автором были отнесены регионы с максимальным удельным весом производства металлургической продукции крупными и средними предприятиями в общем объеме производства продукции всех отраслей крупными и средними предприятиями (Вологодская, Липецкая, Челябинская, Мурманская и Свердловская области) [16]. Регионы металлургического профиля были отобраны по комплексу критериев — кроме удельного веса металлургического производства был учтен фактор технологичности. По результатам кластерного анализа в выборку регионов металлургической специализации попали Челябинская и максимально схожие с ней Вологодская, Липецкая, Свердловская и Тульская области [17].

В это исследование включим расширенный список ранее исследованных регионов — Вологодская, Липецкая, Мурманская, Свердловская, Тульская и Челябинская области. Условно назовем их регионами «металлургического профиля», что не противоречит ранее проведенным исследованиям.

Цель статьи — исследовать фактор инерции в экономическом развитии регионов металлургического профиля. Цель будет достигаться посредством построения моделей долгосрочного экономического развития шести указанных регионов. Так как речь идет об инерционности развития, то в качестве переменных в модели примем последующие и предыдущие значения индексов физического объема валового регионального продукта (это так называемые модели с лагированными переменными).

¹ С учетом форм в именительном падеже.

Соответственно к задачам исследования отнесем:

1. Анализ долгосрочного экономического роста указанных регионов, оценку позиций каждого региона в сравнении.

2. Определение специфических особенностей долгосрочного экономического развития указанных регионов посредством построения модели для каждого региона.

3. Определение общих особенностей долгосрочного экономического развития регионов металлургического профиля посредством построения модели по панельной выборке.

Методы и материалы

Методика исследования приведена в табл. 1.

Результаты исследования

Оценим динамику индексов физического объема валового регионального продукта (к базовому 1998 г.) в исследуемых регионах (рис. 1). Начиная с 2002 г. Свердловская область выходит в лидеры по темпам экономического роста, уступив это лидерство в 2020–2021 гг. Тульской области. Аутсайдером по темпам экономического ро-

ста выступает Мурманская область. За более чем двадцатилетний период ее рост составил лишь 42 %. Для сравнения: рост Тульской и Свердловской областей составил 167 % и 160 % соответственно.

Рис. 1 позволяет увидеть два этапа усиления дифференциации экономического роста: за период 1998–2008 гг. и за период 2009–2014 гг. налицо конусообразная геометрия графиков, после чего идет некоторое сближение экономик.

На рис. 2–7 приведены модели экономического развития. Построение моделей показало: для пяти из шести исследуемых регионов степенная функция лучше аппроксимирует исходные данные. Для этих регионов построены функции вида

$$Y = A \cdot X^b.$$

Тульская область демонстрирует линейное развитие (рис. 6). Для нее построена функция вида

$$Y = k \cdot X + c.$$

Примечательно, что значения степени b всех пяти функций (рис. 2–5, 7) находятся ниже единицы, что говорит о затухающем характере инерции. Самая высокая в этом плане сила инерции

Таблица 1
Table 1

Методика исследования Research methodology

№	Этап исследования	Содержание этапа
1	Формирование выборки регионов	В исследование включены регионы металлургической специализации [16] и регионы металлургического профиля [17].
2	Определение независимой и зависимой переменных	В качестве зависимой переменной примем индекс физического объема ВРП в последующем периоде; в качестве независимой — в предыдущем. Индекс физического объема ВРП рассчитаем по отношению к базовому (стартовому) периоду.
3	Определение временного диапазона выборки	Временной период: 1998–2021 гг. Стартовым примем 1998 г. Индексы физического объема ВРП рассчитаем по отношению к 1998 г. Источником выступают данные Росстата.
4	Формирование исследуемой функции	$Y_t = f(Y_{t-1})$, где Y_{t-1} — индекс физического ВРП по отношению к 1998 г. в предыдущем году; Y_t — индекс физического ВРП по отношению к 1998 г. в последующем году. Конкретный вид функции (линейная, нелинейная) определяется в процессе исследования.
5	Построение функции $Y_t = f(Y_{t-1})$ для каждого исследуемого региона	Для каждого исследуемого региона построим функцию с лагированной переменной. Диапазон выборки: 1998–2021 гг.
6	Построение функции $Y_t = f(Y_{t-1})$ для панельной выборки	В панельную выборку включим только те регионы, функция для которых получена одинаковая.
7	Анализ параметров	Проведем анализ параметров полученных функций. Оценим степень затухания / ускорения инерции.

Примечание: составлено автором.

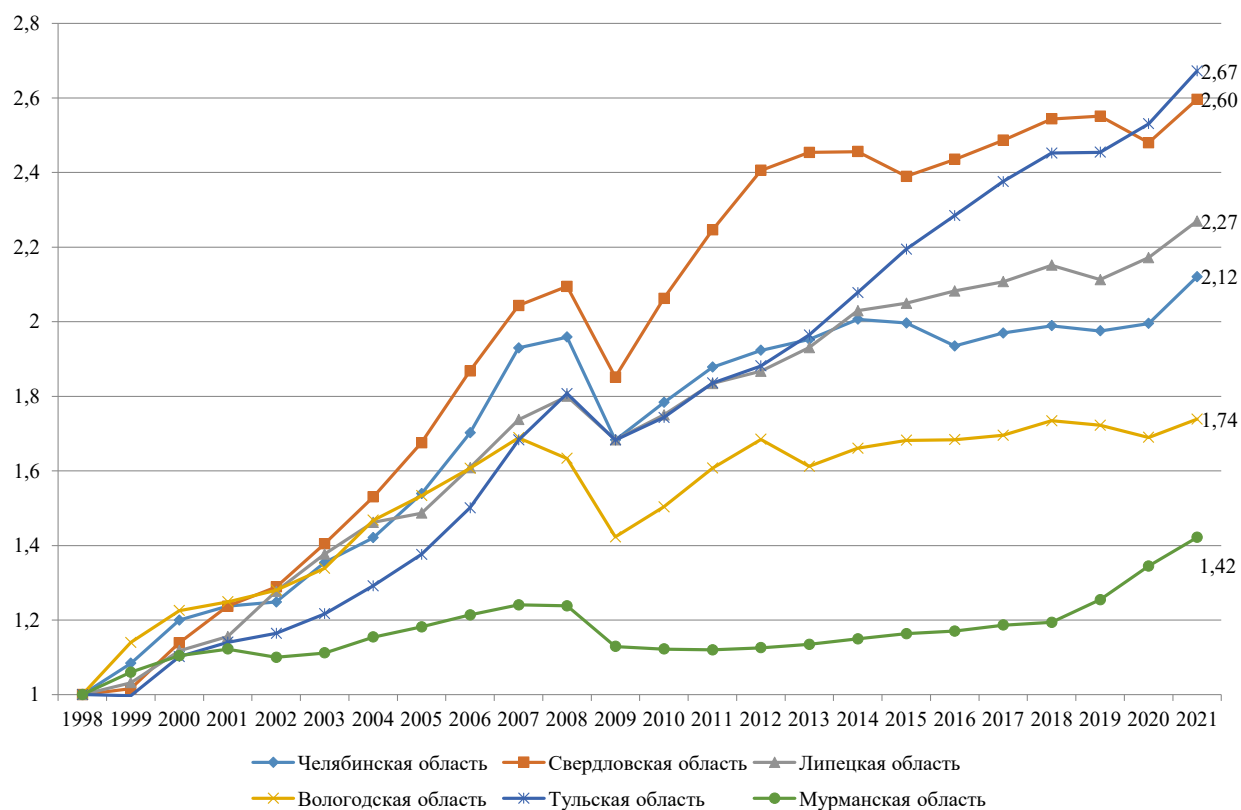

Рис. 1. Динамика индексов физического объема валового регионального продукта (к базовому 1998 г.) в регионах металлургической специализации и металлургического профиля
 Fig. 1. Dynamics of indices of the physical volume of the gross regional product (by the base year 1998) in the regions of metallurgical specialization and metallurgical profile
 Примечание: рассчитано автором по данным Росстата

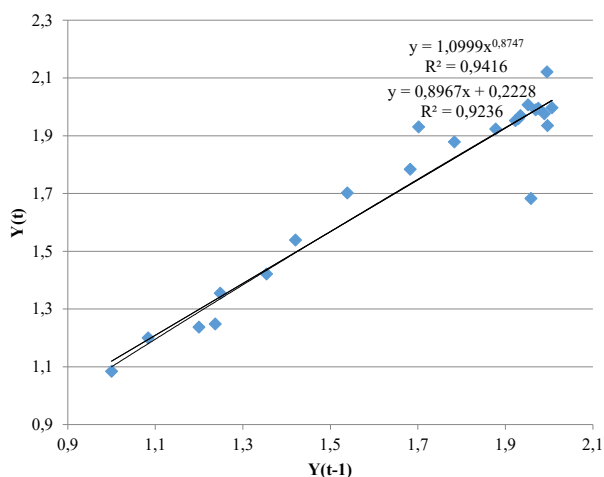

Рис. 2. Модель экономического развития Челябинской области
 Fig. 2. The model of economic development of the Chelyabinsk region
 Примечание: построено автором по данным Росстата

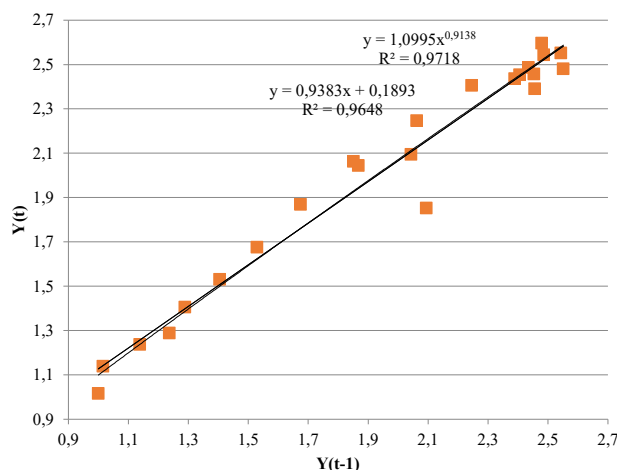

Рис. 3. Модель экономического развития Свердловской области
 Fig. 3. The economic development model of the Sverdlovsk region
 Примечание: построено автором по данным Росстата

характерна для Тульской области (единичная степень). На рис. 1 мы и видим максимальный долгосрочный рост этой области.

С другой стороны, коэффициент A показывает силу нарастания инерции. При минимальном значении степени b (0,79) в уравнении Вологодской

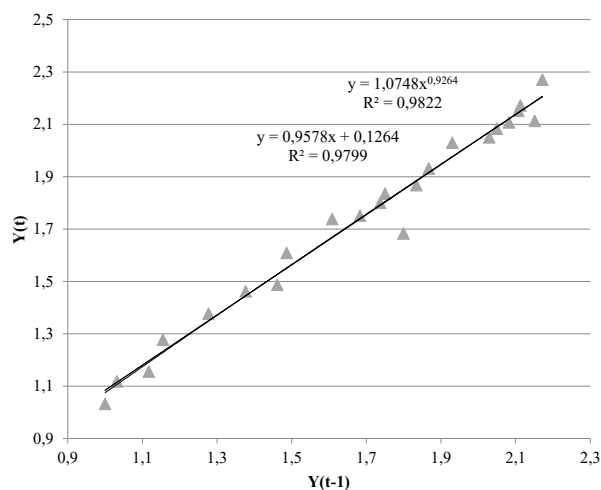

Рис. 4. Модель экономического развития Липецкой области

Fig. 4. The model of economic development Lipetsk region

Примечание: построено автором по данным Росстата

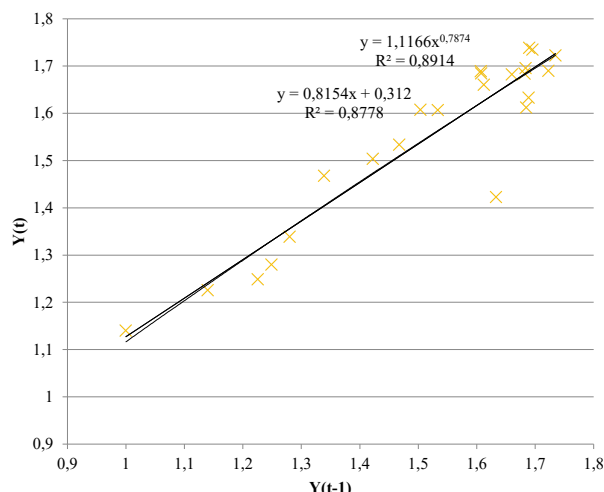

Рис. 5. Модель экономического развития Вологодской области

Fig. 5. The model of economic development Vologda region

Примечание: построено автором по данным Росстата

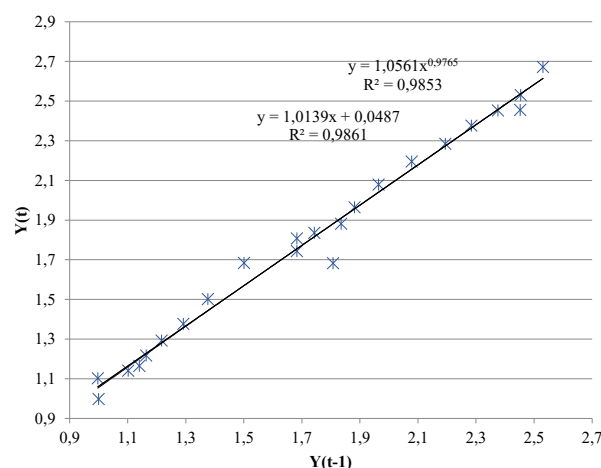

Рис. 6. Модель экономического развития Тульской области

Fig. 6. The model of economic development Tula region

Примечание: построено автором по данным Росстата

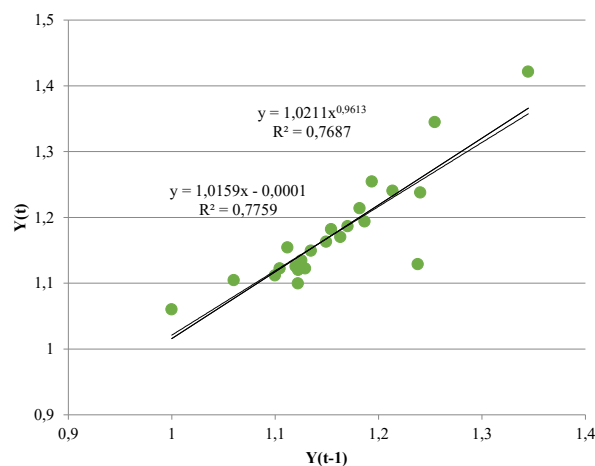

Рис. 7. Модель экономического развития Мурманской области

Fig. 7. The model of economic development Murmansk region

Примечание: построено автором по данным Росстата

области коэффициент A здесь, наоборот, максимален (1,12). Из рис. 1 мы видим, что долгосрочный рост Вологодской области нельзя назвать лидирующим. Вологодская область опередила лишь Мурманскую в плане долгосрочного роста. Самое высокое значение степени b (0,96) характерно для Мурманской области, однако оно не позволило выйти региону в лидеры из-за самого низкого значения коэффициента A (1,02).

Челябинская и Свердловская области близки в отношении коэффициента A (1,0999 и 1,0995), однако несколько уступают в значениях степени b

(0,87 и 0,91), вследствие чего в долгосрочной перспективе Свердловская область и показывает более высокий рост — 2,6 и 2,12 раза (рис. 1).

Самыми близкими по уровню долгосрочного экономического роста оказались Челябинская и Липецкая области — 2,12 и 2,27 раза (рис. 1). За 23 года рост Липецкой области на 15 % превысил рост Челябинской области. Степень функции b , равная 0,93, в уравнении Липецкой области позволила обогнать Челябинскую область, в уравнении которой степень b составила лишь 0,87.

Исследование, посвященное среднесрочным трендам развития регионов металлургического профиля, показало схожесть экономик Свердловской, Липецкой, Вологодской и Тульской областей с экономикой Челябинской области [17]. В один кластер попали пять указанных регионов. Критериями кластеризации явились в том числе и уровни технологичности обрабатывающих отраслей промышленности по показателю занятости. Стоит отметить, что максимально несхожий регион от указанных пяти регионов — это Мурманская область. Именно эта область и продемонстрировала самый низкий экономический рост за двадцатитрехлетний период. Отсюда можно предположить, что уровень технологичности всё же задает вектор долгосрочного экономического развития регионов.

Мурманская область, демонстрирующая за двадцатитрехлетний период самый низкий экономический рост, наряду с Вологодской областью, отличается и одним из самых низких уровней технологичности обрабатывающих производств — по показателю доли высокотехнологичных отраслей, оцененной через среднюю численность работников (рис. 8).

Некоторую связь между темпами долгосрочного экономического роста (рис. 1) и уровнем технологичности обрабатывающих производств (рис. 8) можно проследить. Первое место по темпам экономического роста занимает Тульская область (рис. 1). Этот же регион показывает и са-

мый высокую долю занятости в высокотехнологичных видах промышленности (рис. 8). Второе место — и по темпам долгосрочного роста, и по уровню технологичности — заняла Свердловская область. Челябинская область, занимая третье место по темпам долгосрочного роста, показала четвертое место по уровню технологичности. С другой стороны, в Липецкой области лишь 0,88 % работников заняты в высокотехнологичных производствах, однако это не помешало ей занять третье место по темпам экономического роста.

Если же ориентироваться на сумму первых двух групп технологичности (*High-technology*+*Medium-high-technology*), то лидером среди шести изучаемых регионов выступает Свердловская область (35,48 %). Второе место занимает Мурманская область (35,10 %), однако это не помогло ей достичь высоких темпов экономического роста. Стоит отметить, что все шесть исследуемых регионов показывают значение доли занятого населения в высокотехнологичных и средне-высокотехнологичных отраслях, находящееся на уровне ниже среднероссийского (40,74 %).

Глядя на рис. 1, мы говорим о долгосрочной динамике, на рис. 9 видим статическое состояние в отношении уровня технологичности. Но нужно понимать, что за период с 2017 по 2021 г. практически никаких изменений в отношении рейтинга технологичности не произошло [17]. Соотнести уровень технологичности за столь же длинный

	Виды деятельности			
	<i>High-technology</i>	<i>Medium-high-technology</i>	<i>Medium-low-technology</i>	<i>Low-</i>
Челябинская область	6,14	24,78	55,16	13,92
Свердловская область	6,98	28,50	54,92	9,60
Липецкая область	0,88	16,29	54,53	28,30
Вологодская область	0,23	14,60	52,88	32,30
Тульская область	7,63	21,40	50,30	20,67
Мурманская область	0,27	34,83	52,66	12,24
Россия	14,00	26,73	33,52	25,74

Рис. 8. Уровни технологичности регионов металлургического профиля, %, 2021 г.

Fig. 8. Technological levels of metallurgical profile regions, %, 2021

Примечание: рассчитано автором по данным FIRA.PRO в соответствии с методикой оценки уровня технологичности, разработанной Евростатом

(Eurostat. High-tech classification of manufacturing industries).

Доступ: https://ec.europa.eu/eurostat/statisticsexplained/index.php?title=Glossary: Hightech_classification_of_manufacturing_industries

период, какой приведен на рис. 1, не представляется возможным в силу изменений ОКВЭД.

Далее построим модель экономического развития по панельной выборке, включив в нее пять исследуемых регионов, за исключением Тульской области, развитие которой описывается линейной функцией. Для остальных пяти регионов самой удачной оказалась степенная функция. Результат построения степенной функции по панельной выборке приведен на рис. 9.

Дескриптивная статистика наблюдаемых переменных всех построенных функций показана в табл. 2. Для оценки качества моделей вида степенной функции таковые были предварительно

линеаризованы. В табл. 3 показаны итоги оценки качества всех семи построенных функций.

Заключение

В качестве первой задачи был заявлен сравнительный анализ долгосрочного экономического роста выбранных регионов. Начиная с 2002 г. устойчивым лидером была Свердловская область, которая в 2020 г. уступила свое лидерство Тульской области. На протяжении всего изучаемого периода (1998–2021 гг.) устойчивым аутсайдером выступила Мурманская область. Если экономики Тульской и Свердловской областей за 23 года выросли в 2,67 и 2,6 раза в фиксированных ценах,

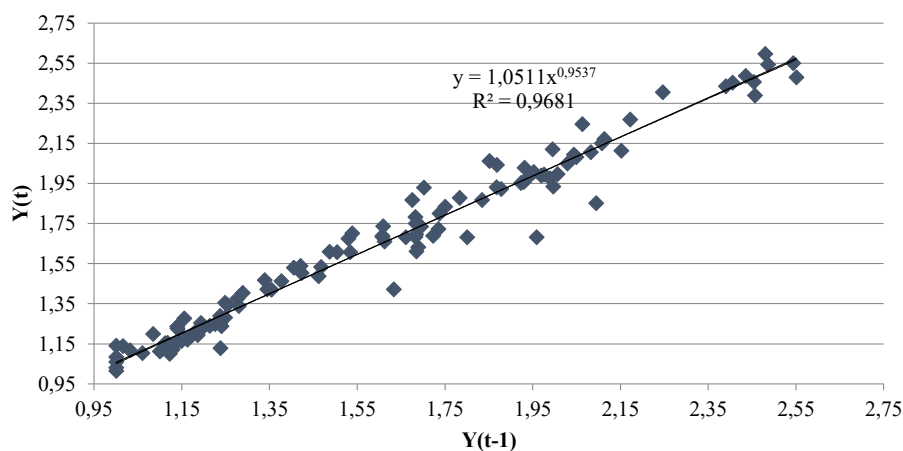

Рис. 9. Модель экономического развития регионов металлургической специализации

Fig. 9. Model of economic development of metallurgical specialization regions

Примечание: построено автором по данным Росстата

Таблица 2

Table 2

Дескриптивная статистика наблюдаемых переменных для построения функций вида

$$\ln(Y_t) = \ln A + b \cdot \ln(Y_{t-1}) \text{ и } Y_t = k \cdot Y_{t-1} + c$$

Descriptive statistics of observed variables for constructing functions of the form

$$\ln(Y_t) = \ln A + b \cdot \ln(Y_{t-1}) \text{ and } Y_t = k \cdot Y_{t-1} + c$$

Переменная	Количество наблюдений	Выборка	Среднее значение	Стандартная ошибка	Минимальное значение	Максимальное значение
Натуральный логарифм индекса физического объема ВРП в последующем периоде, $\ln(Y_t)$	23	Челябинская область	0,532	0,026	0,081	0,696
		Свердловская область	0,661	0,024	0,016	0,954
		Липецкая область	0,532	0,015	0,031	0,820
		Вологодская область	0,429	0,026	0,131	0,553
		Мурманская область	0,160	0,018	0,058	0,352
	115	Панель (5 регионов)	0,463	0,008	0,016	0,954
Натуральный логарифм индекса физического объема ВРП в предыдущем периоде, $\ln(Y_{t-1})$	23	Челябинская область	0,499	0,048	0	0,752
		Свердловская область	0,619	0,034	0	0,937
		Липецкая область	0,496	0,027	0	0,776
		Вологодская область	0,405	0,060	0	0,551
		Мурманская область	0,144	0,115	0	0,296
	115	Панель (5 регионов)	0,433	0,016	0	0,937

Окончание табл. 2
The end of the table 2

Переменная	Количество наблюдений	Выборка	Среднее значение	Стандартная ошибка	Минимальное значение	Максимальное значение
Индекс физического объема ВРП в последующем периоде, Y_t	23	Тульская область	1,801	0,047	0,997	2,672
Индекс физического объема ВРП в предыдущем периоде, Y_{t-1}			1,729	0,026	0,997	2,531

Примечание: составлено автором.

Таблица 3
Table 3

Итоги регрессионного анализа
The results of the regression analysis

№	Выборка	Вид функциональной зависимости	Уравнение регрессии	Коэффициент детерминации	Подтверждение нулевой гипотезы о незначимости уравнения (F -статистика)	Подтверждение нулевой гипотезы о незначимости параметров уравнения (t -статистика)
1	Челябинская область	Степенная	$Y = 1,1Y_{t-1}^{0,87}$	0,9416	не подтверждается	не подтверждается
2	Свердловская область	Степенная	$Y = 1,1Y_{t-1}^{0,91}$	0,9718	не подтверждается	не подтверждается
3	Липецкая область	Степенная	$Y = 1,07Y_{t-1}^{0,93}$	0,9822	не подтверждается	не подтверждается
4	Вологодская область	Степенная	$Y = 1,12Y_{t-1}^{0,79}$	0,8914	не подтверждается	не подтверждается
5	Мурманская область	Степенная	$Y = 1,02Y_{t-1}^{0,96}$	0,7687	не подтверждается	не подтверждается в отношении параметра b ; подтверждается в отношении параметра A
6	Панель (5 регионов)	Степенная	$Y = 1,05Y_{-1}^{0,95}$	0,9681	не подтверждается	не подтверждается
7	Тульская область	Линейная	$Y = 1,1Y_{t-1}^{0,87}$	0,9861	не подтверждается	не подтверждается в отношении параметра k ; подтверждается в отношении параметра c

Примечание: составлено автором.

то экономика Мурманской области — лишь в 1,42 раза.

Автором была предпринята попытка увязать динамику долгосрочного экономического роста с уровнем технологичности обрабатывающих производств. Однако явной связи почти не прослеживается. С одной стороны, такие регионы-лидеры (Тульская и Свердловская области)

действительно показывают максимальные среди шести изучаемых регионов доли занятого населения в высокотехнологичных производствах (7,63 и 6,98 %). С другой стороны, Липецкая область, не имея даже одного процента (0,88 %) занятого населения в высокотехнологичных отраслях, продемонстрировала далеко не самый низкий рост — экономика региона за 23 года выросла

на 127 %. Этот показатель очень далек от значения аутсайдера (42 %).

Более того, для Мурманской области, наряду со Свердловской областью, характерно высокое значение занятости в сумме двух первых по уровню технологичности производств (высокотехнологичных и средне-высокотехнологичных), однако эти два региона очень полярны в плане долгосрочного роста, поэтому фактор технологичности пока не доказан.

Относительно второй задачи, поставленной автором, можно сказать следующее. Особенность долгосрочного экономического развития, охарактеризованная как зависимость последующего темпа экономического роста от предыдущего, заключается в нелинейном характере зависимости. Исключение составила лишь Тульская область, продемонстрировавшая линейную зависимость. Нужно отметить, что линейная зависимость характеризует более быстрый экономический рост, нежели степенная, так как все полученные уравнения содержат степень, значение которой ниже единицы. Степень b полученных нелинейных уравнений и характеризует затухающий характер инерции экономического развития (именно потому, что она ниже единицы).

С другой стороны, линейный коэффициент A в полученных степенных уравнениях характеризует некий автоматический рост — рост при прочих равных условиях. Если предыдущий пе-

риод характеризовался отсутствием экономического роста, иными словами, индекс физического объема ВРП был равен 1,00 ($Y_{t-1} = 1$), то экономика региона вырастет в последующем периоде на процент, заложенный в линейном коэффициенте A . Этот коэффициент для всех исследуемых регионов оказался выше единицы, следовательно, инерционность развития доказана.

Тот факт, что регионы, функция которых содержит более низкие значения степени b , продемонстрировали более высокие значения линейного коэффициента A и наоборот, говорит о приблизительно одинаковой долгосрочной инерционной динамике. Это позволило автору соединить пять исследуемых регионов, развитие которых описывается степенной функцией, в одну панельную выборку, построить единую модель долгосрочного экономического развития и решить третью поставленную задачу. В уравнении, полученном по панельной выборке, линейный коэффициент A равен 1,05, степень b равна 0,95. С одной стороны, это говорит о том, что в следующем году экономика среднестатистического металлургического региона покажет 5%-ный рост при условии его отсутствия в предыдущем и при одинаковом воздействии прочих факторов. Это и есть признак наличия инерции развития. С другой стороны, степень полученного уравнения показывает затухающий характер инерции.

Список источников

1. Быстров А. В., Свирчевский В. Д. Инерционность развития нефтяной промышленности России — угроза экономической безопасности страны // Федерализм. 2015. № 4 (80). С. 73–84.
2. Дворядкина Е. Б. Инерционность экономического развития городов традиционно-промышленного региона. Екатеринбург, 2005. 201 с.
3. Дворядкина Е. Б., Голошейкин Е. В., Арагилян И. В. Инерционность как свойство экономического развития городов традиционно-промышленного региона // Управленец. 2014. № 5 (51). С. 72–78.
4. Лысова Н. А. Сценарии и векторы стратегического развития экономики России: инновационность или инерционность? // Экономическое развитие России: драйвер роста или генератор вызовов : материалы Международной научно-практической конференции. М., 2016. С. 87–90.
5. Напалкова И. Г., Солдатова А. С. Пространственная инерционность России и проблемы перехода к инновационному типу развития // Ars Administrandi (Искусство управления). 2011. № 3. С. 20–26.
6. Павлов К. В. Общинность и инерционность социально-экономического развития России после октябрьской революции // Наука Удмуртии. 2018. № 1 (83). С. 163–165.
7. Сидорина М. В. Экономика СССР после окончания Второй мировой войны: инерционность развития или рациональная обусловленность? // Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: истоки и всемирно-историческое значение Победы, ее уроки и современность». М., 2005. С. 153–160.
8. Хакимов Р. М., Абрамов Н. Р., Нурутдинов А. А. Инерционность социально-экономических систем в контексте устойчивого развития // Евразийский юридический журнал. 2022. № 10 (173). С. 526–527.
9. Агеева О. Ю., Спахов С. В., Юшкова В. Э. Инерционность экономических систем как фактор

цикличности экономики // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2018. № 3 (58). С. 231–237.

10. Гасанов М. А., Жиронкин С. А., Гузырь В. В., Жаворонок А. В. Структурно-циклический подход к технологическому обновлению российской экономики // ЭКО. 2019. № 2 (536). С. 8–21.

11. Хайруллин В. А., Макара С. В., Ямалова Э. Н. Инерция в социально-экономических системах: теоретико-эвристический анализ феномена // Дискуссия. 2021. Вып. 108. С. 88–104.

12. Бакланов П. Я., Мошков А. В. Инерционность территориальных структур хозяйства в регионах Дальнего Востока // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2017. № 2. С. 3–10.

13. Хайруллин В. А., Макара С. В. Теоретический анализ фактора инерционности в топических экономических системах (региональных, территориальных и др.) // Евразийский юридический журнал. 2020. № 8 (147). С. 404–406.

14. Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Подопратора А. В. «Эффект колеи» в развитии социально-экономического пространства региона. Часть 1: «Эффект колеи» и локальный кризис в Челябинской области // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 84–97.

15. Доценко Е. Ю. Структурная инерция как методологический инструмент исследования структурных сдвигов в экономике // Экономика и управление инновациями. 2019. № 1. С. 4-18. DOI: 10.26730/2587-5574-2019-1-4-17

16. Бенц Д. С. Особенности долгосрочного экономического развития регионов металлургической специализации // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3 (473). С. 36–52.

17. Бенц Д. С., Резепин А. В. Среднесрочные тренды экономического и технологического развития регионов металлургического профиля // Journal of New Economy. 2023. Т. 24, № 3. С. 91–118.

References

1. Bystrov AV, Svirchevsky VD. Inertia of Development of the Oil Industry in Russia — A Threat to the Economic Security of the Country. *Federalizm = Federalism*. 2015;4(80):73-84. (In Russ.).

2. Dvoryadkina YeB. Inertia of Economic Development of Cities of Traditional-Industrial Region. Yekaterinsburg; 2005. 201 p. (In Russ.).

3. Dvoryadkina YeB, Golosheykin YeV, Aragilyan IV. Lag effect as a property of economic development of cities in a traditional industrial region. *Upravlenets = The Manager*. 2014;5(51):72-78. (In Russ.).

4. Lysova NA. Scenarios and vectors of strategic development of the Russian economy: innovation or inertia? *Ekonomicheskoe razvitie Rossii: drayver rosta ili generator vyzovov = Russia's Economic Development: Growth Driver or Call Generator*. Moscow; 2016. Pp. 87–90. (In Russ.).

5. Napalkova IG, Soldatova AS. Spatial inertia of Russia and problems of transition to innovative type of development. *Ars Administrandi*. 2011;(3):20-26. (In Russ.).

6. Pavlov KV. Obshchinnost and lag effect of social and economic development of Russia after the October revolution. *Nauka Udmurtii = Science of Udmurtia*. 2018;1(83):163-165. (In Russ.).

7. Sidorina MV. The USSR economy after the end of World War II: inertia of development or rational conditioning? *Sbornik materialov mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferencii "Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg.: istoki i vseмирno-istoricheskoe znachenie Pobedy, ee uroki i sovremennost'" = Unparalleled feat. A collection of materials from the intercollegiate scientific and practical conference "The Great Patriotic War of 1941–1945: the origins and world-historical significance of Victory, its lessons and modernity."*. 2005; 153–160. (In Russ.).

8. Khakimov RM, Abramov NR, Nurutdinov AA. Inertia of Socio-Economic Systems in the Context of Sustainable Development. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal = Eurasian Law Journal*. 2022;10(173):526-527. (In Russ.).

9. Ageeva OYu, Spakhov SV, Yushkova VE. Rigidities of economic systems as a factor of boom-and-bust economy. *Vestnik of Voronezh state agrarian university = Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 2018;3(58):231-237. (In Russ.).

10. Gasanov MA, Zhironkin SA, Guzyr VA, Zhavoronok AV. Structural-and-Cyclical Approach to Technological Renewal of the Russian Economy. *EKO = ECO*. 2019;2(536):8-21. (In Russ.).

11. Khairullin VA, Makar SV, Yamalova EN. Inertia in socio-economic systems: theoretical and heuristic analysis of the phenomenon. *Diskussiya = Discussion*. 2021;(108):88-104. (In Russ.).

12. Baklanov PYa, Moshkov AV. Persistence of the territorial structures of economy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya = Bulletin of Moscow University. Series 5: Geography*. 2017;(2):3-10. (In Russ.).

13. Khayrullin VA, Makar SV. Theoretical analysis of the inertia factor in topical economic systems (regional, territorial, etc.). *Evrasijskij juridicheskij zhurnal = Eurasian Law Journal*. 2020;8(147):404-406. (In Russ.).

14. Gordeev SS, Zyryanov SG, Podoprigora AV. "Path Dependence" in developing socio-economic space of the region. Part 1: "Path Dependence" and the local crisis in the Chelyabinsk Region. *Socium i vlast' = Society and power*. 2019;5(79):84-97. (In Russ.).

15. Dotsenko EYu. Structural inertia as a methodological tool for the study of structural shifts in the economy. *Ekonomika i upravlenie innovatsiyami = Economics and Innovation Management*. 2019;(1):4-18. (In Russ.).

16. Benz DS. Features of long-term economic development of metallurgical specialization regions. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;3(473):36-52. (In Russ.).

17. Bents DS, Rezepin AV. Medium-term trends in economic and technological development of metals industry regions. *Journal of New Economy*. 2023;24(3):91-118. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. С. Бенц — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the author

D. S. Benz — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industry and Market Economics.

Статья поступила в редакцию 06.11.2023; одобрена после рецензирования 11.11.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 06.11.2023; approved after reviewing 11.11.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.1

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-102-111

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА И БЛАГОСОСТОЯНИЕ НАСЕЛЕНИЯ: КЕЙС «БОЛЬШОГО УРАЛА»

Наталья Модестовна Логачева¹, Ольга Константиновна Тихонова²

¹ Челябинский филиал ИЭ УрО РАН, Челябинск, Россия, logacheva.nm@uiec.ru, ORCID 0000-0001-7008-0446

² Челябинский филиал ИЭ УрО РАН, Челябинск, Россия, tikhonova.ok@uiec.ru, ORCID 0000-0002-7157-7451

Аннотация. Авторы статьи в рамках проводимого исследования поставили цель оценить взаимосвязь экономического развития и благосостояние населения Уральского макрорегиона. Для этого были рассчитаны индекс экономического развития и индекс благосостояния Уральского макрорегиона, на основе полученных интегральных показателей осуществлено позиционирование регионов Уральского макрорегиона. Экономическое развитие регионов создает предпосылки для улучшения благосостояния населения. В случае, когда экономика региона успешно развивается, растет уровень занятости, реальные доходы населения, доступность социальных услуг и инфраструктуры. Именно благополучие экономики региона способствует повышению качества жизни жителей региона. С другой стороны, социальное развитие также оказывает влияние на экономику региона. Уровень образования и квалификации населения, здоровье и трудоспособность трудовых ресурсов, социальная мобильность — всё это является важными факторами, влияющими на инвестиционный климат и конкурентоспособность региона. Качественная социальная сфера стимулирует развитие предпринимательства, привлечение инвестиций и создание рабочих мест. В целом изучение взаимосвязи экономического развития и благосостояния населения Уральского макрорегиона имеет стратегическое значение, поскольку позволяет определить приоритеты и направления развития в рамках региональной политики. Только эффективная координация мер и учет влияния экономических и социальных факторов могут обеспечить устойчивое и сбалансированное развитие Уральского макрорегиона.

Ключевые слова: экономическое развитие регионов, благосостояние населения, Уральский макрорегион, позиционирование регионов

Финансирование. Статья подготовлена в соответствии с планом НИР для ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» на 2021–2023 гг.

Для цитирования: Логачева Н. М., Тихонова О. К. Экономическое развитие региона и благосостояние населения: кейс «Большого Урала» // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 102–111. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-102-111.

Original article

ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION AND THE WELFARE OF THE POPULATION: THE CASE OF THE “BIG URALS”

Natalya M. Logacheva¹, Olga K. Tikhonova²

¹ Chelyabinsk Branch of Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia, logacheva.nm@uiec.ru, ORCID 0000-0001-7008-0446

² Chelyabinsk Branch of Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia, tikhonova.ok@uiec.ru, ORCID 0000-0002-7157-7451

Abstract. The authors of the article, within the framework of the study, set the goal to assess the relationship between economic development and the well-being of the population of the Ural macroregion. For this purpose, the economic development index and the welfare index of the Ural macroregion were calculated, and the positioning of the regions of the Ural macroregion was carried out on the basis of the obtained integral indicators. The econom-

ic development of the regions creates prerequisites for improving the welfare of the population. When the region's economy is developing successfully, the level of employment, real incomes of the population, the availability of social services and infrastructure are growing. It is the well-being of the region's economy that contributes to improving the quality of life of the region's residents. On the other hand, social development also has an impact on the region's economy. The level of education and qualifications of the population, the health and working capacity of the workforce, social mobility — all these are important factors affecting the investment climate and competitiveness of the region. A high-quality social sphere stimulates the development of entrepreneurship, attracting investment and creating jobs. In general, the study of the relationship between economic development and the welfare of the population of the Ural macroregion is of strategic importance, since it allows us to determine priorities and directions of development within the framework of regional policy. Only effective coordination of measures and consideration of the influence of economic and social factors can ensure the sustainable and balanced development of the Ural macroregion.

Keywords: economic development of regions, welfare of the population, Ural macro-region, positioning of regions

For citation: Logacheva NM, Tikhonova OK. Economic Development of the Region and the Welfare of the Population: the Case of the “Big Urals”. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):102-111. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-102-111.

Введение

Социально-экономическое развитие страны определяет повышение благосостояния населения в качестве своей основной цели по ряду причин, включая улучшение качества жизни, сокращение неравенства, достижение устойчивого экономического развития и обеспечение социальной стабильности. Реализация этой цели требует комплексного подхода, включающего разработку соответствующих политик и программ, а также активное участие всех стейкхолдеров данного процесса.

В экономическом плане развитие регионов определяется множеством факторов, таких как ВРП, наличие природных ресурсов, доступность транспортных коммуникаций, уровень инвестиций и предпринимательской активности, наличие квалифицированных кадров и прочие. Социальное развитие регионов определяется наличием высокого уровня жизни, доступностью образования и здравоохранения, обеспечением населения культурными и спортивными объектами. Оценку благосостояния населения регионов РФ можно осуществить по различным критериям, таким как уровень доходов, средний размер заработной платы, уровень безработицы, доступность жилья, уровень образования и многие другие. Эти показатели существенно зависят от экономического потенциала региона. Благоприятные экономические условия создают дополнительные возможности для социального развития и повышения качества жизни населения. Однако некоторые регионы России, обладающие богатыми природными ресурсами и высоким экономическим потенциалом, всё же имеют низкий социальный уровень развития.

Изучение взаимосвязи экономического и социального развития регионов РФ позволяет выявить

проблемные области и неравномерности в развитии регионов и принять целенаправленные меры для устранения дисбалансов.

Основы региональной экономики отражены в работах отечественных ученых, например, А. С. Белькина рассматривает основные подходы к анализу факторов социально-экономического развития регионов РФ, выявляет проблемы социально-экономического неравенства регионов и предлагает меры по усовершенствованию региональной политики государства [4]. Н. Е. Бондаренко, Р. В. Губарев пишут о том, что комплекс мер государственной политики, разработанный на региональном и общероссийском уровне может помочь решить проблему территориальной поляризации российских регионов [5]. П. Д. Гилев в своей работе рассматривает характеристики социально-экономического развития региона, на основе которой предлагает разработать ряд мероприятий, направленных на эффективное региональное управление экономикой [7]. С. В. Дохолян, А. М. Садыкова, А. С. Дохолян в своей работе представили научные основы управления устойчивым развитием региональной экономики в контексте теории устойчивого развития, акцентированные на выработку региональной политики территориального управления [9]. Н. Н. Никитюк отмечает, что необходимо формировать эффективное межрегиональное взаимодействие, которое будет способствовать усилению региональных связей, повышению производственного потенциала, росту конкурентоспособности территорий [12].

Понятие благосостояния населения региона, его интегральная оценка на основе статистического подхода представлены в работе О. В. Артемовой [10]. Благосостояние населения выступает

объектом исследования отечественных ученых. Авторы предлагают меры государственного воздействия на уровень благосостояния населения [2]. Научный интерес вызывает проблема неравенства доходов населения и возможности социальной политики в решении вопросов их сглаживания [16].

Оценка регионального развития с помощью разных инструментов представлена также во многих работах отечественных и зарубежных авторов. С. А. Айвазян, М. А. Исакин в своей работе критерием эффективности проводимой государством социально-экономической политики определили интегральные индикаторы качества жизни населения региона [1]. Д. А. Гайнанов, Е. Ш. Закиева в своих работах описывают применение интеллектуальных алгоритмов и динамического моделирования качества жизни населения [6]. Е. С. Губанова, В. С. Клещ в исследовании рассмотрели методологические аспекты анализа уровня неравномерности социально-экономического развития регионов [8]. В. В. Окрепилов, Н. Л. Гагулина в своих работах индикатором развития региона выделяют качество жизни населения [13].

Значительное количество работ посвящено оценке благосостояния населения в регионах России. Так, М. Ю. Афанасьев исследует и оценивает приращение среднедушевого дохода в результате увеличения экономической сложности региона [3]. Т. К. Ростовская, О. А. Золотарева дают оценку влияния состояния технологического развития регионов России на благосостояние их жителей [14]. Т. А. Малафеевский в оценке благосостояния регионов делает акцент на вопросах взаимосвязи процессного управления и устойчивого развития [11].

Цель данного исследования заключается в оценке взаимосвязи и взаимозависимости экономического развития и благосостояния населения, проживающего в регионе.

Методические аспекты оценки экономического развития и благосостояния населения

Методика проводимого авторами исследования включает следующие этапы:

- 1) формирование системы показателей;
- 2) нормирование показателей;
- 3) определение агрегированных показателей (двух индексов: характеризующего экономическое развитие и благосостояние населения);
- 4) позиционирование регионов с использованием полученных индексов с целью выявления особенностей положения регионов.

В качестве полигона исследования взят Уральский макрорегион, включающий «семь территорий, из которых пять имеют четко выраженный индустриальный характер (Свердловская, Челябинская области, Пермский край, Республика Башкортостан, Удмуртская Республика) и две — индустриально-аграрный (Курганская, Оренбургская области)» [12].

На первом этапе сформирована система показателей (табл. 1). В первый блок включены три важнейших индикатора, позволяющие судить об экономической мощи региона, о том, как реализуется его экономический потенциал. Ко второму блоку отнесены показатели, дающие представление о благосостоянии населения, проживающего на территории региона.

На следующем этапе, представленном в методических аспектах оценки экономического развития и благосостояния населения по формуле (1) осуществлено нормирование значений показателей, которое способствовало обеспечению их сопоставимости:

$$X_{ni} = \frac{X_i - X_{i \min}}{X_{i \max} - X_{i \min}}, \quad (1)$$

где x_{ni} — нормированное значение i -го показателя региона РФ за определенный период; x_i — значение i -го статистического показателя регионов; $x_{i \max}$, $x_{i \min}$ — соответственно наибольшее и наименьшее значение i -го показателя среди всех регионов страны за анализируемый период.

Данная методика расчета нормируемых показателей была предложена и апробирована сотрудниками ЧФ ФГБУН ИЭ УрО РАН в рамках выполнения НИР в 2021–2023 гг., в результате которого было проведено исследование уровня качества жизни населения регионов РФ по отдельным составляющим, в том числе по уровню регионального развития социальной инфраструктуры [9].

На основе нормированных показателей проведен расчет таких индексов, как ИЭ (индекса экономического развития), ИБ (индекс благосостояния) для всех регионов РФ за 2020 г. по формуле (2)¹:

$$ИЭ = \frac{X_1 + X_2 + X_3}{3}; \quad ИБ = \frac{X_4 + X_5 + X_6}{3}, \quad (2)$$

где ИЭ — экономический индекс i -го региона, ИБ — индекс благосостояния i -го региона. Наи-

¹ Исключены из анализа г. Москва, г. Санкт-Петербург, Еврейская автономная область, Магаданская область, Чукотский и Ненецкий автономные округа в силу несопоставимости по численности населения.

Таблица 1
Table 1

**Система показателей
The system of indicators**

Показатель	Обозначение
Показатели, характеризующие экономическое развитие	
Инвестиции в основной капитал на душу населения (в фактически действовавших ценах; рублей)	X_1
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на душу населения	X_2
Валовой региональный продукт на душу населения (руб.)	X_3
Показатели, характеризующие благосостояние населения	
Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц; руб.)	X_4
Потребительские расходы в среднем на душу населения (в месяц; руб.)	X_5
Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума (%)	X_6

Источник: составлено авторами.

менования показателей $X_1, X_2, X_3, X_4, X_5, X_6$ представлены в табл. 1.

На четвертом этапе осуществлено позиционирование регионов Уральского макрорегиона с использованием ранее рассчитанных индексов. В данной статье для позиционирования регионов Уральского макрорегиона использовался матричный метод. Для построения матрицы авторы сопоставили экономический индекс (как показатель, характеризующий инвестиционную привлекательность и результат хозяйственно-экономической деятельности региона) и индекс благосостояния (как результат, влияющий на социальное благополучие в регионе).

Результаты

Авторами проведен анализ показателей Уральского макрорегиона по экономическому развитию и уровню благосостояния населения. Данные представлены в табл. 2, 3.

Для оценки регионального развития основополагающую роль играет изучение и прогнозирование ВРП как основного показателя, характеризующего реализацию потенциала региона. Анализ экономических показателей регионов Уральского макрорегиона показал их дифференциацию. Свердловская область — лидер макрорегиона по валовому региональному продукту на душу населения — уступает среднероссийскому уровню

Таблица 2
Table 2

**Основные экономические показатели регионов Уральского макрорегиона в 2020 г.
The main economic indicators of the regions of the Ural macroregion in 2020**

Субъект Большого Урала	Ранг среди регионов Большого Урала		
	Инвестиции в основной капитал на душу населения (в фактически действовавших ценах; руб.)	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на душу населения	Валовой региональный продукт на душу населения (руб.)
Российская Федерация	–	–	–
Республика Башкортостан	4	6	6
Удмуртская Республика	6	5	5
Пермский край	1	1	2
Оренбургская область	2	4	3
Курганская область	7	7	7
Свердловская область	5	2	1
Челябинская область	3	3	4

Источник: составлено авторами.

но 9,2 %, опережая при этом практически в 2 раза Курганскую область, занимающую последнее место. По значению инвестиции в основной капитал на душу населения все субъекты, входящие в Уральский макрорегион, также уступают среднему по РФ уровню (Пермский край, имеющий лидирующие позиции с показателем 107 511 руб., отстает на 22 %), разрыв лидера с аутсайдером (Курганская область) — 2,2 раза. По объему отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на душу населения два региона (Пермский край и Свердловская область) превосходят среднероссийский уровень. При этом наблюдается значительный разрыв между лидером и аутсайдером — 3,38 раза.

В целом по данным этого блока показателей Пермский край в 2020 г. демонстрировал наибольшую экономическую мощь на территории Уральского макрорегиона, Курганская область характеризовалась самой сложной экономической ситуацией по сравнению с другими регионами.

Показатели, характеризующие благосостояние в РФ и Уральском макрорегионе, представлены в табл. 3.

Анализ данных показал, что лишь в Свердловской области среднедушевые денежные доходы населения немного выше, чем в среднем по РФ, при этом разрыв с аутсайдером — Курганской областью — составляет 1,7 раза. По соотношению среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного миниму-

ма позиции регионов практически соответствуют по всем регионам, за исключением Оренбургской и Челябинской областей (табл. 3).

Для дальнейшего интегрирования производилось нормирование значений показателей в региональном разрезе (табл. 4), а также по годам для оценки динамических изменений позиций регионов.

На основе нормированных показателей далее проведен расчет индексов экономического развития и благосостояния для субъектов, входящих в Уральский макрорегион. Полученные интегральные показатели представлены в табл. 5 и 6.

Пермский край устойчиво занимает лидирующее положение на протяжении 2017–2020 гг. по индексу экономического развития. Курганская область является аутсайдером. В целом позиции регионов Уральского макрорегиона относительно друг друга практически не меняются.

По индексу благосостояния Свердловская область — лидер макрорегиона на протяжении 2017–2020 гг. Курганская область и по индексу благосостояния является аутсайдером Уральского макрорегиона. Удмуртская Республика ухудшила свои ранговые позиции, заняв 6-е место в 2020 г. (4-е место в 2017 г.), Челябинская область к 2020 г. по показателям благосостояния занимает ранг выше, чем в 2017 г. (6-е и 4-е место соответственно). Остальные регионы Уральского макрорегиона на протяжении четырех лет сохраняют свои позиции.

Для выявления особенностей положения регионов с учетом их экономического развития

Таблица 3

Table 3

**Основные показатели благосостояния регионов Уральского макрорегиона 2020 г.
The main indicators of the well-being of the regions of the Ural macroregion in 2020**

Субъект РФ	Ранг среди регионов Большого Урала		
	Среднедушевые денежные доходы населения	Потребительские расходы в среднем на душу населения (в месяц, руб.)	Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума (%)
Российская Федерация	–	–	–
Республика Башкортостан	2	2	2
Удмуртская Республика	5	6	5
Пермский край	3	3	3
Оренбургская область	6	5	4
Курганская область	7	7	7
Свердловская область	1	1	1
Челябинская область	4	4	6

Источник: составлено авторами.

Таблица 4

Table 4

Нормированные показатели регионов Уральского макрорегиона, 2020 г.
Normalized indicators of the regions of the Ural macroregion, 2020

Регион	Экономические показатели			Показатели благосостояния		
	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6
Республика Башкортостан	0,026	0,070	0,057	0,183	0,452	0,383
Удмуртская Республика	0,017	0,071	0,063	0,117	0,277	0,226
Пермский край	0,035	0,106	0,081	0,183	0,428	0,309
Оренбургская область	0,032	0,083	0,080	0,107	0,293	0,242
Курганская область	0,004	0,031	0,031	0,068	0,217	0,126
Свердловская область	0,025	0,103	0,090	0,281	0,600	0,479
Челябинская область	0,028	0,092	0,066	0,133	0,324	0,203

Источник: составлено авторами.

Таблица 5

Table 5

Индексы экономического развития регионов Уральского макрорегиона, 2017–2020 гг.
Indices of economic development of the regions of the Ural macroregion, 2017–2020

Регион	2017		2018		2019		2020	
	Значение показателя	Ранг среди регионов Большого Урала	Значение показателя	Ранг среди регионов Большого Урала	Значение показателя	Ранг среди регионов Большого Урала	Значение показателя	Ранг среди регионов Большого Урала
Республика Башкортостан	0,050	6	0,048	6	0,050	6	0,051	5
Удмуртская Республика	0,051	5	0,051	5	0,052	5	0,050	6
Пермский край	0,074	1	0,072	1	0,074	1	0,074	1
Оренбургская область	0,062	3	0,066	2	0,066	2	0,065	3
Курганская область	0,018	7	0,016	7	0,019	7	0,022	7
Свердловская область	0,070	2	0,065	3	0,066	3	0,073	2
Челябинская область	0,058	4	0,054	4	0,054	4	0,062	4

Источник: составлено авторами.

Таблица 6

Table 6

Индексы благосостояния регионов Уральского макрорегиона, 2017–2020 гг.
Indices of the well-being of the regions of the Ural macroregion, 2017–2020

Регионы	2017		2018		2019		2020	
	Значение показателя	Ранг среди регионов Большого Урала	Значение показателя	Ранг среди регионов Большого Урала	Значение показателя	Ранг среди регионов Большого Урала	Значение показателя	Ранг среди регионов Большого Урала
Республика Башкортостан	0,420	2	0,391	2	0,379	2	0,339	2
Удмуртская Республика	0,276	4	0,239	5	0,229	5	0,207	6
Пермский край	0,359	3	0,338	3	0,342	3	0,306	3
Оренбургская область	0,260	5	0,243	4	0,233	4	0,214	5
Курганская область	0,168	7	0,146	7	0,1430	7	0,137	7
Свердловская область	0,542	1	0,521	1	0,527	1	0,453	1
Челябинская область	0,240	6	0,231	6	0,222	6	0,220	4

Источник: составлено авторами.

и благосостояния населения, проживающего на и территории, было проведено позиционирование регионов Уральского макрорегиона относительно уровней среднероссийских показателей (среднее значение индекса экономического развития (ИЭ) по РФ составило 0,073, индекс благосостояния (ИБ) в среднем по РФ составил 0,282), которое представлено на рис. 1.

Квадранты матрицы включают в себя совокупность регионов, характеризующихся близостью значений параметров (экономического развития и благосостояния) и представляющих собой определенный тип регионов.

В первую группу попало 29 % регионов Уральского макрорегиона, значение интегральных показателей которых выше среднего по РФ значения по индексу экономического развития и индексу благосостояния. Один макрорегион демонстрирует уровень экономического развития ниже среднего значения по РФ, но при этом высокий уровень благосостояния (Республика Башкортостан). 57 % регионов Уральского макрорегиона (Оренбургская, Челябинская, Курганская области и Удмуртская Республика) формируют группу регионов, у которых индекс экономического развития и благосостояния ниже, чем в среднем по РФ.

Экономическое развитие региона является основной составляющей благосостояния населения. Отличия в уровне экономического развития разных регионов имеют существенное влияние

на жизненный уровень, качество жизни и благосостояние граждан.

Экономическое развитие региона определяется как процесс улучшения экономических показателей региона, таких как валовой региональный продукт (ВРП), уровень занятости, уровень инвестиций и т. д. Чем выше уровень экономического развития региона, тем больше возможностей для создания новых рабочих мест, привлечения инвестиций и повышения доходов населения.

Регионы с высоким уровнем экономического развития и благосостояния населения могут предложить широкий спектр высококачественных услуг, инфраструктуру, доступ к образованию и здравоохранению, а также возможности для карьерного и личного роста. Регионы с низким уровнем экономического развития и благосостояния населения могут столкнуться с ограниченным доступом к основным услугам, высоким уровнем безработицы, низкими доходами и ограниченными возможностями для личного и профессионального развития. Регионы с развивающейся экономикой могут предложить возможности для инвестиций, развития бизнеса и трудоустройства, но при этом могут столкнуться с нестабильностью, недостаточной инфраструктурой и ограниченными ресурсами.

Изучение регионов по их экономическому развитию и благосостоянию населения является крайне актуальным, поскольку позволяет выявить проблемные области и разработать меры

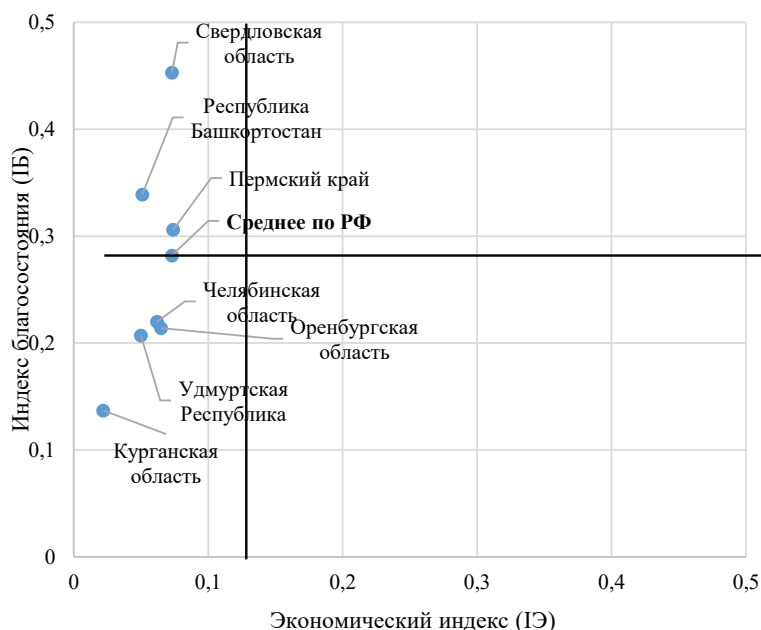

Рис. 1. Графическая интерпретация позиционирования
 Fig. 1. Graphical interpretation of positioning
 Источник: составлено авторами

для их устранения. Такой подход позволяет более эффективно распределять ресурсы и инвестиции, а также создавать условия для устойчивого и равномерного развития всех регионов. Кроме того, изучение экономического развития регионов помогает выявить потенциал для развития новых отраслей и создания рабочих мест, что способствует улучшению качества жизни населения.

Заключение

Качество жизни населения необходимо рассматривать в контексте социально-экономического положения регионов, о чем неоднократно отмечалось учеными-исследователями. Эта точка зрения разделяется практически всеми исследователями, как и то, что социально-экономическая дифференциация создает проблемы для повышения качества жизни населения отдельных территорий.

Активное экономическое развитие и высокое благосостояние населения регионов выступают факторами, привлекающими в регион человеческий капитал, что способствует в дальнейшем новому витку социально-экономического развития. Понимание и анализ взаимосвязи между этими двумя сферами позволяют достичь более сбалансированного развития. Исследования, посвященные зависимости экономических и социальных

результатов развития регионов, имеют важное практическое значение для формирования стратегий экономического роста, борьбы с неравенством и бедностью, повышения уровня жизни и улучшения социального благополучия.

Проведенное исследование позволило сделать ряд заключений: регионы Уральского макрорегиона существенно диверсифицированы по экономическому развитию и благосостоянию. Всего два региона попали в группу, характеризующуюся индексами экономического развития и благосостояния выше среднего по РФ. В группу, которая включает регионы с экономическим развитием и благосостоянием населения ниже среднего по РФ, попало четыре региона Уральского макрорегиона из семи.

В целом не только развитие регионов Уральского макрорегиона, но и всех субъектов РФ требует комплексного подхода, где экономическая и социальная сферы должны развиваться параллельно и взаимосвязанно. Это подразумевает не только создание благоприятного инвестиционного климата, развитие предпринимательства, но и обеспечение возможностей трудоустройства, разработку программ социальной поддержки, повышение доступности образовательных программ, способствующих росту доходов и другие меры.

Список источников

1. Айвазян С. А., Исакин М. А. Интегральные индикаторы качества жизни населения региона как критерии эффективности социально-экономической политики, проводимой органами власти // Прикладная эконометрика. 2006. № 1. С. 25–31.
2. Антипов В. И., Малинецкий Г. Г., Митин Н. А. Влияние мер, направленных на повышение благосостояния населения России, на макроэкономическую динамику // Препринты ИПМ им. М. В. Келдыша. 2022. № 42. С. 1–18.
3. Афанасьев М. Ю. Новые ориентиры цифровой экономики: о взаимосвязи экономической сложности и материального благосостояния // Вестник ЦЭМИ. 2022. Т. 5, вып. 1.
4. Белькина А. С. Социально-экономическое неравенство регионов России: пути решения проблемы // Проблемы современной экономики. 2015. № 3 (55). С. 246–248.
5. Бондаренко Н. Е., Губарев Р. В. Проблема регионального неравенства в социально-экономическом развитии Российской Федерации // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. 2020. № 5 (113). С. 56–63.
6. Гайнанов Д. А., Закиева Е. Ш. Оценка качества жизни населения на основе применения интеллектуальных алгоритмов и динамического моделирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 5. С. 121–134.
7. Гилев П. Д. Социально-экономическое развитие региона как объект исследования и прогнозирования // Современные научные исследования и инновации. 2022. № 2.
8. Губанова Е. С., Клещ В. С. Методологические аспекты анализа уровня неравномерности социально-экономического развития регионов // Экономические и социальные перемены. Факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 1. С. 58–75.
9. Дохолян С. В., Садыкова А. М., Дохолян А. С. Концептуальные подходы к достижению устойчивого экономического развития региона как социо-экономико-экологической системы // Апробация. 2015. № 5 (32). С. 60–66.

10. Качество жизни и региональная трансформация экономики: региональный аспект : монография / О. В. Артемова, А. Ю. Даванков, Н. М. Логачева, Т. Ю. Радилловская, А. Н. Савченко, А. А. Саламатов, А. О. Ужegov. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2021. 210 с.
11. Малафеевский Т. А. Интеграция процессного подхода и методики TOPSIS для оценки благосостояния регионов России // Петербургский экономический журнал. 2022. № 1-2. С. 6–16.
12. Никитюк Н. Н. Межрегиональное взаимодействие как инструмент достижения стратегических целей социально-экономического развития региона // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № 3.
13. Окрепилов В. В., Гагулина Н. Л. Развитие оценки качества жизни населения региона // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16, № 3. С. 318–330.
14. Ростовская Т. К., Золотарева О. А. Переход к новому технологическому укладу — детерминанта роста благосостояния населения регионов России // Экономика региона. 2022. Т. 18, № 3. С. 623–637.
15. Уральский макрорегион: большие циклы индустриализации / Я. П. Силин, Е. Г. Анимица, Н. В. Новикова ; под науч. ред.: С. Ю. Глазьева, С. Д. Бодрунова; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Вольное экон. о-во России, Урал. гос. экон. ун-т. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2019. 371 с.
16. Хажеева М. А. Исследование отдельных векторов оценки благосостояния населения в Российской Федерации // Экономика и предпринимательство. 2021. № 7 (132). С. 547–552.

References

1. Ajvazyan SA, Isakin MA. Integral indicators of the quality of life of the population of the region as criteria for the effectiveness of socio-economic policy pursued by the authorities. *Prikladnaya e'konomika = Applied Econometrics*. 2006;(1):25-31. (In Russ.).
2. Antipov VI, Malineczkij GG, Mitin NA. The impact of measures aimed at improving the welfare of the Russian population on macroeconomic dynamics. *Preprinty' IPM im. M. V. Keldy'sha = Preprints of the IPM named after MV Keldysh*. 2022;(42):1-18. (In Russ.).
3. Afanas'ev MYu. New guidelines for the digital economy: on the relationship between economic complexity and material well-being. *Vestnik Cze'MI = Bulletin of the CEMI*. 2022;5(1). (In Russ.).
4. Bel'kina AS. Socio-economic inequality of Russian regions: ways to solve the problem. *Problemy' sovremennoj e'konomiki = Problems of the modern economy*. 2015;3(55):246-248. (In Russ.).
5. Bondarenko NE, Gubarev RV. The problem of regional inequality in the socio-economic development of the Russian Federation. *Vestnik RE'A im. G. V. Plekhanova = Bulletin of the REA named after G. V. Plekhanov*. 2020;5(113):56-63. (In Russ.).
6. Gajnanov DA, Zakieva ESh. Assessment of the quality of life of the population based on the use of intelligent algorithms and dynamic modeling. *E'konomicheskie i social'ny'e peremeny': fakty', tendencii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2020;13(5):121-134. (In Russ.).
7. Gilev PD. Socio-economic development of the region as an object of research and forecasting. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii = Modern scientific research and innovation*. 2022;(2). (In Russ.).
8. Gubanov ES, Kleshh VS. Methodological aspects of the analysis of the level of uneven socio-economic development of regions. *E'konomicheskie i social'ny'e peremeny'. Fakty', tendencii, prognoz = Economic and social changes. Facts, trends, forecast*. 2017;10(1):58-75. (In Russ.).
9. Doxolyan SV. Conceptual approaches to achieving sustainable economic development of the region as a socio-economic and ecological system. *Aprobaciya = Approbation*. 2015;5(32):60-66. (In Russ.).
10. Artemova OV, Davankov AYu, Logacheva NM, Radilovskaya TYu, Savchenko AN, Salamatov AA, Uzhegov AO. Quality of life and regional transformation of the economy: regional aspect: monograph. Yekaterinburg: Institut e'konomiki UrO RAN; 2021. 210 p. (In Russ.).
11. Malafeevskij TA. Integration of the process approach and TOPSIS methodology for assessing the well-being of Russian regions. *Peterburgskij e'konomicheskij zhurnal = St. Petersburg Economic Journal*. 2022;(1-2): 6-16. (In Russ.).
12. Nikityuk NN. Interregional cooperation as a tool for achieving strategic goals of socio-economic development of the region. *Vestnik evrazijskoj nauki = Bulletin of Eurasian Science*. 2023;15(3):1-17. (In Russ.).
13. Okrepilov VV, Gagulina NL. Development of assessment of the quality of life of the population of the region. *Zhurnal e'konomicheskoy teorii = Bulletin of Eurasian Science*. 2019;16(3):318-330. (In Russ.).

14. Rostovskaya TK, Zolotareva OA. The transition to a new technological order is a determinant of the growth of the well-being of the population of the regions of Russia. *E`konomika regiona = Economy of the region*. 2022;18(3):623-637. (In Russ.).

15. Silin YaP, Animicza EG, Novikova NV: under the scientific editorship: Glaz`eva SYu, Bodrunova SD. Ural macroregion: large cycles of industrialization. Yekaterinburg, Publishing House of the Ural State Economic University; 2019. 371 p. (In Russ.).

16. Xazheeva MA. The study of individual vectors of assessing the welfare of the population in the Russian Federation. *E`konomika i predprinimatel`stvo = Economics and entrepreneurship*. 2021;(7(132):547-552. (In Russ.).

Информация об авторах

Н. М. Логачева — доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник.

О. К. Тихонова — младший научный сотрудник.

Information about the authors

N. M. Logacheva — Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher.

O. K. Tikhonova — Junior Research Assistant.

Статья поступила в редакцию 20.10.2023; одобрена после рецензирования 11.11.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 20.10.2023; approved after reviewing 11.11.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 112–127.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(11(481):112-127. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 334.012.23

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-112-127

РОССИЙСКИЕ БЫСТРОРАСТУЩИЕ КОМПАНИИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Дмитрий Александрович Плетнёв¹✉, Ксения Андреевна Наумова

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, pletnev@csu.ru, ORCID 0000-0002-6494-572X

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, naumova@csu.ru, ORCID 0000-0001-9819-5157

Аннотация. Цель исследования — анализ устойчивости и эффективности российских быстрорастущих компаний в сельском хозяйстве. Выборка сельскохозяйственных компаний сформирована на основе данных 2016–2019 гг., в 2020 и 2021 гг. анализируется устойчивость и эффективность компаний в условиях пандемии. Анализируется выживаемость быстрорастущих компаний и их доля по видам деятельности, возрастному и географическому признакам. Однако в 2020 г. газели в среднем приросли в выручке хуже, чем обычные компании. Газели остаются значимыми генераторами рабочих мест даже в условиях пандемии, являются более рентабельными и активными (2020–2021 гг.). Однако БПК более зависимы от заемных средств (более низкий коэффициент автономии). Проверка гипотез методом одностороннего дисперсионного анализа о статистически значимой разнице показателей быстрорастущих и обычных компаний показала значимую разницу в темпах прироста среднесписочной численности и коэффициенте автономии в 2020–2021 гг. Значимые различия в приросте рентабельности продаж отмечены как до пандемии, так и в ее разгар — в 2019 и 2020 гг.

Ключевые слова: быстрорастущая компания, газель, БПК, сельское хозяйство, кризис, пандемия, COVID-19

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01615, <https://rscf.ru/project/22-28-01615/>

Для цитирования: Плетнёв Д. А., Наумова К. А. Российские быстрорастущие компании в сельском хозяйстве во время пандемического кризиса // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 112–127. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-112-127.

Original article

RUSSIAN HIGH-GROWTH FIRMS IN AGRICULTURE DURING THE PANDEMIC CRISIS

Dmitri A. Pletnev¹✉, Kseniia A. Naumova

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, pletnev@csu.ru, ORCID 0000-0002-6494-572X

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, naumova@csu.ru, ORCID 0000-0001-9819-5157

Abstract. The purpose of the study is to analyze the sustainability and efficiency of Russian fast-growing companies in agriculture. The sample of agricultural companies was formed on the basis of data from 2016–2019, in 2020 and 2021 the sustainability and effectiveness of companies in the conditions of a pandemic is analyzed. The survival rate of fast-growing companies and their share by type of activity, age and geographical characteristics are analyzed. The growth rate of gazelle revenue exceeds the values of gazelles in 2019 by 5 times, and in 2019 — by 1 %. However, in 2020, gazelles, on average, grew in revenue worse than ordinary companies. Gazelles remain significant generators of jobs even in the conditions of a pandemic, are more profitable and active (2020–2021). However, DBCS are more

dependent on borrowed funds (lower coefficient of autonomy). Testing of hypotheses by the method of one-sided analysis of variance about the statistically significant difference in the indicators of fast-growing and conventional companies showed a significant difference in the growth rate of the average number and the coefficient of autonomy in 2020–2021. Significant differences in the increase in profitability of sales were noted both before the pandemic and at its height — in 2019 and 2020.

Keywords: high-growth firm, gazelle, HGF, agriculture, crisis, pandemic, COVID-19

Funding. The study was funded by a grant of Russian Science Foundation #22-28-01615, <https://rscf.ru/en/project/22-28-01615/>

For citation: Pletnev DA, Naumova KA. Russian High-Growth Firms in Agriculture During the Pandemic Crisis. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):112-127. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-112-127.

Введение

В условиях нестабильности экономической рост национальной экономики замедляется или стагнирует. Существующие механизмы стимулирования и поддержки бизнеса не справляются с повышенной нагрузкой. В таких условиях государство ведет поиск новых, более эффективных мер увеличения производительности хозяйствующих субъектов. Пандемия коронавирусной инфекции стала вызовом для экономики и ее субъектов, отразив сильные и слабые стороны различных бизнес-моделей. Одной из таких моделей являются быстрорастущие компании, или газели. Они несут важную функцию для экономики, сочетая в себе быстрый рост и образование занятости. Согласно наиболее распространенному определению, быстрорастущие компании — это «все предприятия со среднегодовым ростом более двадцати процентов в год в течение трех лет и с десятью или более сотрудниками в начале периода наблюдения. Рост измеряется количеством сотрудников и оборотом» [1]. Исследования из разных стран показывают, что газели ответственны за большую часть прироста занятости. Популяция газелей в экономике занимает в среднем 2–6 %, однако она способна образовать от 40 до 60–70 % всех новых созданных рабочих мест [2].

Важный научный интерес представляет анализ отраслевых особенностей влияния пандемии на экономическую активность субъектов хозяйствования. Сельское хозяйство выступает перспективной и значимой отраслью в структуре экономики России [3]. Целью данного исследования является анализ устойчивости и эффективности российских быстрорастущих компаний в сельском хозяйстве. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

1. Теоретическое обоснование значимости быстрорастущих компаний как драйверов экономического роста.

2. Составление методики идентификации быстрорастущих компаний и оценки их устойчивости и эффективности.

3. Формирование выборки быстрорастущих и обычных компаний сельского хозяйства в период 2016–2021 гг.

4. Анализ доли быстрорастущих компаний по видам деятельности, возрастному и географическому признакам.

5. Анализ выживаемости быстрорастущих компаний по видам деятельности в 2020 и 2021 гг.

6. Анализ финансовых результатов быстрорастущих и обычных компаний сельского хозяйства в допандемийный (2019 г.) и пандемийный период (2020–2021 гг.).

7. Проверка гипотез о статистически значимой разнице в значениях показателей быстрорастущих и обычных компаний, 2019–2021 гг.

Формирование выборки сельскохозяйственных компаний произведено на основе ОКВЭД 2 и данных финансовой отчетности. Оценка финансовых результатов компаний опирается на систему пяти показателей, отражающих способность к росту, прибыльность, деловую активность, платежеспособность и образование рабочих мест. Выборка состоит из 10 570 российских компаний, среди которой 372 компании быстрорастущие.

Влияние кризиса на экономику России и отрасль сельского хозяйства

Пандемия коронавирусной инфекции нанесла ощутимый удар по мировой экономике и, в частности, экономике России. Так, согласно данным официальной статистики, объем ВВП России в 2020 г. снизился на 2,02 %, объем ВРП снизился на 3,74 %. Индекс производительности труда в экономике в 2020 г. снизился на 2,73 %¹. Уровень безработицы вырос с отметки в 4,7 % (январь 2020 г.) до 5,9 % (декабрь 2020 г.), пик

¹ URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts#>

безработицы в 2020 г. зафиксирован в августе и составил 6,4 %¹. Среди прочих негативных тенденций, вызванных пандемией, также необходимо отметить бюджетный дефицит, девальвацию национальной валюты, спад потребительской и производственной активности, разрыв производственных цепочек и т. д. [4]. Н. В. Зубаревич и С. Г. Сафронов показывают влияние пандемии на изменение структуры региональной экономики, динамику промышленного производства и доходов бюджета [5]. Наиболее пострадавшим сегментом предпринимательства является малый бизнес [6; 7]. В аспекте отраслевых особенностей воздействия пандемии отмечается разная реакция отдельных секторов и отраслей экономики на кризис. Особое негативное влияние распространения новой коронавирусной инфекции отмечено на предприятия сферы услуг [6; 8]. В то же время фиксируется рост фармацевтической и химической отрасли, а также сферы ИТ [9]. Наиболее пострадавшие отрасли были отражены в Постановлении правительства, в перечень пострадавших отраслей вошли 12 видов деятельности, преимущественно сферы услуг².

Сельское хозяйство — важная составляющая российской экономики. Рассматривая валовую добавленную стоимость по отраслям экономики, сельское хозяйство занимает в среднем 3,5–4 % от структуры валовой добавленной стоимости по отраслям экономики. Несмотря на маленькую долю, сельское хозяйство является приоритетной отраслью, что закреплено в ФЗ «О развитии сельского хозяйства» от 29.12.2006 № 264-ФЗ, который содержит Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Сельское хозяйство не вошло в перечень пострадавших отраслей. Аналитики показывают устойчивость компаний агропромышленного комплекса во время пандемии. Весомая доля продукции АПК относится к категории продукции постоянного спроса (продукты питания), что обеспечило некоторый спрос в ус-

ловиях пандемии на фоне общего падения покупательской способности. Кроме этого, особенностью функционирования отрасли в разгар пандемии является тот факт, что сельское хозяйство — непрерывное производство, которое не допускает остановки, особенно в части посевной и выращивания скота. Согласно проведенной аналитике [10], прирост сектора АПК за десять месяцев 2020 г. составил 1,8 %. Также отмечается рост экспорта продукции в 2020 г. Наибольший прирост валовой продукции показали такие категории, как зерно, свинина и молоко.

Однако компании АПК также пострадали за время пандемии. Среди основных негативных факторов необходимо назвать следующие: введенные странами ограничения на передвижение привели к потере рабочей силы из-за рубежа, сократился спрос на продукцию, поставляемую в организации общественного питания (рестораны, гостиницы и т. д.); перебои с логистикой ограничили доступ фермеров к семенам, удобрениям и кормам; девальвация национальной валюты и рост цен на мировом рынке и т. д. Так, отмечается [11], что логистический коллапс обнажил серьезную проблему российского АПК — слабая система кормозаготовки.

Реакция быстрорастущих компаний на кризис

Вопрос о большей устойчивости быстрорастущих компаний остается дискуссионным. Некоторые исследователи утверждают, что газели способны лучше отвечать трудностям во время кризисов [12]. А. Тодд и Б. Тейлор указывают на то, что быстрорастущие фирмы «могли процветать в условиях нестабильности и относительного упадка экономики Соединенного Королевства» [13], основываясь на выборке британских компаний среднего размера. Быстрорастущие фирмы, по-видимому, выделяются на фоне экономических кризисов, так как демонстрируют более высокий уровень устойчивости, чем другие компании [14].

С другой стороны, ученые не находят более высокую эффективность или устойчивость в росте БРК. На примере данных малых и средних предприятий в Румынии показано, что газели не могут поддерживать высокие темпы роста в течение длительного времени, но имеют более низкую волатильность темпов роста и более высокие шансы на выживание [15]. В период кризиса подчеркивается значимость крупных газелей для краткосрочного роста и восстановления вследствие их склонности к инновациям, экспорту, их принад-

¹ URL: [https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/38.htm#:~:text=Уровень%20безработицы%20\(отношение%20численности%20безработных,составил%2058%2C5%25](https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/38.htm#:~:text=Уровень%20безработицы%20(отношение%20численности%20безработных,составил%2058%2C5%25)

² Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 434 (ред. от 10.03.2022) «Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции».

лежности к группам предприятий и большего государственного финансирования инноваций [16]. Интервьюированием представителей быстрорастущих компаний во время пандемии COVID-19 были отмечены большие перспективы для сохранения устойчивости и роста [17]. О схожих прогнозах в контексте устойчивости, инвестиций, и генерации занятости говорится в другом исследовании [18].

На данный момент существует несколько исследований о поведении газелей в России во время кризиса. Ю. А. Полунин и А. Ю. Юданов [19] стремились проследить поведение российских быстрорастущих фирм после кризиса 2008 г. и обнаружили, что доля газелей в России в 3–4 раза превышает уровень развитых стран, но кризис привел к четырехкратному сокращению популяции БРК. Исследование ВШЭ о быстрорастущих компаниях во время пандемии показывает снижение роста выручки и прибыльности российских БРК (четверть опрошенных компаний указывают на общее снижение их показателей в 2020 г.). В то же время этот сегмент компаний остается в числе лидеров по приросту численности персонала (особенно за счет технологичных газелей), но с замедлением темпов роста [20]. Ю. Г. Кириллов, И. А. Коновалов и Э. К. Енза на примере выборки Омских компаний в период 2016–2020 гг. показывают снижение темпов роста суммарной выручки БРК в 2020 г. у средних компаний, в то время как крупные и малые компании росли лучше даже в условиях пандемии. Также средним БРК труднее остальных компаний удалось нарастить численность сотрудников. Однако БРК в Омской области остаются значимой категорией для экономического роста региона даже в условиях пандемии [21]. П. В. Алексеев [22] приводит актуальные тренды БРК, которые формируют рынок: цифровизация (переход в онлайн-формат, доставка товаров на дом, интернет-магазины), технологичность (онлайн-образование), акцент за здоровье и экологичности (развитие рынка фармацевтики и санитарии). Данные тренды также отчасти являлись факторами устойчивости компаний в пандемию. Т. В. Крылова и соавторы на примере компании «ВкусВилл» описывают ключевые факторы успешности компании, в силу которых она стала быстрорастущей: концепция должна содержать сильные конкурентные преимущества, внимание к корпоративной культуре и поддержку сотрудников, корпоративную систему ценностей, ориентацию на технологии и др. [23]. В труде И. А. Белолипцева и др. [24]

представлены результаты исследования, посвященного идентификации и анализу быстрорастущих компаний (БРК) в секторе малого и среднего предпринимательства Республики Башкортостан с представлением авторского подхода к набору индикаторов экономического роста, этапам отбора и классификации отобранных компаний для целей оказания специфических мер поддержки со стороны региональных институтов развития. Анализ С. Розминовича показал, что по итогам 2020 г. в России, несмотря на «коронавирусный» спад в экономике, сохранился слой быстрорастущих компаний: 28 617 компаний, или 0,75 % общего числа российских компаний [25]. Быстрорастущие компании внесли основной вклад в экономический рост: 60 % прироста выручки всего российского бизнеса обеспечен ими. Наиболее устойчивым быстрым ростом выручки на промежутке 2012–2020 гг. отличались компании из секторов «Высокотехнологичные наукоемкие услуги», «Добыча полезных ископаемых» и «Сельское хозяйство и рыболовство», а также «Инновационные» компании. Исследование Интерфакса показало, что в 2020 г. основные тенденции в сфере БРК кардинально не изменились, отмечена небольшая перегруппировка в составе лидеров, в том числе по уровню рентабельности. Предыдущее исследование авторов об устойчивости российских быстрорастущих компаний разных размеров и видов деятельности позволяет сделать вывод о том, что в общем БРК во время пандемии существенно снизили свою способность к росту. При этом средний прирост выручки и занятости газелей превышает показатели обычных компаний в 2020–2021 гг. Не выявлено существенных различий в рентабельности компаний, при этом показатели газелей ниже уровня обычных компаний. Газели, как правило, более молодые, чем обычные компании. Около половины компаний способны удержать статус быстрорастущих в следующем году (2020) после его получения [26–28].

Методология исследования

Принадлежность компании к отрасли сельского хозяйства определяется ее классом экономической деятельности (согласно ОКВЭД 2). Так, код «А» классификатора содержит три уточняющих кода, а именно: 01 «Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях», 02 «Лесоводство и лесозаготовки», 03 «Рыболовство и рыбноводство». Деятельность компаний данных кодов

определяется авторами как сельскохозяйственная.

Данные финансовой отчетности компаний указанных классов были получены в информационно-аналитическом агентстве FIRA PRO с 2016 по 2021 г. Расчет прироста основного финансового показателя — выручки в 2017–2019 гг. позволяет сформировать выборку быстрорастущих компаний. Быстрорастущей признается компания, демонстрирующая более 20 % прироста выручки в течение трех лет и более. В 2020 и 2021 гг. анализировались финансовые результаты компаний, на основе которых можно определить степень их устойчивости в период пандемии. Исследование основано на данных 8 197 обычных и 246 быстрорастущих компаний сельского хозяйства. Ограничения по масштабу деятельности не применялись, то есть выборка включает малые, средние и крупные предприятия. К выборке применен ряд ограничений для выявления основной тенденции.

Выживаемость и сохранение устойчивости в кризис — сложная задача для компаний. Степень устойчивости и способности компании справиться с вызовами кризиса возможно оценить на основе динамики финансовых результатов. Показатели финансовых результатов хозяйствующих субъектов раскрыты в трудах [29; 30 и др]. Авторы для построения моделей и методов оценки эффективности деятельности хозяйствующих субъектов проанализировали комплекс из пяти показателей, которые позволяют оценить различные аспекты деятельности компаний. Так, основным в текущем исследовании выступает прирост выручки. Данный показатель необходим для идентификации быстрорастущих компаний и отражает способность компании расти. Показателем финансовой эффективности является рентабельность продаж (отношение чистой

прибыли к объему выручки). Деловая активность представлена коэффициентом оборачиваемости активов (отношение выручки к валюте баланса). Оценка финансовой независимости (от заемных средств) опирается на расчет коэффициента автономии (отношение собственного капитала (итоговое значение раздела «капитал и резервы») к валюте баланса). Способность создавать рабочие места также неразрывно связана с тематикой БПК. Так, темп прироста среднесписочной численности сотрудников является важным показателем в оценке устойчивости быстрорастущих компаний. Для проверки гипотез о различиях в значениях показателей быстрорастущих и обычных компаний использовался метод одностороннего дисперсионного анализа (one-way ANOVA).

Результаты

На основе данных финансовой отчетности была сформирована выборка из 13 765 компаний. После применения ограничений выборка сократилась до 10 570 компаний, среди которых 372 газели. Таким образом, концентрация газелей в сельском хозяйстве составляет 3,52 % (табл. 1).

Наивысшая концентрация газелей наблюдается в лесоводстве и лесозаготовке, данный показатель выше средних общемировых тенденций. Концентрация газелей в растениеводстве и животноводстве в 2 раза ниже и не превышает 3 %. Средний возраст обычных компаний выборки составляет 17,15 года, в то время как газелей — всего 13,56 года. Во всех видах деятельности газели моложе обычных компаний. Так, в лесозаготовке средний возраст газелей оставляет 14,26 года (наибольшее значение среди видов деятельности, а обычные компании того же вида деятельности моложе остальных, их возраст составляет 16,01 года).

Таблица 1
Table 1

Доля быстрорастущих компаний по видам сельскохозяйственной деятельности (2017–2019 гг.)
The share of fast-growing companies by type of agricultural activity (2017-2019)

Вид деятельности	Обычные компании	Быстрорастущие компании	Концентрация, %
Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях	8 197	246	2,91
Лесоводство и лесозаготовки	1 383	94	6,36
Рыболовство и рыбоводство	618	32	4,92
Итого	10 198	372	3,52

Источник: составлено авторами.

Анализ устойчивости быстрорастущих компаний

Выживаемость газелей представлена в табл. 2. В 2020 г. из 403 газелей свой статус смогла удержать 141 компания (35 %). В 2021 г. из 141 компании продолжили быть быстрорастущими (то есть темп прироста выручки сохранился на уровне выше 20 %) 68 компаний, что составляет около 17 % от первоначальной выборки.

Несмотря на то, что среди компаний лесоводства и лесозаготовки чаще встречаются газели, им сложнее удерживать высокие темпы прироста выручки. Так, в 2020 г. только около 30 % газелей данного вида деятельности сохранили свой статус. Более половины газелей растениеводства

и животноводства выжили как газели, несмотря на разгар пандемии. В 2021 г. наблюдается похожая тенденция: во всех видах деятельности удержали статус около 45 % популяции газелей 2017–2020 гг. Итоговые доли выживших газелей в 2020 и 2021 гг. подробнее раскрыты в табл. 2. Общие показатели выживаемости соответствуют общим тенденциям, выявленным ранее авторами в ходе изучения быстрорастущих компаний, то есть около 45 % компаний в первый год и 20 % во второй год после получения статуса способны его удержать.

На рис. 1 представлена географическая концентрация сельскохозяйственных быстрорастущих компаний по федеральным округам.

Таблица 2
Table 2

Выживаемость быстрорастущих компаний в условиях пандемии
Survival of fast-growing companies in a pandemic

Вид деятельности	Кол-во БРК 2017–2019 гг.	Кол-во БРК, сохранивших статус в 2020	Доля выживших БРК, %	Кол-во БРК, сохранивших статус в 2021	Доля выживших БРК от начальной выборки, %
Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях	246	129	52,44	60	24,39
Лесоводство и лесозаготовки	94	27	28,72	12	12,77
Рыболовство и рыбоводство	32	14	43,75	6	18,75
Итого	372	170	45,70	78	20,97

Источник: составлено авторами.

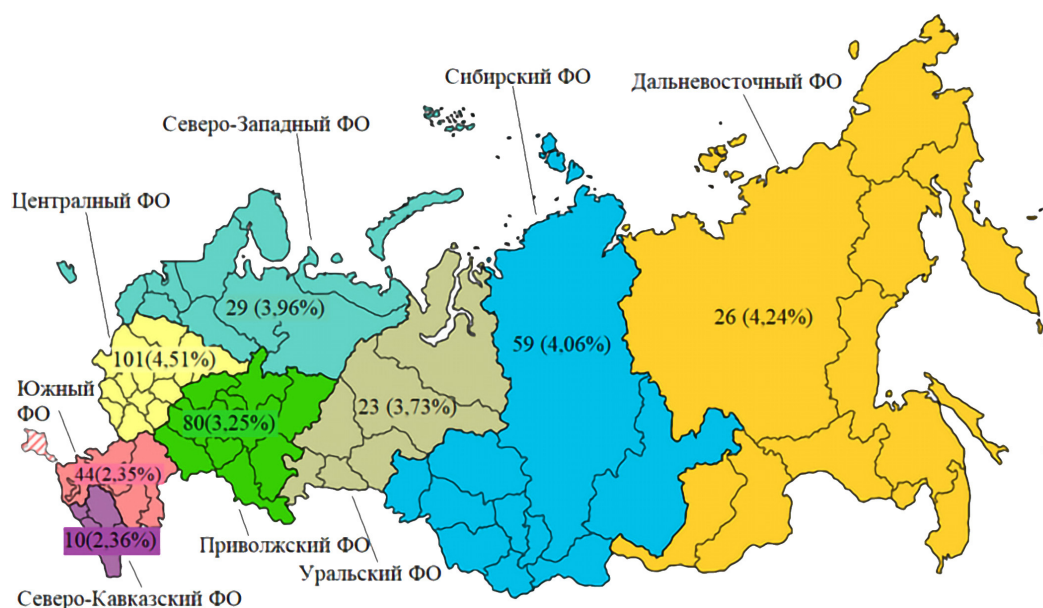

Рис. 1. Количество и доля быстрорастущих компаний по федеральным округам России, 2017–2019 г.
Fig. 1. The number and share of fast-growing companies in the federal districts of Russia, 2017–2019

Источник: составлено авторами

Лидерами по количеству и доли БРК в структуре компаний является Центральный ФО, среди 2241 компании 101 является быстрорастущей. Сибирский и Дальневосточный ФО также имеют долю БРК, превышающую 4 % вследствие большего присутствия лесозаготовительных компаний. Несмотря на развитый Юг страны в сфере сельского хозяйства, доля быстрорастущих компаний здесь невелика: из 1 872 компаний в ЮФО и 424 компаний в Северо-Кавказском ФО менее 2,5 % компаний являются быстрорастущими. Приволжский ФО занимает лидирующие позиции по общему количеству аграрных компаний в выборке (2 462).

Анализ финансовой эффективности обычных и быстрорастущих компаний

Анализ динамики показателей эффективности компаний во время пандемии (2020 и 2021 гг.) позволяет оценить различия реакции БРК и обычных компаний, в том числе по видам экономической деятельности. Далее представлены средние темпы прироста выручки быстрорастущих и обычных фирм в 2020 и 2021 гг. (рис. 2). В 2019 г. прирост выручки быстрорастущих компаний всех рассматриваемых видов деятельности был высок. Выручка компаний растениеводства и животноводства в 2019 г. приросла на 75 %, в лесоводстве — на 82 % и рыболовстве — на 71 %. В это же время показатель прироста для обычных компаний находится в пределах 14,5–16 %. В 2020 г. показатели быстрорастущих компаний значительно снизились под влиянием пандемии. Нетипичное поведение газелей заключается в том, что значения обычных компаний превышают значения газелей, за исключением растение-

водства и животноводства. Наибольший спад характерен для газелей лесозаготовки, чей прирост составил лишь 3 %. Региональных и иных закономерностей в данной тенденции не выявлено. При этом обычные компании всех видов деятельности в 2020 г. увеличили темп прироста выручки. В растениеводстве и животноводстве, напротив, газели приросли в выручке лучше обычных компаний, при этом обычные компании увеличили прирост вдвое в сравнении с 2019 г.

В 2021 г. быстрорастущие компании рыболовства улучшили свои показатели и опередили обычные компании. Отмечается резкий рост прироста выручки компаний лесозаготовки, где, по-прежнему, газели имеют более низкие значения. В растениеводстве и животноводстве значения показателя среди газелей несколько выше в сравнении с обычными компаниями. Далее рассмотрим способность компании генерировать новые рабочие места (рис. 3).

В 2019 г. прирост занятости обычных компаний незначителен для сельскохозяйственных компаний (0,34 %) и компаний рыболовства (1,64 %). Лесозаготовительные компании увеличили количество сотрудников на 5,34 %. В это же время быстрорастущие компании приросли сотрудниками на 20,33 % в растениеводстве и животноводстве, на 46,03 % — в лесозаготовке и 25,58 % — в рыболовстве.

В 2020 и 2021 гг. быстрорастущие компании создавали больше новых рабочих мест, чем обычные компании. Самые сильные отличия зафиксированы в растениеводстве и животноводстве. Примечательно, что в 2020 г. и газели и обычные компании более интенсивно увеличивали штат. Отрасль сельского хозяйства в последние годы

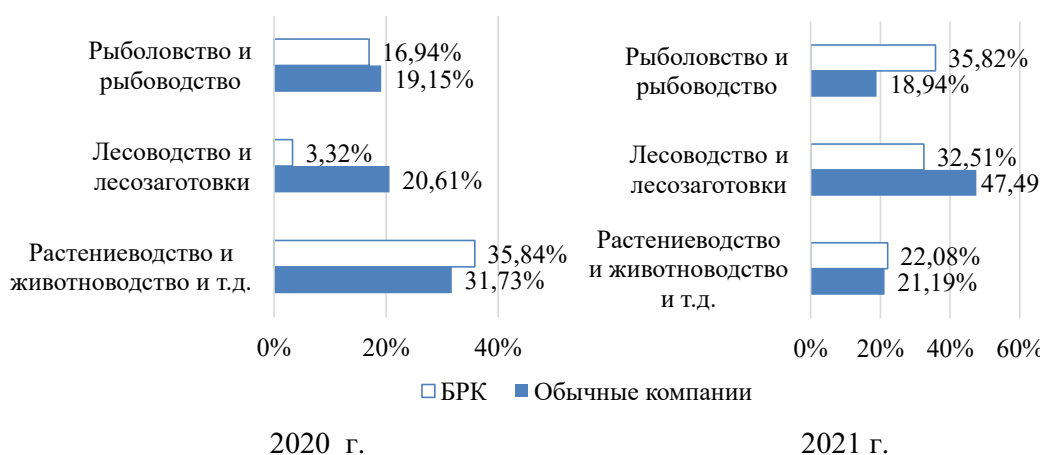

Рис. 2. Темпы прироста выручки обычных и быстрорастущих компаний в 2020 и 2021 гг.
Fig. 2. Revenue growth rates of conventional and fast-growing companies in 2020 and 2021.

Источник: составлено авторами

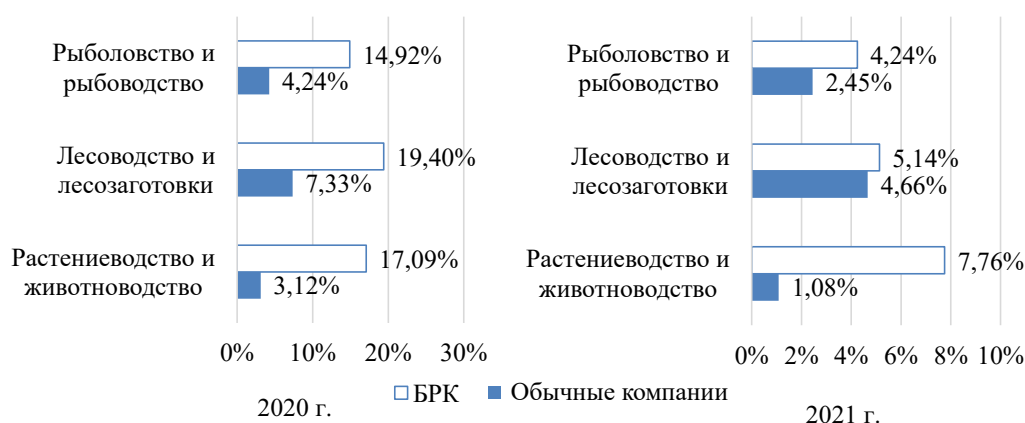

Рис. 3. Темпы прироста среднесписочной численности обычных и быстрорастущих компаний в 2020 и 2021 гг.

Fig. 3. Growth rates of the average number of conventional and fast-growing companies in 2020 and 2021.

Источник: составлено авторами

испытывает серьезный дефицит кадров. Данная проблема обострилась во время пандемии, но, несмотря на это, компании увеличивали количество занятых.

Рентабельность продаж сельскохозяйственных компаний (быстрорастущих и обычных) зачастую превышает 10 % в анализируемый период. По результатам 2019 г. наиболее прибыльными являются рыбоводческие компании, быстрорастущие компании показывают рентабельность на уровне 36 %, а обычные компании — 16 %. Растение- и животноводческие газели рентабельны на 21 %, а обычные компании данного вида — на 13 %. Лесозаготовительные газели (18 %) и обычные компании (8 %) наименее прибыльны в сравнении с другими видами. Далее представлены средние показатели рентабельности продаж в 2020 и 2021 гг. (рис. 4).

В 2020 и 2021 гг. лидерами по уровню рентабельности продаж являлись рыбоводческие бы-

строрастущие компании. В 2020 г. рентабельность компаний в сфере растениеводства и животноводства возросла. Лесозаготовительные газели, напротив, снизили значение показателя практически вдвое, а значение обычных компаний незначительно увеличилось. Рыбоводческие газели снизили рентабельность на 4 %, а обычные компании — увеличили на 3 %. В 2021 г. наблюдался рост рентабельности среди лесозаготовительных компаний. Растение- и животноводческие компании незначительно изменили свои значения. Рыбоводческие газели продолжили тенденцию к снижению уровня рентабельности.

Коэффициент оборачиваемости активов выше у быстрорастущих компаний растениеводства и животноводства и ниже значений обычных компаний в лесоводстве и рыболовстве. Значения показателя в 2020 и 2021 гг. представлены на рис. 5.

В 2020 г. не было значимых изменений в показателях у компаний растениеводства и живот-

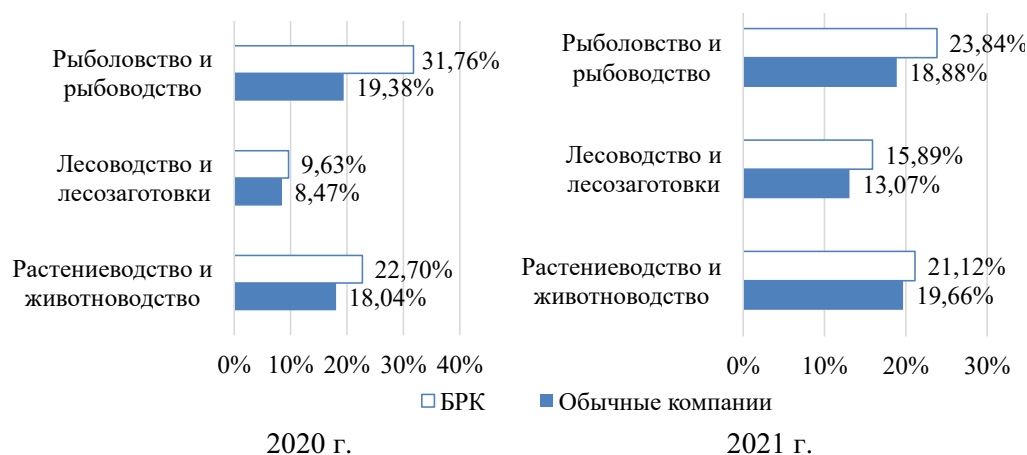

Рис. 4. Рентабельность продаж обычных и быстрорастущих компаний в 2020 и 2021 гг.

Fig. 4. Return on sales of conventional and fast-growing companies in 2020 and 2021.

Источник: составлено авторами

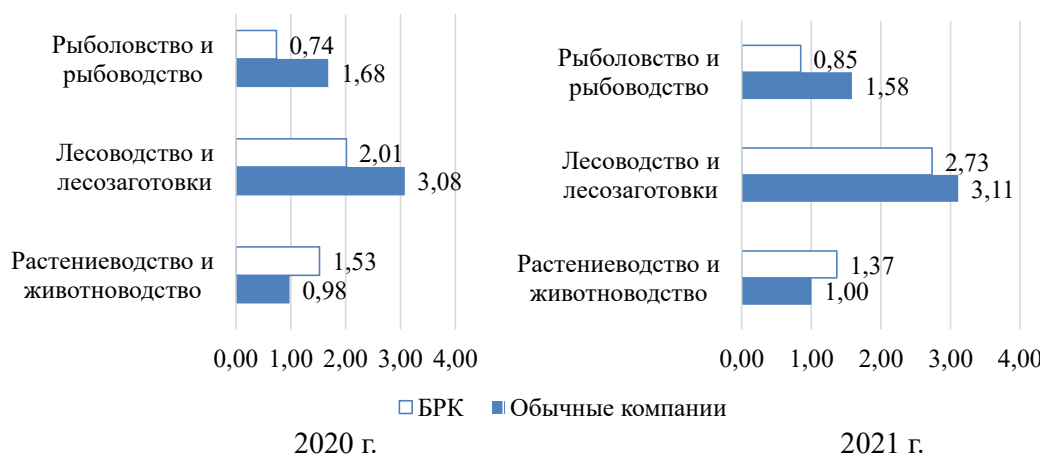

Рис. 5. Коэффициент оборачиваемости активов обычных и быстрорастущих компаний в 2020 и 2021 гг.
Fig. 5. Asset turnover ratio of conventional and fast-growing companies in 2020 and 2021.

Источник: составлено авторами

новодства. Компании рыболовства и лесоводства снизили эффективность использования активов. В 2021 г. наблюдалось увеличение оборачиваемости у лесоводческих компаний. Несмотря на то, что газели в рыболовстве и лесоводстве увеличили оборачиваемость, значения обычных компаний по-прежнему превышали значения БПК.

В период 2019–2021 гг. не наблюдается значимых изменений тенденции коэффициента автономии среди быстрорастущих и обычных компаний. Значения обычных компаний (в среднем 0,67) выше значений газелей (в среднем 0,53) и со-

поставимы для растениеводства и животноводства, а также рыболовства и рыбоводства. В лесоводстве значения между компаниями двух видов различаются незначительно. Отмечается тенденция к росту показателя.

Далее проведена проверка гипотез методом одностороннего дисперсионного анализа, результаты проверки представлены в табл. 3.

Результаты проверки первой гипотезы показывают статистически значимые различия в приросте выручки только в 2019 г. Темпы прироста среднесписочной численности существенно от-

Таблица 3
Table 3

Средние значения показателей быстрорастущих и обычных компаний, результаты проверки гипотез, 2019–2021 гг.
Average values of indicators of fast-growing and conventional companies, results of hypothesis testing, 2019-2021

Год	Среднее значение обычных компаний	Среднее значение БПК	F value	Pr (>F)
H₀1: Темпы прироста выручки существенно не отличаются между быстрорастущими и обычными компаниями				
2019	0,154	0,762	241,049	0*
2020	0,295	0,26	0,784	0,376
2021	0,246	0,259	0,1	0,751
H₀2: Темпы прироста среднесписочной численности существенно не отличаются между быстрорастущими и обычными компаниями				
2019	0,011	0,273	154,734	0*
2020	0,038	0,175	31,538	0*
2021	0,017	0,068	7,33	0,007*
H₀3: Рентабельность продаж существенно не отличается между быстрорастущими и обычными компаниями				
2019	0,129	0,217	58,468	0*
2020	0,168	0,202	6,989	0,008*
2021	0,187	0,2	0,942	0,332

Таблица 3
The end of the table 3

Год	Среднее значение обычных компаний	Среднее значение БРК	F value	Pr (>F)
H ₀ 4: Коэффициент оборачиваемости активов существенно не отличается между быстрорастущими и обычными компаниями				
2019	1,371	1,735	1,893	0,169
2020	1,307	1,582	1,596	0,206
2021	1,323	1,668	1,757	0,185
H ₀ 5: Коэффициент автономии существенно не отличается между быстрорастущими и обычными компаниями				
2019	0,649	0,495	101,353	0*
2020	0,668	0,533	82,944	0*
2021	0,68	0,548	81,533	0*

* нулевая гипотеза не принимается на 1 % уровне значимости, различия признаются значительными.
Источник: составлено авторами.

личаются между быстрорастущими и обычными компаниями во все анализируемые периоды, то есть поведение газелей значимо отличается в интенсивности набора новых сотрудников. Рентабельность газелей и обычных компаний значимо различается в 2019 и 2020 гг. Проверка показывает отсутствие различий в коэффициенте оборачиваемости активов, а коэффициенты автономии, напротив, статистически признаются различными среди быстрорастущих и обычных компаний в 2019–2021 гг.

Примеры эффективных сельскохозяйственных быстрорастущих компаний

ООО «Центрсельхозхимии» (Республика Татарстан) зарегистрировано в 2013 г., занимается предоставлением услуг в области растениевод-

ства (согласно ОКВЭД 2). Численность сотрудников на конец 2021 г. составляла 187 человек. Компания по результатам 2021 г. относится к средним. Специализируется на услугах по внесению безводного аммиака. На рис. 6 представлены основные показатели эффективности компании. ООО «Центрсельхозхимии» является быстрорастущей компанией (по критерию прироста выручки) с 2016 по 2021 г. Рентабельность продаж компании по 2018 г. не превышала 5 %. Пандемия сказалась на компании лишь снижением прироста выручки с 60 % в 2019 г. до 30 % в 2020 г., при этом в эти годы рентабельность составляла 21 и 18 % соответственно. В период 2018–2020 гг. компания расширила штат от 62 до 70 %. Однако в 2021 г. рентабельность снизилась до 1 %, а интенсивность набора сотрудников — до 28 % (что по-прежнему

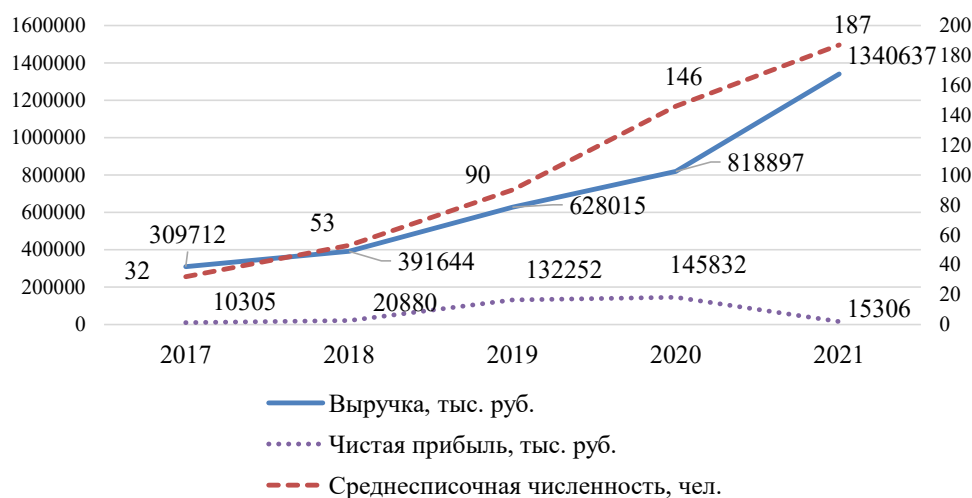

Рис. 6. Показатели финансового состояния ООО «Центрсельхозхимии»
Fig. 6. Indicators of the financial condition of LLC "Center of Agricultural Chemistry"
Источник: составлено авторами на основе данных финансовой отчетности компании

остаётся высоким показателем в сравнении с большинством компаний в выборке).

ООО «Шестиозерье-Лес» (Архангельская область) зарегистрировано в 2012 г., занимается лесозаготовкой (согласно ОКВЭД 2). Численность сотрудников на конец 2021 г. составляла 263 человека. Компания по результатам 2021 г. относится к средним. На рис. 7 представлены основные показатели эффективности компании. Данная компания, согласно критерию прироста выручки более 20 %, являлась быстрорастущей с 2013 по 2020 г. При этом рентабельность продаж компании до 2018 г. не превышала 6 %, а в последующие годы варьировала от 16 % (2020–2021 гг.) до 24 % (2019 гг.). Несмотря на пандемию, компания увеличила выручку на 127 %, однако затем прирост выручки резко сократился до 6 %

в 2021 г. Также компания активно создает новые рабочие места: в 2018 г. был расширен штат сотрудников на 15 %, в 2019 — на 42 %, в 2020 г. — на 51 %, а в 2021 г. — на 25 %.

АО «КАЛА-РАНТА» (Республика Карелия) зарегистрировано в 2003 г., занимается искусственным воспроизводством морских биоресурсов (согласно ОКВЭД 2). Численность сотрудников на конец 2021 г. составляла 133 человека. Компания по результатам 2021 г. относится к средним. АО «КАЛА-РАНТА» позиционирует себя как крупнейший поставщик радужной форели на российском рынке, занимается выращиванием и переработкой рыбы. На рис. 8 представлены основные показатели эффективности компании. Рост компании нелинейный; отмечены три периода отрицательного роста выручки: 2008, 2011 и 2016 гг.

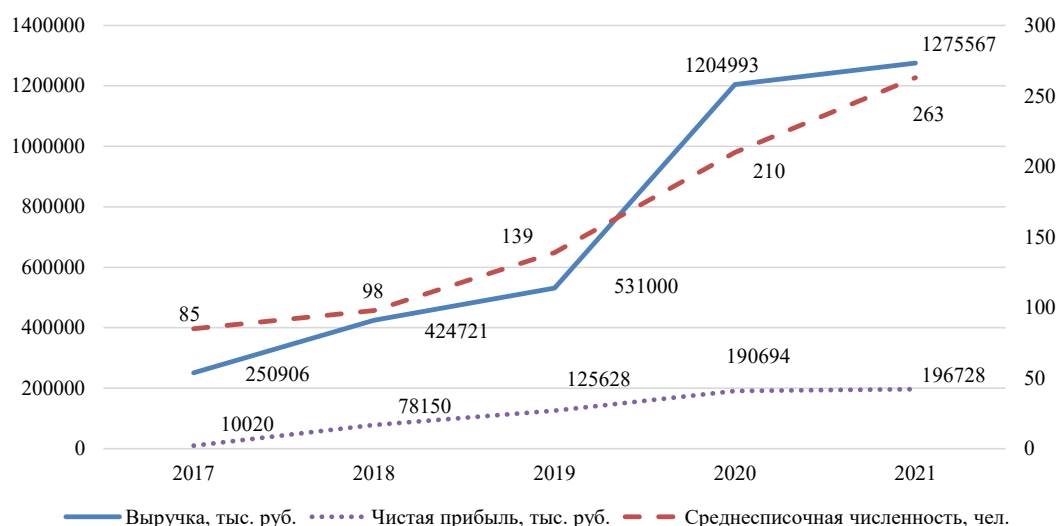

Рис. 7. Показатели финансового состояния ООО «Шестиозерье-Лес»
Fig. 7. Indicators of the financial condition of LLC "Shestiozerye-Les"

Источник: составлено авторами на основе данных финансовой отчетности компании

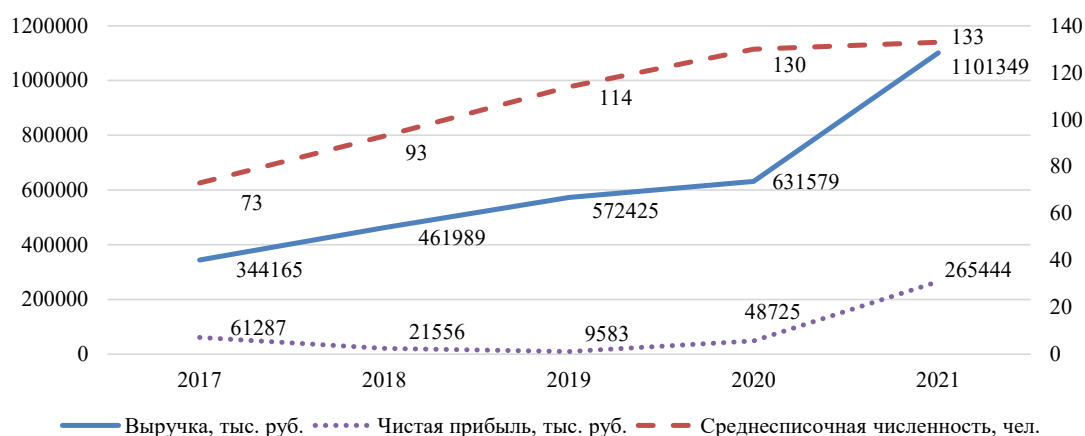

Рис. 8. Показатели финансового состояния АО «Кала-Ранта»
Fig. 8. Indicators of the financial condition of Kala-Ranta JSC

Источник: составлено авторами на основе данных финансовой отчетности компании

Период быстрого роста компании с 2017 г. закончился в 2020 г. (в фазу активного распространения коронавирусной инфекции). В период своего быстрого роста (2017–2019 гг.) компания увеличивала штат сотрудников на 27 % (2018 г.) и 23 % (2019 г.). Несмотря на снижение интенсивности прироста выручки в 2020 г. до 10 %, она увеличила штат на 14 %. В 2021 г. при высоком приросте выручки (78 %) и высокой рентабельности (24 %) штат компании увеличился лишь на 2 %.

ООО «РЫБОТОРГ» (Волгоградская область) зарегистрировано в 2016 г., занимается пресноводным рыболовством (согласно ОКВЭД 2). Численность сотрудников на конец 2021 г. составляет 29 человек. Несмотря на малый размер компании, она является примером быстрорастущей компании, сочетая в себе интенсивный рост выручки и генерацию новых рабочих мест. Так, в период с 2017 по 2021 г. компания увеличила объем выручки с 808 тыс. до 12,5 млн руб., а штат сотрудников с 4 до 29. Несмотря на то, что в 2020 г. прирост выручки снизился с 38 % (в 2019 г.) до 6 %, компания смогла не только сохранить количество рабочих мест, но и преувеличить его на 72 %. Также компания в 2020 г. показала максимальный уровень рентабельности продаж (43 %). В 2021 г. прирост выручки компании достиг 80 %, а прирост ССЧ — 53 %.

Обсуждение и заключение

Сельское хозяйство — одно из приоритетных и развитых отраслей российской экономики. В ходе эмпирического анализа литературы на тему быстрорастущих компаний и их поведения в условиях кризиса, а также на основе сформированного научного задела авторами было выдвинуто предположение о том, что быстрорастущие компании в сельском хозяйстве лучше справляются с вызовами пандемии, являются более устойчивыми и эффективными в сравнении с обычными компаниями. Выборка сельскохозяйственных компаний включала 10 570 компаний, в том числе 372 газели, то есть доля (концентрация) газелей составляет 3,52 %, что согласуется с общими тенденциями в России и других странах [2; 27]. Однако отличительной чертой является высокая концентрация газелей в лесоводстве

и лесозаготовке, превышая 6 %. В исследовании ВШЭ [20] отмечается концентрация газелей в сельском хозяйстве и рыболовстве на уровне 6,6 %. Среди компаний Республики Башкортостан доля газелей в сельском хозяйстве составляет 11,3 или 12,6 % (в зависимости от метода оценки) [24].

Таким образом, выявлены нетипичные тенденции в анализе быстрорастущих компаний во время пандемии в отрасли сельского хозяйства. Так, темп прироста выручки газелей в 2019 г. в пять раз превосходит средний показатель обычных компаний. Различия в показателях подкрепляются статистической значимостью. Однако в 2020 г. средний показатель выручки у газелей ниже значения обычных компаний, что ставит под сомнение более сильную устойчивость и эффективность газелей во время кризиса, вызванного пандемией [12; 13]. Быстрорастущие компании, признанные в 2017–2019 гг., продолжают генерировать больше рабочих мест, чем обычные компании [2; 16] даже в условиях кризиса. Данную способность также отмечает Д. С. Медовников и др. [20]. Также необходимо выделить следующую особенность сельскохозяйственных газелей — их рентабельность превышает уровень обычных компаний и составляет больше 20 %.

Полученные результаты дополняют данные о российских быстрорастущих компаниях в целом и в период пандемии в частности. Особенности компаний в видовом разрезе могут способствовать более эффективному планированию мер поддержки сельскохозяйственных быстрорастущих компаний на региональном и федеральном уровнях. Ограничениями исследования являются, во-первых, анализ исключительно сельскохозяйственных компаний, во-вторых, временное ограничение позволяет оценить компании лишь в период 2017–2021 гг., в-третьих, применение критериев к выборке несколько сокращает ее посредством исключения компаний с экстремальными значениями. Дальнейшие перспективы для исследования состоят в лонгитюдном анализе сельскохозяйственных компаний в 2022, 2023 и последующих годах. Также авторы видят необходимость в изучении компаний других отраслей народного хозяйства.

Список источников

1. Audretsch D. B. *Determinants of High-Growth Entrepreneurship*. Copenhagen, 2012.
2. Goswami G. A., Medvedev D., Olafsen E. *High-Growth Firms: Facts, Fiction, and Policy Options for Emerging Economies*. Washington, DC : World Bank, 2019. 165 p.

3. Захарова Г. П. Стратегические векторы развития аграрного сектора РФ // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2019. Т. 14, № 2 (53). С. 139–143.
4. Кузнецова О. Р. Влияние пандемии коронавируса на экономику России // Производственные технологии будущего: от создания к внедрению : материалы V Международной научно-практической конференции, Комсомольск-на-Амуре, 06–11 декабря 2021 г. / редколлегия: С. И. Сухоруков (отв. ред.), А. С. Гудим, Н. Н. Любушкина. Комсомольск-на-Амуре : Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 2022. С. 331–334.
5. Zubarevich N. V., Safronov S. G. Russian regions in the acute phase of the coronavirus crisis: Differences from previous economic crises of the 2000s // *Regional Research of Russia*. 2020. № 10 (4). P. 443–453. DOI: 10.1134/S2079970520040115
6. Зимовец А. В., Сорокина Ю. В., Ханина А. В. Анализ влияния пандемии COVID-19 на развитие предприятий в Российской Федерации // *Экономика, предпринимательство и право*. 2020. Т. 10, № 5. С. 1337–1350. DOI: 10.18334/epp.10.5.110126.
7. Зайцева А. О., Кокина А. Н., Печерица Е. В. Анализ влияния пандемии COVID-19 на малый и средний бизнес России // *Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения*. 2020. Т. 15, № 3. С. 1459–1465.
8. Малый и средний бизнес в России: как жить во время и после кризиса? / Е. В. Дробот, И. Н. Макаров, С. М. Манасян [и др.] // *Креативная экономика*. 2020. Т. 14, № 10. С. 2413–2430.
9. Оценка влияния кризиса, связанного с пандемией COVID-19, на отрасли российской экономики и их посткризисное развитие : докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. / Ю. В. Симачев (рук. авт. кол.), Н. В. Акиндинова, М. Н. Глухова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 45 с.
10. Терновский Д. С., Шагайда Н. И. Сельское хозяйство в период пандемии // *Экономическое развитие России*. 2021. № 1. С. 24–28.
11. Измайлова М. А., Хашир А. А., Брагинцев Ю. Н. Влияние пандемии Covid-19 на прогнозы развития сельского хозяйства // *Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве*. 2021. № 5 (74). С. 96–105.
12. Krošlákova V., Kubičková L., Jurkovičová N. Dynamics of high growth enterprises-«gazelles»-in Czech Republic // *Problems and Perspectives in Management*. 2015. № 13 (2). P. 27–35.
13. Todd A., Taylor B. The baby sharks: Strategies of Britain's supergrowth companies // *Long Range Planning*. 1993. № 26 (2). P. 69–77. DOI: 10.1016/0024-6301(93)90137-5.
14. NESTA. Vital growth. The importance of high-growth businesses to the recovery. London : NESTA Publ, 2011.
15. Mogos S., Davis A., Baptista R. High and sustainable growth: Persistence, volatility, and survival of high growth firms // *Eurasian Business Review*. 2021. № 11 (1). P. 135–161. DOI: 10.1007/s40821-020-00161-x.
16. Benedetti F. C. et al. High Growth Enterprises in the COVID-19 Crisis Context demographics, environmental innovations, digitalization, finance and policy measures. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2021. DOI: 10.2760/63402.
17. Greene F. J., Rosiello A., Golra O., Vidmar M. Analysing Resilience in High Growth Firms at the Onset of COVID-19 Crisis. Productivity Insights Network, 2020.
18. Coad A., Amaral-Garcia S., Bauer P., Domnick C., Harasztosi P., Pal R., Teruel M. High-Growth Enterprises in times of COVID-19: an overview. JRC Working Papers on Corporate R&D and Innovation. Seville: European Commission, 2022.
19. Полунин Ю. А., Юданов А. Ю. Российские быстрорастущие компании: испытание депрессией // *Мир новой экономики*. 2016. № 2. С. 103–112.
20. Российские быстрорастущие компании: Размер популяции, инновационность, отношение к господдержке / Д. С. Медовников, С. Д. Розмирович, Т. К. Оганесян, А. К. Степанов, Е. С. Шишов; под общ. ред. Д. С. Медовникова, С. Д. Розмировича; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2021. 104 с.
21. Кириллов Ю. Г., Коновалов И. А., Енза Э. К. Быстрорастущие компании: качество роста, региональное измерение // *Экономика, предпринимательство и право*. 2022. Т. 12, № 1. С. 103–118. DOI 10.18334/epp.12.1.114048.
22. Алексеев П. В. Основные тенденции развития быстрорастущих компаний в современных условиях // *Инновации. Наука. Образование*. 2021. № 33. С. 614–618.

23. Крылова Т. В., Мальцева С. М., Рыжакова К. А., Зиновьев О. А. Факторы успеха и особенности стратегий быстрорастущих компаний (на примере «Вкусвилл») // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т. 10, № 2 (35). С. 215–218. DOI 10.26140/anie-2021-1002-0039.
24. Исследование феномена быстрорастущих компаний Республики Башкортостан на примере субъектов малого и среднего предпринимательства / И. А. Белолипец, Д. В. Чувилин, И. И. Белолипец [и др.]. М. : Прометей, 2021. 286 с.
25. Розминович С. Российские быстрорастущие компании: рост на фоне COVID-кризиса // Круглый стол «Быстрорастущие компании: меры и инструменты поддержки — российский и международный опыт». 2022.
26. Pletnev D., Naumova K. Russian transport high-growth firms during the COVID-19 pandemic // Transportation Research Procedia. 2022. № 63. P. 2542–2549. DOI:10.1016/j.trpro.2022.06.293.
27. Pletnev D., Naumova K. High-Growth Middle-Sized Firms' Performance During the Pandemic (Russian Case) // International Journal of Innovation and Technology Management. 2023. № 20 (05). 2350031.
28. Pletnev D., Naumova K. Cross-Industrial Analysis of High-Growth Firm Performance During the Pandemic: Middle-Sized Russian Firms' Evidence // Eurasian Studies in Business and Economics. 2023. № 26. P. 101–119.
29. Косолапова М. В., Свободин В. А. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности. 3-е изд., стер. М. : Дашков и К°, 2020. 247 с.
30. Соловьева Н. А., Шовхалов Ш. А. Комплексный анализ хозяйственной деятельности. Красноярск : Сибирский федеральный университет (СФУ), 2016. 113 с.

References

1. Audretsch DB. Determinants of High-Growth Entrepreneurship. Copenhagen, 2012.
2. Goswami GA, Medvedev D, Olafsen E. High-Growth Firms: Facts, Fiction, and Policy Options for Emerging Economies. Washington, DC, World Bank; 2019. 165p.
3. Zakharova GP. Strategic vectors for the development of the agricultural sector of the Russian Federation. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Bulletin of Kazan State Agrarian University*. 2019;14(2):139-143. (In Russ.).
4. Kuznetsova OR. Impact of the coronavirus pandemic on the Russian economy. In: *Proizvodstvennyye tekhnologii budushchego: ot sozdaniya k vnedreniyu: Materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Komsomol'sk-na-Amure, 06–11 dekabrya 2021 goda*. Redkollegiya: S. I. Sukhorukov (otv. red.), A. S. Gudim, N. N. Lyubushkina. Komsomol'sk-na-Amure; 2022. Pp. 331–334. (In Russ.).
5. Zubarevich NV, Safronov SG. Russian regions in the acute phase of the coronavirus crisis: Differences from previous economic crises of the 2000s. *Regional'nye issledovaniya Rossii = Regional Research of Russia*. 2020;10(4):443-453. DOI: 10.1134/S2079970520040115.
6. Zimovets AV, Sorokina YuV, Khanina AV. Analysis of the impact of the COVID-19 pandemic on the development of enterprises in the Russian Federation. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i parvo = Economics, entrepreneurship and law*. 2020;10(5):1337-1350. DOI: 10.18334/epp.10.5.110126 (In Russ.).
7. Zaytseva AO, Kokina AN, Pecheritsa YeV. Analysis of the impact of the COVID-19 pandemic on small and medium-sized businesses in Russia. *Zdorov'ye — osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya = Health is the basis of human potential: problems and ways to solve them*. 2020;15(3):1459-1465. (In Russ.).
8. Drobot YeV, Makarov IN, Manasyan SM. Small and medium-sized businesses in Russia: how to live during and after the crisis? *Kreativnaya ekonomika = Creative economy*. 2020;14(10):2413-2430. (In Russ.).
9. Simachev YuV, Akindinova NV, Glukhova MN. Assessing the impact of the crisis associated with the COVID-19 pandemic on sectors of the Russian economy and their post-crisis development. Moscow, Vysheyshkoly ekonomiki; 2021. 45 p. (In Russ.).
10. Ternovskiy DS, Shagayda NI. Agriculture during the pandemic. *Ekonomicheskoye razvitiye Rossii = Economic development of Russia*. 2021;(1):24-28. (In Russ.).
11. Izmaylova MA, Khashir AA, Braginetz YuN. The impact of the Covid-19 pandemic on forecasts for the development of agriculture. *Ekonomika, trud, upravleniye v sel'skom khozyaystve = Economics, labor, management in agriculture*. 2021;(5(74):96-105. (In Russ.).

12. Krošláková V, Kubičková L, Jurkovičová N. Dynamics of high growth enterprises-“gazelles”-in Czech Republic. *Problemy i perspektivy v menedzhmente = Problems and Perspectives in Management*. 2015;(13(2):27-35.
13. Todd A, Taylor B. The baby sharks: Strategies of Britain’s supergrowth companies. *Dolgosrochnoe planirovanie = Long Range Planning*. 1993;(26(2):69-77. DOI: 10.1016/0024-6301(93)90137-5.
14. NESTA. Vital growth. The importance of high-growth businesses to the recovery. London, NESTA Publ.; 2011.
15. Mogos S, Davis A, Baptista R. High and sustainable growth: Persistence, volatility, and survival of high growth firms. *Evrasijskij biznes-obzor = Eurasian Business Review*. 2021;(11(1):135-161. DOI: 10.1007/s40821-020-00161-x.
16. Benedetti FC et al. High Growth Enterprises in the COVID-19 Crisis Context demographics, environmental innovations, digitalization, finance and policy measures. *Lyuksemburg: Izdatel'skoe byuro Evropejskogo soyuza = Luxembourg, Publications Office of the European Union*. 2021. DOI: 10.2760/63402.
17. Greene FJ, Rosiello A, Golra O, Vidmar M. Analysing Resilience in High Growth Firms at the Onset of COVID-19 Crisis. *Novye idei o proizvoditel'nosti = Productivity Insights Network*; 2020.
18. Coad A, Amaral-Garcia S, Bauer P, Domnick C, Harasztosi P, Pal R, Teruel M. High-Growth Enterprises in times of COVID-19: an overview. In: *Rabochie dokumenty JRC po korporativnym issledovaniyam i razrabotkam i innovaciyam. Sevil'ya, Evropejskaya komissiya = JRC Working Papers on Corporate R&D and Innovation*. Seville, European Commission; 2022.
19. Polunin YuA, Yudanov AYu. Russian fast-growing companies: testing by depression. *Mir novoy ekonomiki = The world of the New Economy*. 2016;(2):103-112. (In Russ.).
20. Medovnikov DS, Rozmirovich SD. Russian high-growth firms: Population size, innovativeness, attitude to state support. Moscow, NIU VSHE; 2021. 104 p. (In Russ.).
21. Kirillov YuG, Konovalov IA, Yenza EK. Fast-growing companies: quality of growth, regional dimension. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Economics, entrepreneurship and law*. 2022;12(1):103-118. DOI: 10.18334/epp.12.1.114048. (In Russ.).
22. Alekseyev PV. Main trends in the development of fast-growing companies in modern conditions. *Innovatsii. Nauka. Obrazovaniye = Innovation. Science. Education*. 2021;(33):614-618. (In Russ.).
23. Krylova TV, Mal'tseva SM, Ryzhakova KA. Success factors and features of strategies of fast-growing companies (using the example of “Vkusville”). *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye = Azimuth of scientific research: Economics and Management*. 2021;102(35):215-218. DOI 10.26140/anie-2021-1002-0039. (In Russ.).
24. Beloliptsev IA, Chuvilin DV, Beloliptsev II. Study of the phenomenon of fast-growing companies in the Republic of Bashkortostan using the example of small and medium-sized businesses. Moscow; 2021. 286 p. (In Russ.).
25. Rozminovich S. Russian fast-growing companies: growth against the backdrop of the COVID crisis. *Kruglyy stol “Bystrorastushchiye kompanii: mery i instrumenty podderzhki — rossiyskiy i mezhdunarodnyy opyt” = Round table “Fast-growing companies: measures and support tools — Russian and international experience”*. 2022.
26. Pletnev D, Naumova K. Russian transport high-growth firms during the COVID-19 pandemic. *Process transportnykh issledovaniy = Transportation Research Procedia*. 2022;(63):2542-2549. DOI: 10.1016/j.trpro.2022.06.293.
27. Pletnev D, Naumova K. High-Growth Middle-Sized Firms’ Performance During the Pandemic (Russian Case). *Mezhdunarodnyy zhurnal po innovaciyam i tekhnologicheskemu menedzhmentu = International Journal of Innovation and Technology Management*. 2023;20(05):2350031.
28. Pletnev D, Naumova K. Cross-Industrial Analysis of High-Growth Firm Performance During the Pandemic: Middle-Sized Russian Firms’ Evidence. *Evrasijskie issledovaniya v oblasti biznesa i ekonomiki = Eurasian Studies in Business and Economics*. 2023;(26):101-119.
29. Kosolapova MV, Svobodin VA. Complex economic analysis of economic activity. Moscow; 2020. 247 p. (In Russ.).
30. Solov'yeva NA, Shovkhalov SHA. Comprehensive analysis of economic activity. Krasnoyarsk; 2016. 113 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. А. Плетнёв — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

К. А. Наумова — младший научный сотрудник кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the author

D. A. Pletnev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of the Institute of Economics of Industry, Business and Administration.

K. A. Naumova — Junior Researcher of the Department of Industry and Market Economics.

Статья поступила в редакцию 15.10.2023; одобрена после рецензирования 02.11.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 15.10.2023; approved after reviewing 02.11.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 338.48

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-128-137

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ТУРИЗМА В РЕГИОНЕ

Ольга Николаевна Митрофанова

Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия, olga-mitrof@yandex.ru, ORCID 0000-0001-7540-3347

Аннотация. Рассматриваются вопросы перспектив развития промышленного туризма в Липецкой области. Туризм как никогда играет важную роль в экономическом, социальном и культурном развитии страны и региона в отдельности, а также является ключевым фактором успеха для местного сообщества. Огромные возможности индустриальных путешествий и экскурсий в России подтверждает их включение в перечень перспективных направлений Стратегии развития туризма в России на период до 2035 г. Актуальность темы исследования определяется тем, что предприятия производственного назначения (предприятия АПК, предприятия металлургического комплекса и перерабатывающей промышленности, энергоснабжающие предприятия, а также предприятия Особых экономических зон и промышленных кластеров), действующие на территории Российской Федерации, могут быть вовлечены в маршруты современных промышленных туров. Цель исследования — выявить тенденции развития промышленного туризма, а также проанализировать процесс становления промышленного туризма в регионах Российской Федерации. Объектом исследования является туристическая отрасль, существующая в Липецкой области в настоящее время, и тенденции развития промышленного туризма в регионе. Исследование базировалось на изучении отечественного опыта развития промышленного туризма. Автором проведен ретроспективный анализ туристической деятельности в Липецкой области в разрезе ЦФО РФ. Представлена сравнительная характеристика развития туризма Липецкой области с регионами — лидерами промышленного туризма. Определены точки развития промышленного туризма в регионе.

Ключевые слова: промышленный туризм, коллективное средство размещения, предприятие, регион, туризм, экскурсия

Для цитирования: Митрофанова О. Н. Перспективы развития промышленного туризма в регионе // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 128–137. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-128-137.

Original article

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL TOURISM IN THE REGION

Olga N. Mitrofanova

Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia, olga-mitrof@yandex.ru, ORCID 0000-0001-7540-3347

Abstract. The article discusses the prospects for the development of industrial tourism in the Lipetsk region. Tourism more than ever plays an important role in the economic, social and cultural development of the country and the region separately, and is also a key success factor for the local community. The huge opportunities of industrial travel and excursions in Russia confirm their inclusion in the list of promising areas of the Tourism Development Strategy in Russia for the period up to 2035. The relevance of the research topic is determined by the fact that industrial enterprises (agricultural enterprises, enterprises of the metallurgical complex and processing industry, energy supply enterprises, as well as enterprises of Special economic zones and industrial clusters) operating on the territory of the Russian Federation can be involved in the routes of modern industrial tours. The purpose of the study is to identify trends in the development of industrial tourism, as well as to analyze the process of formation of industrial tourism in the regions of the Russian Federation. The object of the study is the tourism industry that currently exists

in the Lipetsk region, and the trends in the development of industrial tourism in the region. The study was based on the study of domestic experience in the development of industrial tourism. The author conducted a retrospective analysis of tourist activity in the Lipetsk region in the context of the Central Federal District of the Russian Federation. A comparative characteristic of the development of tourism in the Lipetsk region with the leading regions of industrial tourism is presented. The points of development of industrial tourism in the region have been identified.

Keywords: industrial tourism, collective accommodation facility, enterprise, region, tourism, excursion

For citation: Mitrofanova ON. Prospects for the Development of Industrial Tourism in the Region. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):128-137. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-128-137.

Введение

В современном мире люди занимаются туризмом для развлечения, отдыха и знакомства с новыми местами, культурами и людьми. Выделим факторы, которые оказывают положительное влияние на человека: улучшение физического и психического здоровья, развитие социальных навыков, развитие личности и культурное обогащение, повышение уровня образования [9; 12].

«Туризм становится важной точкой роста для всех регионов. Сейчас это одна из самых быстрорастущих отраслей экономики. Поэтому важно определить периметр отрасли, сфокусировать ресурсы на поддержке инвестиций в приоритетные сегменты, а также создать стимулы для легализации бизнеса», отмечает министр экономического развития РФ М. Г. Решетников¹.

Туризм является важным источником доходов для региона и способствует экономическому развитию и росту занятости [1; 3]. Можно выделить следующие преимущества:

1. Разнообразие экономики: туризм создает разнообразное экономическое портфолио, что может обеспечивать диверсификацию рисков и экономическую устойчивость [8].

2. Рост занятости: туристическая индустрия создает новые рабочие места и увеличивает уровень занятости [7].

3. Культурный обмен: туризм, как правило, содействует культурному обмену между людьми разных культурных традиций и расширению кругозора [10].

4. Развитие инфраструктуры: развитие туристической инфраструктуры приводит к улучшению качества жизни местных жителей и росту инвестиций [2].

¹ Стенограмма выступления М. Г. Решетникова на совещании Президента РФ с членами Правительства о развитии внутреннего туризма. URL: https://www.economy.gov.ru/material/about/collegium/stenogramma_vystupleniya_maksima_reshetnikova_na_sovmestnom_rasshirennom_zasedanii_kollegiy_minifina_i_minekonomrazvitiya.html (дата обращения 19.05.2023)

5. Повышение имиджа: туризм повышает международный имидж региона, что является важным фактором для привлечения международных инвестиций [11–14].

Таким образом, туризм играет важную роль в экономическом, социальном и культурном развитии региона и является ключевым фактором успеха для местного сообщества [6; 16].

Потенциал индустриальных путешествий и экскурсий в России подтверждает их включение в перечень перспективных направлений Стратегии развития туризма в России на период до 2035 г. «Промышленный туризм представляет собой сегмент туристской отрасли, для которой основным ресурсом являются действующие предприятия или промышленные объекты. Экскурсии на заводах начали проводить еще в XIX в. В 1886 г. американская компания Jack Daniel's первой открыла перед туристами двери в свою винокурню»².

В «Стратегии развития туризма в России до 2035 года» «промышленный туризм» определяется как «посещения и мероприятия на объекте, позволяющие посетителям понять процессы и секреты производства, относящиеся к прошлому, настоящему или будущему»³.

Реализацией проекта по развитию промышленного туризма в Российской Федерации занимается АНО «Агентство стратегических инициатив».

На сайте проекта перечислены основные задачи промышленного туризма: «профориентация для школьников и студентов, обмен знаниями между специалистами предприятий, повыше-

² Подвочатная В. Промышленный туризм в России: вызовы и перспективы // *CongressTime*. 2021. № 4 (17). С. 33–35. URL: [https://ruef.ru/assets/files/editions/CongressTime%204%20\(17\)%202021.pdf](https://ruef.ru/assets/files/editions/CongressTime%204%20(17)%202021.pdf) (дата обращения 19.05.2023).

³ Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р (ред. от 07.02.2022) «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333756/?ysclid=lhum7pce7v653196345 (дата обращения 19.05.2023).

ние инвестиционной привлекательности регионов РФ, презентация территориальных брендов и продукции, организация бизнес-миссий для профессиональных покупателей и продвижения экспортного потенциала, развитие внутреннего и въездного туризма регионов РФ»¹.

Вопросами развития промышленного туризма в России занимались К. О. Богомолова, Т. А. Танкиева, М. В. Пономарева [2], Г. С. Галкина, Н. Г. Троицкая, Е. И. Цветков [3], О. В. Журавлева [4; 16], Р. В. Кадыров, Р. Г. Мударисов [7], А. К. Костиков, Е. Н. Лихачев [8], В. И. Плещенко [11], Т. А. Танкиева, М. В. Пономарева [13], А. И. Ярембаш, Я. Н. Хомутовская, А. Н. Кузьминов [15], В. Г. Антонец [1], В. А. Загорская, Т. Е. Трофимова [5], А. Р. Исаакян, Е. Д. Бочкарева [6], Г. А. Никаноров, О. Р. Полякова [10], Т. П. Тельнова [14].

В. Г. Антонец выделяет положительные эффекты от развития промышленного туризма, поскольку он «...является основанием роста эффективности всех предприятий, что создает высокий мультипликативный эффект от его развития» [1]. В. Г. Антонец отмечает «Промышленный туризм вовлекает в отрасль своей деятельности сопутствующие секторы: предприятия туризма, транспорта, размещения, питания, связь, торговлю, банки и финансовое обслуживание, индустрию развлечений и стимулирующее влияет на их развитие» [1].

Т. А. Танкиева отмечает, что «Промышленный туризм рассматривается не только как источник дополнительных доходов, но и как инструмент маркетинга или брендинга промышленно развитых территорий» [13].

Актуальность темы исследования определяется тем, что предприятия производственного назначения (предприятия АПК, предприятия металлургического комплекса и перерабатывающей промышленности, энергоснабжающие предприятия, а также предприятия Особых экономических зон и промышленных кластеров), действующие на территории Российской Федерации, могут быть вовлечены в маршруты современных промышленных туров.

Цель исследования — выявить тенденции развития промышленного туризма, а также проанализировать процесс становления промышленного туризма в регионах Российской Федерации. Объектом исследования является туристическая от-

расль, существующая в Липецкой области в настоящее время, и тенденции развития промышленного туризма в регионе.

Материалы и методы исследования

В исследовании использованы такие методы, как описание, анализ и синтез, обобщение, графический и статистический методы. Теоретико-методологической основой исследования выступили труды отечественных ученых в области промышленного туризма, нормативно-правовые акты, статистические данные, официальные сайты органов власти и ассоциаций туризма, данные официальных средств массовой информации.

Анализ туристической отрасли в Липецкой области

К регионам с устойчивыми темпами развития туризма можно отнести Липецкую область. «Повышение конкурентоспособности региона на рынке туризма связано с развитием туристских агломераций (Липецкая и Елецко-Задонская), имеющих выраженный спектр специализации территорий опережающего развития (деловой, культурно-познавательный, образовательный, сельский, лечебно-оздоровительный, религиозный/паломнический виды туризма)»².

Данные о численности коллективных средств размещения в субъектах ЦФО за 2017–2021 гг. представлены в табл. 1.

В период 2015–2016 гг. в субъектах ЦФО наблюдается сокращение численности коллективных средств размещения. В 2017–2018 гг. в регионах ЦФО можно наблюдать определенную стагнацию по числу коллективных средств размещения и даже в отдельных регионах рост. В большинстве регионов за последние три года произошло увеличение числа коллективных средств размещения. К 2021 г. практически во всех субъектах отмечен рост (за исключением г. Москвы). В таких субъектах, как Ивановская и Московская области, данный показатель увеличился на 30 и 20 % соответственно.

В Липецкой области за исследуемый период отмечен рост числа коллективных размещений начиная с 2018 г. В 2021 г. это показатель увеличился на 5 %.

Данные о численности размещенных в коллективных средствах размещения в субъектах ЦФО

¹ Сайт проекта «Промышленный туризм». URL: <https://promtourism.ru/about/> (дата обращения 19.05.2023).

² Туризм в Липецкой области. URL: <https://48.rosstat.gov.ru/news/document/181109> (дата обращения 19.05.2023).

**Динамика численности коллективных средств размещения в ЦФО за 2015–2021 гг.
Dynamics of the number of collective accommodation facilities in the Central Federal District
for 2015-2021**

Субъект Федерации	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Белгородская область	114	144	171	177	185	186	182
Брянская область	91	82	107	119	124	134	141
Владимирская область	232	198	239	241	246	246	247
Воронежская область	216	218	254	254	250	253	269
Ивановская область	75	78	102	110	111	106	151
Калужская область	179	175	183	187	197	198	201
Костромская область	81	87	90	116	108	113	118
Курская область	99	112	135	134	131	132	125
Липецкая область	83	91	117	133	131	138	146
Московская область	574	571	568	605	713	730	908
Орловская область	56	60	72	76	75	86	88
Рязанская область	135	143	153	156	164	168	161
Смоленская область	114	110	121	125	139	156	162
Тамбовская область	80	89	100	123	121	119	125
Тверская область	218	194	238	248	264	275	294
Тульская область	147	153	179	175	186	186	192
Ярославская область	175	161	203	203	228	221	221
г. Москва	829	1 170	1 323	1 593	1 548	1 170	1 250

Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения 19.05.2023).

на 1 000 чел. населения за 2021 г. представлены на рис. 1.

Липецкая область заняла 11-е место по ЦФО, опережая Ивановскую область, входящую в Золотое кольцо (ЗК) РФ, и 54-е место по РФ по численности размещенных в КСМ. В целом численность граждан Российской Федерации увеличивается в целом по субъектам ЦФО и Липецкой области в частности.

«На территории Липецкой области в 2021 г. осуществляли деятельность 100 туристских фирм, в том числе 97 занимались только турагентской деятельностью, а 3 организации — туроператорской и турагентской деятельностью. В рамках въездного туризма, в 2021 г. в Липецкой области действовало 146 организаций для размещения туристов: это гостиницы, хостелы, мотели, санатории и т. д. В них ждали гостей 4,3 тыс. номеров, способных вместить 12 тыс. человек. Всего в прошлом году в средствах размещения останавливалось 265 тыс. гостей»¹.

¹ Туризм в Липецкой области. URL: <https://48.rosstat.gov.ru/news/document/181109> (дата обращения 19.05.2023).

Рис. 1. Численность размещенных лиц в коллективных средствах размещения в субъектах ЦФО на 1000 чел. населения в 2021 г.
Fig. 1. The number of persons accommodated in collective accommodation facilities in the subjects of the Central Federal District per 1000 people of the population, for 2021.

Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения 19.05.2023)

Больше всего в Липецкой области гостиниц и аналогичных средств размещения — 112 единиц, 5 санаторно-курортных организаций, 26 баз отдыха и турбаз, а также 3 кемпинга.

Анализируя доходность коллективных средств размещения от предоставляемых услуг без НДС, акцизов и аналогичных платежей за 2015–2021 гг., необходимо обратиться к табл. 2.

В 2021 г. во всех субъектах ЦФО отмечен рост доходов коллективных средств, кроме г. Москвы. В 2020 г. подобная синхронность, только в сторону сокращения доходов, также наблюдалась во всех субъектах ЦФО. В 2015–2017 гг. в субъектах отмечается в основном сокращение доходности и только некоторые регионы, такие как Орловская область (2015–2017 гг.), Смоленская область (2015–2016 гг.), Воронежская и Ивановская области (2016–2017 гг.), смогли нарастить этот показатель.

По объему доходов коллективных средств размещения в 2021 г. Липецкая область находилась на 14-м месте по ЦФО. В 2015 и 2018 г. в Липецкой области наблюдалось определенное снижение доходов коллективных средств размещения относительно прошедших периодов. В 2017 и 2019 г. в регионе наблюдалось увеличение доходности на 22 и 20 % соответственно.

Данные о затратах коллективного средства размещения, связанные с производством и реализацией продукции (работ, услуг, товаров) в Липецкой области за 2015–2021 гг., представлены на рис. 2.

В целом данный показатель имеет схожую тенденцию с субъектами ЦФО. С 2015 по 2017 г. наблюдалось увеличение затрат, в 2018 г. в Липецкой области отмечена стагнация данного показателя, в то время как в ЦФО наблюдался рост до 2019 г. включительно. С 2019 г. в Липецкой об-

Таблица 2

Table 2

Динамика доходов коллективных средств размещения от предоставляемых услуг без НДС, акцизов и аналогичных платежей в ЦФО за 2015–2021 гг., тыс. руб.

Dynamics of income of collective accommodation facilities from services provided without VAT, excise taxes and similar payments in the Central Federal District for 2015–2021, thousand rubles

Субъект Федерации	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Белгородская область	1 081 082,9	1 308 480,4	1 532 138,8	1 563 594,3	1 736 164,7	1 357 670,0	2 016 408,2
Брянская область	860 113,7	864 010,4	972 663,1	1 096 465,3	1 108 338,2	855 931,7	1 419 459,7
Владимирская область	2 423 144,7	2 602 559,2	2 738 444,6	2 848 218,1	2 927 237,4	1 751 496,8	3 546 856,9
Воронежская область	2 637 397,1	2 816 120,3	2 788 266,5	2 939 754,7	3 104 863,0	2 012 401,6	3 113 358,7
Ивановская область	1 422 714,1	1 566 384,3	1 636 016,6	1 817 933,6	1 795 250,2	1 011 140,2	1 770 226,7
Калужская область	2 778 111,7	2 329 455,7	2 441 057,6	2 825 523,1	3 045 934,5	2 092 307,8	3 462 820,4
Костромская область	1 014 412,0	1 184 565,3	1 224 050,4	1 398 270,6	1 552 883,4	1 213 712,7	1 840 705,7
Курская область	930 769,3	932 134,0	964 686,2	978 649,5	1 074 975,3	821 704,2	1 223 641,4
Липецкая область	954 633,8	1 018 019,8	1 310 663,4	989 490,1	1 239 514,6	819 014,5	1 358 897,6
Московская область	19 145 372,2	21 862 955,5	23 105 204,6	27 719 798,1	37 250 081,6	21 594 534,0	35 466 608,3
Орловская область	632 197,3	630 128,4	654 542,8	701 701,1	715 639,6	363 283,6	637 288,6
Рязанская область	1 104 723,3	1 422 682,4	1 568 975,1	1 681 673,0	1 699 341,7	1 378 313,5	2 430 662,6
Смоленская область	1 034 845,6	1 014 147,3	923 180,0	954 212,4	998 622,3	697 673,7	1 128 838,8
Тамбовская область	692 918,5	642 146,6	669 931,3	714 772,5	829 621,2	540 419,9	878 200,5
Тверская область	3 913 933,0	3 510 770,4	4 340 446,2	4 588 772,1	5 312 267,0	3 865 866,5	5 906 695,7
Тульская область	2 203 718,9	1 919 305,8	1 950 120,4	1 995 108,2	2 334 298,5	1 543 657,8	2 372 416,6
Ярославская область	3 190 736,2	3 096 272,1	3 389 164,1	3 459 735,3	3 829 500,2	2 985 698,5	5 173 552,7
г. Москва	55 133 303,6	71 691 116,4	109 162 522,2	140 569 277,4	138 656 492,0	43 427 672,8	69 371 839,0

Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения 19.05.2023).

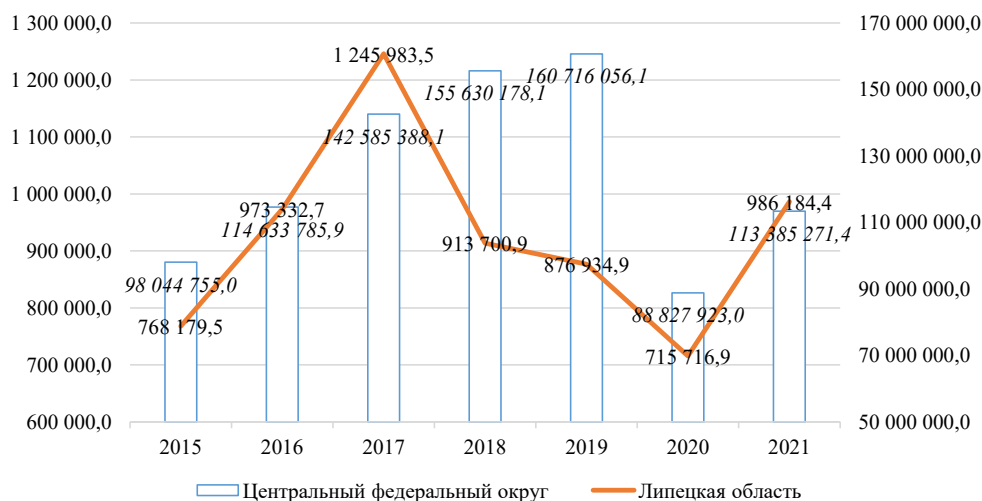

Рис. 2. Динамика затрат коллективного средства размещения, связанных с производством и реализацией продукции (работ, услуг, товаров) в Липецкой области, тыс. руб.

Fig. 2. Dynamics of costs of collective accommodation facilities related to the production and sale of products (works, services, goods) in the Lipetsk region, thousand rubles

Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения 19.05.2023).

ласти наблюдалось сокращение затрат, в 2021 г. этот показатель немного увеличился, как и в целом по ЦФО.

Анализ туристской отрасли в Липецкой области отражает значительное снижение региона в Национальном туристическом рейтинге за 2022 г. (56-е место и 53,6 балла)¹, в 2021 г. область была на 34-м месте (69,8 балла)¹.

Тенденции развития промышленного туризма в Липецкой области

Объективную информацию о состоянии индустрии предоставляет рейтинг «Промышленный туризм: лидеры России». В номинации «Лидеры регионов России» (по посещаемости, 2021 — 1-е полугодие 2022 г.) представлено семь регионов. Каждое представленное в этой номинации предприятие является лидером в своем регионе по итогам данного рейтинга².

Сравним основные показатели Липецкой области с регионами-победителями в номинации «Лидеры регионов России» (рис. 3–4). Из семи предприятий, победивших в номинации четыре, являются представителями металлургической отрасли. Выделим их для наглядности.

¹ Национальный туристический рейтинг 2022. URL: <https://russia-rating.ru/info/21283.html> (дата обращения 19.05.2023).

² Деловой портал «Управление производством». URL: <https://up-pro.ru/promyshlennyj-turizm/promyshlennyj-turizm-lidery-rossii-2022/> (дата обращения 19.05.2023).

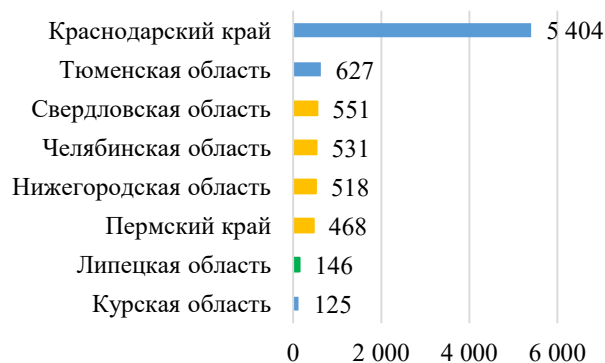

Рис. 3. Число коллективных средств размещения в 2021 году (Липецкая область vs. регионы-лидеры промышленного туризма)

Fig. 3. The number of collective accommodation facilities in 2021 (Lipetsk region VS the leading regions of industrial tourism)

Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения 19.05.2023)

В данном сравнении Липецкая область не уступает только Курской области. Можно отметить, что регионы-лидеры, в которых находятся предприятия-лидеры, относящиеся к металлургической отрасли, имеют примерно одинаковое число коллективных средств размещения, в Пермском крае чуть меньше. По доходам коллективных средств размещения от предоставляемых услуг они также близки к друг другу, за исключением Свердловской области.

«В это время их “коллеги по цеху” — НЛМК — не предоставляют услуг промышленного туризма. Жителей

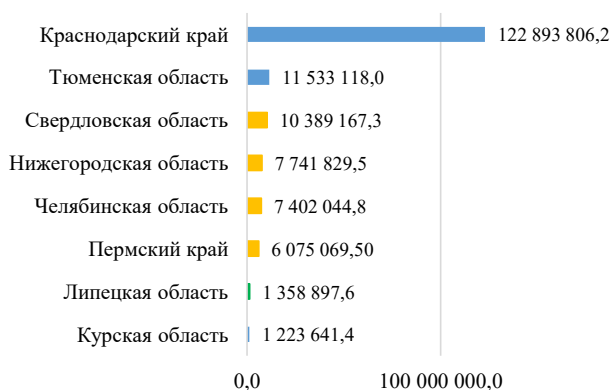

Рис. 4. Доходы коллективных средств размещения от предоставляемых услуг без НДС, акцизов и аналогичных платежей в 2021 году, тыс. руб. (Липецкая область VS Регионы-лидеры промышленного туризма)

Fig. 4. Income of collective accommodation facilities from services provided without VAT, excise taxes and similar payments in 2021, thousand rubles (Lipetsk region VS Regions-leaders of industrial tourism)

Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения 19.05.2023)

Липецка с детьми приглашают посетить комбинат с экскурсией раз в год — на День металлурга»¹.

ПАО «НЛМК» — крупнейшая компания России, а в своей отрасли — также и одна из крупнейших компаний мира, является флагманом экономики Липецкой области. Экскурсии пользуются повышенным спросом среди населения, но ПАО «НЛМК» не планирует масштабировать подобную практику.

Несмотря на то, что ПАО «НЛМК» не стремится развивать промышленный туризм в регионе, имея для этого все возможности, другие липецкие предприниматели активно занимают эту нишу.

Перечисленные в Стратегии социально-экономического развития Липецкой области до 2030 г. приоритетные виды туризма Липецкой области: «событийный туризм, культурно-познавательный туризм, паломнический туризм, детский туризм, экологический и сельский туризм и деловой туризм»², не исключают развития в Липецкой области промышленного туризма.

¹ Печь вместо пляжа: есть ли в Черноземье промышленный туризм. // РБК: URL: https://chr.rbc.ru/chr/freenews/63c96c039a7947b2b6482200?from=from_main_10 (дата обращения 19.05.2023).

² Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2030 года. URL: https://липецкаяобласть.пф/storage/docs/strategy/strategy_SER_2030.pdf (дата обращения 19.05.2023).

Проект «Промышленный туризм» в Липецкой области стартовал в октябре 2022 г. В настоящее время организуют и проводят экскурсии следующие предприятия Липецкой области:

ООО «Фабрика НХП «Елецкие кружева»»;
 ООО «Елецкое пиво»;
 ООО ГК «ТРИО»;
 МБУ «Технопарк-Липецк»;
 ООО «Липецкая Кофейная Компания»;
 АО ОЭЗ ППТ «Липецк»;
 АО «Липецкцемент»;
 ООО «Моторинвест»;
 ПАО «Грязинский культиваторный завод»;
 ООО «Липецкая трубная компания «Свободный сокол»»³.

Курирует вопросы развития промышленного туризма в Липецкой области заместитель начальника отдела промышленности и инноваций управления инвестиций и инноваций Липецкой области.

На сайте promtourism.online представлены пока только два липецких предприятия. С помощью удобного интерфейса можно познакомиться с предприятиями онлайн, а также узнать информацию о предстоящих экскурсиях и забронировать место в них⁴.

Липецкая область предлагает большое количество возможностей для промышленного туризма гостям и жителям региона. Процесс развития промышленного туризма в Липецкой области находится на сегодняшний день на начальном этапе.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует необходимость развития промышленного туризма в регионах Российской Федерации. Представленный ретроспективный анализ туристической деятельности в Липецкой области в разрезе ЦФО РФ выявляет потенциал развития туризма не только в регионе, но и в целом по стране. Сравнительная характеристика развития туризма Липецкой области с регионами — лидерами промышленного туризма позволила определить точки развития промышленного туризма в регионе. Исследование дает понимание определен-

³ Онлайн-путеводитель экскурсий по предприятиям Липецкой области. URL: <https://front2.admlr.lipetsk.ru/allCompany> (дата обращения 19.05.2023).

⁴ Онлайн-путеводитель экскурсий по предприятиям Липецкой области. URL: [https://promtourism.online/routes?tfc_sort\[441375464\]=created:desc&tfcharact:4911238\[441375464\]=Липецкая+область&tfdiv=:](https://promtourism.online/routes?tfc_sort[441375464]=created:desc&tfcharact:4911238[441375464]=Липецкая+область&tfdiv=:) (дата обращения 19.05.2023)

ной взаимосвязи: те регионы, которые являются лидерами промышленного туризма, не уступают своих позиций и в общих показателях по туризму в регионе.

Необходимость промышленного туризма заключается в том, чтобы показать туристам процесс производства промышленных товаров и услуг. Этот вид туризма позволяет не только насладиться новыми впечатлениями, но и получить знания о работе промышленных предприятий, их истории, технике и технологиях производства.

Промышленный туризм, как правило, становится стимулом для развития экономики региона и привлечения инвестиций. Он способствует укреплению имиджа предприятий и повышению их конкурентоспособности на рынке. Промыш-

ленный туризм в целом имеет положительный эффект на экономику, культуру и развитие региона.

Перспективы развития промышленного туризма в Липецкой области достаточно многообещающие. Региональные власти связывают развитие промышленного туризма прежде всего с областными предприятиями, но всё же надеюсь, что ПАО «НЛМК» пересмотрит свою точку зрения по этому вопросу.

Формирование культуры промышленного туризма в регионах Российской Федерации позволит достичь поставленных задач по развитию туризма, определенных в «Стратегии развития туризма в России до 2035 года».

Список источников

1. Антонец В. Г. Эффективность промышленного туризма и его влияние на социально-экономическое развитие региона // Сборник научных работ серии «Экономика». 2021. № 21. С. 5–14. DOI 10.5281/zenodo.4889688.
2. Богомолова К. О., Танкиева Т. А., Пономарева М. В. Развитие промышленного туризма в Тульской области // Сервис в России и за рубежом. 2018. Т. 12, № 3(81). С. 63–78. DOI 10.24411/1995-042X-2018-10305.
3. Галкина Г. С., Троицкая Н. Г., Цветков Е. И. Перспективы межотраслевого взаимодействия туризма и промышленных производств // Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы. 2019. Т. 15, № 1. С. 25–32.
4. Журавлева О. В., Митрофанова О. Н., Щетинина И. С. Развитие туризма в регионе на основе VR-технологии // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2022. № 4 (43). С. 106–113. DOI 10.21777/2587-554X-2022-4-106-113.
5. Загорская В. А., Трофимова Т. Е. Преобразование территорий бывших промышленных предприятий // Актуальные проблемы строительной отрасли и образования 2021 : сборник докладов Второй Национальной научной конференции, Москва, 08 декабря 2021 г. М. : Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, 2022. С. 505–510.
6. Исаакян А. Р., Бочкарева Е. Д. Промышленный туризм как способ продвижения компании // Актуальные проблемы инновационного развития ядерных технологий: Научная сессия НИЯУ МИФИ : материалы конференции, Северск, 12–16 апреля 2021 г. / под ред. М. Д. Носкова. Северск : Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», 2021. С. 104.
7. Кадыров Р. В., Мударисов Р. Г. Промышленный туризм как креативный маркетинг // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2018. № 8. С. 88–94.
8. Костиков, А. К., Лихачев Е. Н. Комплексная модель объектов промышленного туризма // Творчество и современность. 2020. № 1 (12). С. 27–34.
9. Круглов И. В., Кисова А. Е. Проблемы и перспективы развития международного туризма в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 12 (458). С. 150–159. DOI 10.47475/1994-2796-2021-11217.
10. Никаноров Г. А., Полякова О. Р. Перспективы развития промышленного туризма в свердловской и Челябинской области // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право: Сборник статей и тезисов, Москва, 22 апреля 2021 г. Т. 4. М. : Московский психолого-социальный университет, 2021. С. 309–315.
11. Плещенко В. И. Использование потенциала промышленного туризма металлургическими предприятиями современной России // Экономика промышленности. 2020. Т. 13, № 2. С. 218–224. DOI: 10.17073/2072-1633-2020-2-218-224.

12. Силова Е. С. Анализ развития индустрии туризма в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 7 (429). С. 110–117. DOI 10.24411/1994-2796-2019-10712.
13. Танкиева Т. А., Пономарева М. В. Исследование предпочтений потребителей и проблем развития промышленного туризма в старопромышленном регионе (на примере Тульской области) // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 1(49). С. 165–183. DOI 10.31737/2221-2264-2021-49-1-6.
14. Тельнова Т. П. Промышленный туризм: проблемы и тенденции развития // Проблемы и перспективы развития туризма в Российской Федерации : сборник научных трудов. Симферополь : Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2020. С. 181–187.
15. Ярембаш А. И., Хомутовская Я. Н., Кузьминов А. Н. [и др.] Теория организации промышленного туризма // Экономика. Менеджмент. Инновации. 2018. № 3(15). С. 75–77.
16. Трушкина Л. Э., Журавлева О. В., Митрофанова О. Н. Актуальные проблемы устойчивости развития сервиса и туризма на современном этапе // Цифровые технологии в развитии современных экономических систем : материалы всероссийской научно-исследовательской конференции, Липецк, 30 ноября 2022 года. Липецк : Липецкий государственный технический университет, 2023. С. 368–371.

References

1. Antonets V. The effectiveness of industrial tourism and its influence on the socio-economic development of the region. *Sbornik nauchnyh rabot serii «Ekonomika» = Collection of scientific works of the “Economics” series*. 2021;(21):5-14. DOI 10.5281/zenodo.4889688. (In Russ.).
2. Bogomolova K, Tankieva T, Ponomareva M. Development of industrial tourism in the Tula region. *Servis v Rossii i za rubezhom = Service in Russia and abroad*. 2018;12(3):63–78. DOI 10.24411/1995-042X-2018-10305. (In Russ.).
3. Galkina G, Troitskaya N, Tsvetkov E. Prospects for inter-industry interaction of tourism and industrial production. *Industriya turizma: vozmozhnosti, priority, problemy i perspektivy = Tourism industry: opportunities, priorities, problems and prospects*. 2019;15(1):25-32. (In Russ.).
4. Zhuravleva O, Mitrofanova O, Shchetinina I. Development of tourism in the region based on VR technology. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie = Bulletin of Moscow University. S. Yu. Witte. Series 1: Economics and management*. 2022;(4(43)):106-113. DOI 10.21777/2587-554X-2022-4-106-113. (In Russ.).
5. Zagorskaya V, Trofimova T. Transformation of territories of former industrial enterprises. In: Current problems of the construction industry and education — 2021: Collection of reports of the Second National Scientific Conference, Moscow, December 08, 2021. Moscow: National Research Moscow State University of Civil Engineering; 2022. Pp. 505–510. (In Russ.).
6. Isaakyan A, Bochkareva E. Industrial tourism as a way to promote a company. In: Current problems of innovative development of nuclear technologies: Scientific session of NRNU MEPhI: conference materials, Seversk, April 12–16, 2021 of the year / Edited by M. D. Noskova. SEVERSK: National Research Nuclear University “MEPhI”; 2021. 104 p. (In Russ.).
7. Kadyrov R, Mudarisov R. Industrial tourism as creative marketing. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2018;(8):88-94. (In Russ.).
8. Kostikov A, Likhachev E. Complex model of industrial tourism objects. *Tvorchestvo i sovremennost' = Creativity and modernity*. 2020;(1(12)):27-34. (In Russ.).
9. Kruglov I, Kisova A. Problems and prospects for the development of international tourism in Russia. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2021;(12(458)):150-159. DOI 10.47475/1994-2796-2021-11217. (In Russ.).
10. Nikanorov G, Polyakova O. Prospects for the development of industrial tourism in the Sverdlovsk and Chelyabinsk regions. Current problems of modern Russia: psychology, pedagogy, economics, management and law: Collection of articles and theses, Moscow, April 22, 2021. Editor-in-Chief I. V. Vologdina. Vol. 4. Moscow: Moscow Psychological and Social University; 2021. Pp. 309–315. (In Russ.).
11. Pleschenko V. Use of the potential of industrial tourism by metallurgical enterprises of modern Russia. *Ekonomika promyshlennosti = Industrial Economics*. 2020;13(2):218-224. DOI 10.17073/2072-1633-2020-2-218-224. (In Russ.).

12. Silova E. Analysis of the development of the tourism industry in Russia. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2019;(7(429)):110-117. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10712. (In Russ.).

13. Tankieva T, Ponomareva M. Study of consumer preferences and problems of development of industrial tourism in an old industrial region (using the example of the Tula region). *Zhurnal Novoj ekonomicheskoy associacii = Journal of the New Economic Association*. 2021;(1(49)):165-183. DOI 10.31737/2221-2264-2021-49-1-6. (In Russ.).

14. Telnova T. Industrial tourism: problems and development trends. Problems and prospects for the development of tourism in the Russian Federation: Collection of scientific papers. Simferopol; 2020. Pp. 181–187. (In Russ.).

15. Yarembash A, Khomutovskaya Ya, Kuzminov A. et al. Theory of organization of industrial tourism. *Ekonomika. Menedzhment. Innovacii = Economics. Management. Innovation*. 2018;(3(15)):75-77. (In Russ.).

16. Trushkina L, Zhuravleva O, Mitrofanova O. Current problems of sustainability of service and tourism development at the present stage. Digital technologies in the development of modern economic systems: Proceedings of the All-Russian Research Conference, Lipetsk, November 30, 2022. Lipetsk; 2023. Pp. 368–371. (In Russ.).

Информация об авторе

О. Н. Митрофанова — старший преподаватель кафедры государственного управления и менеджмента.

Information about the author

O. N. Mitrofanova — Senior Lecturer of the Department of Public Administration and Management.

Статья поступила в редакцию 14.06.2023; одобрена после рецензирования 11.11.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 14.06.2023; approved after reviewing 11.11.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 658.5.011

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-138-146

РОЛЬ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА К ИНФОРМИРОВАНИЮ В УПРАВЛЕНИИ ПРЕДПРИЯТИЕМ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Кирилл Анатольевич Котляр¹, Юлия Владимировна Бабанова^{2✉},
Радик Сасунович Антомян³

¹ АНО «Федеральный центр компетенций в сфере производительности труда», Москва, Россия, kakotliar@ppptrf.ru

² АНО «Федеральный центр компетенций в сфере производительности труда», Москва, Россия, yvbabanova@ppptrf.ru, ORCID 0000-0002-6141-3875

³ Региональный центр компетенций ОГАУ «Фонд развития промышленности Челябинской области», Челябинск, Россия, antonyan@frp74.ru

Аннотация. Эффективные коммуникации, как внутренние, так и внешние, являются основой развития предприятий любой сферы деятельности. Особенно остро вопрос информационного обмена проявляется в условиях нестабильности, когда эффективность управленческих решений зависит от оперативности реакции, обусловленной скоростью обмена данными. В настоящее время руководители используют целый комплекс инструментов информирования, однако зачастую без внимания остается их взаимное влияние. В связи с изложенным целью данного исследования является систематизация методов информирования, оценка их взаимного влияния и эффективности комплексного воздействия на развитие предприятия в условиях неопределенности. Для достижения цели были решены следующие задачи: во-первых, продемонстрирована значимость системного подхода к информированию; во-вторых, описаны и ранжированы различные методы информирования с учетом частоты их использования и эффективности применения. В-третьих, определены и описаны наиболее часто повторяющиеся ошибки, возникающие при внедрении отдельных инструментов информирования. Авторский подход к информированию с учетом системного влияния используемых методов друг на друга позволит более чем на 50 % сократить количество ошибок в принятых управленческих решениях в условиях высокой неопределенности внешней среды.

Ключевые слова: бережливое производство, методы информирования, день информирования, визуализация информации, обходы руководства, сменно-встречные собрания

Для цитирования: Котляр К. А., Бабанова Ю. В., Антомян Р. С. Роль системного подхода к информированию в управлении предприятием в условиях неопределённости // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 138–146. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-138-146.

Original article

THE ROLE OF A SYSTEMATIC APPROACH TO INFORMATION IN ENTERPRISE MANAGEMENT UNDER CONDITIONS OF UNCERTAINTY

Kirill A. Kotlyar¹, Yulia V. Babanova^{2✉}, Radik S. Antonyan³

¹ Federal Center of Competencies in the Field of Labor Productivity, Moscow, Russia, kakotliar@ppptrf.ru

² Federal Center of Competencies in the Field of Labor Productivity, Moscow, Russia, yvbabano-va@ppptrf.ru, ORCID 0000-0002-6141-3875

³ Regional Competencies Center State Fund for Industrial Development of the Chelyabinsk Region, Chelyabinsk, Russia, antonyan@frp74.ru

Abstract. Effective communications are the basis for the development of enterprises in any field of activity. The issue of information exchange is especially acute in conditions of instability, when the effectiveness of management de-

isions depends on the promptness of response due to the speed of data exchange. Currently, managers use a whole range of information tools, but their mutual influence often remains unnoticed. In connection with the above, the purpose of this study is to systematize information methods, assess their mutual influence and the effectiveness of the integrated impact on the development of an enterprise under conditions of uncertainty. To achieve the goal, the following tasks were solved: firstly, the importance of a systematic approach to information was demonstrated; secondly, various information methods are described and ranked, taking into account the frequency of their use and effectiveness of application. Thirdly, the most frequently repeated errors that arise when implementing individual information tools are identified and described. The author's approach to informing, taking into account the systemic influence of tools on each other, will reduce managerial errors by more than 50% in conditions of high uncertainty in the external environment.

Keywords: lean production, information tools, day of information, visualization of information, bypasses by management, shift meetings

For citation: Kotlyar KA, Babanova YuV, Antonyan RS. The Role of a Systematic Approach to Information in Enterprise Management Under Conditions of Uncertainty. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):138-146. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-138-146.

Введение

Современному миру свойственна высокая турбулентность [1]. Процессы трансформаций в технологиях, культуре, социуме и политике имеют настолько высокую динамику и широкий охват, что для описания факторов, которые их определяют, эксперты выстраивают различные концепции. Наиболее распространенными в последние годы стали два подхода: VUCA-мир и BANI-мир¹.

VUCA — это совокупность характеристик мира, развитие которого сопровождается высокой изменчивостью среды и трендов (Volatility), неопределенностью динамики развития (Uncertainty), сложностью взаимосвязей (Complexity) и неоднозначностью восприятия внешних и внутренних факторов (Ambiguity). BANI-мир представляет собой следующую ступень развития отмеченных в VUCA-мире тенденций: изменчивость настолько возрастает, что привычное окружающее нас пространство не просто меняется, а рассыпается, так как становится хрупким (Brittle). Неопределенность возрастает до такой степени, что полностью стирает возможность планирования, порождая тревожность (Anxious), обусловленную неизвестностью. Усложнение и без того непростых взаимосвязей различных событий и факторов перерастает в нелинейность (Nonlinear), а неоднозначность событийного ряда трансформируется в непостижимость (Incomprehensible). Тем самым то, что происходит с миром, с одной стороны, всё больше напоминает хаос,

с другой стороны, хаос — это тоже определенная форма организации и важно найти рычаги управления в данных условиях.

Для успешного функционирования бизнеса в подобной среде способность прогнозирования будущего уходит на второй план, приглашая на сцену управленческие инструменты, обеспечивающие адаптивность организации, способность гибко и оперативно реагировать на происходящие изменения. И важно подчеркнуть, что своевременность и точность реакции любого бизнеса в первую очередь определяется уровнем развития системы управления человеческим капиталом, а не техническими ресурсами. Любая система для функционирования требует информации; не является исключением и система управления человеческим капиталом предприятия. Однако именно этот элемент управления часто игнорируется и даже блокируется в кризисных ситуациях. Информирование является кровеносной системой любого предприятия, но оно не развивается в одно мгновение. Чтобы предприятие было готово к молниеносным изменениям, систему информирования следует развивать и поддерживать, что обеспечивается применением не разрозненных инструментов донесения информации, а целым комплексом подходов к ее поиску, анализу, формированию и применению [2]. Однако в настоящее время системному подходу к информированию как управленческому инструменту уделяется недостаточно внимания в научных исследованиях.

В связи с вышеизложенным целью данной статьи является систематизация методов информирования, оценка их взаимного влияния и комплексного воздействия на развитие предприятия в условиях неопределенности.

¹ Тимофеев М. Как мы попали из VUCA в BANI-мир и что нам в нём делать. URL: <https://netology.ru/blog/04-2022-bani-world>. BANI versus VUCA: a new acronym to describe the world. URL: <https://stephangrabmeier.de/bani-versus-vuca/#infographic>.

Материалы и методы исследования

В процессе достижения цели авторы проанализировали опыт коммуникаций и использования различных методов информирования более чем на пяти тысячах предприятий-участников Национального проекта «Производительность труда»¹ из следующих отраслей: обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство, ЖКХ, торговля, транспортировка и хранение, строительство. При этом проведенные наблюдения, опросы, анкетирования руководителей и сотрудников предприятий позволили сделать ценные и обоснованные выводы. Измерение влияния методов информирования на качество принимаемых управленческих решений с помощью экстраполяции привело к обобщенным выводам, подтвержденным статистическими данными.

Кроме того, в качестве основы исследования были взяты выводы, полученные в результате анализа и обобщения имеющихся научных работ в сфере управленческих коммуникаций.

В ходе исследования авторы провели наблюдение за динамикой результатов деятельности более сотни предприятий в период последних геополитических изменений и выявили, что те управленческие команды, которые использовали инструментарий бережливого производства, легче преодолели сложные условия экономической и политической нестабильности и быстрее адаптировались к сложившейся ситуации. По результатам исследования авторы пришли к выводу, что для повышения гибкости и сокращения времени на адаптацию в условиях высокой турбулентности внешней среды необходимо использовать информирование как управленческий инструментарий бережливого производства, который субъективно считается вспомогательным и не имеет широкого применения.

Результаты исследования

В условиях динамичной среды скорость и качество реакции предприятия на воздействие различных факторов зависит от объема информации, которая используется для принятия решений в различных областях. И если ее недостаточно, то тогда начинают выстраиваться гипотезы, вероятность подтверждения которых довольно низка. Для снижения количества потенциальных ошибок при принятии управленческих решений необходимо повышать объем и качество используемой информации, а это является прямым ре-

¹ Платформа для повышения производительности. URL: <https://производительность.рф>.

зультатом функционирования системы информирования. Зависимость качества управленческих решений от информирования для руководителей различных уровней была исследована авторами на предприятиях — участниках Национального проекта «Производительность труда» (рис. 1), которых на данный момент более пяти тысяч.

Для распространения информации в масштабах всего предприятия используется информирование (общее информационное поле). Информирование как отдельный инструмент управления активно начали освещать в рамках внедрения бережливого производства. До этого менеджмент относил информирование к системе коммуникаций и не уделял ему должного внимания [3–6].

В настоящее время существует ряд подходов к информированию, чаще под данным термином подразумевается доведение какой-либо ранее неизвестной информации до людей через различные средства связи (в основном массового характера), согласно другому подходу, информирование — это передача управленческой или оперативной информации по процессам [7–10].

Независимо от подхода применяются различные методы информирования, которые большинство авторов разделяют на следующие группы:

- информационные, те, которые передают ту или иную информацию (СМИ, стенды, корпоративный сайт, печатные материалы);
- аналитические, те, которые позволяют вывить мнение или собрать идеи (ящики для сбора ППУ, анкетирование, фокус-группы);
- коммуникативные, те, которые используются для взаимодействия (корпоративные мероприятия, обучение, профессиональные соревнования);
- организационные, те, которые применяются для непосредственного доведения информации до целевой аудитории (собрания, совещания, выступление руководства на мероприятиях)².

Важность данной классификации методов информирования не вызывает сомнения, однако в ней отсутствует отражение взаимного влияния данных групп информирования друг на друга, что приводит к снижению эффективности их применения. Существующие подходы к определению информирования [11] не отражают оценку результативности информирования как процесса. Использование методов без логической взаимосвязи и конечной цели может привести к от-

² Информирование персонала: задачи, подводные камни, решения. URL: <https://corpmedia.ru/novosti-otrasley/upravlenie-personalom/informirovanie-personala-zadachi-podvodnye-kamni-resheniya>.

Рис. 1. Зависимость качества принимаемых управленческих решений от уровня систематизации методов информирования

Fig. 1. The dependence of the quality of management decisions on the level of systematization of information methods

Источник: составлено авторами, на основе проведенного исследования за 2022–2023 г.

рицательному влиянию их друг на друга или отсутствию результата информирования в целом, например, предоставление противоречивой или неполной информации из разных источников негативно влияет на качество управленческих решений на разных уровнях [12].

Рассмотрим данное явление на примере ситуации завода по мясопереработке. На предприятии для донесения информации до сотрудников используют корпоративную газету, сайт компании и оперативные совещания руководителей различных уровней. Учитывая, что информация на стендах обновляется не чаще, чем один раз в месяц, а на портале данные обновляются ежедневно, работник для выполнения сменного задания взял информацию с ближайшего к нему источника — стенда в цехе, а не более актуальную с портала. Как следствие, для производства продукции была использована неактуальная рецептура, что привело к большому количеству рекламаций со стороны клиентов завода.

Исходя из вышеизложенного авторское понимание информирования состоит в следующем: информирование — это совокупность взаимосвязанных методов донесения информации, направленных на сокращение количества неверных решений, допущенных по причине отсутствия или недостаточности информированности по тем или иным вопросам.

Индикатором качества информирования, с учетом всех взаимосвязей, является доля принятия верных решений в управленческих задачах.

В качестве примера учета взаимосвязей в применении совокупности методов информирования

- Низкий уровень информирования и низкий уровень качества принимаемых решений
- Низкий уровень информирования и высокий уровень качества принимаемых решений
- Высокий уровень информирования и низкий уровень качества принимаемых решений
- Высокий уровень информирования и высокий уровень качества принимаемых решений

можно вспомнить долю, вакцинировавшихся от COVID-19 в разные периоды. В самом начале пандемии при отсутствии информации многие были готовы согласиться на прививку, но при появлении множества разрозненной и противоречивой информации большинство приняли решение об отказе от вакцинации. После того как информация о необходимости вакцинирования стала подаваться системно, то есть регулярно, однообразно из большинства источников и логично аргументированная, доля согласия на вакцинацию стала увеличиваться. Таким образом, системный подход к информированию обеспечивает успешный результат в достижении целей.

Далее рассмотрим методы информирования, которые необходимо использовать руководству предприятия для эффективного движения к целям компании.

Проанализировав опыт использования методов информирования на предприятиях — участниках нацпроекта «Производительность труда» (рис. 1), авторы предлагают детально рассмотреть наиболее значимые, систематизировав их по степени результативности.

К одному из ключевых методов информирования можно отнести день информирования от первого лица компании [13]. Как показывает практика, такие события проводятся не реже одного раза в квартал; их основная задача довести до персонала текущую ситуацию в компании, о том, какие у компании перспективы, риски и возможности. В условиях нестабильной геополитической ситуации или кризисного времени рекомендуется проводить такие события не реже одного раза

в месяц или при появлении значимого объема информации извне. Большинство топ-менеджеров отмечают, что одним из обязательных условий результативности данного метода является проведение дня информирования именно первым лицом компании, поскольку при появлении звеньев, «передающих» информацию, велик риск искажения информации или ее некорректной интерпретации, о чем сказали при опросе 9 из 10 руководителей. Также отмечается, что если выступает не первое лицо компании, то это может создать ложное ощущение безразличия руководства к проблемам работников.

Если говорить о способах проведения дня информирования, то все руководители отметили одинаково высокую эффективность как офлайн-методов, например, сбор в конференц-зале, так и онлайн-версии с применением Zoom, Skype, Яндекс Телемост и т. д.

Следующим по результативности методом информирования сотрудников руководители компаний отметили новостную рассылку, реализуемую через корпоративную сеть. При этом отмечается, что высокое значение качества новостного контента повышает его восприятие. Информация должна быть подана с использованием технологий маркетинга, то есть должны быть учтены особенности восприятия ее аудиторией, до которой ее доносят. Кроме того, немаловажное значение имеет длина и структура сообщений, применение современных мессенджеров и методов привлечения внимания. 99 % респондентов утверждают, что практически полностью не работают рассылки с сухим изложением выдержек из регламентной документации.

Далее рассмотрим такой метод, как визуализация информации на территории предприятия. Сюда можно отнести такие способы, как информационные стенды, плакаты, доски почета, информационные доски и т. д. На текущий момент существует много мнений и методик о том, как наполнять и управлять данным инструментом [14]. Можно даже сказать, что не существует однозначной договоренности среди руководителей предприятий, что считать информационным центром. Одни придерживаются мнения, что для передачи информации достаточно размещать выдержки из регламентов, нормативно-техническую документацию, информацию о происшествиях по охране труда и технике безопасности (ОТиТБ) и датах рождения, другие же считают, что необходимо иметь целые информационные проспекты или комнаты сменно-встречных со-

браний, в которых размещать все операционные показатели эффективности работы предприятия. Чтобы однозначно ответить на данный вопрос, авторами был проведен опрос получателей такой информации, а именно работников предприятий. В выборку вошло более 1000 представителей цеховых профессий и подразделений офисного типа, от рабочих специальностей до менеджеров среднего звена. Итоговые данные однозначно говорят, что 95 % сотрудников считают, что максимально востребована для них та информация и те показатели, которые влияют или показывают фактическое значение их ключевых показателей эффективности (КПЭ), если таковые на предприятии имеются. Если КПЭ нет, то фактическое значение или динамику показателей, имеющих влияние на заработную плату или стимулирующие выплаты. Если говорить о способе донесения информации, то большинство сотрудников цеха (87 %) сообщили, что максимально эффективным считают проведение 15-минутного собрания в начале смены с применением графиков и цифр, содержащих данные о ключевых КПЭ, влияющих на сотрудников. И абсолютно для них неинтересны новостные рассылки в системе корпоративной почты и газетах. 90 % сотрудников офисных подразделений подтвердили эффективность сжатых новостных рассылок, наделенных системами ссылок для перехода в интересующие разделы; основным источником в данном случае считают корпоративные порталы, мессенджеры и социальные сети. Минимально эффективными сотрудники офиса признали стенды с размещенными выдержками из нормативно-технической документации и регламентов, а также с объявлениями, написанными общими несфокусированными фразами. Самым удивительным было то, что 77 % сотрудников признались, что, проходя мимо такого стенда как минимум два раза в день на протяжении всего трудового года, ни разу не остановились возле него для изучения информации.

Следующим важным методом в работе по увеличению уровня вовлеченности персонала и его информированности руководители назвали обходы производственных подразделений. По итогам опроса, 84 % отметили, что чем обширней и более системно применяется данный метод, тем выше отдача от его применения. Авторами проанализированы разнообразные виды обходов производственных подразделений, применяемые на различных предприятиях. В данном исследовании приведен топ-3 наиболее распространенных спо-

собов данного метода информирования, рассмотрены их плюсы и минусы. Способы проведения обходов изложены с учетом их усложнения.

1. Обход генерального директора, осуществляемый непосредственно первым лицом компании без привлечения функциональных директоров и начальников отделов. Проводится без привязки ко времени и маршруту. В данном случае генеральный директор получает максимально объективную картину текущей ситуации, имеет возможность пообщаться напрямую с работниками для получения информации из первых уст. Однако при возникновении профильного вопроса или необходимости комментария к той или иной увиденной ситуации потребуются привлечение компетентных специалистов, к моменту их появления объект вопроса уже может измениться, также это требует существенных временных затрат на ожидание.

2. Обход генерального директора, осуществляемый в соответствии с общедоступным графиком и с привлечением всех руководителей подразделений. В данном случае в качестве плюсов можно выделить тот факт, что в момент обхода при возникновении какого-либо вопроса присутствует представитель ответственного подразделения. При этом появляется ряд существенных минусов, а именно отвлечение значительного количества руководителей, присутствие которых в итоге может не потребоваться. К обходу в подразделении готовятся заранее, и генеральный директор в момент обхода не видит фактической ситуации, кроме того, отсутствует возможность контакта с рабочими один на один, без давления непосредственных руководителей.

3. На предприятии сформирована система обходов топ-менеджмента, существует ответственный сотрудник за управление данной системой (оценку ее эффективности и последующую корректировку ее работы). Как правило, данная система включает обходы руководителей нескольких уровней: ГД, ГД-1, ГД-2. График обходов известен только управляющему системой, количество и функционал привлекаемых к обходу сотрудников также определяется управляющим системой. При данном подходе исключаются минусы, описанные в п. 1 и 2, но сохраняются достоинства обоих описанных подходов. К минусам данного подхода можно отнести потребность выделения ресурса для управления системой [14].

Следующим по значимости методом информирования топ-менеджмент компаний отмечает сменно-встречные собрания, или «оперативки». Суть его заключается в том, что в начале смены

тратится незначительное время на обсуждение информации за предыдущую смену и происходит постановка задач на текущую смену. Но вот подходы к реализации, как выяснилось, отличаются кардинально и, как следствие, дают разный результат [15]. По итогам опроса к подходам, дающим положительный результат, руководители отнесли то, что оперативка должна быть ограничена во времени и регламентирована; также важной составляющей обозначили необходимость зафиксированной структуры проведения, времени и участников. При этом руководители, отметившие негативные примеры проведения сменно-встречных собраний, или «оперативок», как раз подчеркнули, что отсутствие структуры, регламента и т. д. приводит к тому, что оперативка затягивается на 60 %, а объем информации, требующий обсуждения, сокращается до 30 %. Отсутствие же обозначенных участников приводит к тому, что на оперативке присутствует 20–40 % персонала.

Далее рассмотрим метод, который 99 % опрошенных руководителей предприятий — участников Национального проекта отнесли в категорию необходимого и имеющего существенное влияние на эффективность работы персонала. Данным методом является адаптация персонала. Суть метода заключается в том, что вновь устроенный сотрудник, попадая на новое место работы, получает всю необходимую информацию для выполнения своих трудовых задач. Авторами проведена классификация наиболее популярных подходов [16–19] к адаптации сотрудников¹:

1. На предприятии существует регламент адаптации сотрудников, в котором определены роли наставника и стажера, определен порядок оплаты труда как наставника, так и стажера на период адаптации, определены квалификационные испытания по итогам стажировки, определена ответственность за качество и результат стажировки, а также определен объем нормативно-технической документации, требующей изучения в период стажировки. К плюсами данного варианта относится то, что по итогам стажировки предприятие получает работника, полностью соответствующего профилю должности, функционирует институт наставничества. Минусом является потребность выделения ресурсов для функционирования системы.

¹ Информирование персонала: задачи, подводные камни, решения. URL: <https://corpmedia.ru/novosti-otrasley/upravlenie-personalom/informirovanie-personala-zadachi-podvodnye-kamni-resheniya>.

2. На предприятии существует регламент адаптации персонала, при этом в нем описаны только мероприятия, которые необходимо выполнить в ходе стажировки, и объем информации, который необходимо изучить, квалификационных экзаменов после стажировки не проводится. Ответственность за некачественную стажировку не определена. При таком варианте адаптации по отношению к первому существенно снижается вероятность получения работника, соответствующего на 100 % профилю должности.

3. На предприятии не определен / не регламентирован порядок адаптации сотрудников. Вновь принятые работники «на словах» прикрепляются к коллегам. Такая система практически не требует затрат ресурсов на ее обеспечение, но и абсолютно не гарантирует результатов успешной адаптации.

Важный вывод о системе адаптации сделали 94 % респондентов, отметив, что чем прозрачней и полней описан регламент адаптации, тем больше доля успешно адаптированных сотрудников. Опрос директоров по персоналу показал, что чем детальней описана система адаптации (как в подходе № 1), тем ниже (на 15–20 %) текучесть персонала в первые три месяца.

Рассмотрев совокупность методов информирования, авторы провели опрос более чем 200 руководителей предприятий — участников Нацио-

нального проекта. Полученные результаты представлены в табл. 1.

Из результатов опроса видно, что большинство руководителей подтвердили значимость различных методов информирования и продемонстрировали, что в настоящее время на первый план выходят современные подходы к информированию и важность их комплексного применения¹.

Заключение

Авторами проведена систематизация методов информирования и оценка их влияния на развитие предприятия в условиях неопределенности. На примерах действующих предприятий рассмотрено применение таких методов, как дни информирования от первого лица компании, новостные рассылки, обходы руководителем производственных процессов, передача информации новым сотрудникам на этапе адаптации и сменно-встречные собрания. Анализ показал высокую значимость различных инструментов, их взаимосвязь, а также важность целеполагания для системного подхода к информированию. Данный подход к информированию приводит к сокращению управленческих ошибок на предприятии в условиях высокой неопределенности внеш-

¹ Платформа для повышения производительности. URL: <https://производительность.рф>.

Таблица 1
Table 1

Использование методов информирования руководителями предприятий The use of information methods by business leaders

Метода информирования	Количество выбравших инструмент	
	чел.	%
1. День информирования проводится первым лицом компании онлайн	16	20,5
2. День информирования проводится первым лицом компании офлайн	52	66,7
3. День информирования проводит непосредственный руководитель, передавая информацию с совещаний более высокого уровня	10	12,8
4. Новости присылают в популярных мессенджерах	41	52,6
5. Новости печатают в корпоративной газете	8	10,3
6. Новости публикуют на корпоративном портале	23	29,5
7. Новостная рассылка содержит выдержки из приказов и различных документов	6	7,7
8. Обходы ген.директора проводятся системно, с постоянным графиком выходов	48	61,5
9. Обходы ген.директора проводятся без предварительного информирования (неожиданно для подразделений)	30	38,5
10. Адаптация сотрудников проводится на местах	31	39,7
11. Адаптация сотрудников выстроена системно для всего предприятия	47	60,3
12. Сменно-встречные собрания проводятся ежемесячно по регламенту	58	74,4
13. Сменно-встречные собрания проходят эпизодически, обсуждаемые темы зависят от текущей ситуации на предприятии	20	25,6

Источник: составлено авторами, на основе опроса руководителей предприятий

ней среды. Все описанные методы работали как в кризис, так и до него, но примеры предприятий показывают, что их применение дает больше гибкости и позволяет выжить в новых реалиях, когда внешние изменения происходят всё чаще.

Список источников

1. Коэн Т. Конец привычного мира: Путеводитель журнала «Нож» по новой этике, новым отношениям и новой справедливости. М. : Альпина Паблишер, 2021. 380 с.
2. Безручко П. Практики регулярного менеджмента: управление исполнением, управление командой. М. : Альпина Паблишер, 2019. 368 с.
3. Дмитриева С. И. Система внутренних и внешних коммуникаций в организации : учебное пособие. М. : РГУ МИРЭА, 2020. 69 с.
4. Злобина О. В., Лосев К. В. Возможности и перспективы использования цифровых технологий в организации внутренней коммуникации компаний и организаций // Заметки ученого. 2021. № 1. С. 79–84.
5. Эффективные коммуникации / пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2018. (Серия «Harvard Business Review: 10 лучших статей»).
6. Шиманская В., Карпов Н. Командная работа: Запуск проекта любой сложности. М. : Альпина Паблишер, 2022. 176 с.
7. Адизес И. Управление в условиях кризиса: Как выжить и стать сильнее. М. : Альпина Паблишер, 2022. 164 с.
8. Горский К. В эфире — сарафанное радио. Практическое руководство по рекомендательному маркетингу. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. 160 с.
9. Расселл А., Миллер Г., Дэвис Д. Информационная революция: путь к корпоративному разуму / пер. с англ. М. : Альпина Бизнес Букс, 2016. 253 с.
10. Барроуз М. Канбан Метод: улучшение системы управления. М. : Альпина Паблишер, 2020. 304 с.
11. Денисов А. Ф. Феномен креативности и особенности коммуникации с креативными сотрудниками в современных компаниях в условиях пандемии // Экономика и управление. 2022. № 4. С. 351–358.
12. Арнаут М. Н. Управленческие решения на основе данных отчетности организаций: практикум : учебное пособие. Владивосток : ВГУЭС, 2019. 52 с.
13. Безручко П. Без воды: Как писать предложения и отчеты для первых лиц. 3-е изд. М. : Альпина Паблишер, 2017. 188 с.
14. Урядова Т. Н., Лещева М. Г., Скляр Ю. Ю., Кулагина Н. А. Аналитические инструменты обоснования инвестиционных решений // Исследование проблем экономики и финансов. 2022. № 3. С. 6–7.
15. Демьянова О. Быстрые и эффективные совещания: От подготовки до получения желаемого результата. М. : Альпина Паблишер, 2022. 112 с.
16. Адизес И. Управление изменениями без потрясений и конфликтов. М. : Альпина Паблишер, 2023. 260 с.
17. Десслер Г. Управление персоналом / пер. с англ. Д. П. Коньковой. 4-е изд. М. : Лаборатория знаний, 2020. 802 с.
18. Круз К. Сильные лидеры нарушают правила: Нестандартные принципы управления командой и бизнесом / пер. с англ. Е. М. Деревянко. М. : Альпина Паблишер, 2020. 262 с.
19. Лапшин Е. Корпорация без монстров: Инновационный ситуативный менеджмент для собственников и CEO. М. : Альпина Паблишер, 2021. 208 с.

References

1. Cohen T. The end of the familiar world: The Knife magazine's guide to new ethics, new relationships and new justice. Moscow, 2021. 380 p. (In Russ.).
2. Bezruchko P. Regular management practices: Performance management, team management. Moscow; 2019. 368 p. (In Russ.).
3. Dmitrieva SI. System of internal and external communications in an organization: textbook. Moscow; 2020. 69 p. (In Russ.).
4. Zlobina OV, Losev KV. Possibilities and prospects for using digital technologies in organizing internal communication of companies and organizations. *Zametki uchenogo = Notes of a scientist*. 2021;(1):79-84.

5. Effective communications. Moscow; 2018. (In Russ.).
6. Shimanskaya V, Karpov N. Teamwork: Launching a project of any complexity. Moscow; 2022. 176 p. (In Russ.).
7. Adizes I. Management in a crisis: How to survive and become stronger. Moscow; 2022. 164 p. (In Russ.).
8. Gorsky K. On the air — word of mouth. A practical guide to referral marketing. Moscow; 2017. 160 p. (In Russ.).
9. Russell A, Miller G, Davis D. Information revolution: The path to corporate intelligence. Moscow; 2016. 253 p. (In Russ.).
10. Burrows M. Kanban Method: Improving the management system. Moscow; 2020. 304 p. (In Russ.).
11. Denisov AF. The phenomenon of creativity and features of communication with creative employees in modern companies in a pandemic. *Ekonomika i menedjment = Economics and management*. 2022;(4):351-358. (In Russ.).
12. Arnaut MN. Management decisions based on reporting data from organizations: workshop. Vladivostok, 2019. 52 p. (In Russ.).
13. Bezruchko P. Without water: How to write proposals and reports for top officials. Moscow; 2017. 188 p. (In Russ.).
14. Uryadova TN, Leshcheva MG, Sklyarov IY, Kulagina NA. Analytical tools for substantiating investment decisions. *Issledovanie problem ekonomiki i finansov = Study of problems of economics and finance*. 2022;(3):6-7. (In Russ.).
15. Demyanova O. Fast and effective meetings: From preparation to obtaining the desired result. Moscow; 2022. 112 p. (In Russ.).
16. Adizes I. Change management without shocks and conflicts. Moscow; 2023. 260 p. (In Russ.).
17. Dessler G. Personnel management. Moscow; 2020. 802 p. (In Russ.).
18. Cruz K. Strong leaders break the rules: Non-standard principles of team and business management. Moscow; 2020. 262 p. (In Russ.).
19. Lapshin E. Corporation without monsters: Innovative situational management for owners and CEOs. Moscow; 2021. 208 p. (In Russ.).

Информация об авторах

К. А. Котляр — старший руководитель проекта.

Ю. В. Бабанова — доктор экономических наук, доцент, старший тренер.

Р. С. Антонян — заместитель руководителя.

Information about the authors

K. A. Kotlyar — Senior Project Manager.

Yu. V. Babanova — Doctor of Economics, Assistant Professor, Coach-Consultant.

R. S. Antonyan — Deputy Head.

Статья поступила в редакцию 19.06.2023; одобрена после рецензирования 02.11.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 19.06.2023; approved after reviewing 02.11.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 316.334.23

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-147-154

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ВОСПРИЯТИИ БРЕНДИРОВАННЫХ МОБИЛЬНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ АЗС КОМПАНИЙ ТЭК

Алина Георгиевна Мысакова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации, Москва, Россия, a.g.mysakova@gmail.com, ORCID 0000-0002-6516-8790

Аннотация. Рассматриваются гендерные особенности восприятия брендированных мобильных приложений автомобильных заправочных станций (АЗС) компаний топливно-энергетического комплекса (ТЭК), меняющиеся в условиях промышленной революции «Индустрии 4.0». В век информационных технологий потребителям стало удобнее совершать покупки с помощью мобильных устройств. Более того, внедрение смартфонов и разработка мобильных приложений предоставили брендам возможность более эффективно общаться со своей аудиторией, ориентируясь на различные категории потенциальных клиентов — гендерные различия. Учитывая данную тенденцию, доля рынка мобильных приложений, разработанных определенными брендами, стабильно растет, опережая по темпам все другие виды электронной коммерции. Несмотря на то, что многие предприятия нефтегазовой отрасли эффективно внедряют мобильные приложения в свою деятельность, постоянное использование потребителями брендированного приложения остается ключевой проблемой в вопросах обеспечения конкурентных преимуществ. В исследовании доказано, что пол потребителя может быть отнесен к числу важных переменных, объясняющих поведение в отношении намерения о взаимодействии с определенной компанией, а также показано, как гендерные различия определяют факторы потребительского поведения при выборе брендированных мобильных приложений. Выводы исследования доказывают, что технология телеприсутствия оказывает значительное влияние на степень вовлеченности потребителей в процесс покупки, а также позволяет совместно с потребителем создавать ценность брендов, и определяет потребительскую лояльность с существенным различием по гендерному признаку. Выводы исследования о потребительском поведении, основанном на гендерных различиях, способствуют разработке эффективных стратегий для проведения транзакций через мобильное приложение на рынке ТЭК.

Ключевые слова: цифровые технологии, брендированные мобильные приложения, эффект телеприсутствия, уровень вовлеченности, гендерное восприятие

Для цитирования: Мысакова А. Г. Гендерные различия в восприятии брендированных мобильных приложений АЗС компании ТЭК // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 147–154. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-147-154.

Original article

GENDER DIFFERENCES IN THE PERCEPTION OF BRANDED MOBILE APPLICATIONS OF FUEL AND ENERGY COMPANIES

Alina G. Mysakova

MGIMO, Moscow, Russia, a.g.mysakova@gmail.com, ORCID 0000-0002-6516-8790

Abstract. The article examines the gender-specific perception of branded mobile applications of fuel and energy complex companies automobile filling stations, changing in the context of the industrial revolution “Industry 4.0”. In the age of information technology, it has become more convenient for consumers to make purchases using mobile devices. Moreover, the introduction of smartphones and the development of mobile applications have provided brands with the opportunity to communicate more effectively with their audience, focusing on different categories of potential customers — gender differences. Given this trend, the market share of mobile applications developed by

certain brands is steadily growing, outpacing all other types of e-commerce. Despite the fact that many companies in the oil and gas industry are effectively implementing mobile applications in their activities, the constant use of branded applications by consumers remains a key problem in ensuring competitive advantages. The study proves that the gender of the consumer can be attributed to the number of important variables explaining behavior in relation to the intention to interact with a certain company, and also shows how gender differences determine the factors of consumer behavior when choosing branded mobile applications. The findings prove that telepresence technology has a significant impact on the coefficient of consumer engagement in the purchase process, and also allows you to create brand value together with the consumer, and determines consumer loyalty with a significant difference in gender. Conclusions of the study on consumer behavior based on gender differences contributes to the development of effective strategies for conducting transactions through a mobile application in the fuel and energy sector.

Keywords: digital technologies, branded mobile applications, telepresence effect, level of engagement, gender perception

For citation: Mysakova AG. Gender Differences in the Perception of Branded Mobile Applications of Fuel and Energy Companies. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):147-154. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-147-154.

Введение

Цифровая экономика основывается на определенных бизнес-моделях, ориентированных на активных пользователей сети Интернет. Быстрое распространение интернет-технологий в экономике «Индустрия 4.0» существенным образом меняет потребительский опыт в сегменте розничной торговли. В настоящее время ведущие нефтегазовые компании активно применяют брендированные мобильные приложения для повышения потребительской активности. Например, BP, Shell, PetroChina, «Газпромнефть» и многие другие компании успешно запустили собственные мобильные приложения для увеличения транзакций в розничном сегменте.

Ускорение процессов трансформации энергетики с ориентацией на «зеленый курс» [1] сопровождается формированием экосистем и появлением новых маркетинговых технологий, инновационных коммерческих решений, а также внедрением эффективных технологий взаимодействия с целевой аудиторией [2].

Брендированное мобильное приложение — это маркетинговый продукт, позволяющий существенно увеличить уровень вовлеченности потребителей, предоставляя альтернативный вариант совершения покупки и создания креативного способа взаимодействия с клиентами. Брендированное мобильное приложение позволяет оперативно коммуницировать с потребителем и способствует укреплению эмоциональной связи бренда с целевым потребителем.

Цель проведенного исследования заключается в анализе гендерных особенностей восприятия брендированных мобильных приложений АЗС компаний ТЭК и в выработке на основе этого рекомендаций для дальнейшей возможности их им-

плементации. В связи с чем автор рассматривает следующие гипотезы:

Гипотеза 1: гендерные различия определяют факторы потребительского поведения при выборе брендированных мобильных приложений АЗС компаний ТЭК.

Гипотеза 2: эффект телеприсутствия влияет на коэффициент вовлеченности клиентов и концепцию создания совместной с потребителем ценности бренда.

Методология

Данное исследование содержит анализ информационно-коммуникационной деятельности ведущих компаний мировой топливно-энергетической отрасли с целью выявить гендерные особенности восприятия рекламно-информационных материалов, размещенных в брендированных мобильных приложениях, эффективные модели рекламно-коммуникационного воздействия через брендированные мобильные приложения, обеспечивающие компаниям конкурентные преимущества и стабильное развитие в условиях глобализации и развития экономики 4.0.

Теоретической основой исследования является современная система экономических, культурных и социологических знаний, лежащая в основе главных требований к научным теориям, сущности, структуре и методам применения различных аналитических инструментов в области маркетинга, брендинга и коммуникаций. В ходе исследования использовались научные работы российских и зарубежных ученых по различным аспектам интегрированных коммуникаций, включая экономический анализ, культуру потребления и стратегии устойчивого развития. Для создания эмпирической базы исследователи ис-

пользовали данные, официально опубликованные на сайтах и порталах ТЭК, включая экспертные оценки и статистику.

В процессе исследования проблемы эффективности коммуникационных стратегий компаний ТЭК использовались методы логического и статистического анализа, а также синергетический принцип изучения коммуникационных стратегий.

Результаты

По сравнению с другими инструментами электронной коммерции, например, интернет-магазинами, социальными сетями и т. д., интерактивные возможности брендированных мобильных приложений предоставляют пользователям персонализированный потребительский опыт, поскольку данная технология позволяет сформировать индивидуальную ценность бренда. Например, можно настроить контент на основе прошлых просмотров и историй покупок пользователей. Благодаря данной опции легче предлагать клиентам индивидуальное обслуживание, предоставляя информацию, основанную на их географическом местоположении. С помощью брендированного приложения компании могут использовать больше возможностей: обеспечить узнаваемость бренда, способствовать повышению индекса информированности о деятельности компании, стимулировать потребителей к совершению покупки [3]. Внедрение в практику брендированных приложений компаниями ТЭК становится значимым фактором в обеспечении их конкурентоспособности и устойчивого развития в условиях «Индустрии 4.0».

По данным экспертов, в 2022 г. в мире на различные мобильные устройства было установлено более 142,6 млрд брендированных приложений¹. Согласно другому исследованию, проведенному в 2016 г., «92 % пользователей по всему миру совершают онлайн-покупки через мобильные приложения, а 70 % из них предпочитают пользоваться брендированными приложениями компаний, покупая соответствующий товар или услугу» [4].

В 2021 г. объем сегмента мобильных приложений вырос в два раза по сравнению с 2017 г. Согласно данным ведущего мирового статистического агентства Statista, оборот рынка брендированных мобильных приложений может достичь триллиона долларов в 2023 г. (рис. 1).

¹Business of Apps. URL: <https://www.businessofapps.com/data/app-statistics/> (дата обращения: 01.04.2023).

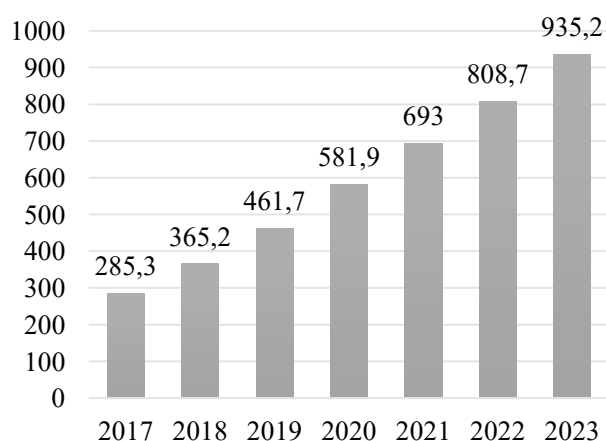

Рис. 1. Мировой доход от мобильных приложений, млрд долл.

Fig. 1. Global revenue from mobile applications, billion dollars

Источник: Statista, URL: <https://www.statista.com/statistics/269025/worldwide-mobile-app-revenue-forecast/> (дата обращения: 01.04.2023).

При этом эксперты отмечают устойчивый тренд увеличения трафика от использования мобильных приложений, который растет с каждым годом. Пользователи всё больше времени проводят в своих мобильных устройствах. Данные американской аналитической компании ComScore показывают, что потребители по всему миру совершают гораздо больше покупок через мобильные приложения (рис. 2).

Данные продаж доказывают, что регулярное использование потребителями брендированных приложений в розничном сегменте является ключевым фактором, определяющим увеличение объема продаж и прибыли.

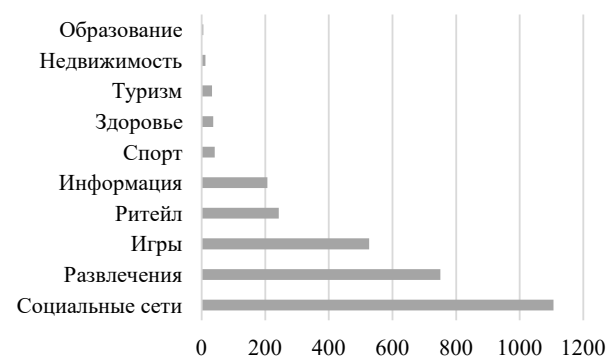

Рис. 2. Мобильный трафик использования мобильных приложений по всему миру, млн ч

Fig. 2. Mobile application usage traffic worldwide, million hours

Источник: ComScore, URL: <https://www.comscore.com/Insights/Presentations-and-Whitepapers/2019/Global-State-of-Mobile> (дата обращения: 27.04.2023)

С учетом возможностей брендированных платформ одновременно повышать уровень вовлеченности потребителя и увеличивать продажи мобильные приложения становятся перспективной маркетинговой технологией коммуникационного взаимодействия нефтегазовых компаний с целевой аудиторией.

Вместе с тем эксперты отмечают наличие существенного ограничения брендированных платформ в обеспечении эффективных коммуникаций с потребителями, а именно отсутствие человеческого фактора или физического контакта при совершении покупки, на что традиционно рассчитывают потребители¹. Учитывая это ограничение, производители стремятся максимально наполнить эмоционально саму платформу, чтобы с ее помощью потребитель мог получить тот эмоциональный опыт, на который рассчитывает изначально. В то же время исследования доказывают, что именно наполнение мобильных платформ виртуальными образами и эмоциональным контентом существенно повышает индексы потребительской лояльности и стимулирует продажи через электронные платформы [5].

Другой важной характеристикой брендированных мобильных приложений является эффект «телеприсутствия», когда потребитель погружается в эмоциональное общение с брендом вне зависимости от своего месторасположения.

Цифровые технологии позволяют компаниям персонализировать коммуникационные стратегии, основываясь на психологических и поведенческих особенностях восприятия брендов.

Эффект телеприсутствия создается в результате применения таких интерактивных и мультимедийных технологий, как дополненная и виртуальная реальность, анимация, которые усиливают вовлечение потребителей в процесс покупки, создают мощный эмоциональный рычаг для формирования лояльности к бренду при совершении онлайн-покупок [6].

В соответствии с этим интересно обратиться к теории гендерных схем Сандры Бем, которая определяет гендерную принадлежность потребителя как основу для персонализации коммуникативного воздействия, поскольку мужчины и женщины используют разные методы обработки информации.

Согласно теории гендерных схем, мужчины и женщины по-разному извлекают, обрабатыва-

ют, усваивают и хранят информацию, основываясь на своих собственных когнитивных структурах и прошлых знаниях [7], что заставляет компании подбирать индивидуальные схемы и алгоритмы для применения инновационных маркетинговых технологий.

Гендерная идентичность является важным дифференцирующим фактором, подтверждающим различия в потребительском поведении, в том числе в поведении в социальных сетях и в использовании электронной коммерции и мобильных приложений в частности. Следовательно, изучение гендерных предпочтений в использовании брендированных мобильных приложений позволяет компаниям настраивать коммуникационные платформы для эффективного взаимодействия с целевой аудиторией.

Американские ученые из Пенсильванского университета в Филадельфии (США) научно объяснили гендерные различия, связывая их с разной структурной организацией связей коры головного мозга мужчин и женщин [8]. Авторы пришли к выводу, что организация мужского мозга более координирована, мужчины более рациональны и склонны решать конкретные задачи, в то время как женщины в большей степени используют эмоциональное восприятие и ориентированы на выполнение социальных задач.

Основываясь на упомянутых выше исследованиях, можно выделить особенности обработки информации мужчинами и женщинами, обуславливающие гендерные различия в восприятии информации и принятии решений о покупке:

- Мужчины более реалистичны, женщины более подвержены чувству тревоги и стресса.
- Женщины склонны к комплексной обработке информации, мужчины — к выборочной.
- Женщины более социально ориентированы, предпочитают создавать и поддерживать тесные связи с другими людьми, мужчины — более независимы, больше внимания уделяют своим уникальным чертам характера.
- На поведение мужчин часто влияют когнитивные способности, на поведение женщин — эмоции.
- Мужчины более прагматичны и ориентированы на решение задач по сравнению с женщинами.
- Женщины более подвержены манипуляции через материалы рекламного характера, соответствующие их предпочтениям и интересам.
- «Женщины стремятся поддерживать отношения и взаимодействовать с продавцами при совершении покупок через Интернет» [9].

¹ Agility PR Solutions. URL: <https://www.agilitypr.com/pr-news/retail/consumers-want-to-text-with-brands/> (дата обращения: 28.07.2023).

– «Мужчины высоко ценят воспринимаемую полезность, в то время как женщины мотивированы воспринимаемой простотой использования» [10].

Соответственно, можно сделать вывод о целесообразности внедрения брендированных приложений на розничном рынке компаний ТЭК.

На основе представленных в доступных источниках брендированных приложений АЗС был проведен анализ их восприятия женской и мужской аудиторий по следующим параметрам: рейтинг, удобство и простота использования, возможность обратной связи, дизайн, цветовое оформление, интерактивность контента, поддержка, авторитетность, инновационность, какие ассоциации вызывает определенное мобильное приложение, а также для какой аудитории оно больше подходит — мужской или женской. Данные параметры были получены путем анализа интервью экспертов отрасли, после учтены в анкете через вопросы: «Важен ли для Вас высокий рейтинг мобильного приложения АЗС?», «Важно ли для Вас удобство и простота использования мобильного приложения АЗС?», «Необходима ли для Вас возможность обратной связи при выборе мобильного приложения АЗС?», «Оцените дизайн мобильного приложения бренда “Х” по 5-балльной шкале, где 5 — это наивысший балл», «Нравится ли Вам цвет оформления мобильного приложения бренда “Х”?», «Как часто Вы используете интерактивный контент в брендированном мобильном приложении АЗС?», «Необходима ли для Вас возможность обратной связи при выборе мобильного приложения АЗС?», «Важен ли для Вас высокий рейтинг мобильного приложения АЗС?», «Важен ли для Вас высокий уровень инновационности мобильного приложения АЗС?», «Какие ассоциации вызывает у Вас мобильное приложение бренда “Х”?», «Как Вы считаете, для какой аудитории больше подходит мобильное приложение бренда “Х”?».

Данные проводимого исследования были собраны среди потребителей России посредством онлайн-опроса. При отборе участников было установлено, что они осведомлены о работе мобильных приложений АЗС и когда-либо имели непосредственный опыт взаимодействия с любимым нефтегазовым брендом, основываясь на своем личном общем впечатлении и опыте. Исследование реализовано в три этапа: на первом — формулирование вопросов в анкете, на втором — сбор данных, на третьем — систематизация и обобщение

полученных данных, формулирование выводов.

Общее число респондентов, участвовавших в этом исследовании, составило 247. Большинство участников были женщины — 51,6 %, соответственно мужчин 48,4 %. Возрастная категория от 20 до 40 лет составила 62,1 %, от 41 до 50 лет — 37,3 %, в то время как людей в возрасте 51 год и старше было всего 2 (0,6 %). Все респонденты были со средним и высоким уровнем дохода, а также образования. Данные были собраны во второй половине 2022 г.

Выборка приложений, отобранных для анализа, показала, что они ориентированы на среднестатистического пользователя, где преобладает эффект маскулинности — ориентация на мужскую аудиторию, и характеризуются в большинстве случаев однотипностью: корпоративный дизайн, функционал платформы, актуальность данных, открытость, массовость. Тем не менее особенностям восприятия мобильных приложений женской аудиторией уделяется недостаточное количество внимания.

Кроме того, по результатам проведенного анкетирования для оценки восприятия брендированных мобильных приложений компаний ТЭК было выявлено, что 60,8 % пользователей считают приложение компании «Газпромнефть» больше всего ориентированным на мужскую аудиторию, 1,5 % — на женскую, а 27,7 % — и на мужскую, и на женскую аудиторию, 10 % — затруднились ответить. Мобильное приложение бренда «ЛУКОЙЛ» же, согласно анализу, на 62,7 % ориентировано на обе аудитории, 25,4 % — на мужскую, 4,4 % — на женскую, 7,5 % — затруднились ответить. Приложение компании «Роснефть» на 41,3 % ориентировано на мужскую аудиторию, 43,7 % пользователей проголосовали за обе аудитории пользователей, и 3,8 % выбрали женскую, 11,2 % — затруднились ответить. Брендированное приложение «Нефтьмагистраль»: на 67,8 % ориентировано на обе аудитории, 11,3 % — за мужскую, 6,8 % — за женскую, 14,1 % — затруднились ответить. Согласно мнению пользователей, приложение компании «Shell» на 58,3 % ориентировано на обе аудитории, 32,4 % опрошенных — за мужскую, 9,3 % — женскую. Брендированное мобильное приложение «BP» на 59,2 % соответствует аудитории разных полов, на 8,5 % — женской и 16,9 % — мужской, 15,4 % — затруднились ответить.

Таким образом, можно сделать вывод, что в целях усиления взаимодействия брендированных

приложений на розничном рынке компаний в сегменте ТЭК с женской целевой аудиторией и, как следствие, увеличения доходности таких приложений необходимо изменение визуализации и функциональности контента в соответствии и особенностями восприятия женской аудиторией. Чтобы увеличить доходы от брендированных мобильных приложений, брендам нефтегазовых компаний следует соответствующим образом скорректировать коммуникационные стратегии, реализуемые через мобильные приложения, и учитывать, что поведение и предпочтения мужчин и женщин существенно различаются.

Сегодня в цифровых стратегиях компаний ТЭК персонализация играет ключевую роль, поэтому компаниям необходимо учитывать отличительные особенности между мужской и женской аудиторией при внедрении брендированного мобильного приложения. Данный маркетинговый инструмент эффективно повышает вовлеченность, конверсию и лояльность клиентов. Однако необходимо не только отталкиваться от гендерно-специфических тенденций, но и выстраивать работу приложений, относясь к пользователям как к уникальным личностям, понимая их мотивы и ожидания.

Мужские мотивы использования брендированного мобильного приложения более утилитарны — сознательно и логично стремятся к намеченному результату, в то время как женские мотивы, как правило, гедонистичны — связаны с внутренними и эмоциональными реакциями.

Необходимо предоставлять уникальные макеты брендированного мобильного приложения по гендерному типу пользователя: версия для мужчин ориентирована на обеспечение четкой навигации по категориям, экономии времени и современными технологическими приемами взаимодействия; версия для женщин нацелена на продажу эмоций с удобным интерфейсом, высококачественными визуальными эффектами, интерактивными помощниками, пользовательскими отзывами и высокой степенью надежности. Данный проект может быть реализован путем создания разных гендерных версий в одном приложении, выбрать которую можно при регистрации, указывая пол пользователя.

Таким образом, гендерные роли предполагают значительные различия в пользовательском поведении при использовании брендированного мобильного приложения. Основываясь на вышеупомянутых данных, мужчины более подвержены влиянию эффекта телеприсутствия, у женщин же

более высокий показатель коэффициента вовлеченности. Учитывая интерактивный характер приложения, разработанного брендом, высокий показатель вовлеченности со стороны женщин будет способствовать дальнейшему взаимодействию с брендом, что непосредственно благоприятно отразится на концепции создания совместной с потребителем ценности бренда и стимулировании потребителей к взаимодействию с брендированным мобильным приложением.

Современные цифровые технологии в маркетинге перестраивают традиционную коммуникационную модель, предоставляя потребителям возможность персонифицировать взаимодействие с брендом, основываясь на личных предпочтениях. Следовательно, компаниям ТЭК необходимо предоставлять пользователям больше возможностей для участия и обмена информацией в процессе разработки брендированного мобильного приложения, что непосредственно будет способствовать установлению долгосрочной связи между брендом и его целевой аудиторией.

Заключение

С переходом на брендированные мобильные приложения в сегменте цифрового маркетинга стимулирование потребителей постоянно совершать онлайн-покупки, используя приложение определенной фирмы, стало ключевым фактором для компаний ТЭК в обеспечении устойчивого развития. В связи с этим автором было проведено исследование с целью анализа особенностей гендерных различий восприятия мобильных приложений АЗС, разработанных брендом компаний ТЭК, и на основе этого выработаны рекомендации, учитывающие одну из целей устойчивого развития ООН — гендерное равенство, в частности, обладание равными возможностями получения интерфейса, ориентированного на аудитории разных полов. Выдвинутые гипотезы доказали следующее:

Гендерные различия определяют факторы потребительского поведения при выборе мобильных приложений АЗС. Для получения большей эффективности от брендированных мобильных приложений энергетическим компаниям необходимо изменить визуализацию и функциональность контента в соответствии с особенностями восприятия разных аудиторий — женской и мужской. Это позволит усилить взаимодействие приложений на розничном рынке среди целевых пользователей разных полов и повысить их конкурентоспособность. При этом следует учи-

тывать, что поведение и предпочтения мужчин и женщин отличаются, поэтому коммуникационные стратегии должны быть скорректированы соответственно гендерным различиям.

Вторая гипотеза подтвердила, что эффект телеприсутствия является ключевым инструментом для предоставления потребителям целостного опыта при использовании брендированного мобильного приложения. Кроме того, инструменты управления отношениями с потребителями, например, коэффициент вовлеченности клиентов и концепция создания совместной с потребителем ценности бренда могут играть стимулирующую роль в формировании устойчивых отношений с пользователями мобильных приложений.

Предприятиям ТЭК необходимо адаптировать свои стратегии мобильной коммерции в соответствии с различными типами розничной торговли, оценивая желание потребителей постоянно совершать покупки через мобильное приложение. Кроме того, необходимо учитывать влияние индивидуальных различий потребителей на использование брендированных приложений. На-

пример, необходимо повышать показатель удовлетворенности, прошлого опыта и вопросы конфиденциальности, влияющие на то, будут ли потребители продолжать использовать конкретное мобильное приложение.

Уровень вовлеченности потребителя в коммуникационное взаимодействие с брендом через мобильное приложение определяет свойства маскулинности или феминности в реализуемой коммуникационной модели.

Исследование показывает влияние эффекта телеприсутствия на коэффициент вовлеченности клиентов и концепцию создания совместной с потребителем ценности бренда. Важно отметить, что в данном исследовании также учитывается то, как представители разных полов по-разному реагируют на брендированное приложение, а также влияние коэффициента вовлеченности и концепции создания совместной с потребителем ценности бренда на стимулирование потребителей к использованию мобильного приложения, разработанного брендом.

Список источников

1. Мысакова А. Г. Опосредующая роль «зелёного» бренд-имиджа компаний топливно-энергетического комплекса // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2023. № 9 (225). С. 32–38.
2. Ponomareva E. A., Nozdrenko E. A., Mysakova A. G. Sustainable Development and Industry 4.0 Determinants in Communication Strategies in Fuel and Energy Complex 2022 // Palgrave Macmillan, Cham. 2022. 395–407.
3. Bellman S., Potter R. F., Treleaven-Hassard S., Robinson J. A., Varan D. The effectiveness of branded mobile phone apps // Journal of Interactive Marketing. 2011. № 25 (4). P. 191–200.
4. Grob M. Mobile shopping: a classification framework and literature review // International Journal Retail and Distribution Management. 2015. № 43 (3). P. 221–241.
5. Gao W., Liu Y., Liu Z., Li J., How does presence influence purchase intention in online shopping markets? // An explanation based on self-determination theory. 2018. P. 786–799.
6. Cowan K., Ketron S. A dual model of product involvement for effective virtual reality: the roles of imagination, co-creation, telepresence, and interactivity // Journal of Business Research. 2019. № 100. P. 483–492.
7. Bem S. L. Gender schema theory: A cognitive account of sex typing // Psychological Review. 1981. № 88 (4). P. 354–364.
8. Ingallhalikar M. et al. Sex differences in the structural connectome of the human brain // PNAS. 2014. Vol. 111, № 2. P. 823–828.
9. Kimbrough A. M., Guadagno R. E., Muscanell N. L., Dill J. Gender differences in mediated communication: women connect more than do men // Comput. Hum. Behav. 2013. Vol. 29, № 3ю P. 896–900.
10. Venkatesh V., Morris M. G., Ackerman P. L. A longitudinal eld investigation of gender differences in individual technology adoption decision-making processes. Organ. Behav // Hum. Decis. Process. 2000. Vol. 83, № 1. P. 33–60.

References

1. Mysakova AG. Mediating role of the fuel and energy companies “green” brand image. *Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom = Problems of economy and management of oil and gas complex*. 2023;(9(225):32-38. (In Russ.).

2. Ponomareva EA, Nozdrenko EA, Mysakova AG. Sustainable Development and Industry 4.0. Determinants in Communication Strategies in Fuel and Energy Complex. In: *Palgrav Makmillan, Cham = Palgrave Macmillan, Cham*. 2022. Pp. 395–407.
3. Bellman S, Potter RF, Treleaven-Hassard S, Robinson JA, Varan D. The effectiveness of branded mobile phone apps. *Jurnal interaktivnogo marketinga = Journal of Interactive Marketing*. 2011;25(4):191-200.
4. Grob M. Mobile shopping: a classification framework and literature review. *Mezhdunarodnyi jurnal upravleniya roznichnoi trgovlei i ritailom = International Journal Retail and Distribution Management*. 2015;43(3):221-241.
5. Gao W, Liu Y, Liu Z, Li J. How does presence influence purchase intention in online shopping markets? An explanation based on self-determination theory. In: *Povedencheskie i informatsionnye tehnologii = Behaviour and Information Technology*. 2018. Pp. 786–799.
6. Cowan K, Ketron S. A dual model of product involvement for effective virtual reality: the roles of imagination, co-creation, telepresence, and interactivity. *Jurnal bisnes issledovanii = Journal of Business Research*. 2019;(100):483-492.
7. Bem SL. Gender schema theory: A cognitive account of sex typing. *Psihologicheskii obzor = Psychological Review*. 1981;88(4):354-364.
8. Ingahlalikar M et al. Sex differences in the structural connectome of the human brain. *Trudi nacionalnoi akademii nauk = Proceeding of the national academy of sciences*. 2014;111(2):823-828.
9. Kimbrough AM, Guadagno RE, Muscanell NL, Dill J. Gender differences in mediated communication: women connect more than do men. *Komputernoe povedenie cheloveka = Comput. Hum. Behav*. 2013;29(3):896-900.
10. Venkatesh V, Morris MG, Ackerman PL. A longitudinal eld investigation of gender differences in individual technology adoption decision-making processes. *Organizationnoe povedenie i processi prinuatiya reshenii ludmi = Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2000;83(1):33-60.

Информация об авторе

А. Г. Мысакова — аспирант кафедры менеджмента, маркетинга и внешнеэкономической деятельности имени И. Н. Герчиковой.

Information about the author

A. G. Mysakova — Postgraduate Student of the Department of Management, Marketing and Foreign Economic Activities named after I. N. Gerchikova.

Статья поступила в редакцию 17.08.2023; одобрена после рецензирования 05.11.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 17.08.2023; approved after reviewing 05.11.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 338.45

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-155-166

ПРОБЛЕМА ИМПОРТОЗАВИСИМОСТИ В АГРОХИМИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ И ПУТИ ЕЁ РЕШЕНИЯ

Наталья Александровна Диесперова¹, Константин Владимирович Диесперов²

¹Высшая школа промышленной политики и предпринимательства (ВШПП) Российского университета дружбы народов, Москва, Россия, Diesperova_na@pfur.ru, ORCID 0000-0002-0103-235X

²ООО «ОЛЕОНИКА», Москва, Россия, info@oleonika.ru

Аннотация. Санкционная политика в отношении РФ, введенная и поддерживаемая странами Запада и их партнерами, высветила особо четко проблемную ситуацию, сложившуюся в ряде отраслей российской экономики, в том числе и стратегического значения. Ее суть в отсутствии на сегодняшний момент полных технологических цепочек по производству готового продукта, во многих случаях утраченных за последние несколько десятилетий и как результат — импорт готового продукта или производство его на основе ввозимых полупродуктов или действующих веществ, что ставит данные отрасли российской экономики во всё более углубляющуюся зависимость от внешнего мира. Цель исследования — на примере агрохимической отрасли, а именно производства химических средств защиты растений, где зависимость от импорта почти стопроцентная, в силу как экономических предпосылок использования импортных действующих веществ, так и отсутствия на сегодняшний день технологических возможностей их производства в РФ, — сформулировать направления снижения данной зависимости. Проведенный анализ позволил рекомендовать в среднесрочной перспективе осуществление промышленного технологического трансфера из стран, обладающих необходимыми компетенциями и имеющих экономическую заинтересованность, для организации производства действующих веществ российскими компаниями с их последующим выходом в том числе и на международный рынок. Также обосновать выбор предпочтительных, с учетом возможных рисков страны, технологического партнера и формы осуществления технологического трансфера. Для долгосрочной перспективы сформулированы условия для организации многоступенчатого синтеза в РФ, необходимого для создания собственного производства действующих веществ.

Ключевые слова: трансфер технологий, санкции, химические средства защиты растений, среднетоннажная химия, конкурентоспособность, действующее вещество

Для цитирования: Диесперова Н. А., Диесперов К. В. Проблема импортозависимости в агрохимической отрасли России и пути её решения // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 155–166. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-155-166.

Original article

RUSSIAN IMPORT DEPENDENCY PROBLEM OF THE AGROCHEMICAL INDUSTRY AND WAYS OF ITS SOLUTION

Natalia A. Diesperova¹, Konstantin V. Diesperov²

¹High School of Industrial Policy and Entrepreneurship of Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, Diesperova_na@pfur.ru, ORCID 0000-0002-0103-235X

²LLC "OLEONIKA", Moscow, Russia, info@oleonika.ru

Abstract. The article deals with the problem in several strategic industries of the Russia which became even more serious in the context of international sanctions against Russian Federation. Due to the economic policy of the Russian Federation over the past few decades, the complete technological chains in these industries have been destroyed.

As a result, the finished product is completely produced from imported active ingredients and intermediates. This increases the dependence of the economy on the foreign countries. The approaches to solve this problem are proposed on the example of the agrochemical industry, namely the production of chemical crop protection products. The sub-sector is characterized by two simultaneous facts: the use of the imported active substances and the lack of technological capacities for their production in the Russian Federation today. To reduce dependence in the medium term, the authors consider the opportunity of technological transfer from countries with the necessary competences interested in such a cooperation. For the long-term perspective, the conditions determining the need to create a complete synthesis of active substances on the territory of the Russian Federation are formulated.

Keywords: technology transfer, sanctions, chemical plant protection products, medium and large-tonnage chemistry, competitiveness, active ingredient

For citation: Diesperova NA, Diesperov KV. Russian Import Dependency Problem of the Agrochemical Industry and Ways of Its Solution. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):155-166. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-155-166.

Введение

Проблема обеспечения населения продовольствием на сегодняшний день стоит как в мировом масштабе, так и в рамках отдельно взятых стран. По прогнозам, к 2050 г. численность населения мира увеличится до 10 млрд человек, что будет означать недостаток доступных посевных площадей для его пропитания, особенно с учетом негативных изменений климата. Решением является повышение урожайности сельскохозяйственных культур за счет использования различных интенсивных и ресурсосберегающих технологий, в частности, применения средств защиты растений (СЗР), позволяющих безопасно повысить урожайность в 1,5–2 раза.

СЗР — это широкий ряд химических и биологических средств, предназначенных для защиты растений от болезней, сорных растений, насекомых и других вредителей. Заданное действие обеспечивается за счет содержания в составе СЗР действующего вещества (ДВ), взаимодействие которого с вредными объектами приводит к уничтожению последнего. В зависимости от вида действующего вещества его доля в общем объеме может составлять от менее 1 % до 100 %. Производство ДВ является сложным многоступенчатым химическим процессом с образованием значительного количества токсичных отходов и побочных продуктов.

Важность обеспечения населения страны продовольствием ставит сельскохозяйственную отрасль РФ в ряд других стратегических отраслей, что приобрело еще большую актуальность в связи с СВО и активной санкционной политикой, проводимой США, европейскими и другими примкнувшими к ним по всему миру странами. Кроме того, продукция сельского хозяйства, прежде всего пшеница, традиционно является статьей российского экспорта,

влияя на положение РФ в целом на международном рынке.

При этом производство СЗР находится сегодня в очень сильной зависимости от импорта ДВ, необходимых для производства современных и эффективных СЗР, что ставит под сомнение способность самостоятельно обеспечивать потребности внутреннего рынка СЗР как в случае ужесточения санкционной политики, так для и обеспечения более рентабельного производства, в том числе сельскохозяйственной продукции. Надо отметить, что подобная проблема — когда отрасль работает в значительной мере на ввозимых сырье и полуфабрикатах — в России уже весьма распространена, поскольку для этого есть в том числе и вполне объективные экономические причины. В ситуации, когда речь идет о нестратегических отраслях — последствия не представляются столь значительными, но в случае со стратегическими отраслями, например, сельским хозяйством и обеспечивающими его отраслями — всё иначе.

Необходимость разработки общего подхода для решения подобных проблем определила цель данного исследования: на примере агрохимической отрасли, в частности производства химических средств защиты растений, сформулировать направления снижения импортозависимости как в среднесрочной, так и долгосрочной перспективе.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составили научные статьи отечественных и зарубежных авторов, аналитические обзоры мирового и российского рынка химических средств защиты растений, данные Росстата, ФТС.

При проведении исследования были использованы общенаучные методы познания, а имен-

но: наблюдение и диалектическая логика, анализ и синтез, познание объективной действительности, приемы обобщения и сравнительного анализа. Обработка данных и описание динамики статистических индикаторов производства химических средств защиты растений осуществлялись с применением табличного и графического методов.

Проблема импортозависимости в условиях ужесточения санкционной политики и пути ее решения, в том числе в стратегических отраслях российской экономики, получили широкое освещение в научной литературе. Рассматриваются как методологические подходы, так и практические условия ее решения с учетом специфики различных отраслей, в частности химической промышленности [10; 13], машиностроения [8], гражданской авиационной промышленности [7], биотехнологической отрасли [5], аграрной сферы [6; 12; 15], пищевой промышленности [16].

Зачастую при обсуждении проблемы импортозависимости акцент делается на высоких рисках прекращения или сокращения импортных поставок или повышения их цен [2; 4], что может являться угрозой национальной безопасности страны, тогда как при данном рассмотрении нами разделяется точка зрения авторов [9; 15], понимающих под импортной зависимостью также проблему отсутствия собственной материально-технической базы и технологических компетенций для организации всей технологической цепочки производства готового продукта. Данный подход в значительной мере определяет предлагаемые нами пути решения проблемы импортной зависимости в разрезе рассматриваемой отрасли, а также других отраслей, где импортозависимость определяется сходными технологическими и экономическими предпосылками.

Результаты исследования и обсуждение

Анализ рынка СЗР. Мировой рынок СЗР за последние несколько десятилетий показывает значительный рост, и на 2022 г. составил 63 087,96 млн долл. США¹. Наиболее значимыми факторами, определяющими его емкость и динамику, являются климатический фактор (количество выпа-

дающих осадков в год; наводнения и т. д.), рыночный фактор (спрос, в том числе со стороны развивающихся стран; экономическое состояние сельскохозяйственных производителей, определяющее предложение; цены), технологический фактор (распространение генномодифицированных семян; разработка новых методов борьбы с вредителями по мере роста их резистентности к препаратам), административный фактор (законодательное усложнение процедур регистрации новых ДВ; вывод из оборота токсичных веществ). По прогнозам, к 2028 г. мировой рынок СЗР покажет рост на 4,31 % и увеличится до 8 1286,54 млн долл. США². На рынке СЗР наиболее актуальными на сегодняшний день являются следующие тренды:

– рост сегмента биологических средств защиты растений, обеспечивающих более длительное, без привыкания воздействие на вредителей, более безопасное для окружающей среды, но пока гораздо менее эффективное по сравнению с химическими [17];

– рост сегмента препаратов с контролируемым высвобождением действующего вещества, что обеспечивает доставку препарата к мишени с контролируемой скоростью в течение определенного периода времени для достижения запланированного эффекта, существенным недостатком является гораздо более высокая стоимость таких препаратов;

– преимущественный переход на многокомпонентные составы, что позволяет пролонгировать эффективное действие отдельных веществ в рамках антирезистентных мер, повышает экономическую эффективность применения СЗР. Ограничением на сегодня является сложность разработки таких составов, поскольку необходимо обеспечить их стабильность без повышения экологической и биологической токсичности, предупредить перекрестную резистентность, расширить спектр действия;

– появление на рынке новых действующих веществ, в частности в 2022 г. четыре ведущих компании по производству СЗР (Syngenta, BASF, Sumitomo Chemical, KingAgroot) вывели на рынок четыре абсолютно новых ДВ;

¹ Анализ производственных цепочек на рынках высокотехнологичной химии. Средства защиты растений. Аналитический отчет РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2020. URL: <https://www.muotr.ru/upload/iblock/049/iinkj8jk92bnz6snk9msgqy4pej69eq0.pdf?ysclid=llmfq31y9k402306656> (дата обращения: 30.08.2023)

² Report «Global Crop Protection Chemicals Market Insight», 2023. URL: <https://www.globenewswire.com/news-release/2023/04/07/2643191/0/en/Global-Crop-Protection-Chemicals-Market-Report-2023-Growth-in-Agricultural-Production-and-Increased-Government-Support-Fuels-the-Sector.html> (дата обращения: 30.08.2023)

– укрепление позиций Китая как разработчика новых пестицидов, хотя только 40 из 300 распространенных пестицидов разработаны непосредственно китайскими компаниями и только 10 из выпускаемых пестицидов по своему качеству соответствуют лучшим мировым образцам. Но Китай реализует комплексную стратегию по совершенствованию своей агрохимической отрасли, в том числе созданы рабочие группы по разработке новых соединений, а также биотехнологических инноваций для решения проблем устойчивости, безопасности сельскохозяйственных культур совместно с Шэньянским агрохимическим научно-исследовательским институтом и компаниями KingAgroot, Cynda, Hangzhou Udragon, CAS Group и Jiangsu Agrochem Laboratory;

– рост сегмента обработки семян.

Российский рынок химических средств защиты растений (ХСЗР) претерпевал существенные изменения за несколько последних десятилетий. В СССР существовала развитая химическая промышленность, в частности в 1980 г. в СССР было произведено 135 тыс. т пестицидов (в действующем веществе), уступая по объемам только США — 394 тыс. т (в действующем веществе). Отечественное производство позволяло удовлетворить около 65 % потребности, преимущественно производились особо опасные хлорорганические и фосфорорганические вещества, остальные объемы пестицидов поставлялись из стран СЭВ (Болгарии, Венгрии, Югославии).

В 1990-е гг. в результате разрушения материально-технической базы, научно-технического обеспечения в виде работающих отраслевых НИИ, «бегства» наиболее квалифицированных специалистов синтез ДВ был прекращен, как и производство пестицидов на отечественных ДВ. Оставшиеся отечественные предприятия либо простаивали, либо стали выпускать препаративные формы на основе ДВ, поставляемых из Индии и Китая. В 1991 г. производство пестицидов в РФ составило 156,5 тыс. т, в 1997 г. — 27 тыс. т, в 1998 г. упало до 9,8 тыс. т.

Возрождение рынка ХСЗР началось в конце 2000-х гг.; с 2009 по 2015 г. средний рост рынка составлял 28 %, далее темпы снизились до 7 % в год, в 2017 г. — рынок ХСЗР составил 151 тыс. т. За 6 лет (2017–2022 гг.) российский рынок вырос на 79 тыс. т и достиг 230 тыс. т¹ (рис. 1).

¹ Рынок химических средств защиты растений, 2022. URL: <https://ag-pl.ru/wp-content/uploads/2022/06/rynok-hszz-v-rossii-2022.-pokazateli-i-prognozy.-versiya-dlya-sajta.pdf> (дата обращения: 30.08.2023)

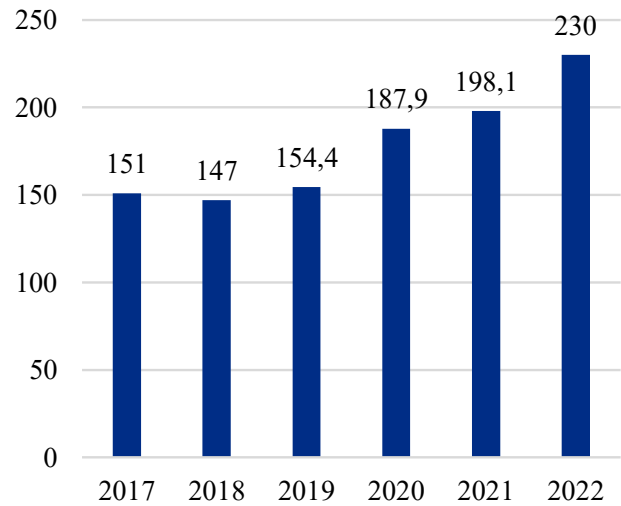

Рис. 1. Динамика объема российского рынка ХСЗР, тыс. т

Fig. 1 Dynamics of the volume of the Russian chemical crop protection market, thsd tons

Источник: составлено авторами на основе данных. URL: <https://ag-pl.ru/wp-content/uploads/2022/06/rynok-hszz-v-rossii-2022.-pokazateli-i-prognozy.-versiya-dlya-sajta.pdf> (дата обращения: 30.08.2023).

Структура рынка ХСЗР по российским и отечественным производителям в стоимостном выражении представлена на рис. 2, доля российских компаний составляет 83 %.

В натуральном выражении потребности российского рынка ХСЗР на 66 % покрываются российскими производителями, на 34 % — за счет импорта. В целом с 2017 по 2022 г. объем россий-

Российские компании с производством, размещенным в Индии, Китае и пр.
45 млрд руб., 19%

Рис. 2. Структура российского рынка ХСЗР по производителям

Fig. 2. Structure of the Russian chemical crop protection market by manufacturer

Источник: составлено автором по данным. URL: <https://ag-pl.ru/wp-content/uploads/2022/06/rynok-hszz-v-rossii-2022.-pokazateli-i-prognozy.-versiya-dlya-sajta.pdf> (дата обращения: 30.08.2023).

ского производства ХСЗР вырос на 46 %, составив 161 тыс. т (рис. 3).

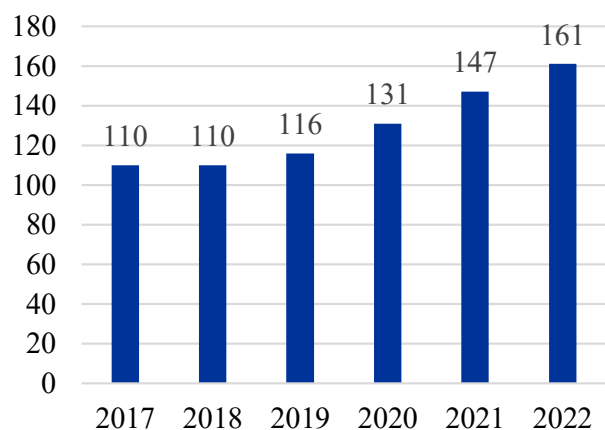

Рис. 3. Динамика объемов российского производства ХСЗР, тыс. т

Fig. 3. Dynamics of volumes of Russian production of CCPP, thsd tons

Источник: составлено автором по данным. URL: <https://ag-pl.ru/wp-content/uploads/2022/06/rynok-hsizr-v-rossii-2022.-pokazateli-i-prognozy.-versiya-dlya-sajta.pdf> (дата обращения: 30.08.2023)

В 2022 г. объем российских производственных мощностей оценивался в 270 тыс. т в год, уровень их загрузки на сегодняшний день составил 60 %. Таким образом, объема производственных мощностей российских компаний достаточно для покрытия 100 % потребности в ХСЗР.

Импорт ХСЗР в РФ в 2022 г. составил 79 тыс. т, что ненамного больше показателя 2017 г. (78 тыс. т), но надо учитывать, что динамика не была ровной. В 2018 г. произошел существенный спад импорта (–19 %), и весь последующий период ушел на восстановление ранее достигну-

тых показателей; наиболее ощутимый рост был зафиксирован в 2022 г. (12 %). Объем импорта в стоимостном выражении достиг 979 млн долл. США.

Страновая структура импорта в физических и денежных показателях представлена на рис. 4.

Лидером в поставках на российский рынок ХСЗР является Китай [3; 11], на его долю приходится почти 50 % от всего импорта, или 39 тыс. т ХСЗР. По сравнению с 2021 г. импорт ХСЗР в РФ вырос на 9 тыс. т, тогда как импорт из Китая — на 9,6 тыс. т, то есть можно констатировать, что рост импорта в целом был обеспечен ростом именно китайского импорта. Сегодня 12 основных стран-импортеров обеспечивают 93 % импорта по объему (73,2 тыс. т) и 91 % импорта — по стоимости (891,3 млн долл.), за последние несколько лет (2019–2022 гг.) этот показатель вырос на 20,4 % по объему и на 63,5 % — по стоимости, что позволяет сделать вывод о растущей зависимости страны от импорта, а также о росте импортных цен на ХСЗР.

Основные производители импортируемых в РФ ХСЗР представлены на рис. 5. На долю 18 производителей приходится 62 % всех импортируемых ХСЗР, что в 2022 г. составило 48,5 тыс. т на сумму 652, 7 млн долл. За последние годы очевидна тенденция сокращения поставок европейских компаний, таких как Bayer, BASF, Syngenta и, наоборот, рост поставок ХСЗР рядом китайских компаний, в частности JIANGSU GOOD HARVEST, SHANGHAI MIO CHEMICAL.

В РФ ввозятся ежегодно тысячи тонн действующих веществ для последующего производства ХСЗР. В 2022 г. импорт ДВ составил 64,5 тыс. т, что на 16 % больше, чем в 2021 г. и на сумму

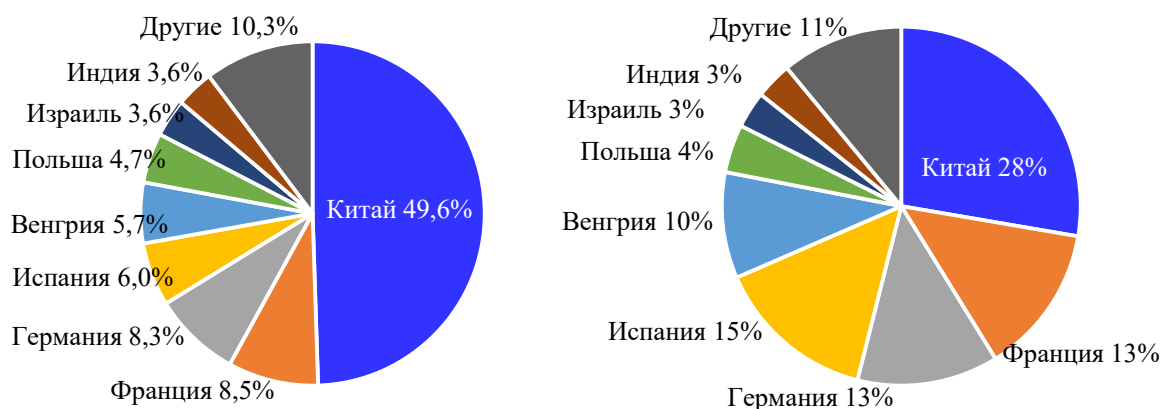

Рис. 4. Страновая структура импорта ХСЗР в РФ в 2022 г., тыс. т (слева) и тыс. долл. (справа)

Fig. 4. Russia Imports of CCPP by Country in 2022, thsd tons (left) and thsd USD (right)

Источник: составлено автором по данным URL: <https://ag-pl.ru/wp-content/uploads/2022/06/rynok-hsizr-v-rossii-2022.-pokazateli-i-prognozy.-versiya-dlya-sajta.pdf> (дата обращения: 30.08.2023)

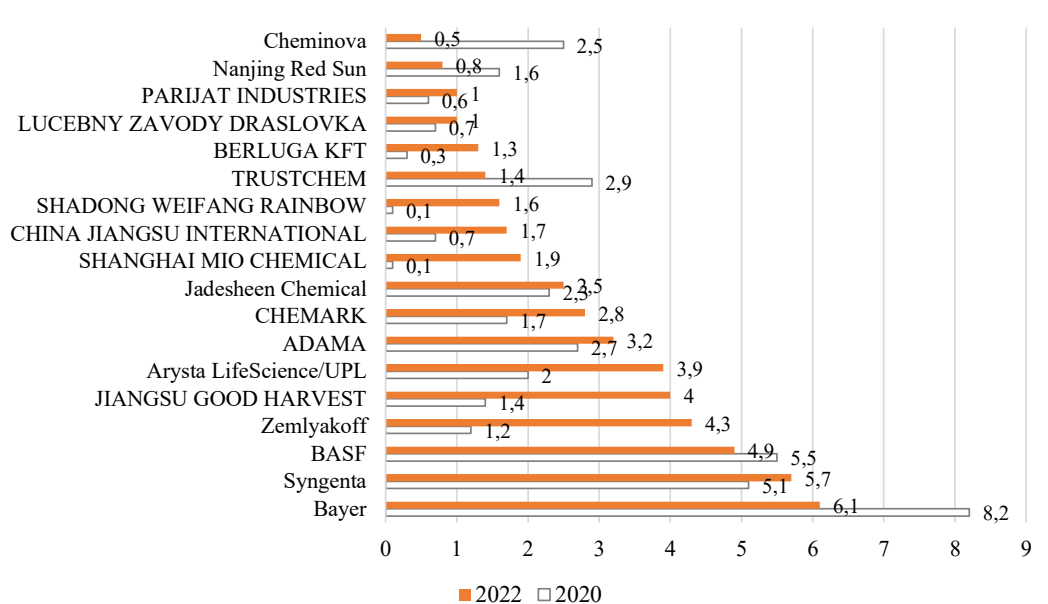

Рис. 5. Основные компании — производители импортруемых ХСЗР в РФ в 2020 и 2022 гг., тыс. т
 Fig. 5. Major manufacturing companies of imported CCPP to the Russian Federation in 2020 and 2022, thsd tons

Источник: составлено автором по данным URL: <https://ag-pl.ru/wp-content/uploads/2022/06/rynok-hszi-v-rossii-2022.-pokazateli-i-prognozy.-versiya-dlya-sajta.pdf> (дата обращения: 30.08.2023)

896 млн долл., что на 78 % больше, чем в 2021 г.¹ Основными импортерами ДВ являются АО «ЩЕЛКОВО АГРОХИМ», ООО «Август-Алабуга», ООО «Агро Эксперт Групп», АО «Фирма «АВГУСТ»», ООО «КЧЗ «АГРОХИМИКАТ»», ООО «ШАНС ЭНТЕРПРАЙЗ», ООО «Агрэхим-Алабуга», ООО «ТД КЧХК», АО «ФМРУС», ООО «ЛИСТЕРРА», ООО «Техноэкспорт» / АО «ТПК ТЕХНОЭКСПОРТ» / ООО «ЗЕЛЕНЬ ПЯС», ООО «АГРОРУС И КО». Основной объем поставок приходится на «Глифосат», 35 % от всего импорта.

Проблема импортозависимости российского рынка ХСЗР от импортных ДВ. Таким образом, очевидно, что хотя российские производители ХСЗР обладают производственными мощностями, способными покрыть всю потребность РФ в ХСЗР, они практически на 100 % зависимы от импортных ДВ, что в значительной мере может быть объяснено экономическими причинами. В частности, создание самостоятельного производства ДВ российскими компаниями потребует значительных инвестиционных вложений, при этом окупаемость таких инвестпроектов окажется длительной, поскольку если рассматривать в качестве целевого внутренний рынок России, то объемы производства будут не столь существенными, чтобы за счет эффекта масштаба обе-

спечить производству желаемую рентабельность, а выпускаемой продукции себестоимость, которая позволит определить конкурентоспособную с теми же китайскими продуктами цену. Аналогичная ситуация сложилась и в ряде других сегментов химической отрасли, внутренний рынок средне- и малотоннажной химии РФ очень мал по сравнению с мировым. Например, внутренний рынок кремнийорганических соединений РФ составляет 40 тыс. т в год, в то же время только один китайский завод производит 400 тыс. т соответствующей продукции для мирового рынка, а подобных заводов в Китае несколько. Именно это обстоятельство, а также тот факт, что все подобные предприятия обычно располагаются в специализированных химических кластерах, то есть на производственных площадках, выпускающих необходимые базовые химические компоненты, объясняет получение минимальной себестоимости китайских продуктов для мирового рынка. Именно этот фактор определил в значительной мере переход российских производителей на использование импортных ДВ для производства ХСЗР. Результатом такого подхода, реализуемого в несколько последних десятилетий, стало то, что химические компании, расположенные на территории Российской Федерации, не имеют необходимых технологий по производству действующих веществ, а программа Минпромторга по импортозамещению производства ДВ за всё

¹ Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru> (дата обращения: 30.08.2023)

время своей работы пока не принесла каких-либо значимых результатов.

Сложившаяся ситуация чревата двумя видами риска. Прежде всего это рост стоимости ДВ, который происходит сейчас и с большой долей вероятности будет происходить и дальше. Например, в 2022 г. компания Syngenta искусственно завышала цены в 2 раза на «Глифосат» и «Пропиконазол», компания UPL в 2 раза завышала цены на «Клетодим», компания BASF более чем в три раза завышала цены на «Имазамокс». Также падение курса рубля по отношению к доллару объективно приводит к росту стоимости импортируемых ДВ и вызванному этим повышению стоимости готовых форм ХСЗР, производимых на территории РФ, либо падению рентабельности их производства.

Кроме того, в ближайшие 1–2 года может произойти массовый переход китайских компаний с экспорта ДВ для самостоятельного производства российскими компаниями ХСЗР на экспорт готовых форм ХСЗР, как это уже произошло в других сегментах химической отрасли, в частности в кремнийорганических соединениях. Например, завод «Силан» (г. Данков, Липецкая область) первоначально закупал в Китае сырье для производства специальных полимеров в виде мономеров. Затем китайский партнер поднял цены на мономеры, сравнив их со стоимостью готовых полимеров, производимых китайскими компаниями. В результате объемы продаж и соответственно производства завода «Силан» значительно сократились.

Решением является производство ДВ российскими компаниями с ориентацией не только на внутренний, но и на международный рынок, что позволит обеспечить необходимые для низкой себестоимости масштабы производства. Но поскольку существующие для создания собственного российского производства ДВ для ХСЗР условия ограничиваются не только узостью внутреннего рынка, но и отсутствием собственных промышленных технологий, прошедших стадию масштабирования, и всей производственной инфраструктуры, то данное решение потребует организации эффективного технологического промышленного трансфера, обеспечивающего международную конкурентоспособность. В качестве странового источника такого трансфера целесообразно рассматривать Индию и Китай ввиду наличия на их территории развитой и диверсифицированной химической промышленности.

Сравнительная характеристика Китая и Индии как источника технологического трансфера. С начала СВО в отношении РФ реализуется санкционная политика, включающая широкий набор финансовых, торговых, транспортных, визовых и иных ограничительных мер, по интенсивности и объему превосходящих меры времен холодной войны. Обращаясь к опыту других стран, в отношении которых также реализовывалась полномасштабная санкционная политика, можно отметить, что используется широкий спектр инструментов, от полномасштабных акций до точечных воздействий и «умных ограничений» против отдельных лиц или организаций. В частности, в отношении КНДР фактически осуществляется финансовая и торговая блокада, в отношении Ирана «умные» санкции в отношении отдельных лиц сочетались с более широкими запретами, включая ограничения импорта иранской нефти¹. В случае Венесуэлы точечные санкции против стратегических предприятий нефтяной отрасли дали существенный эффект «кругов по воде», оказывая влияние на экономику в целом². Во всех этих случаях применения санкций заметна очевидная трансформация применяемого инструментария: вместо тотальных эмбарго он стал опираться на более тонкие блокирующие финансовые санкции и откалиброванный контроль экспорта. США применяет санкций больше, чем все остальные вместе взятые страны и организации, включая ООН [1; 14]. Лидирующие позиции в мировой экономике, в том числе в области финансов и промышленных технологий, обеспечили США возможность непосредственно вводить широкие санкции, а также под угрозой вторичных экстерриториальных санкций или принудительных мер административного и уголовного характера заставлять крупные компании ограничить или прекратить сотрудничество со странами-мишенями или с подсанкционными лицами.

¹ Jasen G. 5 Questions: Sanctions Expert Richard Nephew on Cancellation of Iran Nuclear Deal // Columbia News. 2018. URL: <https://news.columbia.edu/news/5-questions-sanctions-expert-richard-nephew-cancellation-iran-nuclear-deal> (дата обращения: 30.08.2023)

² Preliminary findings of the visit to the Bolivarian Republic of Venezuela by the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights. 2021 URL: <https://www.ohchr.org/en/statements/2021/02/preliminary-findings-visit-bolivarian-republic-venezuela-special-rapporteur?LangID=E&NewsID=26747> (дата обращения: 30.08.2023)

Китай и Индия сегодня относятся к самым крупным странам по численности населения, а также по производимому ВВП. Китай находится на первом месте по ВВП (по ППС), Индия — на третьем после США. Позиции этих стран по отношению к санкционной политике, реализуемой США, Европой и их партнерами, существенно влияют на экономику РФ, на возможности реализации промышленных проектов. Формально как Китай, так и Индия не присоединились к санкционной политике США и Европы, в частности, увеличение товарооборота с этими странами позволили России значительно ослабить последствия санкционного давления. Однако политика Китая и Индии в отношении санкционных мер различается.

Китай наращивает двусторонний оборот в энергетической сфере, а также улучшает взаимодействие на валютном рынке в стремлении снизить зависимость от использования американского доллара. В частности, крупные российские компании начали выпуск корпоративных облигаций в юанях, государство также намерено выпустить государственные займы в юанях. По данным ЦБ, доля юаня во внешнеторговых расчетах по экспорту выросла до 17 %, а по импорту — до 23 %. В Фонде национального благосостояния до 50 % всех ликвидных средств занимают активы в юанях, значительно выросли объемы торгов юанями на Московской бирже¹.

Также в 2022 г. вырос товарооборот между Россией и Китаем — до 190 млрд долл., почти три четверти (85 млрд долл.) пришлось на российские углеводороды. Экспорт китайских товаров в Россию в 2022 г. достиг 76 млрд долл., составив 30 % в целом в российском импорте. В рамках Российско-Китайского бизнес-форума, состоявшегося в мае 2023 г., председатель Правительства РФ М. В. Мишустин подчеркнул необходимость и дальше совершенствовать финансовую и промышленную кооперацию, укреплять энергетическое партнерство, расширять сотрудничество в сфере технологий и инноваций, увеличивать масштаб двухсторонней торговли². В частности, М. В. Мишустин указал, что в рамках расшире-

ния промышленной и технологической кооперации в целях создания конкурентоспособных и доступных по цене товаров рассматривается запуск российскими компаниями производств на территории Китая, в том числе в свободных и специальных промышленных зонах. Таким образом, можно говорить о том, что на государственном уровне Китай оказывает полную поддержку России в условиях сегодняшних санкций.

Индия также значительно увеличила импорт российских углеводородов, в частности торговый оборот между Индией и Россией с апреля 2022 г. до февраля 2023 г. достиг 45 млрд долл. Но в основе этого роста — увеличение импорта дешевой российской нефти, поступающей в страну со скоростью 1,6 млн баррелей в день. При этом Индия придерживается установленного потолка цен при приобретении российских углеводородов, все взаиморасчеты осуществляются в рупиях, которые вывезти из страны нельзя. Тогда как экспортные поставки в Россию из Индии составляют 200–300 млн долл. в месяц, приводя к очевидному торговому дисбалансу. В значительной мере это происходит из-за имеющихся негласных рекомендаций индийских властей бизнесу поддерживать санкции³. В результате поставки интересных для экономики РФ товаров осложняются или блокируются, и это не удалось решить даже на высоком уровне в ходе визитов делегаций, возглавляемых министром промышленности и торговли Д. В. Мантуровым, имевших место в 2022 и 2023 гг. В частности, российской стороной предлагалось создать российско-индийскую зону свободной торговли, через которую осуществлять поставку расширенного списка продукции фармацевтической промышленности, дорожную технику, химию и др. Соглашение достигнуто не было, одновременно было зафиксировано сокращение импорта лекарств в Россию из Индии, в то время как 28 западных производителей фармпродукции прекратили поставки полностью, что привело к сокращению ассортимента российских аптек на 2,4 тыс. наименований. В целом сокращение импорта лекарств составило 9 %⁴. Невозможность вывезти из Индии рупии

¹ Ткачев И., Антипова А., Химшиашвили П. Партнерство с сырьевым акцентом. Как развивались в последнее время российско-китайские отношения. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2023/03/20/64145bfb9a79477ef586365c?ysclid=lkpig3qngw865556772> (дата обращения: 30.08.2023)

² URL: <http://government.ru/news/48550/> (дата обращения: 30.08.2023)

³ Bloomberg: Индия не готова нарушать санкции против России. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2023/03/12/16386625.shtml?ysclid=lkphwdjrpz404461045> (дата обращения: 30.08.2023)

⁴ Медведева Ю. Индия отворачивается от России: ни лекарств, ни экскаваторов, ни катков, ни кранов. URL: <https://haqqin.az/analytics/280940?ysclid=lldr2f5dbj415642081> (дата обращения: 30.08.2023)

привела к тому, что объем иностранных активов, накопленных РФ за рубежом, увеличился до 146 млрд долл., которые Россия пока не может использовать. ЦБ Индии рекомендует вкладывать накапливаемые рупии в местные ценные бумаги, в том числе в государственные облигации или инвестировать на индийском рынке капитала, что пока не выглядит особенно интересным для российских компаний.

Немаловажным является также тот факт, что США и Индия поддерживают многолетние партнерские отношения как в экономической сфере, так и в военной — государства состоят в оборонном альянсе QUAD (Четырехсторонний диалог по безопасности), куда входят также Австралия и Япония. В 2018 г. Индия вошла в приоритетную категорию стран-партнеров США по торговле стратегическими товарами, которым представлен статус STA-1 (Strategic Trade Authorization-1), что дает Индии возможность упрощенно приобретать у США передовые технологии и продукцию. Несмотря на то, что пока Индия отказывается обсуждать с членами G20 дополнительные санкции против России — во время ее председательства в клубе, Индия в большей степени заинтересована в укреплении связей с США, а не с Россией.

Заключение

Осуществление технологического трансфера для развития самостоятельного производства ДВ для ХСЗР в РФ кажется наиболее доступным за счет образования российскими компаниями совместных предприятий (СП) с индийскими или китайскими компаниями при поддержке правительства РФ.

В случае выбора в качестве базового технологического партнера индийской компании следует принимать во внимание следующие обстоятельства: во-первых, Индия будет скрыто поддерживать санкционную политику коллективного Запада по отношению к РФ, возможная победа РФ в конфликте на Украине лишь обострит данную тенденцию. Во-вторых, представляется маловероятным, что индийский партнер даже в случае организации СП на территории Индии с размещением там основного производственного процесса позволит инвестировать средства СП в экономику РФ, в частности в организацию конечной «сборки» продукта. Таким образом, в случае выбора российской компанией индийского партнера в долгосрочной перспективе наиболее целесообразно реализовывать проект производства ДВ в рамках создания СП с индийской компа-

нией-производителем, уже успешно поставляющей свой продукт на международный рынок или приобрести долю в соответствующей компании. В среднесрочной перспективе, с учетом санкционной политики, на территории России скорее всего возможно будет организовать только часть производственной цепочки, позволяющей получать конечный продукт из индийских полупродуктов. Тем не менее подобный подход позволит решить задачу трансфера промышленной технологии.

В случае выбора в качестве базового технологического партнера китайской компании следует принимать во внимание следующие обстоятельства — Китай будет поддерживать РФ в долгосрочном конфликте с коллективным Западом, победа РФ в конфликте на Украине обеспечит Китаю первое место в мировой экономике. Кроме того, Китай, как централизованное государство с плановой экономикой, и его частные компании крайне заинтересованы в контроле за российским рынком ХСЗР. Это объясняется тем, что, во-первых, преобладающая часть всех ДВ, используемых для производства ХСЗР в РФ, производится в восьми провинциях Китая. Во-вторых, Китай рассматривает РФ в качестве ключевого поставщика сырьевых ресурсов для своей экономики и прежде всего продуктов сельского хозяйства. Это существенно меняет представление о рисках технологического промышленного трансфера из Китая. Китай будет заинтересован в организации совместного производства ДВ на своей территории, и организация СП по производству ДВ на территории Китая будет поддержана российским правительством с использованием инструментов поддержки Минпрома РФ. Однако усилия руководства Китая будут направлены на поставку на рынок РФ конечных форм ХСЗР, а не ДВ. С большой долей вероятности это в недалеком будущем создаст существенный барьер для развития производства ДВ на территории РФ для всех проектов с потенциальным трансфером китайских технологий. Результатом может стать реорганизация всего рынка ХСЗР РФ, в том числе перенос ряда российских производств ХСЗР в Китай и, возможно, организации на территории РФ производств наименее рентабельных и экологически «грязных» позиций ДВ. Именно поэтому даже с учетом отдаляющейся от России и приближающейся к США Индии совместный проект по созданию ДВ на основе промышленного трансфера из Индии представляется более реализуемым в среднесрочной перспективе, чем

аналогичный проект с Китаем. Для первоначальной локализации могут быть выбраны наиболее интересные ДВ из тех, на которые на сегодняшний день уже сняты патенты, что позволяет свободно создавать новые дженериковые препараты на базе проверенных действующих веществ.

Но в долгосрочной перспективе системное решение вопроса обеспечения ДВ производства ХСЗР на основе технологического трансферта малореализуемо. Необходимость интенсификации защиты растений требует постоянной разработки и внедрения новых ДВ и их комплексов, то есть вне зависимости от выбора стратегического партнера внутреннюю потребность в ДВ российского рынка в долгосрочной перспективе можно удовлетворить только путем создания соответствующего производства полного цикла, что предполагает организацию многоступенчатого синтеза на территории РФ.

Необходимыми условиями для организации производства конкурентоспособной линейки ДВ на территории РФ являются следующие:

- организация внутреннего производства необходимых для соответствующего синтеза химических компонентов, как средне-, так и крупнотоннажных. Поскольку создаваемый производственный комплекс должен обеспечивать конкурентоспособную по сравнению с мировой себестоимость, его надо организовывать в виде территориального химического кластера с высокой производительностью. Это также повлечет за собой выстраивание новых производственных цепочек в области мало- и среднетоннажной химии;
- производство ДВ в достаточно значительных объемах, с ориентацией не только на внутренний, но и на международный рынки;
- обеспечение гибкости производственных мощностей, позволяющих выпускать широкую линейку ДВ, запускать новые продукты, управ-

лять ассортиментом в зависимости от рыночной конъюнктуры.

Для решения столь масштабных и комплексных задач необходимо инициировать соответствующий комплексный целевой проект на федеральном уровне.

Нехватка высококвалифицированных специалистов на местах потребления агрохимической промышленности обуславливает потребность в новых образовательных программах, сквозных исследовательских программах изучения влияния агрохимических препаратов на природную экосистему, появление комплексных межгрупповых предложений по сопровождению и поддержке производителями агрохимической продукции конечных потребителей («агрохимия как услуга»).

Отсутствие проектных организаций, обеспечивающих полный цикл разработки новых ХСЗР, обуславливает необходимость создания долгосрочных государственных программ поддержки комплексных исследований в области разработки новых средств защиты растений.

Значительный объем импорта действующих веществ и отсутствие российских производств создает выраженный запрос на государственные меры поддержки проектного финансирования производства продуктов агрохимии и оптимизацию процедур согласования и регистрации новых препаратов.

Подобный подход, показанный на примере отрасли ХСЗР, может быть использован и в других отраслях промышленности, в значительной части зависимых сегодня от импорта ДВ и полупродуктов, с одной стороны, и имеющих стратегическое значение для экономики и обороноспособности, особенно в складывающихся условиях СВО и санкций, с другой стороны.

Список источников

1. Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. Washington DC : Peterson Institute for International Economics, 2009.
2. Батьковский М. А., Кураев Н. М., Стяжкин А. Н. Фомина А. В. Оценка импортной зависимости производства радиоэлектронной продукции // Вопросы радиоэлектроники. 2017. № 1. С. 113–124.
3. Ван Д. Анализ китайско-российских отношений в сфере торговли продукцией химического производства // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 9-1. С. 37–42.
4. Ельшин Л. А., Гафаров М. Р., Савушкин М. В. Стратегические ориентиры импортозамещения в России в условиях системных преобразований // Теоретическая и прикладная экономика. 2022. № 3. С. 63–71.
5. Жуков А. О., Карцан П. И. Определение степени импортозависимости биотехнологических организаций // Журнал прикладных исследований. 2022. № 6 (2). С. 121–131.

6. Кабанова Е. А. Перспективы российского сельскохозяйственного комплекса в условиях санкций // *Экономическое развитие России*. 2023. Т. 30, № 4. С. 44–52.
7. Капогузов Е. А. Импортозависимость российской гражданской авиационной промышленности // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2022. № 58. С. 58–76.
8. Корепанов Е. Н. Импортозависимость и импортозамещение в машиностроении // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2022. № 5. С. 66–76.
9. Кохно П. А., Кохно А. П. Определение уровня зависимости продукции от применяемых иностранных комплектующих // *Вестник Московского университета МВД России*. 2021. № 3. С. 298–306.
10. Куимова М. А. Диагностика потенциала импортозамещения в химической промышленности России // *Инновации и инвестиции*. 2021. № 3. С. 336–339.
11. Куленцан А. Л., Марчук Н. А. Химическая промышленность Китая: история и современность. *Российский химический журнал*. 2022. Т. LXVI, № 4. С. 87–93.
12. Масалов В. Н., Березина Н. А., Догадина М. А. Импортозависимость и импортозамещение в аграрной сфере экономики России // *Вестник аграрной науки*. 2022. № 3 (96). С. 70–77.
13. Сеницына П. А. Проблемы импортозамещения в России на примере монохлоруксусной кислоты // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2022. № 11 (469). С. 182–187.
14. Тимофеев И. Н. Санкции против России: взгляд в 2021 г. : доклад РСМД. М. : НП РСМД, 2021.
15. Тихомиров А. И., Фомин А. А. Технологическая импортозависимость АПК России: современные вызовы и возможности // *Международный сельскохозяйственный журнал*. 2023. Т. 66, № 1 (391). С. 16–19.
16. Цветкова П. И., Дубова Ю. И. Импортозамещение в пищевой промышленности России в условиях санкций // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2021. № 3 (449). С. 258–264.
17. Шишацкий О. Н. Глобальная индустрия защиты растений // *Журнал СФУ. Биология*. 2021. № 14 (4). С. 541–549.

References

1. Hufbauer G, Shott J, Elliott K, Oegg B. *Economic Sanctions Reconsidered*. Washington DC : Peterson Institute for International Economics, 2009.
2. Batkovsky MA, Kuraev NM, Styazhkin AN, Fomina AV. Assessment of the import dependence of the production of radio-electronic products. *Voprosy radioelektroniki = Radioelectronics issues*. 2017;(1):113-124. (In Russ.).
3. Wang D. Analysis of Sino-Russian relations in the field of trade in chemical products. *Vestnik Altajskoj Akademii Ekonomiki i Prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2021;(9-1):37-42. (In Russ.).
4. Elshin LA, Gafarov MR, Savushkin MV. Strategic guidelines for import substitution in Russia in the context of systemic transformations. *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika = Theoretical and Applied Economics*. 2022;(3):63-71. (In Russ.).
5. Zhukov AO, Kartsan PI. Determining the degree of import dependence of biotechnological organizations. *Zhurnal prikladnyh issledovanij = Journal of Applied Research*. 2022;(6):121-131. (In Russ.).
6. Kabanova EA. Prospects for the Russian agricultural complex under sanctions. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Economic development of Russia*. 2023;4(30):44-52. (In Russ.).
7. Kapoguzov EA. Import dependence of the Russian civil aviation industry. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Bulletin of Tomsk State University. Economy*. 2022;(58):58-76. (In Russ.).
8. Korepanov EN. Import dependence and import substitution in mechanical engineering. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2022;(5):66-76. (In Russ.).
9. Kohno PA, Kohno AP. Determination of the level of dependence of products on foreign components used. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;(3):298-306. (In Russ.).
10. Kuimova MA. Diagnostics of the potential of import substitution in the chemical industry of Russia. *Innovacii i investicii = Innovations and investments*. 2021;(3):336-339.
11. Kuletsan AL, Marchuk NA. Chemical industry of China: history and modernity. *Rossijskij himicheskij zhurnal = Russian chemical journal*. 2022;(4):87-93. (In Russ.).

12. Masalov VN, Berezina NA, Dogadina MA. Import dependence and import substitution in the agricultural sector of the Russian economy. *Vestnik agrarnoj nauki = Bulletin of Agrarian Science*. 2022;(3):70-77. (In Russ.).
13. Sinitsyna PA. Problems of import substitution in Russia using the example of monochloroacetic acid. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2022;(11):182-187. (In Russ.).
14. Timofeev IN. Sanctions against Russia: a look at 2021. *Doklad RSMD = RIAC report*. Moscow; 2021. (In Russ.).
15. Tikhomirov AI, Fomin AA. Technological import dependence of the Russian agro-industrial complex: modern challenges and opportunities. *Mezhdunarodnyj sel'skohozyajstvennyj zhurnal = International Agricultural Journal*. 2023;(1):16-19. (In Russ.).
16. Tsvetkova PI, Dubova YuI. Import substitution in the Russian food industry under sanctions. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021;(3):258-264.
17. Shishatsky ON. Global plant protection industry. *Zhurnal SFU. Biologiya = Journal of Siberian Federal University. Biology*. 2021;(14):541-549.

Информация об авторах

Н. А. Диесперова — кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладной экономики Высшей школы промышленной политики и предпринимательства.

К. В. Диесперов — генеральный директор.

Information about authors

N. A. Diesperova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Applied Economics, High School of Industrial Policy and Entrepreneurship.

K. V. Diesperov — CEO.

Статья поступила в редакцию 23.08.2023; одобрена после рецензирования 15.10.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 23.08.2023; approved after reviewing 15.10.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ECONOMIC EDUCATION

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 167–175.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(11(481):167-175. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 330

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-167-175

ПРИНЯТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ НА ОСНОВЕ МОДЕЛИ МНОЖЕСТВЕННОЙ РЕГРЕССИИ

Наталья Алексеевна Берг¹, Нина Адамовна Дегтярева²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, berg@csu.ru

²Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия, degtyareva_na56@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены актуальные вопросы эконометрического моделирования как метода научного познания. Цель исследования состоит в том, чтобы показать методику построения модели множественной регрессии и продемонстрировать возможность ее использования для решения прикладных задач описания, анализа и прогнозирования реальных экономических процессов. Существует ряд методических трудностей с применением метода эконометрического моделирования. В связи с этим возникла необходимость показать на примере применение базовых эконометрических знаний и навыков для решения прикладных задач в такой отрасли, как сельское хозяйство. В статье проанализированы и выполнена обработка статистических данных, применен метод корреляционно-регрессионного анализа информации, использован статистический пакет Excel. Полученные в ходе исследования выводы послужат инструментом для принятия эффективных, научно обоснованных управленческих решений, которые смогут ослабить проблемные ситуации в растениеводстве.

Ключевые слова: корреляционно-регрессионный анализ, множественная регрессия, точечный и интервальный прогноз, управленческое решение

Для цитирования: Берг Н. А., Дегтярева Н. А. Принятие управленческих решений в сельском хозяйстве на основе модели множественной регрессии // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 167–175. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-167-175.

Original article

MANAGEMENT DECISION-MAKING IN AGRICULTURE BASED ON THE MULTIPLE REGRESSION MODEL

Natalia A. Berg¹, Nina A. Degtyareva²

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, berg@csu.ru

²South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia, degtyareva_na56@mail.ru

Abstract. The article discusses the issues of econometric modeling as a method of scientific cognition. The purpose of the study is to show the methodology of constructing a multiple regression model and to demonstrate the possibility of using it to solve applied problems of description, analysis and forecasting of real economic processes. There are a number of methodological difficulties with the application of the econometric modeling method. In this regard, it became necessary to show by example the application of basic econometric knowledge and skills to solve applied problems in such an industry as agriculture. The article analyzes and processes statistical data, applies the method of correlation and regression analysis of information, uses the Excel statistical package. The conclusions obtained in the course of the study will serve as a tool for making effective, scientifically sound management decisions that can reduce problematic situations in crop production.

Keywords: correlation and regression analysis, multiple regression, point and interval forecast, management decision

For citation: Berg NA, Degtyareva NA. Management Decision-Making in Agriculture Based on the Multiple Regression Model. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(11(481):167-175. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-167-175.

Введение

Производственная деятельность требует от руководителя предприятия применения современных научных методов анализа информации, например знания эконометрических методов [1]. Неоценимый вклад в развитие эконометрических методов сделали отечественные экономисты и математики — С. А. Айвазян, В. С. Мхитарян, Е. Е. Слуцкий, Л. В. Канторович, В. С. Немчинов, Л. Р. Магнус, П. К. Катышев, А. А. Пересецкий, И. И. Елисеева и др. [1].

Применение эконометрических методов основано на построении эконометрических моделей [1; 2].

Чтобы построить эконометрическую модель с последующим использованием ее для прогнозирования, необходимо решить следующие задачи [3]:

- собрать исходные данные;
- отобрать факторы, наиболее влияющие на результирующий показатель;
- выбрать тип эконометрической модели, в том числе формирование структуры и форм функциональной связи между переменными, включенными в модель;
- провести статистический анализ выбранной модели, то есть оценить неизвестные параметры модели на базе имеющихся статистических данных;
- проверить качество модели: сопоставить реальные и модельные данные, проверить адекватность модели, оценить точность модельных данных.

Цель исследования состоит в рассмотрении методологии построения линейной модели множественной регрессии и демонстрации возможностей использования ее для количественного исследования взаимосвязей между явлениями, для решения прикладных задач анализа и прогнозирования реальных экономических процессов в сельском хозяйстве.

Методология и данные

Приобретение навыка построения и оценки параметров модели множественной линейной регрессии, а также анализ ее качества, разработка прогнозов показаны в данном исследовании [4].

В связи с этим возникла необходимость показать на примере применение базовых эконометрических знаний и навыков для решения прикладных задач в такой отрасли, как сельское хозяйство. В статье проанализированы и выполнена обработка статистических данных, применен метод корреляционно-регрессионного анализа информации. Обработка данных осуществлялась с помощью статистических таблиц Microsoft Excel [2; 11].

Для принятия эффективных решений в сфере сельского хозяйства сегодня необходимо опираться на качественный анализ информации [2].

Увеличение производства сельскохозяйственной продукции позволяет обеспечить продовольственную безопасность и социально-экономическую стабильность в обществе. Поэтому актуальна сегодня проблема выявления факторов, позволяющих увеличить валовой выпуск продукции растениеводства в хозяйствах, лучшим способом решить проблему прогнозирования урожайности овощей и фруктов.

При оценке состояния валовой плодовоовощной продукции были использованы статистические материалы по субъекту Челябинская область.

Отбор количественных данных был осуществлен исходя из ежегодной статистической отчетности. Были использованы показатели деятельности в хозяйствах всех категорий Челябинской области за период 2012–2021 гг. Рассмотрим исследование зависимости от следующих факторов:

X_1 — индекс производства сельскохозяйственной продукции (растениеводство);

X_2 — валовые сборы плодов, ягод и винограда, тыс. т;

X_3 — валовой сбор овощей, тыс. т;

X_4 — площади плодово-ягодных и виноградных насаждений, тыс. га;

X_5 — реализация продукции (овощи) сельскохозяйственными производителями, тыс. т;

Y — объем производства продукции растениеводства, млрд руб.

Исходя из принятых обозначений таблица исходных данных для дальнейшего эконометрического исследования примет следующий вид — табл. 1.

Таблица 1
Table 1

Статистические данные
Statistical data

<i>t</i>	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
<i>Y</i>	21,286	27,091	30,223	39,607	41,028	47,572	41,666	42,293	36,571	43,712
<i>X</i> ₁	56,5	118,4	102,6	108,4	102,1	108,5	90,7	92,5	80,6	100,9
<i>X</i> ₂	83,225	100,823	87,629	95,610	85,851	87,997	91,032	83,922	86,815	78,811
<i>X</i> ₃	207,240	223,373	207,924	171,558	170,924	161,226	150,532	119,755	115,300	97,125
<i>X</i> ₄	26,923	26,173	25,416	23,731	22,354	21,962	21,843	21,273	19,924	19,329
<i>X</i> ₅	6,682	8,426	7,924	4,584	5,449	6,368	6,636	5,046	6,952	5,970

Источник: составлен авторами на основе данных отдела сводных статистических работ Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области (Челябинскстат) <https://rosstat.gov.ru>.

В ходе анализа независимых факторов на мультиколлинеарность и анализа тесноты взаимосвязи независимых факторов (*X*) с зависимой результативной переменной (*Y*) были исключены линейно связанные регрессоры, имеющие высокие коэффициенты парной корреляции (больше 0,8).

Вычисленные значения коэффициентов парной корреляции представим в табл. 2.

Проведенный анализ значений коэффициентов парной корреляции r_{x_i, x_j} между факторами x_i и x_j показал следующие результаты.

Так как $|r_{x_1, x_2}| = 0,53 < 0,8$, то между регрессорами x_1 и x_2 нет мультиколлинеарности.

Так как $|r_{x_1, x_3}| = 0,10 < 0,8$, то между регрессорами x_1 и x_3 нет мультиколлинеарности.

Так как $|r_{x_1, x_4}| = 0,08 < 0,8$, то между регрессорами x_1 и x_4 нет мультиколлинеарности.

Так как $|r_{x_1, x_5}| = 0,05 < 0,8$, то между регрессорами x_1 и x_5 нет мультиколлинеарности.

Так как $|r_{x_3, x_2}| = 0,57 < 0,8$, то между регрессорами x_3 и x_2 нет мультиколлинеарности.

Так как $|r_{x_4, x_2}| = 0,47 < 0,8$, то между регрессорами x_4 и x_2 нет мультиколлинеарности.

Так как $|r_{x_5, x_2}| = 0,32 < 0,8$, то между регрессорами x_5 и x_2 нет мультиколлинеарности.

Так как $|r_{x_4, x_3}| = 0,96 > 0,8$, то между регрессорами x_4 и x_3 есть мультиколлинеарности.

Так как $|r_{x_5, x_3}| = 0,51 < 0,8$, то между регрессорами x_5 и x_3 нет мультиколлинеарности.

Так как $|r_{x_4, x_5}| = 0,44 < 0,8$, то между регрессорами x_4 и x_5 нет мультиколлинеарности.

Итак, между факторными признаками x_3 и x_4 выявлена мультиколлинеарность.

Проведем анализ значений коэффициентов парной корреляции между факторными признаками и результативным признаком. Для оценки силы связи применяется шкала Челдока [5].

Поскольку $|r_{x_1, y}| = 0,41$, это свидетельствует об умеренной линейной связи между факторным признаком x_1 и результативным признаком y .

Поскольку $|r_{x_2, y}| = 0,23$, это свидетельствует о слабой линейной связи между факторным признаком x_2 и результативным признаком y .

Поскольку $|r_{x_3, y}| = 0,71$, это свидетельствует о высокой линейной связи между факторным признаком x_3 и результативным признаком y .

Поскольку $|r_{x_4, y}| = 0,82$, это свидетельствует

Таблица 2
Table 2

Корреляционная матрица
The correlation matrix

	<i>Y</i>	<i>X</i> ₁	<i>X</i> ₂	<i>X</i> ₃	<i>X</i> ₄	<i>X</i> ₅
<i>Y</i>	1					
<i>X</i> ₁	0,412334923	1				
<i>X</i> ₂	-0,226098956	0,527158847	1			
<i>X</i> ₃	-0,71172951	0,09873048	0,573263472	1		
<i>X</i> ₄	-0,819998095	-0,08359633	0,467698259	0,957871456	1	
<i>X</i> ₅	-0,587229871	0,04451459	0,316703221	0,513385373	0,443784467	1

Источник: авторская разработка на основании данных табл. 1.

о высокой линейной связи между факторным признаком x_4 и результативным признаком y .

Поскольку $|r_{x_5y}| = 0,59$, это свидетельствует о заметной линейной связи между факторным признаком x_5 и результативным признаком y .

Отбор факторных признаков, которые между собой не взаимосвязаны, показал следующие результаты.

Поскольку факторы X_3 и X_4 связаны линейной зависимостью ($|r_{x_4x_3}| = 0,96$ — наличие мультиколлинеарности, то один из них нужно не включать в модель линейной регрессии, так как они не улучшают модель. Это фактор x_3 , он слабее связан с y ($|r_{x_3y}| = 0,71$), чем x_4 ($|r_{x_4y}| = 0,82$), и его можно исключить.

Фактор x_2 можно исключить из дальнейшего исследования, поскольку его значение ($|r_{x_2y}| = 0,23$) очень мало.

Таким образом, зависимая переменная, то есть объем y (объем производства продукции растениеводства) имеет умеренную связь ($|r_{x_1y}| = 0,41$) с индексом производства сельскохозяйственной продукции (растениеводство) в хозяйствах — x_1 , также сильную связь ($|r_{x_4y}| = 0,82$) с площадью плодово-ягодных и виноградных насаждений в хозяйствах, а также заметную связь ($|r_{x_5y}| = 0,59$) с реализация продукции (овощи) сельскохозяйственными производителями. Отообразим изменения в наборе факторов в табл. 3.

Для удобства исследований переобозначим факторные переменные (табл. 3.1).

Корреляционный анализ независимых факторных признаков обоснованно дает возможность включить регрессоры x_1, x_2, x_3 в модель множественной регрессии — зависимости объема производства продукции растениеводства от таких факторов, как индекс производства сельскохозяйственной продукции (растениеводство), площади плодово-ягодных и виноградных насаждений в хозяйствах, реализация продукции (овощи) сельскохозяйственными производителями [6].

Для отобранных факторов корреляционная матрица имеет вид, представленный в табл. 4).

Так как $r_{x_1y} = 0,41 > 0$, линия тренда возрастающая и связь между x_1 и y прямая.

Так как $r_{x_4y} = -0,82 < 0$ и $r_{x_5y} = -0,59 < 0$, линия тренда убывающая и связь между x_4 и y , x_5 и y — обратная.

Проведем регрессионно-дисперсионный анализ данных в таблицах Excel (табл. 5).

Результаты исследования

Итак, получены следующие результаты регрессионного анализа:

Множественный индекс корреляции $R = 0,93$ показывает, что степень тесноты связи результативного фактора (объема производства продукции с факторами (x_1, x_2, x_3)) равна 93 %. Значение коэффициента детерминации $R^2 = 0,87$, то есть

Таблица 3

Table 3

Отобранные статистические данные Selected statistics

t	2212	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
$Y(y)$	21,286	27,091	30,223	39,607	41,028	47,572	41,666	42,293	36,571	43,712
$X_1(x_1)$	56,5	118,4	102,6	108,4	102,1	108,5	90,7	92,5	80,6	100,9
$X_4(x_2)$	26,923	26,173	25,416	23,731	22,354	21,962	21,843	21,273	19,924	19,329
$X_5(x_3)$	66,682	8,426	7,924	4,584	5,4 49	6,368	6,636	5,046	6,952	5,970

Источник: авторская разработка на основании данных табл. 2.

Таблица 3.1

Table 3.1

Отобранные статистические данные Selected statistics

t	2212	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
y	21,286	27,091	30,223	39,607	41,028	47,572	41,666	42,293	36,571	43,712
x_1	56,5	118,4	102,6	108,4	102,1	108,5	90,7	92,5	80,6	100,9
x_2	26,923	26,173	25,416	23,731	22,354	21,962	21,843	21,273	19,924	19,329
x_3	66,682	8,426	7,924	4,584	5,449	6,368	6,636	5,046	6,952	5,970

Источник: авторская разработка на основании данных табл. 3.

Таблица 4

Table 4

Корреляционная матрица
The correlation matrix

	y	x_1	x_2	x_3
y	1			
x_1	0,412	1		
x_2	-0,820	-0,083	1	
x_3	-0,587	0,045	0,444	1

Источник: собственная разработка на основании данных табл. 3.1.

Таблица 5

Table 5

Регрессионно-дисперсионный анализ данных
Regression and variance analysis of data

Регрессионная статистика	
Множественный R	0,933219
R -квадрат	0,870898
Нормированный R -квадрат	0,806346
Стандартная ошибка	3,654742
Наблюдения	10

Дисперсионный анализ					
Параметр	df	SS	MS	F	Значимость F
Регрессия	3	540,626	180,209	13,492	0,005
Остаток	6	80,143	13,357		
Итого	9	620,769			

Параметр	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t -статистика	P -значение	Нижние 95 %	Верхние 95 %	Нижние 95,0 %	Верхние 95,0 %
y -пересечение	81,618	13,286	6,143	0,0008	49,1077	114,129	49,1077	114,129
Переменная x_1	0,177	0,070	2,518	0,0454	0,00497	0,348	0,0049	0,348
Переменная x_2	-2,078	0,528	-3,936	0,0076	-3,3694	-0,786	-3,3694	-0,786
Переменная x_3	-2,176	1,132	-1,922	0,1029	-4,94532	0,5943	-4,9453	0,5943

Источник: авторская разработка на основании данных табл. 3.1.

87 % вариации результативного фактора описываются полученной моделью множественной регрессии. Значение нормированного (скорректированного) $R^2 = 0,81$. Стандартная ошибка регрессии равна 3,654742. Полученные результаты свидетельствуют о том, что построена качественная модель, адекватно описывающая реальную ситуацию.

Итак, получены следующие результаты дисперсионного анализа: в ходе проверки нулевой гипотезы о неадекватности уравнения регрессии, с помощью F -статистики теста Фишера, установлено, что p -value составило $F = 0,004473 < \alpha = 0,01$, иначе с вероятностью 99 % отвергается нулевая гипотеза. Таким образом, принимается альтернативная гипотеза, регрессия адекватна.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в процессе исследования получена точная и адекватная модель множественной регрессии, а именно уравнение регрессии зависимости объема производства продукции растениеводства от индекса производства сельскохозяйственной продукции (растениеводство) в хозяйствах, от площади плодово-ягодных и виноградных насаждений и от размера реализации продукции (овощи) сельскохозяйственными производителями примет вид

$$\hat{Y}_t = 81,62 + 0,18x_1 - 2,08x_2 - 2,18x_3.$$

Доверительные 95%-ные интервалы коэффициентов регрессии соответственно равны: (49,10765;

114,1291), (0,004969; 0,348412), (-3,3694; -0,78623), (-4,94532; 0,594256).

Коэффициент $b_1 = 0,17669$ показывает, что при увеличении индекса производства сельскохозяйственной продукции (растениеводство) в хозяйствах всех категорий Челябинской области на единицу величина объема производства продукции растениеводства увеличивается в среднем на 0,17669 млрд руб.

Коэффициент $b_2 = -2,07782$ показывает, что при увеличении площади плодово-ягодных и виноградных насаждений в хозяйствах на 1 га величина объема производства продукции растениеводства снижается в среднем на 2,07782 млрд руб.

Коэффициент $b_3 = -2,17553$ показывает, что при увеличении реализации продукции (овощи) сельскохозяйственными производителями на 1 тыс. т величина объема производства продукции растениеводства снижается в среднем на 2,17553 млрд руб.

В ходе исследования был проведен дисперсионный анализ коэффициентов регрессии и были получены следующие результаты:

– в ходе проверки нулевой гипотезы о значимости коэффициента регрессии (тест Стьюдента), было установлено, что $P = 0,045427 < \alpha = 0,05$ для коэффициента регрессии при x_1 . Иначе, гипотеза принимается, коэффициент b_1 значим. Таким образом, с надежностью 95 % можно утверждать, между переменными x_1 и y существует значимая линейная связь;

– в ходе проверки нулевой гипотезы о значимости коэффициента регрессии (тест Стьюдента)

было установлено, что $P = 0,007656 < \alpha = 0,05$ для коэффициента регрессии при x_2 . Иначе, гипотеза принимается, коэффициент b_2 значим. Таким образом, с надежностью 95 % можно утверждать, что между переменными x_2 и y существует значимая линейная связь;

– в ходе проверки нулевой гипотезы о значимости коэффициента регрессии (тест Стьюдента) при x_3 , было установлено, что $P = 0,10299 > \alpha = 0,05$. Иначе, гипотеза отвергается, коэффициент b_3 незначим;

– в ходе проверки нулевой гипотезы о значимости свободного члена регрессии (тест Стьюдента) было установлено, что $P = 0,000852 < \alpha = 0,05$. Иначе, гипотеза принимается, свободный член значим. Таким образом, с надежностью 95 % можно утверждать, что свободный член является значимым.

В ходе исследования была дана оценка качества построенной модели с помощью средней относительной ошибки аппроксимации по формуле

$$\bar{E} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \left| \frac{y_i - \hat{y}_i}{y_i} \right| \cdot 100 \%$$

Результаты расчетов представлены в табл. 6.

Так как $\bar{E} = 5,603415 < 7 \%$, значит, среднее отклонение расчетных значений от фактических менее 7 %, следовательно, модель допустимо точная.

В ходе исследования была дана оценка бета-коэффициентом [8; 11]. С его помощью можно упорядочить факторы по степени их влияния на за-

Таблица 6

Table 6

Расчет средней ошибки аппроксимации
Calculation of the average approximation error

Наблюдение	Предсказанное Y	Остатки	$((y_i - \hat{y}_i) : y_i) \cdot 100 \%$
1	21,12341	0,16259	0,769715
2	29,82477	-2,73377	9,166106
3	29,69809	0,522912	1,76076
4	41,49029	-1,88429	4,54152
5	41,35863	-0,33063	0,799422
6	41,30247	6,269533	15,17956
7	37,8216	3,844401	10,16456
8	42,78309	-0,49009	1,145523
9	39,33689	-2,76589	7,031288
10	46,30676	-2,59476	5,603415
Сумма			56,16187

Источник: составлено автором по данным табл. 3.1.

висимую переменную Y : больший модуль бета-коэффициента соответствует более сильному влиянию.

Получены следующие результаты:

$$\beta_1 = \frac{r_{yx_1} - r_{yx_2} \cdot r_{x_1x_2}}{1 - r_{x_1x_2}^2} = \frac{0,412335 - 0,82 \cdot 0,0836}{1 - (-0,0836)^2} = 0,346;$$

$$\beta_2 = \frac{r_{yx_2} - r_{yx_1} \cdot r_{x_1x_2}}{1 - r_{x_1x_2}^2} = \frac{-0,82 + 0,412335 \cdot 0,0836}{1 - (-0,0836)^2} = -0,791;$$

$$\beta_3 = \frac{r_{yx_3} - r_{yx_2} \cdot r_{x_3x_2}}{1 - r_{x_3x_2}^2} = \frac{-0,58723 + 0,82 \cdot 0,443784}{1 - 0,443784^2} = -0,27.$$

По бета-коэффициентам видно, что $\beta_2 = -0,791$ (больший модуль), то есть при неизменных размерах площади плодово-ягодных и виноградных насаждений x_2 увеличение индекса производства сельскохозяйственной продукции x_1 на величину среднеквадратического отклонения S_{x_1} этого показателя приведет к снижению среднего значения Y производства продукции растениеводства на 0,791 его среднеквадратического отклонения S_y .

Заключение

Очевидно, что модель адекватно аппроксимирует наблюдаемые значения результативного фактора, поэтому построенная модель регрессии была использована в дальнейшем для прогнозирования [10; 12].

Построим точечный и интервальный прогноз результирующего показателя.

Пусть прогнозные значения независимых регрессоров составят [12]: $x_1 = 128$, $x_2 = 28$, $x_3 = 8$, тогда точечный прогноз результативного фактора равен

$$\bar{y}_0 = 81,62 + 0,18 \cdot 128 - 2,08 \cdot 28 - 2,18 \cdot 8 = 28,98 \text{ млрд руб.}$$

На основе расчетных вычислений в Excel получили: стандартная ошибка точечной оценки зависимой переменной составит:

$$S_{\hat{y}_0} = S \sqrt{1 + X_0'(X'X)^{-1}X_0} = 180,2088 \cdot 1,34449 = 242,289,$$

где $S = \sqrt{RSS}$, $t_{кр} = t_{0,1;6}$.

С вероятностью $P = 0,1$ индивидуальные значения зависимой переменной попадут в доверительный интервал:

$$28,98 - 0,13 \cdot 242,289 \leq y_0^* \leq 28,98 + 0,13 \cdot 242,289, \text{ то есть } 20,52 \leq y_0^* \leq 60,48.$$

Таким образом, на основе построенного множественного уравнения регрессии точечный прогноз объема производства продукции растениеводства на 2022 г. в хозяйствах всех категорий Челябинской области будет равен 28,98 млрд руб. Также с надежностью 0,99 можно утверждать, что величина валовой плодовоовощной продукции в 2022 г. составит от 20,52 до 60,48 млрд руб.

По результатам прогнозирования руководители в хозяйствах смогут принимать оптимальные управленческие решения для осуществления мероприятий по увеличению валовой продукции растениеводства [13; 14].

Использование эконометрических прогнозных исследований в сельском хозяйстве отличается простой схемой разработки прогнозов, что дает возможность проведения прогнозно-имитационных расчетов по различным сценариям и использования их в практике управления [15]. Полученные в ходе исследования выводы послужат инструментом для принятия эффективных, научно обоснованных управленческих решений, которые смогут снизить проблемные ситуации в растениеводстве.

Список источников

1. Дегтярева Н. А. и др. Эконометрическое моделирование производственной эффективности // Азимут научных исследований. Серия: «Экономика и управление». 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 133–135.
2. Дегтярева Н. А., Берг Н. А. Принятие эффективных управленческих решений на основе эконометрического прогнозирования // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 4 (414). С. 176–183.
3. Антохонова И. В. Методы прогнозирования социально-экономических процессов : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2018. 213 с.
4. Дубина И. Н. Математико-статистические методы в эмпирических социально-экономических исследованиях. М. : Финансы и статистика, Инфра-М, 2010. 416 с.
5. Елисеева И. И. Статистика : учебник для бакалавров. М. : Юрайт, 2011. 565 с.

6. Елисеева И. И., Курышева С. В. Практикум по эконометрике : учебное пособие, 2-е изд., перераб. и доп. М. : Финансы и статистика, 2007. 344 с.
7. Кузнецова О. А., Мазурмович О. Н. Эконометрика: практикум. Самара : Изд-во Самарского университета, 2019. 72 с.
8. Магнус Я. Р., Катышев П. К., Пересецкий А. А. Эконометрика. М. : Дело, 2001. 400 с.
9. Тимофеев В. С., Фадеенков А. В., Щеколдин В. Ю. Эконометрика : учебник для академического бакалавриата. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2018. 328 с.
10. Дайитбегов Д. М. Компьютерные технологии анализа данных в эконометрике. М. : Инфра-М ; Вузовский учебник, 2010. 578 с.
11. Вуколов Э. А. Основы статистического анализа. Практикум по статистическим методам и исследованию операций с использованием пакетов Statistica и Excel. М. : Инфра-М, 2004. 464 с.
12. Практикум по эконометрике : учебное пособие / И. И. Елисеева, С. В. Курышева, Н. М. Гордеенко и др. ; под ред. И. И. Елисеевой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Финансы и статистика, 2007. 344 с.
13. Айвазян С. А., Мхитарян В. С. Прикладная статистика и основы эконометрики. М. : Юнити, 2010. 656 с.
14. Кремер Н. Ш. Эконометрика : учебник для вузов / Н. Ш. Кремер, Б. А. Путко ; аод ред. Н. Ш. Кремера. М. : Юнити-Дана, 2011. 311 с.
15. Арженковский С. В. Методы социально-экономического прогнозирования : учеб. пособие. М. : Дашков и К°, Наука-Спектр, 2012. 390 с.

References

1. Degtyareva NA et al. Ekonometricheskoe modelirovanie proizvodstvennoj effektivnosti. *Azimuth nauchnyx issledovaniy. Ekonomika i upravlenie = Azimuth of scientific research. Economics and management.* 2019;8(2):133-135. (In Russ.).
2. Degtyareva NA, Berg NA. Prinyatie e'ffektivnyx upravlencheskix reshenij na osnove e'konometricheskogo prognozirovaniya. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. = Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2018;(4):176-183. (In Russ.).
3. Antoxonova IV. Metody' prognozirovaniyasocial'no-e'konomicheskixprocessov. Moscow; 2018. 213 p. (In Russ.).
4. Dubina IN. Matematiko-statisticheskiemetody v empiricheskixsocialno — ekonomicheskix issledovaniyax. Moscow; 2010. 416 p. (In Russ.).
5. Eliseeva II. Statistika: uchebnik dlya bakalavrov. Moscow; 2011. 565 p. (In Russ.).
6. Eliseeva II, Kury'sheva SV. Praktikum po ekonometrike: uchebnoe posobie. Moscow; 2007. 344 p. (In Russ.).
7. Kuzneczova OA, Mazurmovich ON. Ekonometrika: praktikum. Samara; 2019. 72 p. (In Russ.).
8. Magnus YaR, Katyshev PK, Pereseczkiy AA. Ekonometrika. Moscow; 2001. 400 p. (In Russ.).
9. Timofeev VS, Faddeenkov AV, Shhekoldin VYu. Ekonometrika: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata. Moscow; 2018. 328 p. (In Russ.).
10. Dajitbegov DM. Kompyuternye texnologii analiza dannyx v ekonometrike. Moscow; 2010. 578 p. (In Russ.).
11. Eliseeva II, Kury'sheva SV, Gordeenko NM. Praktikum po ekonometrike: uchebnoe posobie. Moscow; 2007. 344 p. (In Russ.).
12. Eliseeva II, Kury'sheva SV, Gordeenko NM. (eds.) Praktikum po ekonometrike: uchebnoe posobie. Moscow; 2007. 344 p. (In Russ.).
13. Ajvazyan SA, Mxitaryan VS. Prikladnaya statistika i osnovy ekonometriki. Moscow; 2010. 656 p. (In Russ.).
14. Kremer NSh, Putko BA. (eds.) Ekonometrika: uchebnik dlya vuzov. Moscow; 2011. 311 p. (In Russ.).
15. Arzhenovskij SV. Metody' social'no-e'konomicheskogoprognozirovaniya: uchebnoeposobie. Moscow; 2012. 390 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Н. А. Берг — кандидат экономических наук, доцент, заведующий учебным отделом факультета заочного и дистанционного обучения.

Н. А. Дегтярева — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, управления и права.

Information about the authors

N. A. Berg — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head by the Educational Department of the Faculty of Correspondence and Distance Learning.

N. A. Degtyareva — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Management and Law.

Статья поступила в редакцию 19.04.2023; одобрена после рецензирования 03.11.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 19.04.2023; approved after reviewing 03.11.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ REVIEWS AND DISCUSSIONS

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 176–187.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(11(481):176-187. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 316.4

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-176-187

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА: В БУДУЩЕЕ ЧЕРЕЗ ПРОШЛОЕ

Владимир Алексеевич Южаков

Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в г. Челябинске, Челябинск, Россия, yuzhakov.va@mail.ru

Аннотация. В настоящее время Россия находится в противостоянии с коллективным Западом и проводит специальную военную операцию на Украине. Необходимость расширения производства военной техники и вооружений с компонентами пятого технологического уклада влечет за собой создание новой мобилизационной экономики. Ключевая идея статьи: в сложившейся геополитической обстановке современную российскую мобилизационную экономику следует рассматривать и развивать как отдельный и особый сектор в сформированной за тридцать лет рыночно-смешанной экономике России. В статье дается историографический анализ мобилизационной экономики; рассматривается понятие мобилизационной экономики; высказывается мнение о возрастании значения военно-экономического анализа; на основе выборочного исследования элементов в характеристиках типов экономических систем обосновывается ключевая идея. Статья завершается кратким обзором законодательства России по организации мобилизационной работы в стране. Прогнозируется, что наибольшие трудности будут связаны непосредственно с производством высокотехнологичной продукции. При затягивании вооруженного конфликта и западных санкций на несколько лет следует ожидать в России стратификационного роста групп людей по признаку профессионализма и квалификации в передовых производствах и технологиях, обновления научно-технических и управленческих элит.

Ключевые слова: мобилизационная экономика, смешанная экономика, специальная военная операция, западные санкции, военно-экономический анализ, пятый технологический уклад

Благодарности. Автор статьи весьма признателен доктору экономических наук, профессору Седову Валентину Владимировичу за внимательное прочтение статьи и добрые слова в положительной оценке статьи в целом.

Для цитирования: Южаков В. А. Мобилизационная экономика: в будущее через прошлое // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 176–187. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-176-187.

Original article

MOBILIZATION ECONOMY: INTO THE FUTURE THROUGH THE PAST

Vladimir A. Yuzhakov

Branch of the Military Educational and Scientific Center of the Air Force “Air Force Academy Named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin” in Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russia, yuzhakov.va@mail.ru

Abstract. Currently, Russia is in confrontation with the collective West and is conducting a special military operation in Ukraine. The need to expand the production of military equipment and weapons with components of the fifth technological order entails the creation of a new mobilization economy. The key idea of the article: in the current geopolitical situation, the modern Russian mobilization economy should be considered and developed as a separate and special sector in the market-mixed economy of Russia formed over thirty years. The article provides a historio-

graphical analysis of the mobilization economy; the concept of the mobilization economy is considered; an opinion is expressed about the increasing importance of military-economic analysis; on the basis of a selective study of elements in the characteristics of types of economic systems, the key idea is substantiated. The article concludes with a brief overview of the legislation of Russia on the organization of mobilization work in the country. It is predicted that the greatest difficulties will be directly related to the production of high-tech products. With the prolongation of the armed conflict and Western sanctions for several years, we should expect in Russia a stratification growth of groups of people on the basis of professionalism and qualifications in advanced industries and technologies, the renewal of scientific, technical and managerial elites.

Keywords: mobilization economy, mixed economy, special military operation, Western sanctions, military-economic analysis, the fifth technological order

Acknowledgements. The author of the article is very grateful to the Doctor of Economics, Professor Sedov Valentin Vladimirovich for a careful reading of the article and kind words in a positive assessment of the article as a whole.

For citation: Yuzhakov VA. Mobilization Economy: Into the Future Through the Past. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):176-187. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-176-187.

Введение

В СМИ в 2022 г. стало заметно употребление понятия (термина) «мобилизационная экономика», но сама тема мобилизационной экономики пока не стала актуальной для широкого круга экономистов и тем более населения.

Социально-экономические условия и общественно-политические события текущего времени (что было дни и месяцы назад, день сегодняшний и осознаваемые перспективы событий ближайших дней и недель) могут резко актуализировать темы, которые жизненно важны для существования страны, процветания общества и сохранения государства. Наша страна Россия, российское общество, родное Отечество, государство Российская Федерация в настоящее время находятся в жестком противостоянии с коллективным Западом. Проводимая специальная военная операция (СВО) на Украине принимает затяжной характер. Представляется, что в этих условиях тема мобилизационной экономики ставится действительно актуальной.

Любая тема основополагается на одном или нескольких понятиях. Понятие (часть мира, закрепленная за термином) в результате обсуждения получает декомпозицию, становятся понятными сущностные внутренние и внешние связи и функциональное значение составляющих понятия, что в совокупности наполняет тему содержанием — формируется массив сведений и представлений, которые по разным причинам и в разных комбинациях могут быть субъективно интересны одному человеку или небольшой группе и, по мере увеличения численности единомышленников, большим группам и сообществам людей.

Целью статьи является получение представления о степени разработанности в научной литера-

туре теории мобилизационной экономики, а также обзор законодательства в части организации мобилизационной экономики.

Методы исследования

В декомпозиции понятия «мобилизационная экономика», в исследовании ее внутренней структуры и внешних условий и факторов используются следующие научные методы: историографический анализ разработанности темы; системный анализ (рассмотрение объектов в виде конструкций из составных элементов в общепризнанных понятиях анализа и достижение понимания причин функционала системы); структурный анализ (установление наличия, направленности и специфики связей элементов); общенаучные методы (анализ, синтез, принципы формальной логики); метод приложения законодательной нормы к объекту регулирования; методы оценки несовершенств теоретических моделей.

Историографический анализ мобилизационной экономики

Первичный историографический анализ мобилизационной экономики выполнил Владимир Леонидович Берсенёв (доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН). Следуя его логике, кратко повторим им сказанное и дополним обзор литературы по теме.

Библиография вопроса начинается 30 лет назад с появления в 1993 г. книги Андрея Георгиевича Фонотова «Россия: от мобилизационного общества к инновационному» [1]. В книге на основе исторического материала, обращения к трудам А. Г. Аганбегяна, А. И. Анчишкина, А. В. Бачурина, Р. А. Белоусова, М. Вебера,

В. И. Вернадского, С. Ю. Глазьева, В. Зомбарта, В. О. Ключевского, В. И. Ленина, Д. С. Львова, Е. З. Майминаса, К. Маркса, Н. Я. Петракова, Г. В. Плеханова, Б. Селигмена, И. В. Сталина, А. Тойнби, Л. Д. Троцкого, М. И. Туган-Барановского, О. Шпенглера, С. С. Шаталина, Ю. В. Яковца, других авторов и источников А. Г. Фонотов показывает социально-экономическую обусловленность мобилизационного типа развития экономики Российской империи и Советского Союза и предопределяет этот тип развития для современной России [2].

В редакции «Независимой газеты» в 1999 г. состоялся круглый стол на тему «Мобилизационная экономика: путь к процветанию или развалу России?». В дискуссии участвовали Сергей Юрьевич Глазьев, Евгений Григорьевич Ясин, Леонид Иванович Абалкин, Виталий Товиевич Третьяков, Александр Петрович Починок и другие лица; были высказаны весьма разнообразные мнения по поводу содержания и перспектив реализации модели мобилизационной экономики [3].

Не только в столице, но у и нас в Челябинске историками и учеными-экономистами проводятся исследования по рассматриваемой теме. Важными событиями в университетской сфере промышленного города стали: публикация в 2003 г. монографии Валентина Владимировича Седова (доктора экономических наук, профессора Челябинского государственного университета) на тему «Мобилизационная экономика: советская модель» [4] и проведение в 2009 г. по инициативе Центра экономической истории ЧелГУ всероссийской научной конференции под названием «Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века» [5].

Результатами дальнейших исследований А. Г. Фонотов дополнил свою первую книгу [2], и в 2010 г. появилась новая книга «Россия: инновации и развитие» [6], в которой автор развил идею противопоставления мобилизационного и инновационного типов развития.

В Челябинске в 2012 г. прошла Вторая всероссийская научная конференция «Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века» [7]. Определенным итогом, очерчивающим исследования южноуральских ученых того периода времени, явилась монография «Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке», подготовленная коллективом авторов: Г. А. Гончаровым, С. А. Бакановым, Н. В. Гришиной, А. А. Пассом, А. А. Фокиным [8].

Целесообразность и вероятность использования теории и опыта практики мобилизационной экономики в истории России в выработке и реализации государственной экономической политики российской исполнительной властью была высказана в выступлении на Гайдаровском форуме — 2015 «Россия и мир: новый вектор» председателем правительства Российской Федерации Дмитрием Анатольевичем Медведевым. В докладе он сказал следующее (дословно): «Россия даже в нынешних условиях не собирается закрываться от мира, менять курс в сторону создания мобилизационной модели экономического развития» [9].

Несмотря на официальную позицию по данному вопросу, тема вызывала интерес и оставалась в поле зрения узкого круга ученых. Представление о том, насколько та или иная тема актуальна в связи с ее общественной значимостью, а также презентабельна и достойна внимания в субъективном ценностно-научном и статусном значении, дают поисковые запросы в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

При запросе по ключевым словам «мобилизационная экономика» по состоянию на 08.02.2023 поисковик выдает перечень 10 347 единиц научных трудов (в своем большинстве научных статей в журналах и сборниках конференций) из 41 006 939 источников, что свидетельствует о том, что тема для научного сообщества не является безразличной. Поиск в списке 10 347 по годам дает следующую картину: 2010 г. — 18; 2011 г. — 21; 2012 г. — 35; 2013 г. — 25; 2014 г. — 33; 2015 г. — 79; 2016 г. — 74; 2017 г. — 59; 2018 г. — 74; 2019 г. — 48; 2020 г. — 84; 2021 г. — 10; 2022 г. — 182 единицы научных трудов.

Мы осознаем недостатки методики поиска и качество полученного цифрового материала, но тем не менее подобные поиски позволяют увидеть общую тенденцию процесса.

Данные показывают, что в 2015 г. и в последующие годы интерес к теме мобилизационной экономики возрос в два раза. Присоединение к России в 2014 г. Республики Крым и образование Донецкой и Луганской Народных Республик экономистами было воспринято (понято) как появление территорий, требующих финансирования и материальных вложений, обусловленных доминированием не экономических соображений, а именно политических и более того — геополитических вероятностных перспектив.

В 2022 г. интерес к теме мобилизационной экономики возрос в четыре раза по сравнению

со средним показателем за предыдущие двенадцать лет. Рост интереса к теме объясняется проводимой Россией СВО на Украине, принявшей характер крупномасштабного вооруженного конфликта: в каждой из сторон принимает участие по несколько сотен тысяч военнослужащих.

Военный конфликт широко освещается в СМИ, и в результате информирования он понимается большинством населения как современная локальная гибридная война с применением высокотехнологичных вооружений (высокотехнологичных в смысле наиболее передовых технологий производства вооружений, методов их применения и наличной инфраструктуры, способствующей производству и применению средств поражения).

Экономисты-государственники наиболее глубоко осознают, что в производстве вооружений нет традиционных рыночных основ, а есть централизованное директивное начало, направленное на концентрацию всех видов ресурсов для производства продукции военного назначения; также есть политическая воля, мобилизующая людей для войны и труда.

Понятие мобилизационной экономики

Мобилизационная экономика в первом приближении, в широком формализующем видении понимается как система — множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом и образующих определенную целостность, единство [10], и в более узком специфицирующем видении как разновидность централизованно-управляемой экономики, организованной государством в целях самосохранения.

Л. И. Абалкин трактует «мобилизационную экономику как антикризисную экономику, связанную с чрезвычайными обстоятельствами» [3].

В. В. Седов: «мобилизационной является экономика, ресурсы которой сосредоточены и используются для противодействия тому, что угрожает существованию страны как целостной системе» [5].

С. Ю. Глазьев: «мобилизационная экономика — это такая система регулирования экономической деятельности, которая позволяет обеспечить максимально полное использование имеющихся производственных ресурсов¹ [3].

А. Г. Фототов: Развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм, будем называть мобилизационным типом развития» [6].

Системный подход предполагает рассмотрение сложных объектов и явлений в виде конструкций в общепризнанных понятиях анализа: система и подсистема, структура и элементы; функции системы, подсистем и элементов; целостность системы, обусловленность поведения системы; цели и задачи. Системное мышление направлено на оптимизацию функционирования системы.

А. Г. Фототов в книгах [2; 6] провел масштабное исследование, в котором сочленил историко-экономические и культурно-социальные особенности общественного развития древнерусского государства, Российской империи и Советского Союза. А. Г. Фототов пишет, что «на протяжении всей нашей истории упорно воспроизводится один и тот же тип развития, который мы назвали мобилизационным. В одни периоды он проступает более явно, в другие менее, но полностью не исчезает никогда. Даже в периоды быстрого развития капитализма и промышленного подъема (1861–1913 гг.) государство продолжало играть “первую скрипку” в нашей истории» [6].

А. Г. Фототов во второй книге также противопоставляет инновационную и мобилизационную экономики; сохраняет в суждениях первенство государства в организации внедрения инноваций; в главах, дополняющих прежний текст, рассматривает инновации в условиях мобилизационного типа развития, инновационную политику, ресурсный потенциал инновационного развития. Исторические события и прочие аспекты рассматриваются посредством цивилизационного подхода.

В. В. Седов в монографии [4] исследует свойства и проявления признака мобилизационности в экономических системах — рыночной и централизованно-управляемой (командной, как тогда было навязано упрощенно говорить); анализирует экономику Советского Союза в части необходимости и путей формирования мобилизационной экономики; рассматривает внутренние предпосылки и внешние факторы разрушения экономики СССР.

Общественное развитие В. В. Седовым представлено (текстуально дано) в терминах и стилистике классической советской политэкономии в формационном подходе. В монографии есть страница, посвященная смешанной экономике, что весьма примечательно в плане дальнейшего исследования мобилизационности как макроэкономического явления [4] современной экономической системы России, относимой не иначе как к смешанной, в условиях

антироссийских западных санкций и ведения Россией локальной гибридной войны за цивилизационное пространство.

Согласно А. Г. Фототову, в мобилизационной экономике, организованной государством (вышшими чиновниками) ради сохранения государства, страны и народа, игнорируются критерии экономической целесообразности и эффективности, что приводит к различным социально-экономическим дисбалансам и дефицитам ресурсов. Для нивелирования дисбалансов и дефицитов требуется мощная компенсационная система, «состыковка и подключение которой к экономике осуществляется административно-командной системой с помощью властно-принудительных методов. [6] ...в качестве таких компенсационных источников выступают природные ресурсы, принудительный труд и военные приобретения» [6].

При рассмотрении компенсационной системы А. Г. Фототов обращается к исследованиям (цитирует) Ю. В. Яременко: «...чем большим запасом массовых ресурсов обладает экономика, тем больше возможностей она имеет в применении системы хозяйственных приоритетов (Яременко 1981, с. 67–68)» [6] [см.: Яременко Ю. В. Структурные изменения в социалистической экономике. М.: Мысль, 1981].

В мобилизационной экономике четко обозначается хозяйственный приоритет. Применительно к текущему времени хозяйственный приоритет обозначился в направлении увеличения объемов ресурсов для победы в СВО: прошла частичная мобилизация (привлечение дополнительного для российской армии трудового ресурса в количестве 300 тысяч человек); предприятия оборонно-промышленного комплекса получили дополнительный оборонный заказ по производству вооружений и техники.

Художественно-песенный концепт: нам нужна одна Победа, одна на всех — мы за цену не стоим (слова и музыка Б. Окуджавы, оркестровка А. Шнитке) — безусловно важен и нужен для поддержания морального духа войск и населения, но этого мало. История вершится в периоды геополитических трансформаций, особенно когда меняются границы государств, и эти процессы вершатся с потреблением колоссальных объемов материальных, финансовых и людских ресурсов. Представляется, что в наш день сегодняшний как никогда возросло значение военно-экономического анализа (ВЭА), последующего привлечения ресурсов, целесообразного их комбинирования,

поточного вовлечения и рационального использования.

Предметом ВЭА являются специфические экономические отношения, возникающие по поводу наиболее эффективных путей использования материальных, трудовых и финансовых ресурсов для выполнения стоящих перед Вооруженными Силами задач [11].

ВЭА предполагает оценку всех мероприятий в процессе военно-экономической деятельности по трем показателям: эффект — затраты — время. Эти показатели характеризуют получаемый результат, затраченные для достижения цели ресурсы и срок получения результата [11].

В книге по ВЭА [11], выдержки из которой представлены выше, приведены примеры задач по обоснованию мероприятий в области военной экономики. Понятия военной и мобилизационной экономики имеют сходства и различия. Исходя из целей статьи укажем те задачи из списка задач военной экономики, которые соответствуют задачам мобилизационной экономики:

- обоснование перспектив развития отдельных образцов военной техники и систем вооружения в целом;
- определение объемов потребных ассигнований на разработку, производство и обеспечение эксплуатации военной техники;
- анализ реализуемости перспективных планов развития военной техники с учетом возможностей промышленных и строительных министерств [11].

Метод в значительной степени определяется объектом исследования, который под воздействием множества факторов развивается, что в свою очередь влечет за собой изменение предметов и методов исследования данного объекта.

Книга по ВЭА [11] подготовлена в советское время, в период той мобилизационной экономики, которая рассматривается В. В. Седовым в его замечательной монографии [4]. В книге по ВЭА аналитический инструментарий и системно-логические конструкции обоюдно взаимозависимы и адаптированы к советской послевоенной модели военно-промышленного хозяйства, которым руководили победители в Великой Отечественной войне — крупные военные начальники и директора оборонного комплекса, сформировавшие персонализированную с государством военно-промышленную олигархию.

Для снятия негативной коннотации со слова «олигархия» сделаем пояснение. Олигархия — это не плохо и не хорошо, это данность. Вся исто-

рия свидетельствует о том, что государствами правят олигархии — спаянные интересами группы образованных людей, глубоко понимающих текущие проблемы, прогнозирующих будущее и оперативно принимающих решения, адекватные ситуациям и личностным целевым и ценностным представлениям.

В настоящее время в России на место советской военно-промышленной олигархии пришла рыночная торгово-финансовая олигархия; советское общественное устройство, по существу представлявшее собой государственный капитализм, посредством законов было преобразовано в частно-государственный капитализм, что получило закрепление в Конституции России, Гражданском кодексе России и других законодательных актах: разрешено и приветствуется предпринимательство, первой формой собственности в перечислении форм собственности определена частная собственность, второй — государственная.

Мобилизационная экономика как сектор современной рыночно-смешанной экономики России

Со времени распада Советского Союза прошло тридцать с лишним лет. Советская модель мобилизационной экономики (по В. В. Седову) сохраняется на разрозненных локальных площадках: в оборонно-промышленном комплексе, в ядерной энергетике, на железной дороге, в других секторах экономики. В современной экономической модели России нет той скрепленной и скоординированной деятельности хозяйствующих субъектов по противостоянию внешним негативным факторам, как это было в советское время.

Да, бесспорно, мы вырастаем из прошлого, но сейчас осознанно живут в «другом мире» уже два поколения граждан России, не знающих советской жизни или знающих ее по субъективным рассказам родителей и учебникам, написанным зачастую конъюнктурно. Восприятие и осознание произошедших перемен в общественном устройстве за тридцать лет у старшего поколения, прожившего и поработавшего в советское время, скорей всего будет ощутимее и разительнее, чем, например, у Н. В. Устрялова, побывавшего в 1925 г. в СССР, после эмиграции в Харбин в 1920 г., когда он описывает перемены, произошедшие с Российской империей после войны (Первой мировой и гражданской) и первых мирных лет уже советского государства [12].

По сравнению с советским временем выросло благосостояние населения: почти в полтора раза увеличилось число квадратных метров на человека; в четыре раза увеличилось число личных легковых автомобилей на тысячу человек (в среднем у каждой семьи есть своя автомашинка). Обратимся к словам Д. А. Медведева (продолжим ранее приведенную цитату из его доклада): «Мы прошли гигантский путь от постсоветского полуразрушенного хозяйства до крупной экономики западного типа, и было бы чудовищной ошибкой вернуться в прошлое (хотя нас периодически к этому призывают), отказаться от роли активного игрока в современном глобальном мире» [9].

Представляется, что в настоящее время в сложившейся геополитической обстановке современную российскую мобилизационную экономику следует рассматривать и развивать как отдельный и особый сектор в сформированной за тридцать лет рыночно-смешанной экономике России.

Высказанный тезис является концептуально важным положением: в тезисе гипотетически закладывается на ближайшее десятилетие вперед модель будущей российской экономики. СВО не «случайная перестрелка пограничников на границе». Не только обремененные ответственностью высокие политики и профессиональные военные, но и гражданские люди, далекие от дипломатии и ведения боев, вполне понимают, что всё очень серьезно и надолго, затратно и болезненно.

Из ушедшей в историю советской модели мобилизационной экономики мы можем взять какие-либо экономические подходы и методы, инструменты и рычаги, но в полной мере мы не можем вернуться в прошлое (и не потому, что это физически невозможно). Мы впитали образцы европейской благополучной и социально защищенной жизни. Экономика нашей страны стала действительно рыночно-смешанной, в ней сочетаются черты рыночной и централизованно-управляемой экономических систем, активную роль играет государство, взаимодействующее с рынком и корректирующее его механизмы.

Рассмотрим в табл. 1 характеристики типов экономических систем (экономик), составленных по ряду элементов (критериев, обеспечивающих сравнимость). Рассмотрение имеет целью выделение из всех экономических систем специфик (частных характеристик), необходимых и целесообразных для дальнейшего целевого развития сектора мобилизационной экономики в сохраня-

ющейся в целом модели рыночно-смешанной экономики России.

Таблица составлена на основе указанных источников с внесением смысловых дополнений по итогам чтения учебных и научных информационных материалов по экономической теории, классической политэкономии, социальному управлению и других источников по обществоведению.

Из источников, подготовленных на основе разных методологий и методов, формировать подобного рода таблицы, которые должны характеризоваться одновременно как презентабельные (к восприятию) и совершенные (с точки зрения

научной обоснованности), весьма сложно и неблагодарно (традиционные логики могут констатировать надуманную эклектику и будут правы). Сложно добиться корректности при выборе объектов для сравнения; корректности соотношения и соотношения научного (идеального, модельного) и реального (практического); временной корректности в позиционировании числовых данных и качественных описаний; корректности в использовании терминов.

Презентабельность достигается за счет осмысленного допущения несовершенств. Сделаем пояснения по несовершенствам в описании объек-

Таблица 1
Table 1

Характеристика типов экономических систем (экономик)
Characteristics of types of economic systems (economics)

Рыночная экономическая система	Централизованно-управляемая экономическая система	Смешанная экономическая система
1. Элемент экономической системы (ЭЭС): доминирующая форма собственности		
Частная собственность на средства производства	Государственная собственность на средства производства	Многообразие форм собственности
2. ЭЭС: механизм координации экономических процессов: а) ценообразование		
На основе спроса и предложения	На основе затрат общественно необходимого труда	На основе спроса и предложения и затрат труда в зависимости от вида товара
3. ЭЭС: механизм координации экономических процессов: б) планирование		
План производства и реализации на уровне предприятия	План производства и реализации на уровне государства, отрасли, предприятия	На уровне государства прогнозы, индикаторы и среднесрочные планы; бизнес-план на уровне предприятия
4. ЭЭС: механизм координации экономических процессов: в) стимулирование граждан к труду		
Заработная плата, участие в доходах, в том числе прибыли	Заработная плата, льготы, награды; социальный контроль граждан	Заработная плата; система социальной защиты; финансовый контроль населения
5. ЭЭС: производственно-технологическая база (технологические уклады)		
Фрагменты 1-го и 2-го, развитые 3-й и 4-й технологические уклады	Фрагменты 1-го и 2-го, развитые 3-й и 4-й технологические уклады	Фрагменты 1-го и 2-го, развитые 3, 4 и 5-й, успешно развивающийся 6-й технологический уклад
6. Элемент экономической системы: руководящая общественная идея		
Индивидуализм; капитализм	Коллективизм, социализм	Прагматизм, религиозная терпимость, правопорядок
7. Элемент экономической системы: основные функции государства		
Защита интересов крупного бизнеса	Планирование и контроль всей экономики из центра	Разработка и реализация среднесрочных и долгосрочных программ развития экономики, территорий и социума
8. Элемент экономической системы: доля государства в экономике		
Незначительная, до 30 % ВВП	Значительная, до 80 % ВВП	Значительная, от 40 до 60 % ВВП

Источники: Экономическая теория : учебник / под общ. ред. акад. В. И. Видяпина, А. И. Добрынина, Г. П. Журавлевой, Тарасевича. М. : Инфра-М, 2003. (Серия «Высшее образование»). С. 43, 45; Экономическая теория : учебник / [В. И. Бархатов, Г. П. Журавлева, А. В. Горшков и др.] ; под ред. В. И. Бархатова, Г. П. Журавлевой. М. : Финансы и кредит, 2007. С. 35–36.

тов исследования на примере описания в таблице рыночной экономической системы.

Характеристика рыночной экономической системы представлена одновременно в понятиях (терминах) классической политэкономии (средства производства), экономикса (спрос, предложение), современной экономической теории (технологические уклады). Термины появились в разное историческое время при разных количественных и качественных уровнях развития экономики, техники, технологий и общества целом. Есть термин из неэкономических областей знания (индивидуализм). Есть суждение явно теоретически желаемое и не более (стимулирование граждан к труду путем участия в прибыли).

Аналогичные несовершенства мы можем наблюдать в характеристиках двух других экономических систем.

Приведем пример еще одного несовершенства. Образ в характеристике рыночной экономической системы в целом соответствует рыночным экономикам западных стран в конце XIX — начале XX в. Образ централизованно-управляемой экономической системы соответствует модели экономики Советского Союза. Образ смешанной экономической системы сформирован в обобщенных представлениях о современных европейских экономиках. Вопрос: а насколько методологически допустимо сопоставление?

Экономические описания в таблице подобны картинам импрессионистов — крупными мазками и яркими красками. И тем не менее мы имеем описание советской модели централизованно-управляемой экономики, которую потенциально можно рассматривать как сектор мобилизационной экономики для последующей имплантации в модель современной рыночно-смешанной экономики России.

Мобилизационная экономика в системе технологических укладов

Рассмотрим более внимательно в таблице два понятия и их значение для будущей модели российской рыночно-смешанной экономики с мобилизационным сектором.

Первое понятие. Общественно необходимые затраты труда (ОНЗТ) — категория трудовой теории стоимости, разработанной в классической политэкономии и развитой в марксизме. ОНЗТ выражают затраты труда, определяющие общественную стоимость товаров; складываются на рынке как единая цена в ходе конкуренции товаропроизводителей на одинаковые товары. При

равенстве спроса и предложения в качестве ОНЗТ выступают средние затраты труда различных товаропроизводителей [13].

Данное понятие наравне с государственной собственностью на средства производства наполняло содержанием и определяло лицо советской экономики. В экономической смешанной системе с актуализированным сектором мобилизационной экономики возрастет значение учета всех видов затрат, в том числе труда и на приобретение готовых комплектующих и иных результатов производства из рыночного сектора экономики. Вопрос ценообразования в производстве военной техники и вооружений, заработной платы и брони от призыва на военную службу лучшим мастерам на производстве будет решаться, скорей всего, как это было в период Великой Отечественной войны.

Второе понятие. Технологический уклад (ТУ) — группы сопряженных производств, связанных друг с другом однотипными технологическими цепями. В рамках каждого технологического уклада осуществляется замкнутый производственный цикл, включающий добычу и получение первичных ресурсов, все стадии их переработки и выпуск конечных продуктов [14].

Источником и содержанием пятого ТУ является информационная революция: дешевая микроэлектроника; компьютеры, программное обеспечение, связь, приборы управления; массовые биотехнологии и новые материалы [15]. С массовым производством продукции пятого ТУ российская промышленность испытывает затруднения (подчеркнем: не с единичным и опытным, не с серийным, а именно с массовым производством), что является серьезной проблемой: в этом причина и сущность промышленного (производственного) отставания России от коллективного Запада. И только по этой причине современную российскую экономику мы в статье именуем рыночно-смешанной, а не смешанной: мы покупаем основной объем продукции пятого ТУ за рубежом, не говоря уже о производстве средств производства для изготовления этой продукции.

Просмотр телепередач о проведении СВО, в части понимания того, как воюют и чем воюют, позволяет сказать, что традиционная военная техника и вооружение, оснащенные оборудованием (изделиями) промышленного производства пятого ТУ, позволяют добиваться тактических успехов. В недалеком прошлом при участии России в Сирийском кризисе использование компьютеров, дронов и беспилотников в боевых действиях

не имело такого освещения в СМИ (как сейчас при проведении СВО) и такого определяющего практического влияния на исход боестолкновений в тактическом плане.

В связи с геополитической неопределенностью в мире следует ожидать форсирования в России всех видов работ в направлении производства продукции военного назначения пятого ТУ: от НИОКР в ведущих оборонных НИИ до рационализаторских предложений при производстве отдельных частей и на линиях окончательной сборки.

История повторяется: в энциклопедии «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» в томе «Экономика и оружие победы» сказано, что создание новых образцов вооружения стало следствием концентрации усилий и сосредоточения материальных, интеллектуальных, финансовых ресурсов на решении ключевых задач обеспечения обороноспособности страны [16]. Достижения отечественной науки, техники и технологий привели к тому, что Красная Армия стала получать вооружение, по своим тактико-техническим характеристикам не уступающее оружию фашистской Германии и ее союзников, а по многим параметрам превосходящее зарубежные образцы. Кроме того, было обеспечено подавляющее количественное превосходство Красной Армии в вооружении и военной технике [16].

Мы невольно обратились к опыту организации производства в период Великой Отечественной войны. С точки зрения теории технологических укладов, Вторая мировая война может быть понимаема как война машин третьего ТУ: противостояние технико-технологических систем массового производства машин и оборудования из металлов (несложных по современным меркам).

На период холодной войны пришлось развитие четвертого ТУ: совершенствование всех машин, оборудования и транспортных средств; развитие нефтегазового комплекса и атомной энергетики.

Переход с четвертого ТУ на пятый был опосредован гонкой вооружений, вышедшей в космос... Наступивший после этого «золотой век» роста пятого ТУ в странах НАТО во многом подпитывался оттоком капитала, умов и дешевого сырья из постсоветского пространства, погрузившегося в экономический хаос [17].

В перспективе в будущем следует ожидать нарастания вооруженного противостояния (оно уже началось) машин пятого ТУ и людей, за ними стоящих: кто способен создать больше лучших военных машин и оборудования с управлением

на основе цифровых технологий и управлять этими машинами.

Поставить на поток производство продукции военного назначения — задача технико-технологическая и одновременно экономическая, решение которой определяется федеральным законодательством, вдумчивой целесообразной координацией деятельности военно-промышленных предприятий в целях достижения кооперационного эффекта, умелым повседневным руководством трудовыми коллективами оборонных предприятий.

С начала СВО (24 февраля 2022 г.) по настоящее время решения, принятые Президентом Российской Федерации Путиным Владимиром Владимировичем, председателем Правительства России Мишустиним Михаилом Владимировичем, руководителем Центрального Банка России Набиулиной Эльвирой Сахипзадовной, и проводимые мероприятия согласно решениям обеспечили в стране финансовую стабильность и объемы военного производства в рамках имеющихся производственных мощностей.

В связи с глобальной неопределенностью и нарастанием санкционного и непосредственно военно-промышленного давления коллективного Запада на Россию, для достижения большего объема производства требуются достаточно кардинальные корректировки в сложившиеся в стране социально-экономические и производственно-технологические отношения между различными экономическими агентами, а это по существу реформы. Представляется, что содержание и сроки реформирования сложно будет отнести к эволюционному пути развития, но так не хочется революционных перемен, при которых обязательно что-то рухнет и в последующем требует восстановления.

В терминах теории институциональной динамики (теории реформ) задача может быть сформулирована следующим образом: «как найти и реализовать институциональную траекторию, оптимальную или хотя бы приемлемую в том или ином отношении?» [18]. Задача состоит в оптимальном (целесообразном, оправданно необходимом) наращивании объемов производства военной техники и вооружений, создании новых высокотехнологичных производств и полноценной инфраструктуры управления и координации оборонно-промышленным комплексом, по аналогии с имеющимся ранее в Советском Союзе, но только в новых информационных и технологических условиях и, что немаловажно, с новыми трудовыми

ми ресурсами, в которых большинство граждан ориентированы на потребительскую культуру.

Законодательные основы мобилизационной экономики

В настоящее время в России действует несколько федеральных законов, составляющих правовую (институциональную) основу стимулирования мобилизационной работы. Федеральные законы следующие:

– «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» от 26.02.1997 № 31-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.08.2023);

– «Об обороне» от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 13.06.2023);

– «О военном положении» от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 29.05.2023);

– «О государственном оборонном заказе» от 29.12.2012 № 275-ФЗ (ред. от 03.04.2023).

Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» является главным нормативно-правовым актом в области мобилизационной подготовки и мобилизации. Закон устанавливает права, обязанности и ответственность органов государственной власти и военного управления, органов местного самоуправления, а также организаций независимо от форм собственности и их должностных лиц, а также граждан России. В соответствии закона Президент Российской Федерации утверждает мобилизационный план Вооруженных Сил РФ, мобилизационные планы экономики, а также планы подготовки и накопления мобилизационных резервов и оперативного оборудования. Мобилизационные планы, как правило, готовятся в Генеральном штабе и утверждаются высшим руководством страны.

В Федеральном законе «Об обороне» под обороной понимается система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории.

Федеральный конституционный закон «О военном положении» на территории, на которой введено военное положение, предусматривает на основании указов Президента Российской Федерации введение особого режима работы объектов, обеспечивающих функционирование транспорта, коммуникаций и связи, объектов энергетики...; привлечение граждан... к выполнению работ для

нужд обороны, ликвидации последствий применения противником оружия, восстановлению поврежденных (разрушенных) объектов экономики, систем жизнеобеспечения и военных объектов...

Федеральный закон «О государственном оборонном заказе» устанавливает правовые основы государственного регулирования отношений, связанных с формированием, особенностями размещения, выполнения государственного оборонного заказа и государственного контроля (надзора) в сфере государственного оборонного заказа, определяет основные принципы и методы государственного регулирования цен на товары, работы, услуги по государственному оборонному заказу.

Заключение

Историографический анализ мобилизационной экономики показывает, что тема теории и опыта практики мобилизационной экономики в истории России и возможных перспектив возобновления реализации модели сохраняет свою актуальность. Анализ публикационной активности показывает, что интерес к теме мобилизационной экономики в 2015 г. и в последующие годы возрос в два раза. Мобилизационная экономика отечественными учеными трактуется как разновидность централизованно-управляемой экономики, организованной государством в целях самосохранения. В связи со специальной военной операцией предприятия оборонно-промышленного комплекса получили дополнительный оборонный заказ по производству вооружений и техники. В целях поиска эффективных путей использования материальных, трудовых и финансовых ресурсов для выполнения стоящих перед Вооруженными Силами задач возросло значение военно-экономического анализа. В сложившейся геополитической обстановке современную российскую мобилизационную экономику следует развивать как отдельный и особый сектор в сформированной за тридцать лет рыночно-смешанной экономике России. В экономической смешанной системе с актуализированным сектором мобилизационной экономики возрастет значение учета всех видов затрат. Задача состоит в оптимальном (целесообразном, оправданно необходимом) наращивании объемов производства военной техники и вооружений, создании новых высокотехнологичных производств и полноценной инфраструктуры управления и координации оборонно-промышленным комплексом. В законы Российской Федерации по мобилизационной подготовке

страны внесены изменения. Законодательство позволяет органам исполнительной власти организовывать граждан России для производства продукции военного назначения.

Список источников

1. Берсенева В. Л. Мобилизационная модель экономики: опыт историографического анализа // История науки и техники в современной системе знаний : Шестая ежегодная конференция кафедры истории науки и техники. Екатеринбург, 2016. С. 16–20.
2. Фонотов А. Г. Россия: От мобилизационного общества к инновационному. М., 1993. 272 с.
3. Мобилизационная экономика: путь к процветанию или развалу России? Круглый стол в редакции «Независимой газеты». 1999. URL: <https://rusotechstvo.narod.ru/finansy/f49.html>
4. Седов В. В. Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск : Челяб. гос. ун-та, 2003. 177 с.
5. Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века : сборник материалов всероссийской научной конференции. Челябинск, 28–29 ноября 2009 г. / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. Челябинск : Энциклопедия, 2009. 571 с.
6. Фонотов А. Г. Россия: инновации и развитие. 4-е изд., электрон. М. : Лаборатория знаний, 2020. 434 с.
7. Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века : сборник материалов II Всероссийской научной конференции / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. Челябинск : Энциклопедия, 2012. 662 с.
8. Гончаров Г. А., Баканов С. А., Гришина Н. В., Пасс А. А., Фокин А. А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке : монография. Челябинск : Энциклопедия, 2013. 128 с.
9. Гайдаровский форум — 2015. Россия и мир: новый вектор: материалы междунар. науч.-практ. конф. [14–16 января 2015 г.] / Российская акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации, Ин-т экон. политики им. Е. Т. Гайдара. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 247 с.
10. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд. М. : Совет. энциклопедия, 1989. 1632 с.
11. Жуков Г. П., Викулов С. Ф. Военно-экономический анализ и исследование операций : учебник. М., 1987. 440 с.
12. Устрялов Николай. Россия (У окна вагона). Харбин : [б. и.], 1926. // Бесплатная электронная библиотека Royallib.ru.
13. Общественно необходимые затраты труда (ОНЗТ) // Толковый словарь // ГАРАНТ Платформа ЭКСПЕРТ.
14. Румянцева Е. Е. Новая экономическая энциклопедия. 3-е изд. М. : Инфра-М, 2008. 826 с.
15. Perez C. Technological revolutions and techno-economic paradigms // Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics, Working Paper No. 20. Tallin, 2009. 26 p.
16. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 7 : Экономика и оружие войны. М. : Кучково поле, 2013. 864 с.
17. Глазьев С. Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. 2012. № 2 (57). С. 27–42.
18. Полтерович В. М. Элементы теории реформ. М. : Экономика, 2007. 447 с.

References

1. Bersenev VL. The mobilization model of the economy: the experience of historiographical analysis. In: Istoriya nauki i tekhniki v sovremennoj sisteme znaniy: Shestaya ezhegodnaya konferenciya kafedry istorii nauki i tekhniki = History of Science and Technology in the modern system of knowledge: The sixth annual conference of the Department of History of Science and Technology. Yekaterinburg; 2016. Pp. 16–20. (In Russ.).
2. Fonotov AG. Russia: From a mobilization society to an innovative one. Moscow; 1993. 272 p. (In Russ.).
3. Mobilization economy: the path to prosperity or the collapse of Russia? Round table in the editorial office of Nezavisimaya Gazeta, 1999. Available from: <https://rusotechstvo.narod.ru/finansy/f49.html>
4. Sedov VV. Mobilization economy: the Soviet model. Chelyabinsk; 2003. 177 p. (In Russ.).
5. The mobilization model of the economy: the historical experience of Russia of the twentieth century:

a collection of materials of the All-Russian scientific conference. Chelyabinsk, November 28–29, 2009. Ed. by GA Goncharov, SA Bakanov. Chelyabinsk; 2009. 571 p. (In Russ.).

6. Fonotov AG. Russia: innovations and development. 4th ed. Moscow; 2020. 434 p. (In Russ.).

7. The mobilization model of the economy: the historical experience of Russia of the twentieth century: a collection of materials of the II All-Russian Scientific Conference. Ed. by GA Goncharov, SA Bakanov. Chelyabinsk; 2012. 662 p. (In Russ.).

8. Goncharov GA, Bakanov SA, Grishina NV, Pass AA, Fokin AA. The mobilization model of the development of Russian society in the twentieth century: a monograph. Chelyabinsk; 2013. 128 p. (In Russ.).

9. Gaidar Forum 2015. Russia and the World: A New vector: materials of the International Scientific- practical conf. Russian Academy of Sciences. people, Farms and civil services under the President of the Russian Federation, ET. Gaidar Institute of Economics, Politics. Moscow; 2015. 248 p. (In Russ.).

10. The Soviet Encyclopedic Dictionary. 4th ed. Moscow; 1989. 1632 p. (In Russ.).

11. Zhukov GP, Vikulov SF. Military-economic analysis and operations research. A textbook. Moscow; 1987. 440 p. (In Russ.).

12. Ustryalov Nikolay. Russia (At the window of the car). Available from: Royallib.ru (In Russ.).

13. Socially necessary labor costs (ONZT). In: Explanatory dictionary. GARANT Platform EXPERT. (In Russ.).

14. Rumyantseva EE. The New Economic Encyclopedia. 3rd ed. Moscow; 2008. 826 p. (In Russ.).

15. Perez C. Technological revolutions and techno-economic paradigms. In: Rabochie dokumenty po upravleniyu tekhnologiyami i ekonomicheskoy dinamike, Rabochij dokument = Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics, Working Paper Tallin. 2009. 26 p.

16. 16. The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 vol. Vol. 7. Economics and weapons of war. Moscow; 2013. 864 p. (In Russ.).

17. Glazyev SYu. The modern theory of long waves in the development of the economy. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii = Economic science of modern Russia*. 2012;(2):27-42. (In Russ.).

18. Polterovich VM. Elements of reform theory. Moscow; 2007. 447 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В. А. Южаков — кандидат экономических наук, доцент кафедры 2.

Information about the author

V. A. Yuzhakov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department 2.

Статья поступила в редакцию 19.03.2023; одобрена после рецензирования 27.09.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 19.03.2023; approved after reviewing 27.09.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.122

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-188-195

ЦЕНТРЫ, ПОЛУПЕРИФЕРИЯ И ПЕРИФЕРИЯ УРАЛА И ПОВОЛЖЬЯ В 2018–2022 ГОДАХ

Дмитрий Александрович Плетнёв

Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия, pletnev.da@uiec.ru, ORCID 0000-0002-6494-572X

Аннотация. Обобщены результаты проведенных ранее автором работ по типологизации регионов Урала и Поволжья в свете концепции центра и периферии. Описан авторский подход к выделению трех типов регионов на основе сравнения валового регионального продукта на душу населения, миграционного прироста и рейтинга качества жизни регионов. Показаны изменения в группах регионов центр, полупериферия и периферия с 2018 по 2022 г., выявлены устойчивые тенденции закрепления регионов в той или иной группе. Регионами центра признаны Республика Татарстан, Самарская и Свердловская области. Регионы, устойчиво входящие в состав полупериферии, — Республика Башкортостан, Удмуртская Республика, Пермский край, Нижегородская, Оренбургская, Пензенская и Челябинская области. Стабильно «периферийные» регионы — Республики Марий-Эл и Мордовия, Кировская, Саратовская и Курганская области. Ульяновская область и Чувашская Республика «перемещаются» между полупериферией и периферией. Тюменская область в настоящем исследовании не рассматривалась. Отмечено, что полупериферийный характер региональной экономики может определяться различными факторами и сочетаться с высокими значениями ВРП на душу населения.

Ключевые слова: центр, периферия, полупериферия, Урал, Поволжье, региональная экономика

Финансирование. Статья подготовлена в соответствии с планом НИР ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» на 2023 г.

Для цитирования: Плетнёв Д. А. Центры, полупериферия и периферия Урала и Поволжья в 2018–2022 годах // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 188–195. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-188-195.

Original article

CENTERS, SEMI-PERIPHERY AND PERIPHERY OF THE URALS AND VOLGA REGION IN 2018–2022

Dmitri A. Pletnev

Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia, pletnev.da@uiec.ru, ORCID 0000-0002-6494-572X

Abstract. The article summarizes the results of the author's earlier work on the typologization of the Ural and Volga regions in the light of the concept of the center and periphery. The author's approach to the identification of three types of regions is described based on a comparison of the gross regional product per capita, migration growth and the rating of the quality of life of the regions. The changes in the groups of regions Center, Semi-Periphery and Periphery from 2018 to 2022 are shown, stable trends of consolidation of regions in one or another group are revealed. The Republic of Tatarstan, Samara and Sverdlovsk regions are recognized as the regions of the Center. The regions that are steadily part of the Semi-Periphery are the Republic of Bashkortostan, the Udmurt Republic, Perm Krai, Nizhny Novgorod, Orenburg, Penza and Chelyabinsk regions. Stable "peripheral" regions are the Republics of Mari-El and Mordovia, Kirov, Saratov and Kurgan regions. The Ulyanovsk Region and the Chuvash Republic "move" between the Semi-Periphery and the Periphery. The Tyumen region was not considered in this study. It is noted that the semi-peripheral nature of the regional economy can be determined by various factors, and combined with high GRP values per capita.

Keywords: Center, Periphery, Semi-Periphery, Ural, Volga region, regional economy

Funding. The article was prepared in accordance with the research plan of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2023.

For citation: Pletnev DA. Centers, Semi-Periphery and Periphery of the Urals and Volga Region in 2018–2022. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):188-195. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-188-195.

Введение

Концепция центра и периферии как качественно отличающихся друг от друга подсистем мировой или национальной экономики прошла многократную проверку в ходе эмпирических исследований. Главная особенность мировых или национальных центров — создание особой зоны притяжения человеческих и финансовых ресурсов, «высасывание» ресурсов лучшего качества из периферийных стран и регионов. Для периферийной страны эта концепция отводит роль донора дешевых ресурсов, в котором сохраняется низкое качество жизни. Для периферийного региона РФ судьба могла быть такой же, если бы не активная государственная политика, направленная как минимум на поддержание качества жизни в периферийных регионах на достойном уровне. В условиях внешней турбулентности, разрыва многих логистических цепочек и хозяйственных связей (2020–2022 гг.) роль государственной поддержки гармоничного пространственного развития многократно возрастает. И государство это понимает, реализуя на всей территории страны масштабные национальные проекты, обеспечивающие связность территории страны и достойный уровень жизни. Однако важно понимать, к каким результатам приводит такая политика, помогает ли она лишь сгладить диспропорции пространственного развития или же решает более серьезные государственные задачи.

Целью статьи является анализ тенденций движения регионов Урала и Поволжья между группами центра, полупериферии и периферии в 2022 г. в сравнении с допандемическим и пандемическим состоянием.

Подход к исследованию пространственной организации экономики достаточно популярен у современных исследователей. Дж. Фридман рассматривает выделение центра и периферии как универсального подхода в объяснении неравномерности пространственного развития [1]. Центры становятся точками притяжения, а периферия — донором различных видов ресурсов, в конце концов происходит поляризация элементов экономической системы. И. Веллерстайн, применяя подход центра и периферии к анализу

мировой экономики, предлагает наряду с двумя крайними состояниями (центр и периферия) понятие полупериферии, выступающей как локальный центр по отношению к периферии и как периферия по отношению к глобальным центрам [2]. В дальнейшем концепция центра и периферии как устойчивых аттракторов в пространственном развитии нашла свое отражение в работах П. Ф. Комбса [3], М. Фуджиты с коллегами [4; 5], М. Климчук-Коханской и А. Климчук [6], П. Левина [7], М. Мельника и коллег [8], О. В. Черновой [9]. Эта модель получила и интересные математические варианты своего приложения [10]. Применительно к российской экономике этот подход также широко известен. Как примеры его приложения к анализу различных регионов и территорий можно привести работы В. И. Бархатова и коллег [11], А. А. Макеева [12], Т. Г. Нефедовой [13]. Настоящий обзор продолжает эту традицию, предлагая конкретный практический инструментарий для отнесения регионов России к центру, полупериферии и периферии.

Описание методологии

Для достижения цели использовался методологический подход, ранее примененный для типологии субъектов Урала и Поволжья в [12; 14; 15]. Выбор в качестве объекта исследования регионов Уральского и Приволжского федеральных округов объясняется авторским интересом к социально-экономическому развитию «станового хребта российской экономики» — Уралу и схожестью региональных характеристик (природно-климатических, промышленных, культурных) во многих регионах именно двух рассмотренных федеральных округов. По этой же причине нами не рассматривалась Тюменская область как качественно отличный по всем обозначенным выше параметрам регион. Для отнесения региона к определенному типу использовались три показателя: ВРП на душу населения (характеризует уровень доходов в регионе), коэффициент миграционного прироста (характеризует отношение жителей к перспективам жизни в регионе) и рейтинг качества жизни РИА-рейтинг (комплексно характеризует созданные в регионе условия для

жизни). Для первого показателя использовалась предварительная оценка ВРП, представленная интернет-газетой «Реальное время»¹, для второго — данные Росстата, для третьего — данные РИА-рейтинг².

Логика выбора показателей для типологии регионов следующая: ВРП на душу населения — основной, устоявшийся измеритель экономического роста в регионе, он важен для оценки работы региональных властей и находится в тесной связи с другими экономическими показателями. Миграционный прирост характеризует оценку региона его «старыми» и «новыми» жителями, которые «голосуют ногами»: если регион развивается, имеет перспективу и в нем комфортно жить, то из него не хочется уезжать, а вот переехать в него желающих будет больше. Рейтинг качества жизни РА РИА является одним из ведущих и авторитетных агрегированных измерителей различных аспектов Life Quality. Отнесение региона к определенному типу осуществлялось в рамках гибкой логики: ведущие регионы определялись как 3 с наибольшим значением по каждому показателю, отстающие — как 5 с наименьшим значением. Далее, если в выборке имелись регионы с близким к 3-му лучшему значению (отклонение в пределах 5–10 %), то такой регион также признавался ведущим, а если имелись регионы, близкие к 5-му худшему, они также признавались отстающими по этому показателю. Логика такого деления проста: неотличимые для стороннего наблюдателя значения должны соответствовать одинаковым качественным характеристикам региона. В представленных далее таблицах лидирующие регионы отмечены зеленым цветом, а отстающие — желтым. Если регион в конкретном периоде по двум или более показателям был лидером, он признается регионом-центром, если по двум и более показателям — отстающим — периферией. Все остальные регионы признаются полупериферией.

Центры, полупериферия и периферия Урала и Поволжья

Первый расчет рейтинга выполнялся в 2019 г. [1] и отражал соотношение социально-экономического развития регионов Урала и Поволжья в 2016–2018 гг. По его итогу 8 регионов вошли в периферию, 7 — в полупериферию и 2 региона (столицы Уральского и Приволжского фе-

деральных округов) были признаны центром (табл. 1). В 2020 г. расчет был выполнен по появившимся данным 2019 г. [2], и он продемонстрировал сокращение числа периферийных регионов (до 6) с одновременным ростом центральных (до 4). Число регионов полупериферии почти не изменилось, однако их состав существенно обновился (табл. 2). В 2021 г. число и состав периферийных регионов остались без изменений, и одни из регионов Нижегородская область) утратил статус центра, переместившись в группу полупериферийных (табл. 3). В 2022 г. произошла «рокировка» двух регионов: Чувашская Республика перешла из числа полупериферийных в периферийные, а Ульяновская область, напротив, из периферийных поднялась в число полупериферийных (табл. 4). В целом за 2018–2022 гг. изменение «периферийного» статуса затронуло 5 регионов, и при общей положительной динамике как значений рейтинга качества жизни, так и ВРП на душу населения, для регионов полупериферии и периферии сохраняются негативные миграционные (да и в целом — демографические) тенденции.

Сведем в единую таблицу результаты проведенной типологии (табл. 5).

Можно отметить наличие трех тенденций. Во-первых, наличие трех устоявшихся центров: Республика Татарстан, Свердловская и Самарская области. Эти регионы практически во все периоды наблюдения были точками притяжения человеческих ресурсов и занимали высокие места в рейтинге качества жизни. Они выступают как культурные и научные центры, как законодатели мод в инфраструктурном и инновационном развитии. Во-вторых, сложилась устойчивая группа регионов периферии: Республики Марий-Эл и Мордовия, Кировская, Саратовская и Курганская области. Эти регионы, несмотря на усилия государства, инвестиции в инфраструктуру и важные социальные программы, по отношению к своим соседям оказываются менее предпочтительным местом для жизни и обладают меньшим экономическим потенциалом. В-третьих, также устойчивой является тенденция некоторых регионов быть «средняками», сохраняя баланс умеренного экономического роста и привлекательной среды для жизни. К таким регионам следует отнести республики Удмуртию и Башкортостан, Пермский край, Челябинскую и Оренбургскую области.

¹ URL: <https://realnoevremya.ru/attachments/1760>

² URL: https://ria.ru/20230213/kachestvo_zhizni-1850749274.html

Таблица 1

Table 1

Типология регионов Урала и Поволжья в рамках концепции «центр—периферия» в 2018 г.
Typology of the regions of the Urals and Volga Region
within the framework of the “center—periphery” concept in 2018

Регион	ВРП на душу населения, 2016 г, тыс. руб.	Коэффициент миграционного прироста/убыли населения, на 10 000 жителей, 2018 г.	Рейтинг качества жизни (РИА РА, 2018 г.)	Группа регионов
Республика Башкортостан	343 509	–21,8	50 201	Полупериферия
Республика Марий Эл	247 954	–10,3	39 548	Периферия
Республика Мордовия	264 363	–68,5	46 280	Периферия
Республика Татарстан	543 522	7,0	66 147	Центр
Удмуртская Республика	367 138	–26,5	46 506	Полупериферия
Чувашская Республика	219 406	–43,4	45 925	Периферия
Пермский край	453 302	–24,9	46 65	Периферия
Кировская область	238 692	–36,8	40 183	Периферия
Нижегородская область	388 809	–11,6	55 077	Полупериферия
Оренбургская область	414 937	–52,2	47 763	Полупериферия
Пензенская область	273 212	–43,9	48 511	Периферия
Самарская область	422 025	–1,3	54 214	Полупериферия
Саратовская область	270 766	–42,2	47 222	Периферия
Ульяновская область	272 565	–20,5	48 779	Полупериферия
Курганская область	236 365	–77,2	28 890	Периферия
Свердловская область	495 116	–3,0	56 672	Центр
Челябинская область	385 560	–25,7	52 435	Полупериферия

Источник: составлено автором на основе более ранних работ [12].

Таблица 2

Table 2

Типология регионов Урала и Поволжья в рамках концепции «центр—периферия» в 2019 г.
Typology of the regions of the Urals and Volga Region
within the framework of the “center—periphery” concept in 2019

Регион	ВРП на душу населения, 2018 г, тыс. руб.	Коэффициент миграционного прироста/убыли населения, на 10 000 жителей, 2019 г.	Рейтинг качества жизни (РИА РА, 2019 г.)	Группа регионов
Республика Башкортостан	412 530	–14	50 405	Полупериферия
Республика Марий Эл	260 845	8	40 097	Периферия
Республика Мордовия	284 010	–10	44 511	Периферия
Республика Татарстан	633 709	11	66 806	Центр
Удмуртская Республика	417 899	–21	46 334	Полупериферия
Чувашская Республика	242 634	–16	45 971	Полупериферия
Пермский край	503 818	–14	44 714	Полупериферия
Кировская область	260 283	–22	40 261	Периферия
Нижегородская область	424 086	20	55 519	Центр
Оренбургская область	507 847	–1	48 421	Полупериферия
Пензенская область	302 304	–34	47 002	Полупериферия
Самарская область	473 773	28	55 368	Центр
Саратовская область	290 612	–23	45 150	Периферия
Ульяновская область	279 959	–19	49 807	Периферия
Курганская область	253 574	–30	29 409	Периферия
Свердловская область	527 159	15	57 141	Центр
Челябинская область	422 951	5	52 118	Полупериферия

Источник: составлено автором [12].

Таблица 3

Table 3

Типология регионов Урала и Поволжья в рамках концепции «центр—периферия» в 2021 г.
Typology of the regions of the Urals and Volga Region
within the framework of the “center—periphery” concept in 2021

Регион	ВРП на душу населения, 2021 г., тыс. руб.	Коэффициент миграционного прироста/убыли населения, на 10 000 жителей, 2021	Рейтинг качества жизни (РИА РА, 2021 г.)	Группа регионов
Республика Башкортостан	499 045	36,40	53 654	Полупериферия
Республика Марий Эл	329 660	14,30	42 926	Периферия
Республика Мордовия	384 636	11,56	45 602	Периферия
Республика Татарстан	888 039	29,46	69 361	Центр
Удмуртская Республика	565 472	0,39	48 591	Полупериферия
Чувашская Республика	326 607	-0,65	49 879	Полупериферия
Пермский край	677 760	-13,04	47 069	Полупериферия
Кировская область	387 458	-11,01	41 799	Периферия
Нижегородская область	597 431	14,13	59 917	Полупериферия
Оренбургская область	721 025	-0,21	48 591	Полупериферия
Пензенская область	418 946	-4,98	48 951	Полупериферия
Самарская область	675 335	24,69	60 706	Центр
Саратовская область	422 955	-17,68	47 582	Периферия
Ульяновская область	411 847	-5,19	49 791	Периферия
Курганская область	330 642	-45,71	33 109	Периферия
Свердловская область	710 381	18,87	59 037	Центр
Челябинская область	595 385	8,66	53 801	Полупериферия

Источник: составлено автором на основе более ранних работ [14].

Таблица 4

Table 4

Типология регионов Урала и Поволжья в рамках концепции «центр—периферия» в 2022 г.
Typology of the regions of the Urals and Volga Region
within the framework of the “center—periphery” concept in 2022

Регион	ВРП на душу населения, 2022 г., тыс. руб.	Коэффициент миграционного прироста/убыли населения, на 10 000 жителей, 2022 г.	Рейтинг качества жизни (РИА РА, 2022 г.)	Группа регионов
Республика Башкортостан	559 501	-3,37	58 242	Полупериферия
Республика Марий Эл	342 098	-16,23	47 145	Периферия
Республика Мордовия	392 806	-45,67	48 019	Периферия
Республика Татарстан	921 875	24,20	72 113	Центр
Удмуртская Республика	630 840	-8,49	51 303	Полупериферия
Чувашская Республика	317 684	-42,84	54 579	Периферия
Пермский край	637 869	-20,03	50 332	Полупериферия
Кировская область	399 801	-9,23	44 737	Периферия
Нижегородская область	620 673	-10,31	61 784	Полупериферия
Оренбургская область	750 699	-27,21	52 864	Полупериферия
Пензенская область	398 778	-26,71	52 548	Полупериферия
Самарская область	708 948	-5,82	63 195	Центр
Саратовская область	443 919	-32,84	50 727	Периферия
Ульяновская область	404 740	-14,78	53 163	Полупериферия
Курганская область	338 255	-58,58	36 969	Периферия
Свердловская область	753 357	-12,11	61 334	Центр
Челябинская область	441 343	0,05	57 532	Полупериферия

Источник: составлено автором на основе более ранних работ [15]

Изменения в типах регионов Урала и Поволжья (2018–2022 гг.)
Changes in the types of regions of the Urals and Volga Region (2018–2022)

Регион	2018	2019	2021	2022
Республика Башкортостан	Полупериферия	Полупериферия	Полупериферия	Полупериферия
Республика Марий Эл	Периферия	Периферия	Периферия	Периферия
Республика Мордовия	Периферия	Периферия	Периферия	Периферия
Республика Татарстан	Центр	Центр	Центр	Центр
Удмуртская Республика	Полупериферия	Полупериферия	Полупериферия	Полупериферия
Чувашская Республика	Периферия	Полупериферия	Полупериферия	Периферия
Пермский край	Периферия	Полупериферия	Полупериферия	Полупериферия
Кировская область	Периферия	Периферия	Периферия	Периферия
Нижегородская область	Полупериферия	Центр	Полупериферия	Полупериферия
Оренбургская область	Полупериферия	Полупериферия	Полупериферия	Полупериферия
Пензенская область	Периферия	Полупериферия	Полупериферия	Полупериферия
Самарская область	Полупериферия	Центр	Центр	Центр
Саратовская область	Периферия	Периферия	Периферия	Периферия
Ульяновская область	Полупериферия	Периферия	Периферия	Полупериферия
Курганская область	Периферия	Периферия	Периферия	Периферия
Свердловская область	Центр	Центр	Центр	Центр
Челябинская область	Полупериферия	Полупериферия	Полупериферия	Полупериферия

Источник: составлено автором.

Заключение

Представленный подход может быть интересен исследователям региональной экономики в России, трендов и диспропорций ее развития, его можно масштабировать на другие федеральные округа, анализировать межгрупповые различия в отдельных сферах социально-экономической жизни. Проведенный ранее анализ показал, что некоторые тенденции (миграция, инвестиции

в основной капитал) проявляют себя в регионах центрах и периферии по-разному [1]. Для сбалансированного пространственного развития нашей страны необходимо учитывать объективно складывающиеся тенденции формирования региональных центров и периферии и реализовывать проактивную политику, сглаживающую усиливающие разрывы в уровне социально-экономического развития в них.

Список источников

1. Friedmann J. Regional Development Policy : A Case Study of Venezuela. MIT Press, 1966. 279 p.
2. Wallerstein I. The rise and future demise of the world capitalist system: Concepts for comparative analysis // Comparative Studies in Society and History. 1974. Vol. 16, № 4. P. 387-415.
3. Combes P.-Ph. Economic Structure and Local Growth: France, 1984–1993 // Journal of Urban Economics. 2000. Vol. 47. P. 329–355.
4. Fujita M., Krugman P. R., Mori T. On the Evolution of Hierarchical Urban Systems // European Economic Review. 1999. Vol. 43. P. 209–251.
5. Fujita M., Mori T. Structural Stability and Evolution of Urban System // Regional Science and Urban Economics. 1997. Vol. 27. P. 399–442.
6. Klimczuk-Kochańska M., Klimczuk A. Core-Periphery Model // The Palgrave Encyclopedia of Global Security Studies / S. N. Romaniuk, M. Thapa, P. Marton (eds.). Palgrave Macmillan, Cham, 2019. Pp. 1–8.
7. Levin P. Reflections on Şerif Mardin's center-periphery thesis // Turkish Studies. 2023. Vol. 24, № 3. DOI: 10.1080/14683849.2023.2189592.
8. Melnyk M., Leshchukh I., Hlynsky N. The impact of the oblast center on regional socio-economic development: the center-periphery dimension // Agricultural and Resource Economics: International Scientific E-Journal. 2022. Vol. 8, № 1. P. 89–114. DOI: 10.51599/are.2022.08.01.05.

9. Чернова О. В. Проблема сбалансированности внутрирегионального развития в исследованиях цен-тро-периферийных взаимодействий // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 1. С. 4–17.
10. Robert-Nicoud F., Baldwin R. L., Forslid R., Martin Ph., Ottaviano G. I. P. The Core Periphery Model: Key Features and Effects. 2004.
11. Бархатов В. И., Плетнев Д. А., Капкаев Ю. Ш. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // Социум и власть. 2019. № 5(79). С. 65–83. DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-65-83.
12. Макеев А. А. Отношения «центр—периферия» в мир-системном анализе: политические аспекты // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6, № 4. С. 69–82. DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-4-69-82.
13. Нефедова Т. Г. Сельская местность на удаленных подступах к Москве // ЭКО. 2019. № 4(538). С. 50–70.
14. Pletnev D., Barkhatov V. Life quality in the Center and Periphery of the Urals and the Volga regions // E3S Web of Conferences 258. 07044. 2021.
15. Плетнев Д. А., Попова А. В., Левикова Т. В. Особенности миграции основного поколения в реги-онах Урала и Поволжья через призму концепции центра и периферии // Проблемы современной эконо-мики. 2023. № 2 (86). С. 142–146.

References

1. Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. MIT Press; 1966. 279 p.
2. Wallerstein I. The rise and future demise of the world capitalist system: Concepts for comparative analy-sis. *Sravnitel'nye issledovaniya v obshchestve i istorii = Comparative Studies in Society and History*. 1974;16 (4):387-415.
3. Combes P-Ph. Economic Structure and Local Growth: France, 1984–1993. *Journal of Urban Economics*. 2000;47:329-355.
4. Fujita M, Krugman PR, Mori T. On the Evolution of Hierarchical Urban Systems. *European Economic Review* 1999;43:209-251.
5. Fujita M, Mori T. Structural Stability and Evolution of Urban System. *Regional Science and Urban Eco-nomic*. 1997;27:399-442.
6. Klimczuk-Kochańska M, Klimczuk A. Core-Periphery Model. In: SN Romaniuk, M Thapa, P Marton (eds.). *The Palgrave Encyclopedia of Global Security Studies*. Palgrave Macmillan, Cham; 2019. Pp. 1–8.
7. Levin P. Reflections on Şerif Mardin's center-periphery thesis. *Turkish Studies*. 2023;24(3). DOI: 10.1080/14683849.2023.2189592.
8. Melnyk M, Leshchukh I, Hlynsky N. The impact of the oblast center on regional socio-economic de-velopment: the center-periphery dimension. *Ekonomika sebskogo hozyajstva i resursov: Mezhdunarodnyj nauchnyj elektronnyj zhurnal = Agricultural and Resource Economics: International Scientific E-Journal*. 2022;8(1):89-114. DOI: 10.51599/are.2022.08.01.05.
9. Chernova OV. The problem of the balance of intraregional development in the studies of central-periph-eral interactions. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional economy: theory and practice*. 2016;(1):4-17. (In Russ.).
10. Robert-Nicoud F, Baldwin RL, Forslid R, Martin Ph, Ottaviano GIP. The Core Periphery Model: Key Features and Effects. 2004.
11. Barkhatov VI, Pletnev DA, Kapkaev YuSh. Centers and periphery of the Urals and Volga region in the conditions of “new normality”. *Socium i vlast' = Society and power*. 2019;5(79):65-83. DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-65-83. (In Russ.).
12. Makeev AA. Center-periphery relations in world-system analysis: political aspects. *Zhurnal politich-eskih issledovanij = Journal of Political Studies*. 2022;6(4):69-82. DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-4-69-82. (In Russ.).
13. Nefedova TG. Rural area on the remote approaches to Moscow. *EKO = ECO*. 2019;4(538):50-70. (In Russ.).
14. Pletnev D, Barkhatov V. Life quality in the Center and Periphery of the Urals and the Volga regions. In: *E3S Web of Conferences* 258, 07044, 2021.

15. Pletnev DA, Popova AV, Levikova TV. Features of migration of the main generation in the regions of the Urals and the Volga region through the prism of the concept of the center and periphery. *Problemy sovremennoj ekonomiki = Problems of the modern economy*. 2023;(2(86):142-146.

Информация об авторе

Д. А. Плетнёв — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

D. A. Pletnev — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 10.09.2023; одобрена после рецензирования 15.10.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 10.09.2023; approved after reviewing 15.10.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 330.341.2

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-196-204

ВЛИЯНИЕ БЮДЖЕТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ ПАРТИЙНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Игорь Александрович Маньковский

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (Минский филиал), Минск, Беларусь, Mankovskiy.IA@rea.ru, ORCID 0000-0003-3953-9575

Аннотация. Эффективность развития национальной экономики Российской Федерации обусловлена реализуемой в государстве политикой социально-экономического развития, нормативно-правовыми актами и в первую очередь федеральными законами, определяющими условия реализации принятой социально-экономической политики и, следовательно, качественными характеристиками законодательной ветви власти — Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации (далее — Государственная Дума), состав которой формируется в рамках политического процесса. Непосредственно процедура выборов депутатов Государственной Думы финансируется из средств федерального бюджета, что является оправданным и служит цели своевременной и эффективной, в рамках действующего законодательства, организации всех этапов избирательной кампании. Вместе с тем законодательством Российской Федерации предусмотрена процедура ежегодной выплаты денежных средств из федерального бюджета политическим партиям, партийные списки которых по результатам выборов преодолели трехпроцентный барьер, и которые соответственно сформировали депутатский корпус Государственной Думы из своих представителей. Цель исследования: на основе институционального анализа статистических данных, годовых финансовых отчетов парламентских политических партий, партийного состава действующей Государственной Думы и направлений расходования парламентскими политическими партиями денежных средств, в том числе полученных из федерального бюджета, во-первых, определить целесообразность, обоснованность, допустимый объем и направления государственного (общественного) финансирования политической активности политических партий и, во-вторых, выявить влияние бюджетного финансирования партийной политической активности на эффективность институциональной среды и развитие национальной экономики. Исследование позволило сделать вывод о нецелесообразности для российского общества ежегодного бюджетного финансирования парламентских партий по результатам выборов в Государственную Думу, как института, создающего предпосылки рентоориентированного поведения политических партий и выступающего в качестве демотиватора процессов разработки эффективной институциональной среды, ее модернизации, что негативно влияет на эффективность развития национальной экономики.

Ключевые слова: политическая система, бюджетное финансирование, рентоориентированное поведение, институциональная среда, экономическое развитие

Для цитирования: Маньковский И. А. Влияние бюджетного финансирования партийной политической активности на эффективность институциональной среды и развитие национальной экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 196–204. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-196-204.

Original article

THE INFLUENCE OF BUDGET FINANCING OF PARTY POLITICAL ACTIVITY ON THE EFFECTIVENESS OF THE INSTITUTIONAL ENVIRONMENT AND THE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ECONOMY

Igor A. Mankovsky

Plekhanov Russian University of Economics (Minsk branch), Minsk, Belarus, Mankovskiy.IA@rea.ru, ORCID 0000-0003-3953-9575

Abstract. The effectiveness of the development of the national economy of the Russian Federation is determined by the socio-economic development policy implemented in the state, regulations and, first of all, federal laws that determine the conditions for the implementation of the adopted socio-economic policy and, consequently, the qualitative characteristics of the legislative branch of government — the State Duma of the Russian Federation (hereinafter referred to as the State Duma), the composition of which is formed within the framework of the political process. The actual procedure for the election of deputies of the State Duma is financed from the federal budget, which is justified and serves the purpose of timely and effective, within the framework of current legislation, organization of all stages of the election campaign. At the same time, the legislation of the Russian Federation provides for a procedure for the annual payment of funds from the federal budget to political parties whose party lists, based on the election results, have overcome the 3 percent barrier and, accordingly, have formed the deputy corps of the State Duma from their representatives. Purpose of the study: based on the institutional analysis of statistical data, annual financial reports of parliamentary political parties, the party composition of the current State Duma and the directions of expenditure by parliamentary political parties of funds, including those received from the federal budget, firstly, to determine the feasibility, validity, and permissible amount and directions of state (public) financing of political activity of political parties and, secondly, to identify the impact of budget financing of party political activity on the effectiveness of the institutional environment and the development of the national economy. The study allowed us to conclude that it is inappropriate for Russian society to provide annual budget funding to parliamentary parties based on the results of elections to the State Duma, as an institution that creates the preconditions for rent-seeking behavior of political parties and acts as a demotivator for the processes of developing an effective institutional environment and its modernization, which negatively affects the effectiveness of development national economy.

Keywords: political system, budget financing, rent-seeking behavior, institutional environment, economic development

For citation: Mankovsky IA. The Influence of Budget Financing of Party Political Activity on the Effectiveness of the Institutional Environment and the Development of the National Economy. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):196-204. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-196-204.

Введение

Материальной основой государственного управления в современных условиях развития государственности является национальная экономика. Управление национальной экономикой осуществляет государство, которое выбирает вектор экономического развития, разрабатывает и реализует соответствующую экономическую политику. Государство, являясь главным источником политической власти [1], выступает частью политической системы, состоящей из двух блоков: блока, представляющего государственные (публичные) интересы, и блока, представляющего интересы российского общества (частные интересы). В состав государственного блока нами включены Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации и, в частности, Государственная Дума как орган законодательной ветви власти России. Депутаты Государственной Думы, согласно Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (далее — Конституция), и, следовательно, Государственная Дума в целом представляют интересы своих избирателей, то есть интересы российского народа в рамках представительной демократии, что указывает на необходимость включения Государственной Думы в блок политической си-

стемы, представляющий интересы российского общества.

Однако Государственная Дума в силу специфики своего состава в процессе своей деятельности в первую очередь представляет интересы государства и целевые функции Всероссийской политической партии «Единая Россия» (далее — Единая Россия), членами которой являются многие руководители страны¹. Единая Россия почти 20 лет представляет большинство в Государственной Думе, «...безусловно и безоговорочно поддерживает все без исключения политические инициативы президента...» [2]. Остальные четыре парламентские партии, представленные в федеральном парламенте [3], не имеют ни фактической, ни юридической возможности оказывать влияние на принимаемые Государственной Думой решения даже по совокупности полученных мандатов. Это обусловлено тем, что из 450 депутатов Государственной Думы VIII созыва, как предусмотрено Конституцией, 324 входят в состав фракции Единой России, которая таким образом обладает парламентским большинством [4].

¹ Лица партии. URL. <https://er.ru/persons>

Материалы и методы исследования

В ходе исследования применялись общенаучные и частнонаучные методы познания: анализ, синтез, индукция, дедукция. Теоретическую базу исследования составили научные труды российских и зарубежных ученых, фактологическую — статистическая и справочная информация.

Вопросы участия граждан в формировании внешней и внутренней, в том числе экономической политики рассматривала О. О. Сенькина [5]. Я. А. Коновальчиков пришел к выводу об отсутствии принципа равенства политических партий в избирательном процессе [6]. На негативное влияние финансовой поддержки политических партий государством указывал Т. А. Дураев [7]. К выводу о низкой эффективности гражданского контроля за деятельностью чиновников и низком уровне институциональных ограничений оппортунистического поведения государственных служащих пришли Т. И. Ставцева и Т. А. Ставцев [8]. В приведенных и некоторых других научных трудах, послуживших теоретической основой нашего исследования, проведен анализ эффективности отдельных негативных факторов функционирования политической системы и их влияния на эффективность экономического развития. Вместе с тем комплексный междисциплинарный институциональный анализ влияния государственного финансирования политической активности на эффективность экономического развития не проводился.

Результаты исследования и их обсуждение

Сложившаяся в Государственной Думе расстановка политических сил указывает, во-первых, на обоснованность включения Государственной Думы в блок политической системы, представляющий интересы государства, и, во-вторых, свидетельствует о том, что «...у российских граждан фактически отсутствует возможность влияния на формирование внешней и внутренней политики государства через партии и посредством институтов представительной власти» [5].

В ситуации, когда Государственная Дума не выполняет одну из своих основных функций — представление экономических и иных интересов российского общества в отношениях с государством, логично возникает несколько вопросов: вопрос о тех целевых установках и ориентирах в сфере социально-экономического развития, которые преследует парламентское большинство, и вопрос о том, способна ли политическая элита в сложившихся институциональных условиях

гарантировать исполнение своей предвыборной программы в сфере социально-экономического развития.

В случае, когда целевые установки и ориентиры Государственной Думы не совпадают с интересами российского общества и, как следствие, мы имеем факт невыполнения предвыборной программы со стороны политической элиты, возникает еще один вопрос — обусловлены ли реальным общественным выбором государственные (общественные) расходы на формирование и функционирование политической системы и является ли оправданным размер государственного финансирования процессов формирования и функционирования политической системы?

Исходя из того, что органы государственной власти, как элементы политической системы России, в процессе своего функционирования должны обеспечивать максимально эффективное управление государством и обществом, финансирование деятельности государственных органов безусловно должно осуществляться обществом.

Однако общественные расходы на финансирование текущей деятельности государства и общественные расходы на формирование отдельных элементов государственного блока политической системы и, в частности, на финансирование партийной политической активности с точки зрения их обязательности и целесообразности для общества являются неравнозначными.

В частности, возникает вопрос о целесообразности процедуры бюджетного финансирования политических партий по итогам парламентских и президентских выборов (ст. 33 Федерального закона «О политических партиях» от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (в ред. от 05.12.2022)) (далее — ФЗ № 95).

Несмотря на то, что, согласно законодательству Российской Федерации, политические партии являются общественными организациями, создаваемыми гражданами на основе их свободного волеизъявления, без необходимости получения разрешения на создание политической партии от государственных органов и должностных лиц (ст. 11 ФЗ № 95), что указывает на отсутствие связи политической партии как элемента политической системы с ее государственным блоком, денежные средства политических партий могут формироваться в том числе из средств федерального бюджета (ст. 29 и 33 ФЗ № 95).

Так, четырем политическим партиям, представители которых вошли в состав Государственной Думы 2016 г., в течение срока ее полномо-

чий из федерального бюджета было перечислено 34 556 159 578 руб. По результатам избирательной кампании 2018 г. две политические партии из федерального бюджета получили: КПРФ — 173 184 120 руб.; ЛДПР — 83 099 700 руб.¹

Таблица 1

Table 1

Размер государственного финансирования политических партий по итогам выборов 2021 г.
The amount of government funding for political parties based on the results of the 2021 elections

Политическая партия	Размер бюджетного финансирования в год, руб.
Единая Россия	4 265 758 400
КПРФ	1 620 421 888
ЛДПР	646 342 304
Справедливая Россия — За правду	638 655 088
Новые люди	455 657 088

Источник: составлено по: [9].

Из приведенных в табл. 1 данных следует, что пять парламентских партий начиная с 2021 г. в течение срока своих полномочий должны получить из федерального бюджета 38 134 155 800 руб.

Остальным политическим партиям, не имеющим представительства в Государственной Думе, средства федерального бюджета в указанный период не перечислялись. При этом в преамбуле ФЗ № 95 закреплено их равенство перед законом, а п. 1 ст. 32 ФЗ № 95 юридически обеспечивает равную поддержку государственными органами и на равных условиях всех политических партий.

Вместе с тем:

— из 29 зарегистрированных в Российской Федерации по состоянию на 5 апреля 2023 г.² политических партий бюджетное финансирование получают 4 парламентские партии 2016 г. и 5 парламентских партий 2021 г., причем в достаточно разной пропорции — от 455 657 088 руб. в год (Новые люди) до 4 265 758 400 руб. в год (Единая Россия) по итогам выборов в Государственную Думу

Таблица 2

Table 2

Денежные средства, поступившие в распоряжение парламентских политических партий от всех источников финансирования в 2021 г.
Funds available to parliamentary political parties from all sources of funding in 2021

Политическая партии	Общий объем финансирования, руб.	Объем бюджетного финансирования, руб.	Доля средств федерального бюджета, %
Единая Россия	10 448 006 307,02	4 336 229 856	41,5
КПРФ	1 852 336 998	1 067 002 304	57,6
ЛДПР	1 597 153 753,65	1 051 393 576	65,8
Справедливая Россия — Патриоты — За правду	1 728 026 524,96	497 808 056	28,8

Источник: составлено по данным сводных финансовых отчетов политических партий за 2021 г. URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet_21.php

Таблица 3

Table 3

Денежные средства, поступившие в распоряжение парламентских политических партий от всех источников финансирования в 2022 г.
Funds available to parliamentary political parties from all sources of funding in 2022

Политическая партии	Общий объем финансирования, руб.	Объем бюджетного финансирования, руб.	Доля средств федерального бюджета, %
Единая Россия	8,4	4,3	> 50
КПРФ	1,7	0,646	94,0
ЛДПР	0,74	1,051 393 576	87,0
Справедливая Россия — Патриоты — За правду	0,653	0,497 808 056	28,8
Новые люди	0,493	0,465	92,0

Источник: Составлено по: Финансы и поклонники. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5843112>

¹ Президентские выборы в России (2018). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

² Политические партии. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/politicheskie-partii/>

2021 г. Разрыв между федеральными «доходами» Единой России и партии Новые люди составляет более чем 9,3 раза;

– фактически государством в процессе организации очередных выборов в Государственную Думу предоставляются преференции по допуску к участию в выборах политическим партиям, имеющим представительство в Государственной Думе предшествующего выборам созыва, что исключает расходы таких политических партий на сбор подписей, необходимых для включения в предвыборную борьбу и, наряду со средствами, получаемыми в течение пяти лет из федерального бюджета, увеличивает их финансовые возможности, например, в процессе предвыборной агитации.

Приведенные факты, безусловно, свидетельствуют о нарушении принципа равной поддержки политических партий государством и создания равных условий их участия в политическом процессе [6] и о существенной диспропорции в возможностях политических партий, в первую очередь финансовых, по участию в политическом процессе.

Таким образом, применительно к существующей институциональной среде возникает ряд вопросов, во-первых, о действительных мотивах создания, государственной регистрации политической партии и цели ее участия в политическом процессе и, во-вторых, совпадают ли фактические цели участия политической партии в политическом процессе с целями ее создания, закрепленными в уставе или всё же можно ставить вопрос о коммерциализации политического процесса, детерминированной спецификой российской институциональной среды и, в таком случае, о ее (институциональной среды) эффективности?

По сути, государственное финансирование парламентских партий приводит к ситуации, при которой они становятся зависимыми от государства и, при условии доминирования в Государственной Думе фракции Единой России, вынуждены демонстрировать лояльность государству.

«...преимущества, которые государство создает через финансовые гарантии парламентским партиям, не способствуют повышению уровня партийной состязательности» [7], а действующие институциональные условия осуществления политического процесса фактически трансформируют Государственную Думу из органа представительной демократии в орган, представляющий исключительно государственные интересы и легализующий волю правящей элиты. В указан-

ной ситуации депутатов Государственной Думы необходимо рассматривать не как представителей народа России, а как государственных чиновников, о чем свидетельствует финансирование их деятельности государством. В частности, «При среднемесячной зарплате россиянина 57 244 рублей зарплата депутатов Госдумы РФ в 2023 году увеличилась до 400 тыс. руб. В бюджете на каждого депутата выделено 1,5 млн руб. в месяц»¹ (в 2021 г. средняя зарплата депутата Государственной думы, по некоторым данным СМИ, составила 500 тыс. руб. в месяц. В 2020 г. они получали в среднем около 450 тыс.²), пенсия депутата Государственной Думы при стаже работы депутатом более 10 лет в 2022 г. составляла 67 500 руб.³ при средней пенсии по старости в России на 1 октября 2022 г. 18 504 руб., а на 1 января 2023 г. — 19 322 руб.⁴

Исходя из достаточно весомой финансовой зависимости парламентских партий от государства и привилегированного по отношению к среднему уровню по Российской Федерации финансового обеспечения деятельности депутатов Государственной Думы, можно утверждать, что парламентский (в рамках представительной демократии — общественный) контроль за деятельностью государственных органов и, в частности правительства, фактически отсутствует либо является неэффективным. «То, что субъектами контроля [за деятельностью чиновников. — *Примеч. авт.*] выступают не граждане, не общественные организации, а те же чиновники, ставит под сомнение эффективность...» [8] контроля. В ситуации, когда осуществляемый общественными институтами контроль за деятельностью правительства осуществляется на низком уровне либо фактически отсутствует, возникают предпосылки для узурпации власти группами с узкими специальными интересами. При этом «...качество институтов обратно пропорционально показателю

¹ Зарплаты депутатов в 2023 году. URL. <https://visasam.ru/russia/rabotavrf/zarpata-deputatov.html/>

² Сколько России будет стоить новая Госдума: содержание партий, зарплаты и привилегии депутатов. URL. <https://vnnews.ru/byudzhetnye-dengi-potrachennye-na-sode/>

³ Меньше, чем все думали: Светлана Журова назвала реальную пенсию депутатов Госдумы Российской Федерации. URL. https://radiokp.ru/politika/menshe-chem-vse-dumali-svetlana-zhurava-nazvala-realnuyu-pensiyu-deputatov-gosdumy-rf_nid630125_au42484au/

⁴ Средняя пенсия в России в 2022 году. URL. <https://gogov.ru/articles/average-pension/>

деятельности групп с узкими специальными интересами...» [10].

Учитывая сам факт бюджетного финансирования парламентских партий, можно сделать вывод о том, что в качестве мотива создания политических партий выступает возможность получения власти с целью ее использования в качестве источника ренты. «Стремление “оказать влияние на распределение власти” определяется целью извлечения ренты...» [11], а мотивационной основой оппортунистического поведения государственных служащих является имманентная им дихотомия общественных и личных интересов. Непосредственно государственная служба и приобретаемые государственным служащим властные полномочия являются благодатной почвой для злоупотребления доверием, применительно к Государственной Думе, доверием избирателей, выступают детерминантой оппортунизма государственных служащих.

Так, например, «...ученые кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления — филиала РАНХиГС провели и опубликовали исследование, в котором выяснили, что главные установки номенклатуры — хищнические... иметь доступ к богатствам страны — 45,7 %, обогащение — 40 % («стремление служить Отечеству» — только 5,7 %)»¹. При этом следует учитывать, что опасность значительной концентрации политической власти в руках лиц с психологией «хищника» состоит в возможной «эрозии» институциональной среды, определяющей направления и условия социально-экономического развития.

Следует констатировать тот факт, что эффективность социально-экономического развития в первую очередь поставлена в зависимость от качества институциональной среды, качества администрирования экономики и, следовательно, от качества институциональной структуры, элементы которой в рамках выполнения возложенных на них функций государственного управления экономикой формируют институциональную среду в сфере экономического развития. Качество институциональной среды зависит от степени фактического соблюдения государственным блоком политической системы общественных интересов при выборе реализуемой экономической

политики и ее легализации в рамках институциональной среды, а также от эффективности институциональных механизмов, побуждающих экономических агентов соблюдать правила, закрепленные в формальных институтах.

Если абстрагироваться от философских рассуждений о равных возможностях всех граждан России в социально-экономической сфере и от формально закрепленной в ФЗ № 95 обязанности государственных органов оказывать равную поддержку всем политическим партиям, то можно предположить, что получаемые парламентскими партиями средства федерального бюджета направляются на достижение каких-либо полезных целей в сфере социально-экономического развития.

Следовательно, при разрешении вопроса о целесообразности и обоснованности бюджетного финансирования политической активности таких общественных организаций, как политические партии, важной является информация о направлениях расходования парламентскими партиями денежных средств, получаемых из федерального бюджета России.

Так, например, «По двум “управленческим” статьям (“Содержание руководящих органов” и “Содержание региональных отделений”) в 2017 году “Единая Россия” направила 53,2 % от объема всех расходов партии, КПРФ — 49,8 %, “Справедливая Россия” — 35»².

В 2022 г. тенденция расходования существенной части своего бюджета на содержание руководящих органов и региональных отделений у парламентских партий сохранилась. В частности, «Единая Россия потратила на эти цели в IV квартале 2022 года 369 млн руб., на организацию и проведение публичных мероприятий менее 11 млн руб., а на пропаганду — 296 млн руб.»³.

Приведенные данные позволяют утверждать, что партии расходуют значительную долю финансовых ресурсов на содержание партийного аппарата, что никак не связано ни с производством общественных благ, ни с развитием гражданского общества и указывает на рентоориентированное поведение политических партий в политической борьбе за парламентские мандаты. «Злоупотребление государственными ресурсами

¹ Комплекс хищника: ученые выяснили, что 85,7 % чиновников служат только ради обогащения. URL. <https://newsland.com/post/7330925-kompleks-khishchnika-uchenye-vyasnili-chto-857-chinovnikov-sluzhat-tolko-radi-obogashchenia/>

² Партийные «бюджетники»: как политические партии живут за счет Россиян. URL. <https://ridl.io/ru/partijnye-bjudzhetniki-kak-politicheskie-partii-zhivut-za-schet-rossijan/>

³ Финансы и поклонники. URL. <https://www.kommersant.ru/doc/5843112/>

со стороны правящей партии с целью получения преимуществ по-прежнему остается проблемой во многих странах... препятствует равноправному участию и представительству всех граждан в демократических политических процессах» [12], что при существующей институциональной среде в сфере политического процесса имеет место и в России.

Выводы

В рамках действующих формальных институтов, регулирующих политический процесс, в политической системе России сложилась ситуация, при которой одна из политических партий, обладающая парламентским большинством, имеет ничем не ограниченную возможность управления национальной экономикой посредством принятия федеральных законов. В сложившейся ситуации можно говорить о персонализации политической системы, закономерно ограничивающей коммуникацию между обществом и государством [13], что препятствует установлению необходимого баланса частных и публичных интересов при разработке государственной экономической политики и, как следствие, динамичному развитию национальной экономики.

Установленная формальными институтами монополия введения в действие федеральных законов, в силу сложившегося способа государственного управления, создает условия перманентного получения ренты от оппортунистического поведения в сфере управления национальной экономикой и вынуждает оппозиционные парламентские партии подстраиваться под партию парламентского большинства. Это привело к ситуации, когда «Парламентские партии стали постепенно ощущать себя единой корпорацией» [14].

Существующая институциональная среда обеспечивает такие условия политического управления, при которых «...экономическая политика отвечает потребностям узких групп интересов на основе двустороннего или многостороннего сговора, как правило, из государственного и частного секторов» [15] и, следовательно, возможность доминирования власти, без надлежащего общественного контроля, вне рамок представительной демократии.

Сформированная законодательной ветвью власти институциональная среда, способствующая рентоориентированному поведению участников политического процесса, выступает для парламентских партий в качестве демотиватора модернизационных процессов и институционального барьера, существенно ограничивающего динамику экономического развития [16], а политические партии в существующих институциональных условиях «...продолжают оставаться инструментом имитации политической конкуренции» [17], не выполняют функции представительного органа во взаимоотношениях общества и государства по вопросам содержания социально-экономической политики Российской Федерации.

В связи с изложенным следует признать нецелесообразным:

- ежегодные выплаты из федерального бюджета парламентским партиям в сумме, пропорциональной голосам избирателей, полученным во время выборов, что способствует коммерциализации политического процесса;

- предоставление преференций парламентским партиям в процессе участия в выборах в Государственную Думу следующего созыва, чем нивелируется принцип равной государственной поддержки политических партий, создаются условия, при которых в Государственной Думе из года в год представлены одни и те же политические партии, что препятствует притоку новых (современных) взглядов на содержание политики социально-экономического развития российского общества.

Приведенные в ходе исследования аргументы указывают на необходимость, во-первых, модернизации институциональной среды в части формальных институтов, регулирующих политический процесс, и создания равных условий участия в нем всех субъектов политической системы, исключая рентоориентированные мотивы участия в избирательной кампании, и, во-вторых, реорганизации политической системы с целью обеспечения полноценного участия избирателей в управлении национальной экономикой посредством фактической реализации принципов представительной демократии.

Список источников

1. Силаев В. С. Структурные элементы политической системы общества (методологический анализ) // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 12 (90). С. 17–21.
2. Степанова С. С. Перспективы и тенденции развития института парламентских партий в современной России // Управление. 2022. Т. 10, № 3. С. 98–104.

3. Иванов В. Л. Потенциал основных российских политических партий // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 468. С. 75–83.
4. Ильин В. А., Морев М. В. Избиратели поддержали Президента: к итогам выборов в Государственную Думу VIII созыва // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 5. С. 9–33.
5. Сенькина О. О. Сравнительный анализ роли политических партий России и Германии в выработке и реализации политического курса страны // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2018. № 4 (26). С. 62–66.
6. Коновальчиков Я. А. Принцип равенства политических партий в избирательном процессе // Российский юридический журнал. 2021. № 4 (139). С. 42–54.
7. Дураев Т. А. Правовые проблемы взаимодействия государства и политических партий в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2018. № 4 С. 472–476.
8. Ставцева Т. И., Ставцев Т. А. Институциональные ограничения оппортунизма региональных чиновников // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. № 2 (58). С. 99–105.
9. Зими́на Н. В. Государственное финансирование политических партий как механизм государственной поддержки // Аспирант. Приложение к журналу Вестник Забайкальского государственного университета. 2022. Т. 16, № 1. С. 38–42.
10. Вольчик В. В., Бережной И. В. Группы интересов и качество экономических институтов // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5, № 2. С. 57–66.
11. Дюсуше О. М. Лекция «Институциональные модели государства» // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2012. Т. 4, № 2. С. 112–127.
12. Финансирование политических партий и избирательных компаний / Ж. Баллингтон, Д. Зоватто, М. Кахане и др. ; под ред. С. Джоунс, М. Оман, Э. Фальгера ; пер. В. Стегний. Стокгольм : Bulls Graphics, 2016. 308 с.
13. Трофимов Е. А. Презедентализм и устойчивость развития политий: российская политическая практика и опыт зарубежных стран // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 12. С. 41–49.
14. Абрамов Ю. И., Чемоданова Д. К. Сравнительный анализ деятельности парламентских и непарламентских партий на выборах депутатов Государственной Думы восьмого созыва // Выборы: теория и практика. 2021. № 2 (56). С. 58–61.
15. Эльмурзаева Р. А. Взаимодействие бизнеса и государства: трансформация «захват государства» // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. № 41. С. 68–84.
16. Макаева Л. И. Институциональные барьеры инновационного развития: сущность и виды // Russian economic bulletin. 2020. Т. 3, № 1. С. 19–25.
17. Шапошникова Е. А. Место политических партий в системе современного политического рынка России // Постсоветский метрик. 2022. № 3 (35). С. 4–12.

References

1. Silaev VS. Structural elements of the political system of society (methodological analysis). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2007;(12):17-21. (In Russ.).
2. Stepanova SS. Prospects and trends in the development of the institution of parliamentary parties in modern Russia. *Upravlenie = Management*. 2022;10(3):98-104. (In Russ.).
3. Ivanov VL. Potential of the main Russian political parties. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2021;(468):75-83. (In Russ.).
4. Il'in VA, Morev MV. Voters supported the President: on the results of elections to the State Duma of the 8th convocation. *Ekonomicheskie i socyaly'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2021;14(5):9-33. (In Russ.).
5. Sen'kina OO. Comparative analysis of the role of political parties in Russia and Germany in the development and implementation of the country's political course. *GosReg: gosudarstvennoe regulirovanie obshhestvennykh otnoshenii = GosReg: state regulation of public relations*. 2018;(4(26):62-66. (In Russ.).
6. Konoval'chikov Ya A. The principle of equality of political parties in the electoral process. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian legal journal*. 2021;(4(139):42-54. (In Russ.).

7. Duraev TA. Legal problems of interaction between the state and political parties in modern Russia. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = News of Saratov University. New episode. Series: Economics. Control. Law*. 2018;(4):472-476. (In Russ.).
8. Stavceva TI, Stavcev TA. Institutional limits on opportunism of regional officials. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes of Oryol State University*. 2014;(2):99-105. (In Russ.).
9. Zimina NV. State funding of political parties as a mechanism of state support. *Aspirant. Prilozhenie k zhurnalu Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Graduate student. Supplement to the journal Bulletin of Transbaikal State University*. 2022;16(1):38-42. (In Russ.).
10. Vol'chik VV, Berezhnoi IV. Interest groups and the quality of economic institutions. *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta = Economic Bulletin of Rostov State University*. 2007;5(2):57-66. (In Russ.).
11. Dyusushe OM. Lecture "Institutional models of the state". *Zhurnal institucional'nykh issledovaniy = Journal of Institutional Studies*. 2012;4(2):112-127. (In Russ.).
12. Ballington J, Zovatto D, Kahane M et al. Finansirovanie politicheskix partii i izbiratel'nykh kompanii = Financing of political parties and election campaigns. Stokgol'm, Bulls Grapxics; 2016. (In Russ.).
13. Trofimov EA. Presidentialism and the sustainability of the development of polities: Russian political practice and the experience of foreign countries. *Izvestiya Irkuckogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie = News of Irkutsk State University. Series: Political science. Religious Studies*. 2015;(12):41-49. (In Russ.).
14. Abramov YuI, Chemodanova DK. Comparative analysis of the activities of parliamentary and non-parliamentary parties in the elections of deputies of the State Duma of the eighth convocation. *Vybory: teoriya i praktika = Elections: theory and practice*. 2021;(2):58-61. (In Russ.).
15. El'murzaeva RA. Interaction between business and the state: transformation of «state capture». *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Bulletin of Tomsk State University. Economy*. 2018;(41):68-84. (In Russ.).
16. Makaeva LI. Institutional barriers to innovative development: essence and types. *Russian economic bulletin*. 2020;3(1):19-25. (In Russ.).
17. Shaposhnikova EA. The place of political parties in the system of the modern political market in Russia. *Poscoveckii metrik = Post-Soviet metric*. 2022;(3):4-12. (In Russ.).

Информация об авторе

И. А. Маньковский — кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора.

Information about the author

I. A. Mankovsky — Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Deputy Director.

Статья поступила в редакцию 20.04.2023; одобрена после рецензирования 03.11.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 20.04.2023; approved after reviewing 03.11.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.1

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-205-214

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ВЫЯВЛЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Артем Аркадьевич Саламатов¹, Артем Олегович Ужегов²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, salamatov79@mail.ru, ORCID 0000-0002-3070-9753

²Челябинский филиал ИЭ УрО РАН, Челябинск, Россия, uzhegov.ao@uiec.ru, ORCID 0000-0002-3244-2036

Аннотация. Представлены подходы к исследованию устойчивого развития территорий. На основе проведенного анализа сформирован перечень характеристик каждого фактора в региональном аспекте с последующим объединением их в общую систему оценки. Представлены варианты проявления социо-эколого-экономических противоречий в процессе формирования эколого-экономических потребностей и интересов на региональном и корпоративном уровнях, а также на уровне домашних хозяйств. Предложенный подход представляет собой инструмент для оценки системных противоречий в процессе формирования эколого-экономической направленности индивида. Он включает методы формализации влияния факторов на результирующий критерий. Анализ социо-эколого-экономических факторов и оценка их влияния имеют научно-практическую значимость для широкого круга заинтересованных сторон в формировании эколого-экономической направленности индивида. Это позволяет на всех уровнях принимать сбалансированные управленческие и поведенческие решения для обеспечения устойчивого развития общества.

Ключевые слова: устойчивое развитие, региональная экономика, экономическое поведение, направленность индивида, триада факторов, системные противоречия

Финансирование. Статья подготовлена в соответствии с планом НИР для ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» на 2021–2023 гг.

Для цитирования: Саламатов А. А., Ужегов А. О. Анализ подходов к оценке устойчивого развития и выявление противоречий: территориальные аспекты // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 205–214. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-205-214.

Original article

ANALYSIS OF APPROACHES TO ASSESSING SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND IDENTIFYING CONTRADICTIONS: TERRITORIAL ASPECTS

Artem A. Salamatov¹, Artem O. Uzhegov²

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, salamatov79@mail.ru, ORCID 0000-0002-3070-9753

²Chelyabinsk branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia, uzhegov.ao@uiec.ru, ORCID 0000-0002-3244-2036

Abstract. The article presents approaches to the study of sustainable development of territories. Based on the analysis, a list of characteristics of each factor in the regional aspect was compiled, followed by combining them into a common assessment system. Variants of manifestation of socio-ecological-economic contradictions in the process of formation of environmental-economic needs and interests at the regional and corporate levels, as well as at the household level are presented. The proposed approach is a tool for assessing systemic contradictions in the process of forming an individual's environmental and economic orientation. It includes methods for formalizing the influence of factors on the resulting criterion. The analysis of socio-ecological and economic factors and assessment of their influence have scientific and practical significance for a wide range of stakeholders in the formation of an individual's environmental and economic orientation. This allows at all levels to make balanced management and behavioral decisions to ensure sustainable development of society.

Keywords: sustainable development, regional economy, economic behavior, the individual's orientation, triad of factors, systemic contradictions.

Funding. The article was prepared in accordance with the research plan for the Federal State Budgetary Institution of Science of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2021–2023.

For citation: Salamatov AA, Uzhegov AO. Analysis of Approaches to Assessing Sustainable Development and Identifying Contradictions: Territorial Aspects. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):205-214. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-205-214.

Введение

Классические исследования в области устойчивого развития представлены работами по взаимодействию капитализма и окружающей среды. Эти работы подчеркивают необходимость учета экологических издержек и призывают к созданию экономической системы, которая бы учитывала потребности будущих поколений.

Так, в исследовании «Великий поворот: от империи к земному сообществу» авторства Д. Кортена [12], опубликованном в журнале «Yes! A Journal of Positive Futures», обращается внимание на то, что современный мир находится на распутье, где один путь ведет к дальнейшей эксплуатации и разрушению природы, а другой — к созданию устойчивого и справедливого общества, которое уважает природу и ее ресурсы. Кортен утверждает, что проблемы, с которыми мы сталкиваемся сегодня, связаны с тем, что мы живем в эпоху империй, где приоритетом является накопление богатства. Однако, чтобы создать устойчивое и справедливое общество, необходимо перейти к созданию сообщества, где природа и люди находятся в гармонии друг с другом. Автор предлагает несколько шагов для достижения этой цели, включая создание новых форм организации общества, таких как кооперативы и гражданские организации, а также изменение нашего отношения к природе и ресурсам.

В книге Г. Спета «Мост на краю мира: капитализм, окружающая среда и переход от кризиса к устойчивости» рассматриваются проблемы, связанные с экономическим ростом и его влиянием на окружающую среду [18]. Автор утверждает, что современный капитализм не способен обеспечить устойчивое развитие и необходимы изменения в экономической системе для достижения этой цели. Спет предлагает несколько шагов для достижения устойчивости, включая уменьшение потребления ресурсов, переход к возобновляемым источникам энергии и изменение нашего отношения к природе. Он также обращает внимание на необходимость глобального сотрудничества для достижения устойчивого развития.

Отдельные авторские коллективы посвятили труды по изучению экологических, экономических и социальных условий в целях оценки качества жизни населения отдельно взятой территории либо для оценке антропогенной нагрузки на экосоциальную систему.

Статья К. Г. Гофмана посвящена вопросам оценки природных ресурсов и издержек загрязнения окружающей среды [3]. Автор рассматривает различные методы оценки экономической ценности природных ресурсов и ущерба, наносимого окружающей среде в результате промышленной деятельности. Он также анализирует проблемы, связанные с определением стоимости экологических услуг, таких как очистка воды и воздуха, сохранение биоразнообразия и др. К. Г. Гофман подчеркивает, что оценка природных ресурсов и издержек загрязнения окружающей среды является сложным и многогранным процессом, который требует использования различных методов и подходов. Он также отмечает, что точность оценки зависит от доступности данных и качества методологии, используемой для расчетов. В целом статья Гофмана представляет собой важный вклад в развитие теории и методологии оценки природных ресурсов и экологических издержек, которые являются ключевыми факторами в принятии экономических решений и формировании политики в области охраны окружающей среды.

А. Ю. Даванков, Д. Ю. Двинин и Е. А. Постников в своей работе [4] описывают методический инструментарий для оценки социо-эколого-экономической среды региона в границах устойчивости биосферы. Авторы подчеркивают необходимость учета экологических факторов при разработке экономических стратегий регионов и предлагают инструменты для оценки устойчивости региона, включая анализ экологических рисков, оценку потребности в ресурсах и определение уровня загрязнения окружающей среды. Они также обсуждают проблемы, связанные с оценкой социально-экономической составляющей устойчивости региона и предлагают ряд практи-

ческих рекомендаций для улучшения методологии оценки.

В статье «Устойчивое развитие: экология и экономический рост» [14] автор анализирует различные подходы к определению понятия «устойчивое развитие» и обсуждает возможности достижения баланса между экономическим ростом и сохранением природных ресурсов. В статье также рассматриваются меры по сокращению выбросов парниковых газов и оценивается их влияние на экономику. Основным выводом статьи заключается в том, что устойчивое развитие может быть достигнуто только при условии интеграции экологических и экономических аспектов, а также принятия комплексных мер по сокращению выбросов парниковых газов и уменьшению зависимости от нефти и газа.

Рядом специалистов проблематика устойчивого развития территорий изучалась сквозь призму обеспечения эколого-экономической безопасности.

В статье Н. Л. Курепиной, Н. Б. Бериковой, М. В. Шоваевой и Д. В. Манджиевой [13] рассматривается взаимосвязь экологической и экономической безопасности сельских территорий и их влияние на устойчивое развитие. Авторы обсуждают проблемы, связанные с экологическими последствиями неустойчивого развития сельской местности, а также рассматривают роль экономических факторов в этом процессе.

Исследование А. Ж. Якушева [9] содержит анализ основных тенденций развития экономики в условиях постиндустриального общества. Автор рассматривает различные подходы к моделированию системных противоречий и предлагает свой метод, основанный на использовании матрицы противоречий. В исследовании также обсуждаются возможные пути решения системных противоречий, связанных с развитием инновационного и постиндустриального секторов экономики. Автор предлагает использовать комплексный подход, который включает в себя не только экономические, но и социальные и культурные аспекты.

Анализ научных публикаций [7; 8; 10; 11] свидетельствует о том, что влияние окружающей среды и индивидов друг на друга является детерминантом в изучении экономического поведения, при этом многие проблемы социо-эколого-экономической несбалансированности, ведущей к глобальным кризисам, в первую очередь зарождались на региональном уровне на почве расхождения интересов и неразрешенных системных противоречий [1; 2]. Исследования экологических, экономи-

ческих и социальных факторов в последние годы проводились по нескольким направлениям: разработка устойчивого развития путем дематериализации производства и потребления [17; 20], оценка степени урбанизации территорий [6] и изменения климата на планете [19], в рамках ведомственных отчетов специализированных организаций и комиссий¹. Стоит отметить, что в научной литературе недостаточно изученными остаются вопросы, посвященные оценке влияния социо-эколого-экономических факторов на формирование эколого-экономической направленности индивида, способствующей преодолению системных противоречий для обеспечения безопасного и устойчивого развития современного общества [15; 16].

Методики оценки факторов устойчивого развития

Существует несколько различных методик оценки факторов устойчивого развития регионов (табл. 1).

Все эти методики направлены на оценку различных аспектов устойчивого развития регионов и могут использоваться в зависимости от конкретных целей и задач оценки.

Методы исследования

При исследовании проблемы идентификации и оценки социо-эколого-экономических факторов устойчивого развития региона авторами применялись стратегический анализ, интегрированные методы специальных теорий — моделирования развития, использовались методы визуальной интерпретации результатов исследования.

Информационной базой послужили статистические сведения за 2017–2021 гг. отчетов «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации» Федеральной службы государственной статистики.

В основе оценки влияния социо-эколого-экономических факторов на формирование эколого-экономической направленности индивида лежит

¹ The World Bank (2004). Responsible growth for the new millennium integrating society, ecology, and the economy. The World Bank, Washington, 177 p. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/535929?ln=ru> (дата обращения: 17.01.2023); United Nations Environment Programme (UNEP) (1997). Industry and Environment. URL: <https://na.unep.net/siouxfalls/reparchive.php> (дата обращения: 17.01.2023); United Nations (2008). The Millennium Development Goals Report 2008. United Nations, New York, 56 p. URL: https://www.un.org/millenniumgoals/2008highlevel/pdf/newsroom/mdg%20reports/MDG_Report_2008_ENGLISH.pdf (дата обращения: 17.01.2023)

Методики оценки факторов устойчивого развития
Methods for assessing sustainable development factors

Название	Характеристика	Основные методы	Авторство
Индекс устойчивого развития (SDI) ¹	Является комплексным показателем, который измеряет уровень устойчивого развития страны. Он включает в себя такие факторы, как экономический рост, социальное благополучие и экологическая устойчивость	Основными методами расчета SDI являются сбор и анализ данных о различных показателях, таких как ВВП на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни, уровень образования, доступность чистой воды и т. д. Затем эти данные используются для расчета индекса, который отображает уровень устойчивого развития страны	Авторство индекса устойчивого развития принадлежит Институту устойчивого развития и международной политики (ISDP) в США. SDI был впервые представлен в 1996 г. и с тех пор был использован во многих исследованиях и отчетах
Методика эколого-экономического анализа (ЕЕА) ²	Является комплексным подходом к оценке взаимодействия экономики и окружающей среды. Она включает в себя анализ экономических и экологических данных, а также социальных и политических факторов, которые могут влиять на устойчивость развития	Основными методами ЕЕА являются сбор и анализ данных о потреблении ресурсов, выбросах загрязняющих веществ, использовании земли и других факторах, которые могут оказывать влияние на окружающую среду. Затем эти данные используются для оценки экологических и экономических последствий различных действий и решений	Авторство методики эколого-экономического анализа принадлежит множеству ученых и исследователей, работающих в области экологии, экономики и политики. Она была разработана в конце XX в. и с тех пор активно используется в различных исследованиях и проектах по устойчивому развитию
Анализ жизненного цикла (LCA) ³	Методика оценки воздействия продукта или услуги на окружающую среду на всех этапах жизненного цикла. Включает в себя оценку потребления ресурсов, выбросов загрязняющих веществ, энергетических затрат и других факторов, которые могут оказывать влияние на окружающую среду	Основными методами LCA являются сбор и анализ данных о потреблении ресурсов, выбросах загрязняющих веществ, использовании энергии и других факторах на каждом этапе жизненного цикла продукта или услуги. Затем эти данные используются для определения экологического следа продукта или услуги, а также для выявления наиболее значимых этапов жизненного цикла с точки зрения их воздействия на окружающую среду	Авторство методики анализа жизненного цикла принадлежит множеству ученых и исследователей, работающих в области экологии, экономики и технологий. Первые работы, касающиеся LCA, относятся к 1970-м гг. Эти истоки связаны с работами Бустеда и Ханта 1996 г. соответственно в Соединенном Королевстве и США.
Методика оценки устойчивости территорий (SUSTRUS) ⁴	Модель SUSTRUS является комплексным подходом к оценке устойчивости территорий на основе экологических, экономических и социальных показателей	Модель использует анализ географических данных, статистический анализ, экспертные оценки и моделирование для сбора данных. Она позволяет выявить сильные и слабые стороны территории, определить наиболее важные проблемы и разработать стратегии для улучшения устойчивости	Heyndrickx, Christophe & Turdyeva, Natalia & Alexeeva, Victoria. (2011). The SUSTRUS model: a CGE model on regional level for sustainability policies in Russia

¹ The Sustainable Development Index. URL: [https://www.sustainabledevelopmentindex.org/#:~:text=The%20Sustainable%20Development%20Index%20\(SDI,ecological%20realities%20of%20the%20Anthropocene.](https://www.sustainabledevelopmentindex.org/#:~:text=The%20Sustainable%20Development%20Index%20(SDI,ecological%20realities%20of%20the%20Anthropocene.) (дата обращения 01.04. 2023)

² Латыпова О. В. Эколого-экономический анализ деятельности предприятия: теория, методология, методика и организация. Докторская диссертация. 2004. URL: <https://istina.msu.ru/dissertations/1064945/> (дата обращения 01.04. 2023)

³ Life Cycle Assessment (LCA) — Complete Beginner's Guide. URL: <https://ecochain.com/knowledge/life-cycle-assessment-lca-guide/> (дата обращения 01.04. 2023)

⁴ Christophe Heyndrickx & Natalia Tourdyeva & Victoria Alexeeva-Talebi, 2011. «The SUSTRUS model: a CGE model on regional level for sustainability policies in Russia» EcoMod2011 3144, EcoMod. URL: <https://ideas.repec.org/p/ekd/002625/3144.html> (дата обращения 01.04. 2023)

Название	Характеристика	Основные методы	Авторство
Методика оценки потенциала устойчивого развития (SDP) ¹	Является инструментом для оценки уровня устойчивости развития регионов, городов и других территорий. Она была разработана в рамках проекта «Устойчивое развитие территорий» при поддержке Европейской комиссии и Международной организации труда.	Методика SDP позволяет оценить устойчивость развития территории на основе трех основных компонентов: экономического, социального и экологического. Каждый компонент включает в себя несколько показателей, которые отражают уровень развития территории в соответствующей области. Методика SDP может быть использована как для оценки текущего уровня устойчивости развития территории, так и для разработки стратегии устойчивого развития на будущее. Она может быть применена в различных контекстах, включая региональное планирование, городское планирование, развитие местных сообществ и другие области.	Авторами методики являются эксперты из Финляндии, Италии, Нидерландов и Швеции. Они разработали этот инструмент для того, чтобы помочь регионам и городам оценить свой потенциал устойчивого развития и определить области, в которых необходимо провести дополнительные работы.

Источник: составлено авторами.

¹ ICAT (Initiative for Climate Action Transparency) (2020). Sustainable Development Methodology: Assessing the Environmental, Social and Economic Impacts of Policies and Actions, D. Rich, R. Song and K. H. Olsen eds. Washington D. C.: World Resources Institute; Copenhagen: UNEP DTU Partnership. URL: <https://climateactiontransparency.org/icat-toolbox/sustainable-development> (дата обращения 01.04. 2023)

их комплексный анализ, позволяющий разработать триаду критериев на базе заданных характеристик с последующей интеграцией в общую систему оценки. В этих целях выделяется три группы характеристик социо-эколого-экономических факторов, влияющих на направленность индивида и принятие им управленческих решений на разных уровнях взаимодействия социально-экономических систем (табл. 2).

Данные показатели были выбраны, так как они отражают различные аспекты влияния социо-эколого-экономических факторов на формирование направленности индивида и принятие им управленческих решений на разных уровнях взаимодействия социально-экономических систем.

Экологические факторы отражают влияние загрязнения окружающей среды на формирование направленности индивида. Социальные факторы отражают влияние демографических, экономических и медицинских показателей на поведение человека. Экономические факторы отражают влияние экономических показателей на поведение человека и принятие им управленческих решений.

Выбранные показатели также являются достаточно объективными и доступными для измерения, что позволяет проводить сравнительный

анализ различных регионов. Кроме того, данные показатели могут быть использованы для разработки и оценки социально-образовательных программ и стратегий развития регионов. При исследовании имелись и ограничения в предложенной методике оценки социо-эколого-экономических факторов на формирование эколого-экономической направленности индивида, они касались ограниченности числа факторов и состава статистических показателей, входящих в интегральный индекс.

Результаты исследования

Устойчивое развитие невозможно без трансформации потребительского стереотипа поведения, которая может быть обеспечена формированием эколого-экономической направленности каждого из субъектов социума. Однако вследствие недостаточности теоретических и эмпирических работ в этой области не раскрыты механизмы преодоления противоречий, оказывающих влияние на данный процесс.

В процессе развития общества при стремлении к достижению целей, поставленных различными его субъектами, возникают одновременно протекающие социо-эколого-экономические противоречия, оказывающие влияние на динамику

**Показатели оценки влияния социо-эколого-экономических факторов
на устойчивое развитие региона**
**Indicators for assessing the influence of socio-ecological and economic factors
on the sustainable development of the region**

Показатель	Источник
Экологические факторы (Экологическая детерминанта формирования направленности индивида)	
(X_1) доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ в общем количестве отходящих загрязняющих веществ от стационарных источников	раздел 8, Земельные ресурсы и охрана окружающей природной среды, параграф 8.5
(X_2) энергоёмкость валового регионального продукта (обратный)	Сайт Росстата, раздел «Эффективность экономики России»
(X_3) удельный вес организаций, осуществлявших экологические инновации, в общем числе организаций	Сайт Росстата, раздел «Наука, инновации и технологии»
(X_4) сброс загрязнённых сточных вод в поверхностные водные объекты (обратный)	раздел 8, Земельные ресурсы и охрана окружающей природной среды, параграф 8.8
(X_5) индекс физического объема природоохранных расходов	раздел 8, Земельные ресурсы и охрана окружающей природной среды, параграф 8.10
Социальные факторы (Социальная детерминанта формирования направленности индивида)	
(X_6) уровень рождаемости	раздел 2, Население, параграф 2.8
(X_7) уровень занятости	раздел 3, Занятость и безработица, параграф 3.10
(X_8) мощность амбулаторно-поликлинических организаций	раздел 6, Здравоохранение, параграф 6.3
(X_9) заболеваемость населения (обратный)	раздел 6, Здравоохранение, параграф 6.8
(X_{10}) среднедушевые денежные доходы	раздел 4, Уровень жизни населения, параграф 4.4
(X_{11}) потребительские расходы в среднем на душу населения	раздел 4, Уровень жизни населения, параграф 4.22
(X_{12}) ожидаемая продолжительность жизни при рождении	раздел 2, Население, параграф 2.15
Экономические факторы (Экономическая детерминанта формирования направленности индивида)	
(X_{13}) объем валового регионального продукта на душу населения	раздел 9, Валовой региональный продукт, параграф 9.2
(X_{14}) индекс промышленного производства;	раздел 13, Промышленное производство, параграф 13.2
(X_{15}) индекс физического объема оборота розничной торговли	раздел 16, Торговля и услуги населения, параграф 16.2
(X_{16}) инвестиции в основной капитал на душу населения	раздел 10, Инвестиции в основной капитал, параграф 10.2
(X_{17}) индекс потребительских цен (обратный)	раздел 21, Цены и тарифы, параграф 21.1

Источник: составлено авторами на основе статистических показателей сборника «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации» / Федеральная служба государственной статистики, 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022.pdf (дата обращения 1.04.2023). Федеральной службы государственной статистики / Сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 1.04.2023).

качества тех или иных характеристик. Примером социо-эколого-экономических противоречий, оказывающих влияние на динамику качества территории в промышленности, может быть развитие нефтегазовой отрасли. С одной стороны, нефтегазовая промышленность может способствовать экономическому развитию региона и созданию рабочих мест. С другой стороны, она

может привести к экологическим проблемам, таким как загрязнение водных и почвенных ресурсов, выбросы вредных веществ в атмосферу и нарушение экологического равновесия. Кроме того, развитие нефтегазовой отрасли может привести к социальным противоречиям, связанным с переселением населения, изменением образа жизни и культуры местных жителей, а также с ростом

цен на недвижимость и услуги для местных жителей. В данном случае также необходим комплексный подход к развитию отрасли, который учитывал бы экологические, социальные и экономические аспекты.

Поиск вариантов разрешения противоречий (согласование взаимоисключающих критериев) поможет избежать появления дисбалансов. Эффективность формирования подходов к управлению устойчивым развитием общества реализуется за счет подбора условий хозяйственной деятельности и поведения субъектов, ответственных за принятие управленческих решений на разных уровнях, в рамках эколого-экономического равновесия [5].

Выявленный спектр социо-эколого-экономических факторов обуславливает наличие системных противоречий, образующихся:

1) на уровне региональных властей — между максимизацией доходов бюджета (в основном налоговых поступлений) от промышленного сектора и минимизацией налоговой нагрузки на «чистые» производства;

2) на уровне хозяйствующего субъекта — между максимизацией рентабельности собственного капитала и максимизацией эколого-ориентированных инвестиций;

3) на уровне домашних хозяйств — между минимизацией текущих расходов и минимизацией потребления товаров длительного распада.

Первое противоречие обусловлено целями региональных властей по наращиванию собираемости налогов с традиционных для региона отраслей, обладающих высокой степенью негативного воздействия на окружающую среду, и при этом регион прямо заинтересован в появлении чистых производств. Скорость появления подобного рода производств в регионе силами только бизнес-сообщества без налоговых преференций будет стремиться к нулю. Таким образом, противоречие заключается, с одной стороны, в желании не подорвать доходную базу бюджета региона, с другой стороны — активизировать «чистое» промышленное производство инструментами бюджетно-фискального аппарата.

Противоречие на корпоративном уровне обусловлено достижением максимизации рентабельности собственного капитала, обеспечивающей наличие приемлемого уровня прибыли и дивидендов, что в конечном счете приводит к росту капитализации. С другой стороны, преследуя эколого-социальные цели и заботясь о минимизации выбросов либо руководствуясь экологическими стандартами, предприятие инвестирует

средства в экологические программы, что неизбежно приводит к падению уровня рентабельности собственного капитала.

Противоречие на уровне домашних хозяйств обусловлено снижением собственных текущих расходов, что в конечном счете приводит к потреблению доступных товаров, в производстве которых зачастую используются вредные для окружающей среды вещества и химические соединения. С другой стороны, в желании использовать в быту товары с высокой степенью экологичности население вынуждено приобретать более дорогие товары. Таким образом, противоречие заключается в популяризации экологичных товаров, приобретение населением которых будет существенно снижать его покупательную способность.

Характеристика вариантов изменения показателей, регламентированная значениями их темпа роста и образующая то или иное противоречие, представлена в табл. 3.

Разрешение системных противоречий осуществляется на основе реализации стратегий формирования эколого-экономической направленности поведения индивида в условиях влияния триады социо-эколого-экономических факторов и лежит в плоскости соответствующей профессиональной подготовки специалистов для корпоративного рынка и государственной службы, а также повышения эколого-экономической (по аналогии с финансовой, или расширяя ее) грамотности широких масс населения.

Заключение

В настоящее время устойчивое развитие является одним из ключевых понятий в области экономики и экологии. Оно отражает стремление общества к удовлетворению своих потребностей, не причиняя ущерба окружающей среде и сохраняя ее ресурсы для будущих поколений.

Однако процесс формирования эколого-экономических потребностей и интересов может приводить к противоречиям, которые затрудняют достижение устойчивого развития. В данном исследовании был проведен анализ подходов к оценке устойчивого развития и выявлены основные противоречия, возникающие в процессе его формирования.

Авторский подход является одним из инструментов преодоления системных противоречий в процессе формирования эколого-экономической направленности индивида и включает методы формализации влияния факторов на результирующий критерий. Эколого-экономиче-

Проявление социо-эколого-экономических противоречий в процессе формирования эколого-экономических потребностей и интересов
Manifestation of socio-ecological-economic contradictions in the process of formation of environmental-economic needs and interests

Противоречие	Проявление противоречия и его последствия
Региональный уровень	
Между максимизацией налоговых поступлений от промышленного сектора и минимизацией налоговой нагрузки на «чистые» производства	Если налоговые поступления от промышленного сектора растут быстрее индекса снижения налоговой нагрузки на чистые производства, то в перспективе регион столкнется с обострением экологических и социальных проблем в обществе
	Если налоговые поступления от промышленного сектора растут медленнее индекса снижения налоговой нагрузки на чистые производства, то в перспективе бюджет региона диверсифицируется наращиванием доли поступлений от чистых производств с эффектом в социальном и экологическом аспекте развития общества
	Рост поступлений от промышленного сектора с увеличивающейся долей «чистого» чистого производства возможен с использованием инструментов бюджетно-фискального аппарата региона
Корпоративный уровень	
Между максимизацией рентабельности собственного капитала и максимизацией экологоориентированных инвестиций	Если рентабельность собственного капитала растет быстрее объема экологоориентированных инвестиций, то интересы дивидендной и налоговой политики реализуются в ущерб эколого-социальных потребностей общества
	Если рентабельность собственного капитала растет медленнее объема экологоориентированных инвестиций, то в перспективе это приведет к падению стоимости ценных бумаг и стоимости капитализации
	Рост капитализации предприятия за счет привлекательной дивидендной политики и экологоориентированного производства может быть обеспечен финансовыми и фискальными инструментами государственного регулирования
Уровень домашних хозяйств	
Между минимизацией текущих расходов и минимизацией потребления товаров длительного распада	Снижение уровня текущих расходов домохозяйств приводит к росту потребления товаров длительного распада в силу их большей доступности
	Сокращение потребления товаров длительного распада приводит к росту расходов на более дорогие экологоориентированные товары
	Увеличение личного потребления экологоориентированных товаров относительно прироста расходов на общее потребление может быть обеспечено за счет использования фискальных инструментов и роста уровня жизни населения региона

Источник: разработано авторами.

ские потребности, отражающие нужды субъекта, обуславливают возникновение эколого-экономических интересов, отражающих способы их удовлетворения, и имеют социальное значение, а их содержание зависит от целого ряда условий. Анализ социо-эколого-экономических факторов и оценка их влияния имеют научно-практическую значимость для широкого круга заинтересованных сторон в формировании эколого-экономической направленности индивида, позволяющей на всех уровнях принимать сбалансирован-

ные управленческие и поведенческие решения для обеспечения устойчивого развития общества.

Таким образом, проведенное исследование показало, что устойчивое развитие является сложным процессом, который требует учета множества факторов. Необходимо разрабатывать подходы к оценке устойчивого развития, которые позволяют учитывать все стороны процесса и достигать компромиссов между экологическими, экономическими и социальными интересами.

Список источников

1. Бобылев С. Н. Новые модели экономики и индикаторы устойчивого развития // ЭВР. 2019. № 3 (61). С. 3–29.
2. Гайнанов Д. А., Атаева А. Г. Сбалансированное пространственное развитие Республики Башкортостан: проблемы и перспективы // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2019. № 1 (27). С. 7–15.

3. Гофман К. Г. Экономическая оценка природных ресурсов и издержек загрязнения окружающей среды (вопросы теории и методологии). М. : ВИНТИ, 1975.
4. Даванков А. Ю., Двинин Д. Ю., Постников Е. А. Методический инструментарий оценки социо-эколого-экономической среды региона в границах устойчивости биосферы // Экономика региона. 2016. № 12 (4). С. 1029–1039.
5. Зубкова О. В. Системные противоречия, возникающие в процессе оперативного управления промышленным предприятием // Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 18 (183). С. 39–49.
6. Мурзин А. Д. Комплексная оценка социо-эколого-экономических факторов состояния урбанизированности территорий // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 8. С. 44–50.
7. Социо-эколого-экономические факторы качества жизни населения региона : коллективная монография / под общ. ред. В. Н. Белкина, Г. Н. Пряхина. Челябинск : Энциклопедия, 2019. 344 с.
8. Татаркин А. И., Гершанок А. Г. Методология оценки устойчивого развития локальных территорий на основе измерения их социально-экономической и экологической емкости // Вестник НГУ: серия социально-экономические науки. 2006. № 6 (1). С. 40–48.
9. Якушев А. Ж. Моделирование системных противоречий развития инновационного и постиндустриального секторов экономики // Модернизация национальной экономики: проблемы и решения / под ред. Н. А. Адамова. М., 2014. С. 27–64.
10. Bandura A. Social Learning Theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1977. 46 p.
11. Cheah I., Phau I. Attitudes towards environmentally friendly products: The influence of ecoliteracy, interpersonal influence and value orientation // Marketing Intelligence & Planning. 2011. Vol. 29, № 5. P. 452–472.
12. Korten D. The great turning: from empire to earth community // Yes! A Journal of Positive Futures. 2006. Vol. 38. P. 12–18.
13. Kurepina N. L., Berikova N. B., Shovaeva M. V., Mandzhieva D. V. Ecological and economic security as a factor of sustainable rural development // E3S Web Conferences. Vol. 161. 01007.
14. Malik A. S. Sustainable Development: Ecology and Economic Growth // Handbook of Climate Change Mitigation / Chen W. Y., Seiner J., Suzuki T., Lackner, M. (eds). Springer, New York, NY, 2012. P. 197–233.
15. O'Connor M. The «Four Spheres» Framework for sustainability // Ecological Complex. 2007. Vol. 3, № 4. P. 285–292.
16. Pradhan P., Costa L., Rybski D., Lucht W., Kropp J. P. A Systematic Study of Sustainable Development Goal (SDG) Interactions // Earth's Future. 2017. Vol. 5, № 11. P. 1169–1179.
17. Purvis B., Mao Y., Robinson D. Three pillars of sustainability: in search of conceptual origins // Sustainability Science. 2019. Vol. 14, № 3. P. 681–695.
18. Speth G. The bridge at the edge of the world — capitalism, the environment, and the crossing from crisis to sustainability. Yale University Press, New Haven/London, 2008. 320 p.
19. Stern N. The economics of climate change: The Stern Review. Cambridge University Press, Cambridge, UK, 2007. 662 p.
20. Welfens M. J. System transformation and environmental policy // Intereconomics. 1993. № 28. P. 231–240.

References

1. Bobylev SN. New economic models and indicators of sustainable development. *EVR*. 2019;3(61):3-29. (In Russ.).
2. Gainanov DA, Ataeva AG. Balanced spatial development of the Republic of Bashkortostan: problems and prospects. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika = Bulletin of USPTU. Science, education, economics. Series: Economics*. 2019;1(27):7-15. (In Russ.).
3. Goffman KG. Economic assessment of natural resources and costs of environmental pollution (issues of theory and methodology). Moscow; 1975. (In Russ.).
4. Davankov AYu, Dvinin DYu, Postnikov EA. Methodological tools for assessing the socio-ecological-economic environment of the region within the boundaries of the sustainability of the biosphere. *Ekonomika regiona = Regional Economics*. 2016;12(4):1029-1039. (In Russ.).
5. Zubkova OV. Systemic contradictions that arise in the process of operational management of an industrial enterprise. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika = Economic analysis: theory and practice*. 2010;18(183):39-49. (In Russ.).

6. Murzin AD. Comprehensive assessment of socio-ecological and economic factors of the state of urbanization of territories. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional economics: theory and practice*. 2012;(8):44-50. (In Russ.).
7. Socio-ecological and economic factors of the quality of life of the population of the region: collective monograph. Under the general editorship of V. N. Belkin, G. N. Pryakhin. Chelyabinsk, Encyclopedia; 2019. 344 p. (In Russ.).
8. Tatarkin AI, Gershanok AG. Methodology for assessing the sustainable development of local territories based on measuring their socio-economic and environmental capacity. *Vestnik NGU: seriya social'no-ekonomicheskie nauki = Bulletin of NSU: series of socio-economic sciences*. 2006;6(1):40-48. (In Russ.).
9. Yakushev AZh. Modeling systemic contradictions in the development of innovative and post-industrial sectors of the economy. *Modernizatsiya nacional'noj ekonomiki: problemy i resheniya = Modernization of the national economy: problems and solutions*. Moscow; 2014. P. 27–64. (In Russ.).
10. Bandura A. Social Learning Theory. Englewood Cliffs, NJ. Prentice-Hall; 1977. 46 p.
11. Cheah I, Phau I. Attitudes towards environmentally friendly products: The influence of ecoliteracy, interpersonal influence and value orientation. *Marketing Intelligence & Planning*. 2011;29(5):452-472.
12. Korten D. The great turning: from empire to earth community. *Yes! A Journal of Positive Futures*. 2006;38:12-18.
13. Kurepina NL, Berikova NB, Shovaeva MV, Mandzhiyeva DV. Ecological and economic security as a factor of sustainable rural development. *E3S Web Conferences*. 161. 01007.
14. Malik AS. Sustainable Development: Ecology and Economic Growth. In: Chen WY, Seiner J, Suzuki T, Lackner M. (eds). *Handbook of Climate Change Mitigation*. Springer, New York, NY; 2012. Pp. 197–233.
15. O'Connor M. The “Four Spheres” Framework for sustainability. *Ecological Complex*. 2007;3(4):285-292.
16. Pradhan P, Costa L, Rybski D, Lucht W, Kropp JP. A Systematic Study of Sustainable Development Goal (SDG) Interactions. *Earth's Future*. 2017;5(11):1169-1179.
17. Purvis B, Mao Y, Robinson D. Three pillars of sustainability: in search of conceptual origins. *Sustainability Science*. 2019;1(3):681-695.
18. Speth G. The bridge at the edge of the world — capitalism, the environment, and the crossing from crisis to sustainability. Yale University Press, New Haven/London; 2008. 320 p.
19. Stern N. The economics of climate change: The Stern Review. Cambridge University Press, Cambridge, UK; 2007. 662 p.
20. Welfens MJ. System transformation and environmental policy. *Intereconomics*. 1993;(28):231-240.

Информация об авторах

А. А. Саламатов — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и регионального развития.

А. О. Ужегов — младший научный сотрудник.

Information about the authors

A. A. Salamatov — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Economic Theory and Regional Development.

A. O. Uzhegov — Junior Researcher.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023; одобрена после рецензирования 29.10.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 25.09.2023; approved after reviewing 29.10.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 339.194

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-215-221

О НЕКОТОРЫХ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКЕ С УЧЁТОМ ЕЁ СОВРЕМЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Алексей Александрович Коробов

Орловский юридический институт МВД РФ имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия, konvar2012@mail.ru,
ORCID 0000-0002-9093-8099

Аннотация. В настоящее время в анализе процесса противодействия теневой экономике зачастую рассматриваются изолированно отдельные ее сектора (например, наркобизнес), не учитываются актуальные тренды, характерные как для теневой экономики и экономической преступности в целом, так и для отдельных ее сфер в частности. В данной обзорной статье автором ставится цель по раскрытию современных особенностей эволюции теневой экономики, при этом особое внимание уделяется современным видам и формам теневой экономики, связанных с использованием информационных технологий и ресурсов как наиболее трудно доказуемых и латентных. Помимо этого, целью данной статьи является рассмотрение основных вызовов отечественной экономике и обществу со стороны постоянно эволюционирующего теневого сектора и необходимости формирования актуальных ответов на подобные вызовы.

Ключевые слова: теневая экономика, эволюция теневой экономики, нелегальный рынок оружия, мошенничество, социальная инженерия, терроризм, криптовалюты, финансирование терроризма

Для цитирования: Коробов А. А. О некоторых экономико-правовых аспектах противодействия теневой экономике с учётом её современной эволюции // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 215–221. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-215-221.

Original article

ON SOME ECONOMIC AND LEGAL ASPECTS OF COUNTERING THE SHADOW ECONOMY, TAKING INTO ACCOUNT ITS MODERN EVOLUTION

Alexey A. Korobov

Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov, Orel, Russia,
konvar2012@mail.ru, ORCID 0000-0002-9093-8099

Abstract. Currently, in the analysis of the process of countering the shadow economy, individual sectors of the latter are often considered in isolation (for example, drug trafficking), current trends characteristic of both the shadow economy and economic crime in general, and for its individual spheres in particular, are not taken into account. In this review article, the author aims to reveal the modern features of the evolution of the shadow economy, with special attention paid to modern types and forms of the shadow economy associated with the use of information technologies and resources as the most difficult to prove and latent. In addition, the purpose of this article is to consider the main challenges to the domestic economy and society from the constantly evolving shadow sector and the need to form relevant responses to such challenges.

Keywords: shadow economy, evolution of the shadow economy, illegal arms market, fraud, social engineering, terrorism, cryptocurrencies, terrorist financing

For citation: Korobov AA. On Some Economic and Legal Aspects of Countering the Shadow Economy, Taking Into Account Its Modern Evolution. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):215-221. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-215-221.

Введение

В настоящее время теневая экономика активно эволюционирует, принимая всё более опасные, латентные формы, образуя псевдоэкономические формации, трансформируя доходы от противоправной деятельности (хищений, контрабанды оружия, наркотических средств и культурных ценностей, мошеннических операций и т. д.) в фактор устойчивого развития системы.

Факторы, воздействующие на теневую экономику, неоднородны и разнообразны по своей структуре и спектру действия, это своего рода триггерные точки. Условно их можно подразделить на две большие группы: 1) текущие, или действующие факторы; 2) формирующиеся факторы, действие которых сможет проявиться только к 2025 г.

Данные факторы по-разному воздействуют на теневую экономику: одни способны провоцировать рост (факторы роста), другие снижать рост теневой экономики (факторы снижения).

К факторам роста относят:

- глобальный экономический спад (рецессия);
- местный (региональный) экономический спад (рецессия);
- высокую налоговую нагрузку;
- сложность налоговой системы;
- степень легкости уклонения от уплаты налогов (сборов);
- простоту вхождения в сектор нелегальной экономики;
- отсутствие экономических перспектив;
- рост коррупции и т. д.

Названные факторы можно отнести к текущим факторам роста, в то же время существуют формирующиеся факторы роста теневой экономики:

- рост шеринговой экономики и бартера;
- рост предложения труда;
- увеличение числа самозанятых и фрилансеров;
- расширение возможностей подключения к сети Интернет;
- внедрение цифровых технологий и приложений и т. д.

К текущим факторам снижения доли теневой экономики традиционно относят:

- увеличение капиталовложений в местную экономику;
- сокращение бедности;
- снижение безработицы;
- централизованное отслеживание транзакций и счетов;

- расширение доступа к образованию и профессиональной переподготовке;
- рост среднего класса и др.

К формирующимся факторам снижения доли теневой экономики относят:

- искусственный интеллект;
- генетическое распознавание;
- взаимодействие в цифровом пространстве органов государственной власти и общественности и др.

Целью обзорной статьи является анализ воздействия выше обозначенных факторов на усиление латентности и транснационализации совершаемых экономических преступлений, а также формирование вызовов отечественной экономике и обществу. По нашему мнению, это должно способствовать более глубокому пониманию проблемы, а также более четко высвечивать проблемную область и точки возможного профилактического воздействия на стремительно эволюционирующую сферу теневых экономических отношений.

Исследованию проблемы эволюции теневой экономики и воздействию ее основных трендов посвящены работы отечественных авторов: М. В. Орешкин и В. И. Богачев в работе «Теневая экономика: сущность, опасные тенденции расширения её масштабов, организация мер безопасности» отметили, что теневые отношения помимо теневой хозяйственной деятельности развиваются и в неэкономической сфере, причем они весьма разнообразны, а их субъекты более разнородны, чем в хозяйственной деятельности. Это теневые политики, теневые преподаватели, теневые священники.

Н. В. Капитонова в работе «Неформальная занятость как элемент экономической угрозы современной России» указывает на растущую угрозу для экономики со стороны неформальной занятости. Я. И. Соломина в работе «Теневая экономика в области поставки коммунальных ресурсов в помещения многоквартирного дома» указывает на зоны коррупционного риска и механизмы получения статусной ренты через аффилированные компании ЖКХ. К. С. Тетерятников, С. Г. Камолов, Ш. Ш. Идрисов в работе «Теневая цифровая экономика» отмечают, что понятие «цифровая теневая экономика» может быть схоже с такими понятиями, как «цифровая подпольная экономика» и «цифровой черный рынок», указывают на способы совершения широкого спектра преступлений при помощи современных коммуникационных систем, возможность анонимизации операций с цифровыми активами.

Результаты исследования и их обсуждение

Опираясь на выводы авторов, а также собственные исследования, можно с уверенностью констатировать, что в современных условиях теневая экономика стремительно эволюционирует, используя современные достижения научно-технического процесса — нейросети, социальную инженерию, криптовалюты, электронные системы расчетов, социальные сети, электронные кошельки, системы удаленного доступа. При этом субъектами теневой экономики активно используются политическая и экономическая конъюнктура — вооруженные конфликты, санкционные действия, пандемия коронавируса и ряд других, то есть всё это учитывается как факторы теневой экономической модели.

Данные факторы в немалой степени способствуют эволюции теневой экономики, делая ее всё более латентной, маскирующейся под легальные экономические процессы, несущей значительный потенциал угрозы национальной и глобальной безопасности. Методы совершения экономических преступлений становятся всё более изощренными, позволяющими существенно усложнить процесс поиска правонарушителей и доказывания их вины.

Также активно теневая экономика встраивается в цифровое пространство, осуществляя технически сложные, многоэтапные преступления, зачастую с использованием методов социальной инженерии¹.

В данном направлении четко прослеживается тренд от алгоритмов использования технической уязвимости сетей до использования человеческих слабостей, в чем и состоит ключевой принцип действия социальной инженерии — обманом вынудить субъекты предоставить доступ к сетям данных или раскрыть конфиденциальную информацию.

К примеру, злоумышленник, представляясь сотрудником правоохранительных органов или клиентской службы, просит пользователя сообщить пароль от личного кабинета. В отличие от алгоритма, использующего технические уязвимости, данный алгоритм не оставляет следов взлома, а потерпевший практически добровольно сообщает конфиденциальные данные, что сокращает время совершения преступления и несколько осложняет его доказывание.

¹ Мальнев А. Киберугроза № 1, или Как бороться с социальной инженерией. URL: <https://www.securitylab.ru/analytics/500877.php>

Всё большую популярность набирают предложения получения пассивного дохода на разнице котировок акций ведущих компаний, курсов валют или драгоценных металлов. Схема может быть различна: например, гражданину, не обладающему знаниями и навыками биржевой торговли, предлагают пройти онлайн-курсы, пройти (не безвозмездно) обучение на специализированной интернет-площадке, затем, оплатив кредитное плечо, попробовать свои силы на бирже. Вариаций множество, но цель одна — завладеть максимальным объемом денежных средств жертвы.

В качестве правового механизма противодействия преступлениям в данной сфере требуется оптимизация законодательства в сфере ответственности интернет-провайдеров и операторов сотовой связи в сторону дальнейшего ужесточения. Показательным примером служит обязанность операторов хранить на серверах данные переписки и трафика обслуживаемых ими ресурсов и абонентов.

Еще одна форма эволюции теневой экономики — финансирование терроризма (далее — ФТ). Этапы процесса ФТ представлены на рис. 1.

Наличие широкого доступа к цифровой инфраструктуре и отдельным ее элементам (социальным сетям, электронным площадкам, криптобиржам актуализировало проблему финансирования противоправной деятельности (например, терроризма и экстремизма) с помощью электронных кошельков, криптовалют, токенов и донатов. Данное направление наряду с применением злоумышленниками специальных программ-миксеров, программ-анонимайзеров существенно повысило латентность данного финансирования на всех стадиях процесса, снизив риски выявления и доказывания фактов совершения преступления, вместе с тем повысив скорость транзакций.

Сбор пожертвований на цели террористической и экстремистской деятельности осуществляется в социальных сетях, точно так же, как и вербовка неофитов. Новоиспеченные сторонники записывают и оправляют в сеть видеоролики с клятвой верности (у исламистов — «баят»), экстремистские и террористические ресурсы активно используют недовольство действующим правительством, имущественным расслоением в обществе, задействуя для этого профессиональных психологов. Схожая ситуация наблюдается и в сфере наркоторговли: нельзя не отметить вполне компетентное использование

<p align="center">Привлечение средств, предназначенных для финансирования терроризма</p>	<p>Начальный этап процесса ФТ, основной целью которого является привлечение средств как из законных (примеры: частные пожертвования, сбор через НКО, бизнес и т. д.), так и из незаконных (примеры: доходы от преступной деятельности, контрабанда и т. д.) источников</p>
<p align="center">Перемещение средств, предназначенных для финансирования терроризма</p>	<p>Технический этап процесса ФТ, основной целью которого является задействование законных и/или незаконных механизмов по перемещению террористических средств (примеры: переводы денежных средств через банки, перевозка наличных денежных средств и переводы денежных средств и т. д.)</p>
<p align="center">Использование средств, предназначенных для финансирования терроризма</p>	<p>Заключительный этап процесса ФТ, основной целью которого является использование средств для обеспечения всех видов деятельности, осуществляемых террористами либо террористическими группами (примеры: проведение террористических актов, пропаганда и вербовка, обучение и подготовка и т. д.)</p>

Рис. 1. Этапы процесса ФТ

Fig. 1. Stages of the financing of terrorism

Источник: Коробов А. А. К вопросу о современных социально-экономических вызовах российской экономике // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 12 (470). С. 224–230

методов пропаганды авторами сайтов. Например, в результате комбинированного использования настоящих и заказных отзывов, сообщений на форумах, постов в пабликах социальных сетей формируется ложный образ «удачливого» наркопотребителя или наркоторговца, имеющего стабильный доход, свободно приобретающего и употребляющего наркотические средства, при этом пренебрежительно относящегося к правоохранительным органам [1]. Недавно появившаяся организация М.К.У. (Маньяки: культ убийства; идеологический лидер Егор Краснов, курируемый Службой безопасности Украины) призывает своих сторонников уничтожать сотрудников полиции, работников органов государственного и местного самоуправления. Организация насчитывает 37 отделений в регионах России. 16 января 2023 г. Верховный Суд Российской Федерации признал организацию террористической.

По мнению некоторых исследователей, ликвидация наличных денег и цифровизация бизнес-операций могут облегчить отслеживание неформальных потоков и еще больше затруднить жизнь тем, кто работает в неформальной экономике. С другой стороны, децентрализованная кибер-преступность, использование криптовалют, таких как биткойн, создают потенциал для осуществления финансовых транзакций в электронном виде вне контроля или компетенции центральных органов власти и регулирующих органов [2–4].

Многие исследователи также отмечают значительный криминогенный потенциал нейросети, доступ к которой ограничен вследствие действия западных санкций. Между тем использование технологий нейросети способно существенно упростить совершение преступлений и, как следствие, осложнить поиск, поимку и доказывание вины преступника. Возможности современной нейросети заключаются в подмене личности преступника виртуальным персонажем — можно изменить, голос, внешность, пол и к тому же ввести похищенные личные данные, чтобы сделать схему совершения преступления более изощренной и осложнить работу правоохранителей.

В данной сфере на фоне сложной политической и экономической ситуации в мире наблюдается некоторое снижение взаимодействия и международного сотрудничества в сфере противодействия финансированию терроризма и экстремизма. В этом ключе на базе имеющихся полномочий необходимо законодательно расширить полномочия Росфинмониторинга внесением соответствующих изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» № 115-ФЗ.

Большую проблему и значительный теневой потенциал составляют сегодня цены на коммунальные услуги и потребительские товары.

В коммунальной сфере очень часто создаются управляющие компании с владельцами, зачастую аффилированными с коррумпированными госу-

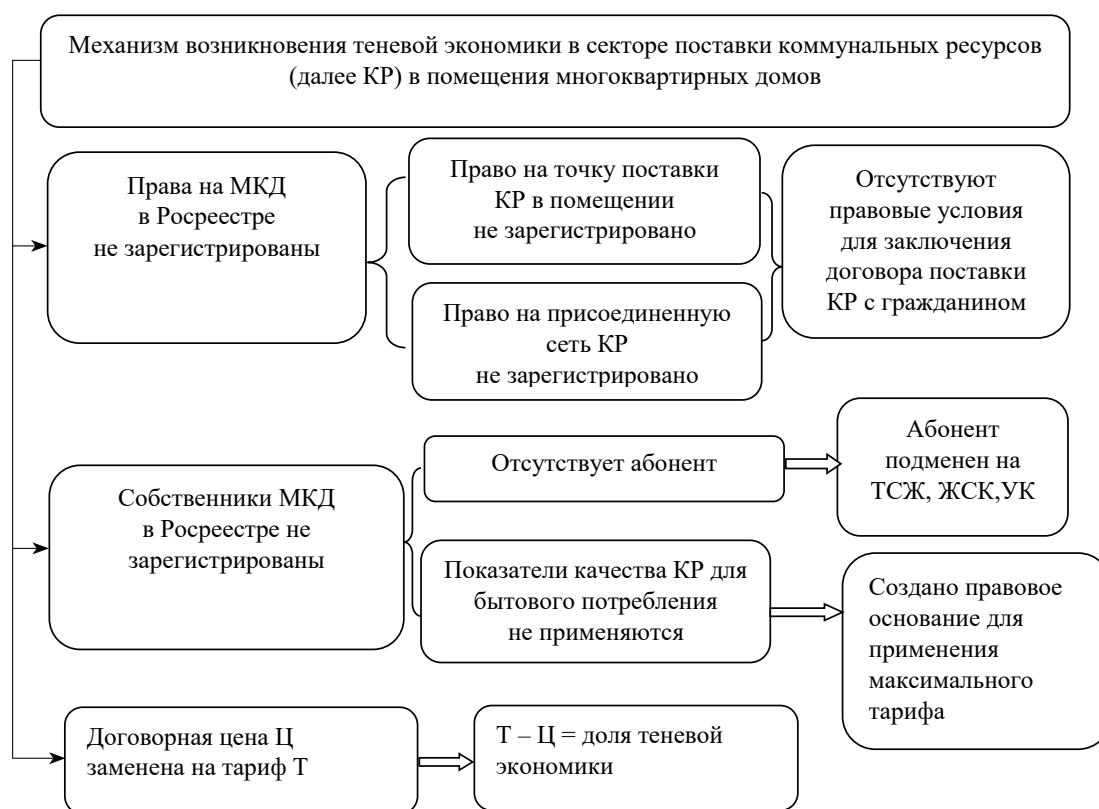

Рис. 2. Механизм возникновения теневой экономики в секторе поставки коммунальных ресурсов в помещения многоквартирных домов

Fig. 2. The mechanism of the emergence of the shadow economy in the sector of supply of communal resources to the premises of apartment buildings

Источник: составлено автором на основе [5]

дарственными служащими. Очень часто при этом возникает проблема правильности начисления платежей по нормативам потребления, использования средств на капитальный ремонт, а также преемственности управляющих компаний. Последние зачастую представляют собой по сути фирмы-однодневки, выводящие денежные средства в офшоры, а потом запускающие процедуру банкротства.

В данном случае, поскольку поставка коммунальных ресурсов осуществляется в рамках гражданско-правовых отношений, в том числе с управляющими компаниями, целесообразно ввести обязательную антикоррупционную экспертизу к с обязательным мониторингом аффилированных лиц и компаний.

Наглядно механизм возникновения теневой экономики в секторе поставки коммунальных ресурсов в помещения многоквартирных домов представлен на рис. 2.

Также с проведением СВО активизировался черный рынок оружия и средств защиты, наметился спекулятивный рост цен. Например,

ООО «Федеральная антимонопольная служба» (ФАС) выявила в октябре 2022 г. «случаи существенного повышения стоимости» армейской экипировки и другой военной продукции.

«По результатам совместных проверок по фактам выявленных нарушений организациям розничной торговли выданы предостережения прокуратуры о недопустимости создания искусственного дефицита продукции для поддержания ажиотажного спроса и завышения цен в период проведения частичной мобилизации», — говорится в сообщении ФАС¹.

В марте 2023 г. по депутатскому запросу проверялось ООО «ОКБ Гардарика». Подозрения о завышении цен на летнюю военную форму возникли у пользователей социальных сетей в связи с ценами, указанными на сайте компании. По данным РБК, эти цены достигали 140 тыс. руб. за один комплект. Прокурорская проверка посчитала, что информация на сайте не соответствовала действительности.

¹ URL: <http://www.rbc.ru/business/12/10/2022/6346fe139a7947974689f508>

«По информации ООО “ОКБ Гардарика” в сети Интернет на сайте www.garda-store.ru неустановленными лицами без согласия общества внесены изменения в стоимость продукции. В настоящее время сайт не работает. Обществом продажа продукции в розницу не осуществляется, иные контракты на поставку вещевое имущество на исполнении у ООО “ОКБ Гардарика” отсутствуют», — говорится в ответе прокуратуры¹.

Очевидно одно: в результате возросшего спроса на военное снаряжение и экипировку, а также учитывая значительно возросший поток нелегального оружия в первую очередь с территории Украины, существенный стимул к развитию получил рынок оружия, а также снабжение им экстремистских и террористических организаций.

Выводы

В свете проблематики, затронутой в статье, очевидно, что на усиление латентности и транснационализации совершаемых экономических преступлений, а также формирование вызовов отечественной экономике и обществу существенное влияние оказывают самые различные факторы, например, пандемия COVID-19 позволила усовершенствовать механизмы коммуникации

¹ URL://<https://www.rbc.ru/business/12/10/2022/6346fe139a7947974689f508>

между членами преступных сообществ, наладить сервисы по дистанционной торговле запрещенными препаратами. Растущая цифровизация позволила использовать цифровое пространство для удаленного доступа к личным данным и конфиденциальной информации, способствуя осуществлению технически сложных видов преступлений с использованием нейросетей, средств социальной инженерии, программ-анонимайзеров, способными скрыть незаконные транзакции и осложнить процесс доказывания по данным группам преступлений. С началом специальной военной операции территория сопредельной Украины превратилась в «черную зону», в которой значительно активизировались наркоторговля, в том числе экспериментальными видами боевых наркотиков², торговля оружием, людьми и органами человеческого тела, усилились терроризм и экстремизм, а также их финансирование.

Также обозначенные в данной работе направления эволюции выполняют роль своего рода маркеров, ориентируясь на которые необходимо реализовывать комплекс превентивных мероприятий. Поэтому ранняя диагностика новых проявлений теневой экономики носит прикладной, практический характер.

² URL://https://aif.ru/politics/world/medik_katulin_zayavil_chno_voennye_narkotiki_unichtozhayut_cheloveka_za_nedelyu

Список источников

1. Ходырева Е. А. Пропаганда наркотиков в сети Интернет: способы и направления противодействия // Актуальные проблемы противодействия наркотрафику на современном этапе : материалы международного научно-практического семинара (6 апреля 2018 г.) / отв. ред. Н. Н. Цуканов ; СибЮИ МВД России. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2018. С. 61–64.
2. Дробот Е. В., Макаров И. Н. Оценка факторов и стрессоров теневой экономики: мировой опыт // Теневая экономика. 2021. Т. 5, № 1. С. 53–77.
3. Капитонова Н. В., Бочкарева И. В. Неформальная занятость как элемент экономической угрозы современной России // Теневая экономика. 2023. Т. 7, № 1.
4. Булетова Н. Е., Губин А. М. и др. Многоаспектность функционирования теневой экономики в условиях кризиса: оценка тенденций и угроз экономической безопасности России / // Экономическая безопасность. 2022. № 4.
5. Соломина Я. И. Теневая экономика в области поставки коммунальных ресурсов в помещения многоквартирного дома // Теневая экономика. 2023. Т. 7, № 1.
6. Федоров М. А., Ермакова Е. А. и др. Основные критерии для оценки теневой экономики на современном этапе социально-экономического развития России и регионов // Теневая экономика. 2021. № 1.
7. Смелова С. В., Тотоев Р. Р. Наркобизнес как сектор теневой экономики и угроза экономической безопасности страны // Теневая экономика. 2023. Т. 7, № 1.

References

1. Khodyreva EA. Drug propaganda on the Internet: methods and directions of counteraction. In: Aktual'nye problemy protivodejstviya narkotrafiku na sovremennom etape: materialy mezhdunarodnogo nauchno-prak-

ticheskogo seminara (6 aprelya 2018 g.) = Actual problems of countering drug trafficking at the present stage: materials of the international scientific and practical seminar (April 6, 2018). Ed. by N. N. Tsukanov; SibUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Krasnoyarsk; 2018. Pp. 61–64. (In Russ.).

2. Drobot EV, Makarov IN. Assessment of factors and stressors of the shadow economy: world experience. *Tenevaya ekonomika = Shadow economy*. 2021;5(1):53-77. (In Russ.).

3. Kapitonova NV, Bochkareva IV. Informal employment as an element of the economic threat to modern Russia. *Tenevaya ekonomika = Shadow economy*. 2023;7(1):41-54. (In Russ.).

4. Buletova NE, Gubin AM et al. The multidimensional functioning of the shadow economy in a crisis: assessment of trends and threats to Russia's economic security. *Ekonomicheskaya bezopasnost' = Economic security*. 2022;(4):1337-1352. (In Russ.).

5. Solomina YaI. Shadow economy in the field of supply of communal resources to the premises of an apartment building. *Tenevaya ekonomika = Shadow economy*. 2023;7(1):31-44. (In Russ.).

6. Fedorov MA, Ermakova EA et al. The main criteria for assessing the shadow economy at the present stage of socio-economic development of Russia and the regions. *Tenevaya ekonomika = Shadow economy*. 2021;5(1):19-40. (In Russ.).

7. Smelova SV, Totoev RR. Drug trafficking as a sector of the shadow economy and a threat to the economic security of the country. *Tenevaya ekonomika = Shadow economy*. 2023;7(1):55-72. (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Коробов — кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

Information about the author

A. A. Korobov — Candidate of Economic Sciences, Senior Lecturer of the Department of Social and Humanitarian Disciplines.

Статья поступила в редакцию 30.09.2023; одобрена после рецензирования 03.11.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 30.09.2023; approved after reviewing 03.11.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.12

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-222-230

ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННЫХ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ В РЕТРОСПЕКТИВЕ И В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Александра Анатольевна Егорова¹, Илья Андреевич Данилов²,
Сергей Андреевич Гельм³

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, aleksandra_csu@mail.ru, ORCID 0000-0002-6291-9878

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, danilovdocent@yandex.ru, ORCID 0000-0001-9334-7254

³Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, sergey_gelm@mail.ru

Аннотация. Исследование направлено на совершенствование существующих подходов к пониманию и механизмам усиления конкурентных преимуществ на основе инноваций с учетом значимости влияния геополитических изменений на состояние и перспективы отечественного экономического развития на национальном, региональном и местном уровнях. В статье рассмотрены особенности перехода инновационных конкурентных преимуществ с микроуровня в более широкие возможности конкурентных преимуществ, которые стали охватывать государственную поддержку и трактоваться на уровне макроэкономики. Источником конкурентного преимущества в современной экономике становится способность человеческих ресурсов с высокой частотой генерировать рациональные идеи и обеспечивать максимальный темп их внедрения. Предложен авторский концептуальный подход к трактовке понятия «инновационные конкурентные преимущества», основанный на принципах диалогового взаимодействия между экономическими субъектами и объектами и окружающей их средой. Авторское определение позволяет не только расширить содержательное толкование инновационных конкурентных преимуществ, но и выделить ключевые проблемы, присущие практике их реализации.

Ключевые слова: инновации, инновационное развитие, конкуренция, конкурентные преимущества, инновационный потенциал, человеческий капитал

Для цитирования: Егорова А. А., Данилов И. А., Гельм С. А. Особенности инновационных конкурентных преимуществ в ретроспективе и в современной экономике // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 222–230. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-222-230.

Original article

FEATURES OF INNOVATIVE COMPETITIVE ADVANTAGES IN RETROSPECT AND IN THE MODERN ECONOMY

Alexandra A. Egorova¹, Ilya A. Danilov², Sergey A. Gelm³

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, aleksandra_csu@mail.ru, ORCID 0000-0002-6291-9878

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, danilovdocent@yandex.ru, ORCID 0000-0001-9334-7254

³Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, sergey_gelm@mail.ru.

Abstract. The research is aimed at improving existing approaches to understanding and mechanisms for strengthening competitive advantages based on innovation, taking into account the importance of the impact of geopolitical changes on the state and prospects of domestic economic development at the national, regional and local levels. The article examines the features of the transition of innovative competitive advantages from the micro level to broader opportunities of competitive advantages, which began to cover state support and be interpreted at the level of macroeconomics. The source of competitive advantage in the modern economy is the ability of human resources to generate rational ideas with high frequency and ensure the maximum pace of their implementation. The author's

conceptual approach to the interpretation of the concept of “innovative competitive advantages” is proposed, based on the principles of dialogical interaction between economic entities and objects and their environment. The author’s definition allows not only to expand the meaningful interpretation of innovative competitive advantages, but also to highlight the key problems inherent in the practice of their implementation.

Keywords: innovation, innovative development, competition, competitive advantages, innovative potential, human capital

For citation: Egorova AA, Danilov IA, Gelm SA. Features of Innovative Competitive Advantages in Retrospect and in the Modern Economy. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):222-230. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-222-230.

Введение

Развитие отечественной экономики с момента перехода на рыночные рельсы сложно назвать равномерным и однонаправленным. И если за истекшие первые 30 лет традиционно выделялись три основных этапа кризисный (с 1992 по 1998 г.), восстановительный (с 1999 по 2008 г.) и стагнационный (до 2021 г.), то за последние 2–3 года наблюдается этап, который в силу санитарно-биологических (ковидных), социально-психологических (постковидных), геополитических и иных событий формулирует запрос на новый порядок экономического существования как внутри нашей страны, так и на международной арене, в мировой экономике.

Обобщающей особенностью новейшего этапа развития является то, что максимальный успех для экономических систем прогнозируется для тех из них, которые функционируют на принципах инновационного прогресса, позволяющего наиболее эффективно трансформировать потенциальные возможности в конкурентные преимущества.

Однако, как показывает отечественная теория и практика, данный путь является чрезвычайно тернистым в силу следующих основных проблем:

- 1) неоднозначность трактования термина «инновационные конкурентные преимущества»;
- 2) сложность их оценки;
- 3) рассмотрение данного понятия применительно исключительно к микроуровню экономики.

Вышеозначенные аспекты, а также перспективная роль исследования инновационных конкурентных преимуществ в разрезе макроэкономики предопределили высокую актуальность, а также соответствующую прикладную значимость характеристики понятия и проблем трактования и исчисления, формирования и применения инноваций в качестве нового эффективно-го двигателя на текущем этапе экономического развития.

Обзор теоретических подходов к исследованию инновационных конкурентных преимуществ

Неоднозначность трактования термина «инновационные конкурентные преимущества» обусловлена его комплексностью, что предполагает использование аналогичного набора научных методов для обеспечения максимальной логичности и содержательности — анализ составляющих понятий «инновации» и «конкурентные преимущества», а также последующий синтез их содержания в искомый термин.

В качестве предыстории формирования первого из вышеозначенных терминов правомерно отметить работы классиков политэкономии А. Смита, Д. Рикардо, Дж. С. Милля и К. Маркса, в трудах которых достижения науки признавались как «движущая сила общественного прогресса», однако при этом им уделялась лишь второстепенная, обеспечивающая роль, то есть научно-технический прогресс рассматривался не как причина, а как следствие развития производства [1].

По мере развития общественно-экономических формаций, а также под влиянием прогресса, в том числе и в финансово-промышленном секторе, стало очевидно, что обозначенная классиками позиция стала как минимум спорной, а как максимум, ошибочной, требующей «переворота» мировоззрения на противоположный — с закреплением ведущей роли «движущей силы» научных открытий.

Открыто признать это впервые предложил Й. Шумпетер в работе «Теория экономического развития», когда инновации он не только выделил в отдельное понятие, но и обосновал важнейшую их роль в экономике в силу создания на их основе «нового блага», которое могло заключаться не только в товарной форме, но и в технико-технологической, коммерческой, бытовой и прочих [2].

Далее предложенное понятие дополнялось и усиливалось, что особенно проявилось в работах Г. Менша, П. Друкера, Р. Форестера и других

прежде всего в аспектах процессно-маркетинговых.

В отличие от них в XXI в. акцент сместился на выделение новых видов инноваций, а также на практические аспекты их использования для снижения себестоимости; на это указывают труды Г. Ицковича, Л. Лейдесдорфа, И. Адизеса, К. Кристенсена и др.

Результаты исследования и их обсуждение

Данная идея была активно поддержана его коллегами-современниками, а также получила даль-

нейшее развитие уже в новом веке. Начальная стадия содержательной эволюции понятия «инновации» отражена в табл. 1.

Таким образом, уже в XX в. понятие «инновации» прошло эволюцию от восприятия как любого «продаваемого» новшества, носящего вспомогательный экономический характер, до непрерывного процесса, который обладает не только «товарным» значением, но и организационным, технико-технологическим, маркетинговым, коммерческим и прочими, а его ведущий (а не ведомый, как ранее) характер для экономики под-

Таблица 1
Table 1

Содержательная эволюция термина «инновации» в XX в.
The meaningful evolution of the term “innovation” in the 20th century

Основные содержательные компоненты	Авторы или нормативные документы, трактующие инновации, а также период их опубликования					
	1939	1963	1979	1985	1987	1992
Новые комбинации, методы производства, технические изобретения, способы коммерческого использования, блага или товары, источники сырья, организационные новшества	Й. Шумпетер [2] выделил радикальные (разрушительные) и инкрементальные (поэтапные) инновации					
Конечный результат инновационной деятельности в виде нового или усовершенствованного продукта или технологического процесса [3]	Теория Й. Шумпетера выступила основой закрепления термина «инновации» нормативно	Руководство Фраскати (ОЭСР) Первое нормативное закрепление				
Нововведения, позволяющие выигрывать в конкурентной борьбе [3]		Впервые инновации были увязаны с конкуренцией	Г. Менш Выделил базисные инновации и псевдоинновации			
Триединство: инновационная деятельность, практика предпринимательства и стратегия [4]		Инновации приобрели практическую плоскость	А также были рассмотрены стратегически	П. Друкер рассматривал инновации как особый инструмент		
Плод усилий выдающейся личности [5]				Определена ведущая роль ученого в социально-экономическом развитии	Р. Фостер Ввел понятие технологического разрыва	
Непрерывный процесс в ходе которого появляются новые блага [3]					Закреплена эволюционная (естественная) природа инноваций	Руководство Осло. Выделены: процессные продукты, организационные и маркетинговые инновации

тверждался официальным закреплением в международных нормативных актах.

Ключевыми достижениями данного этапа правомерно назвать:

1) приобретение инновациями комплексного характера, что проявилось в их функционировании на уровне социального и технологического процесса;

2) диалоговый порядок, который заключается во взаимодействии между экономическими объектами и субъектами с окружающей средой;

3) развитие и постоянная «обучаемость», которые присущи инновационному процессу, в рамках которого одно открытие влечет за собой одно или несколько других.

Особо необходимо отметить, что ключевой характеристикой развития теории инноваций на этом этапе стало их рассмотрение исключительно на микроуровне экономики, то есть в тесной связи с предприятиями, отдельными группами товаров, технологическими процессами и т. д. И это, пожалуй, ключевой момент, а также важнейшая отличительная черта предлагаемой периодизации (рис. 1).

В соответствии с вышеозначенным естественным процессом трансформации развитие теории инноваций базировалось на двух столпах:

1) переход с корпоративного уровня поддержки инноваций на государственный;

2) ускорение инновационного прогресса, поскольку этого требовали как общехозяйственные, так и социально-экономические процессы.

Особо на этом этапе выделилась теория тройной спирали Г. Ицковича и Л. Лейдесдорфа, в рамках которой подчеркивалась значимость координации эволюции инноваций на базе системы «государство—бизнес—университеты», что отражает рис. 2.

Вышеозначенная теория достаточно органично и наглядно демонстрирует нацеленность на формирование устойчивой взаимосвязи, предполагающей задействие возникающих на базе университетов вертикальных и горизонтальных «союзов» между производителями и научно-исследовательскими лабораториями, курируемыми государством как прямо (бюджетное или целевое финансирование), так и косвенно (посредством размещения государственного заказа или формирования устойчивой стратегии развития конкретного продукта, производства, отрасли и т. д.).

Помимо подчеркнуто значимой роли государства как координатора взаимодействия науки и бизнеса, вышеозначенная модель также содержит в себе первые признаки «надмикроэкономической» конкуренции, закладываемой им. То есть если на первом историческом этапе инновации действительно функционировали по принципу «естественного отбора», инициированного самими компаниями для сокращения себестоимости (количественно) или увеличения конкурентоспособности своей продукции (качественно), то теперь этот процесс стал координироваться государством и приобрел макроэкономическое начало за счет поддержки, с одной стороны, научных изысканий, отвечающих национальным интересам, а с другой — отдельных производств и отраслей, которые технически или технологически участвуют в создании благ, необходимых для обеспечения конкурентного преимущества на международном рынке.

Отмеченная особенность восприятия современных инноваций в теории и практике отразилась и в их трактовании (табл. 2).

Таким образом, на современном этапе развития теории инноваций правомерно выделить следующие основные достижения:

Инновационная составляющая экономики XX века		Инновационная составляющая экономики XXI века
Рыночный механизм основан на ценовом соревновании, в рамках которого выигрывал тот, кто мог предложить товар дешевле, а значит, и сам должен был найти вариант произвести по меньшей себестоимости, чему способствовали новые технико-технологические инновационные достижения	Развитие теории инноваций привело к их трансформации с микроуровня и ценового формата в более широкие возможности конкурентных преимуществ, которые стали охватывать государственную поддержку и трактоваться на уровне макроэкономики	Основой экономики становятся инновационные механизмы, поскольку только они позволяют достичь победы за счет широкого спектра конкурентных преимуществ, получаемых за счет целевой поддержки новых методов производства, технических изобретений, способов коммерческого использования, блага или товаров, источников сырья, организационных новшеств

Рис. 1. Переход инновационных конкурентных преимуществ с микроуровня на макроуровень
 Fig. 1. The transition of innovative competitive advantages from the micro level to the macro level

Источник: составлено авторами

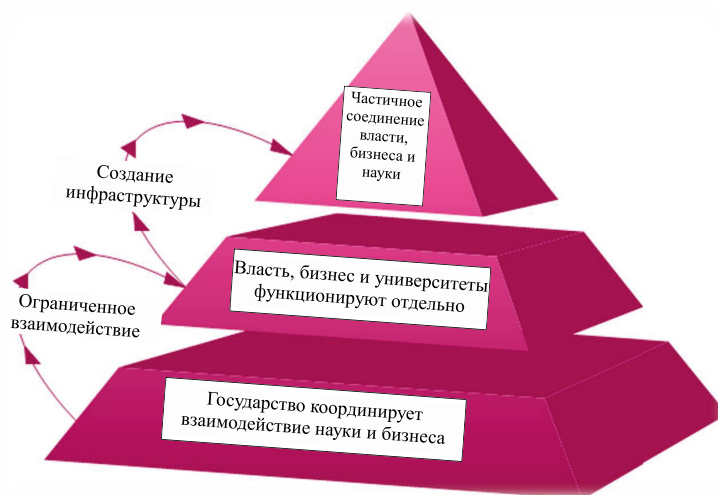

Рис. 2. Порядок взаимодействия элементов системы «государство-бизнес-университеты» при формировании и развитии инновационных систем

Fig. 2. The order of interaction of the elements of the “state-business universities” system in the formation and development of innovative systems

Источник: составлено авторами

1) приоритизация социального фактора трактования инноваций, проявляющаяся в необходимости их рассмотрения не только и не столько как объекта микроэкономического (корпоративного), сколько социального, гуманитарного и внекорпоративного;

2) постепенный уход от исключительно технико-технологического восприятия роли инноваций в экономике, их нацеленности на удовлетворение потребностей общества и улучшение жизненных стандартов;

3) усиление взаимосвязи понятий «инновации» и «человеческий капитал» через нацеленность первых на улучшение качества вторых.

Следовательно, правомерно предложить следующее содержание понятия «инновация», учитывающее историческую эволюцию и современные тенденции: это экономическое благо в материальной (товарной, технической) или нематериальной (процессной, технологической, организационной, социальной) формах, полученное в результате практического претворения научных знаний в форму, позволяющую удовлетворить общественные потребности и получить прибыль.

Предложенное определение позволяет рассматривать инновации как комплексную категорию:

– экономическую, то есть совокупность экономических отношений, которые возникают в связи с необходимостью сформировать качественные или количественные конкурентные преимущества в какой-либо рыночной сфере, отрасли, товарной группе на основе научных достижений;

– правовую, предполагающую документальное закрепление признаков и формата инноваций (в российском законодательстве имеет место следующее трактование — введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях) [9¹];

– финансово-организационную, предполагающую использование различных вариантов финансирования и организации деятельности, направленной на формирование нового блага, метода или организационного процесса его получения;

– материальную, выраженную в виде блага, обладающего новыми или улучшенными свойствами, сформированными на основе практической реализации научных достижений.

Уточнение понятия «инновации» позволяет при аналогичном подходе к понятию «конкурентные преимущества» в дальнейшем сформировать объективное и содержательное трактование термина «инновационное конкурентное преимущество».

Правомерно составить следующую схему эволюции содержательных компонент понятия «конкурентные преимущества» (табл. 3).

Указанная схема наглядно показывает, что, если изначально конкурентные преимущества

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О науке и государственной научно-технической политике”» от 21.07.2011 № 254-ФЗ.

Современное развитие теории инноваций: авторы и ключевые характеристики
Modern development of innovation theory: authors and key characteristics

Основные содержательные компоненты	Авторы или нормативные документы, трактующие инновации, а также период их опубликования					
	1990	1995	2012	2003	2004	2012
Трехвитковая спираль инноваций: государство координирует взаимодействие науки и бизнеса; ограниченное взаимодействие власти, бизнеса и науки; создание инфраструктуры знаний	Г. Ицкович, Л. Лейдесдорф [1]					
Инновации являются основой для улучшения организаций, так и субъектов, занятых в них [1]	К инновациям применена теория жизненных циклов организации	И. Адизес				
Инновации — это технологии, кардинально изменяющие соотношение потребительских ценностей на рынке [7]		Представлена теория «подрывных инноваций»	К. Кристенсен			
Инновации как результат распространения технологий на базе объединения усилий независимых участников инновационной деятельности [5]			Впервые был применен практический опыт ведущих компаний (Xerox, IBM, Intel, Lucent) в результате выделены «открытые» и «закрытые» инновации	Г. Чесбро		
Инновации — это экосистема, обеспечивающая прогресс экономики за счет осознанной деятельности, направленной на использование научных достижений [6]				Инновации выступают как инструмент в конкурентной борьбе	Р. Айрес обозначил отличие «природной эволюции» от экономической с ведущей ролью инноваций в последней	
Инновации — это способ обеспечения устойчивого развития, охватывающий экономическую, экологическую и социальную сферы [1]					Инновации рассматривались как способ увеличения производительности труда, сокращения объема потребляемых ресурсов и негативного экологического влияния	К. Факуда, К. Ватанабе

рассматривались с точки зрения экономии на издержках, то с середины XIX в. большее значение стали уделять ресурсообеспеченности, а в XX–XXI вв. на первый план вышли знания и интеллектуальный потенциал.

Следовательно, конкурентное преимущество — это превосходство над конкурентами в экономическом, техническом, управленческом, организационном или ином аспекте, обусловленном научными исследованиями и опытно-кон-

Эволюция содержательных компонентов понятия «конкурентные преимущества»
The evolution of the substantive components of the concept of “competitive advantages”

Содержательные компоненты понятия «конкурентное преимущество»	Авторы												
	А. Смит	Д. Рикардо, Д. Милль	А. Маршалл	Э. Хекшер, Б. Олин	А. Алчинян, Г. Демсец, Т. Эгертсон	И. Кирцнер	П. Друкер, Ф. Хайек	М. Портер, Ж. Ламбен	Ж. Вальгер	Х. Траболт	Д. Мур	А. Бранденбургер	А. Ойхер
Издержки	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Масштаб производства	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Факторы производства	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Требования конкурентной среды	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Предпринимательские способности	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
Человеческий фактор	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
Эффективное использование ресурсов	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+
Интеллектуальный потенциал	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-
Степень соконкуренции	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
Век	XVIII	XIX		XX						XXI			
				начало			середина			конец			

Источник: составлено на основе [10].

структурскими разработками, производством, реализацией, обслуживанием экономического блага, которые являются основой формирования конкурентоспособности и ведут к реальному или потенциальному увеличению результатов (объема продаж, доли рынка, прибыли, рентабельности и т. д.).

Выводы

Таким образом, синтезируя сформулированные понятия «инновации» и «конкурентные преимущества», правомерно следующим образом трактовать понятие «инновационные конкурентные преимущества»: это превосходство над конкурентами в экономическом, техническом, управленческом, организационном или ином аспекте, обусловленном свойствами экономического блага в материальной или нематериальной формах, которые являются основой формирования конкурентоспособности и ведут к реальному увеличению результатов (объема продаж, доли рынка, прибыли, рентабельности и т. д.).

Данное определение не только позволяет предложить содержательное трактование понятия «инновационные конкурентные преимущества», но и на его основе выделить следующие ключевые проблемы, присущие отечественной теории

его рассмотрения и практике реализации:

1) в настоящее время в отечественных научных и практических источниках отсутствует единый подход к трактованию и нормативному закреплению понятия «инновации» и «инновационное конкурентное преимущество»;

2) неточности трактования понятия «инновации», в том числе закрепленного законодательно, препятствуют развитию кооперации разработчиков и производителей новых продуктов, потребителей научно-технических результатов, поскольку отсутствовал аспект, предложенный в уточненном определении — необходимости *за счет усовершенствования сделать экономическое благо конкурентоспособным и привести к реальному увеличению результатов*;

3) обуславливают неэффективность централизованной поддержки объектов инновационной инфраструктуры, поскольку она в настоящее время направлена на отдельные категории инновационных компаний, а не на развитие эффективного взаимодействия разработчиков, производителей новых продуктов, технологических компаний.

Следовательно, логика трактования определения «инновационное конкурентное преимущество», а также соответствующее ему совер-

шенствование инновационной инфраструктуры и обеспечения должны сформировать полноценную цепочку «государство—наука—производитель—потребитель», являющейся залогом реаль-

ных инноваций, выражающихся в востребованных и конкурентоспособных экономических блогах.

Список источников

1. Щербаков Г. А. Генезис и развитие научных представлений о роли инноваций в экономическом процессе // Модернизация. Инновации. Развитие. 2019. Т. 10, № 4. С. 471–486.
2. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм. М. : Прогресс, 1982. 643 с.
3. Румянцева С. Ю., Коростышевская Е. М., Самылов И. О. Этапы становления и развития понятия «инновации» // Инновации. 2018. № 3 (2233). С. 36–45.
4. Друкер. П. Бизнес и инновации. М. : Фишман, 2007. 290 с.
5. Фостер Р. Обновление производства: атакующие выигрывают. М. : Прогресс, 1987. 272 с.
6. Ayres R. On the lifecycle metaphor: where ecology and economics diverge // Ecological Economics. 2004. Vol. 48, № 4. Pp. 425–438.
7. Christensen Cl. M. The Innovator's Dilemma: When New Technologies Cause Great Firms to Fail. Boston, MA: Harvard Business School Press, 1997. 288 p.
8. Chesbrough H. W. Open Innovation: The new imperative for creating and profiting from technology. Boston, MA: Harvard Business School Press. 2003. 272 p.
9. Данилов И. А., Волкова Е. В. Ретроспективный анализ трактования терминов «конкурентоспособность» и «конкурентное преимущество» отечественными и зарубежными авторами // Вестник Челябин. гос. ун-та. 2010. № 3 (184). С. 126–134.

References

1. Shcherbakov GA. Genesis and development of scientific ideas about the role of innovation in the economic process. *Modernizaciya. Innovacii. Razvitie = Modernization. Innovation. Development*. 2019;10(4):471-486. (In Russ.).
2. Schumpeter J. Theory of economic development. Capitalism. Progress; 1982. 643 p. (In Russ.).
3. Rumyantseva SYu, Korostyshevskaya EM, Samylov IO. Stages of formation and development of the concept of “innovation”. *Innovacii = Innovations*. 2018;(3):36-45. (In Russ.).
4. Drucker P. Business and Innovation. Moscow; 2007. 290 p. (In Russ.).
5. Foster R. Production update: attackers win. Moscow; 1987. 272 p. (In Russ.).
6. Ayres R. On the lifecycle metaphor: where ecology and economics diverge. *Ecological Economics*. 2004;48(4):425-438.
7. Christensen CIM. The Innovator's Dilemma: When New Technologies Cause Great Firms to Fail. Harvard Business School Press; 1997. 288 p.
8. Chesbrough HW. Open Innovation: The new imperative for creating and profiting from technology. Harvard Business School Press; 2003. 272 p.
9. Danilov IA, Volkova EV. Retrospective analysis of the interpretation of the terms “competitiveness” and “competitive advantage” by domestic and foreign authors. *Vestnik ChelGU = Bulletin of ChelSU*. 2010;(3(184):126-134. (In Russ.).

Информация об авторах

А. А. Егорова — кандидат экономических наук, декан экономического факультета.

И. А. Данилов — кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладной экономики экономического факультета.

С. А. Гельм — аспирант третьего года обучения.

Information about the authors

A. A. Egorova — Candidate of Economic Sciences, Dean of the Faculty of Economics.

I. A. Danilov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Applied Economics of the Faculty of Economics.

S. A. Gelm — Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 10.10.2023; одобрена после рецензирования 09.11.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 10.10.2023; approved after reviewing 09.11.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 330.34:338.1

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-231-236

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРОЕКТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Артем Геворгович Геокчакян

Государственный университет управления, Москва, Россия, geokchakyan@guu.ru, ORCID 0000-0002-3666-367X

Аннотация. Современные экономические условия предъявляют требования к трансформации используемых управленческих процессов, приемов и подходов. Для повышения эффективности деятельность как отдельных организаций, так и отраслей экономики в целом и всего народного хозяйства необходимо решать существующие проблемы. Основной целью статьи является исследование проблем проектного управления, решение которых позволит повысить эффективность реализуемых проектов и программ. Научная новизна заключается в определении именно управленческих проблем (проблем не проектов, а процессов управления проектами), таких как проблемы формирования команды проекта, взаимодействия со стейкхолдерами проекта, низкоэффективное управление изменениями, необходимость контроля соблюдения требований заказчика, необходимость адаптации управления под специфику проектов, организационных решений проектной деятельности. Сформированный перечень проблем является актуальным практически для всех проектов и программ, поскольку затрагивает основополагающие элементы проектной деятельности. Решение рассмотренных в статье проблем обосновано как и на научном уровне, позволяющем разработать системное комплексное решение, применяемое для всех проектов, так и на уровне отдельных проектов для повышения их эффективности.

Ключевые слова: проектное управление, проблемы, формирование команды, финансирование, контроль требований, управление изменениями, управление ресурсами, стандартизация, организационные решения

Для цитирования: Геокчакян А. Г. Проблемы развития проектного управления // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 231–236. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-231-236.

Original article

PROBLEMS OF PROJECT MANAGEMENT DEVELOPMENT

Artem G. Geokchakyan

State University of Management, Moscow, Russia, geokchakyan@guu.ru, ORCID 0000-0002-3666-367X

Abstract. Modern economic conditions impose requirements for the transformation of the management processes, techniques and approaches used. To increase the efficiency of the activities of both individual organizations and sectors of the economy as a whole and the entire national economy, it is necessary to solve existing problems. The main purpose of the article is to study the problems of project management, the solution of which will increase the effectiveness of ongoing projects and programs. The scientific novelty lies in the definition of managerial problems (problems not of projects, but of project management processes), such as the problems of forming a project team, interaction with project stakeholders, low-efficiency change management, it is necessary to monitor compliance with customer requirements, it is necessary to adapt management to the specifics of projects, organizational solutions of project activities. The generated list of problems is relevant for almost all projects and programs, since it affects the fundamental elements of project activity. The solution of the problems discussed in the article is justified, both at the scientific level, which allows developing a system-wide integrated solution applicable to all projects; and at the level of individual projects to increase their effectiveness.

Keywords: project management, problems, team building, financing, requirements control, change management, resource management, standardization, organizational solutions

For citation: Geokchakyan AG. Problems of Project Management Development. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):231-236. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-231-236.

Введение

Проектное управление, по мнению многих ученых и практиков, является одним из наиболее перспективных с точки зрения результативности направлений менеджмента. Эффективность проектного управления обусловлена его концептуальной сущностью — концентрацией ресурсов для выполнения четко поставленной задачи в определенный срок. На данный момент проектное управление активно используется практически во всех сферах деятельности — от небольших проектов организации мероприятий до национальных проектов Российской Федерации.

Как известно, экономика в целом и экономические уклады отдельных стран и сфер деятельности находятся в постоянном развитии. Последние десятилетия изменения осуществляются более быстро и проявляются более явно. В связи с этим любые подходы и концепции требуют естественного развития и трансформации, направленных на решение существующих методологических и практических проблем и повышение эффективности деятельности. Для определения содержания и направлений развития проектного управления необходимо определить основные проблемы, которые возникают в современном проектном менеджменте.

Целью данного исследования является выявление и анализ ключевых проблем проектного управления, оказывающих негативное влияние на его эффективность. Решение данных проблем позволит вывести проектное управление на более высокий уровень эффективности и осуществлять более грамотное управление проектами различной сложности. Основой исследования выступил анализ российской и зарубежной практики организации проектной деятельности, осуществления конкретных проектов и программ, а также существующие статистические и аналитические материалы по проблемам реализации проектов.

Результаты исследования и их обсуждение

К основным проблемам проектного управления можно отнести следующее:

- Формирование и эффективное функционирование проектных команд — команда является основным управленческим органом проекта, который осуществляет его планирование, организацию, исполнение, контроль и координацию его деятельности. Проблема формирования и управления командой на данный момент является одной из ключевых всего проектного управления, поскольку именно от слаженности и эффектив-

ности работы команды во многом зависит успех проекта. При формировании команды необходимо учитывать не только профессиональные (функциональные) качества, но и психологические особенности каждого потенциального члена (в том числе умения работать в команде), а также дополняемость и возможность взаимозаменяемости членов команды [5]. Кроме того, определенную трудность представляет назначение руководителя проекта, которому, помимо вышеуказанных требований, необходимы лидерские качества, способность принимать волевые решения.

- Необходимость обеспечения эффективного взаимодействия со стейкхолдерами — к стейкхолдерам относятся все заинтересованные лица проекта, которые так или иначе оказывают влияние на ход осуществления проекта. При формировании системы участников проекта необходимо четко определить схему и порядок взаимодействия участников проекта, их функциональные обязанности и ответственность. Поскольку участниками являются различные субъекты экономических отношений, система взаимодействия должна основываться на нормативной базе, однако не быть слишком забюрократизированной, что может мешать ходу осуществления проекта. Взаимодействие должно обязательно включать обратную связь, позволяющую оперативно рассматривать и вносить изменения, вызванные внешней средой, в проект.

- Нехватка профессиональных управляющих проектами — проблема нехватки кадров актуальна практически в каждой отрасли, и проектное управление не является исключением. Это связано с тем, что проектное управление в России является относительно молодой сферой профессиональной деятельностью и пока количества практикующих руководителей проектов явно не хватает для удовлетворения соответствующего спроса на рынке труда. Многие вузы в данный момент готовят специалистов по профилю проектного управления, однако качество их подготовки вызывает определенные вопросы, поскольку подготовка носит скорее теоретический характер [3]. Также молодость отрасли обуславливает отсутствие большого практического опыта. Сейчас профессия руководителя проектов активно развивается, и очевидно, что в скором будущем проблема нехватки специалистов будет решена.

- Снижение эффективности долгосрочного проектного планирования — современные условия внешней среды сильно снижают эффективность долгосрочного планирования. Разработка

и реализация долгосрочных проектов связана с рядом рисков: изменение политико-правовых и экономических условий, проблемы со своевременным финансированием, отсутствие возможности влияния на поставщиков и подрядчиков, изменение запросов конечных потребителей и т. д. [8]. Всё это делает долгосрочное планирование неустойчивым и прогнозным и требует осуществлять корректировку краткосрочных планов в ходе осуществления проектов.

- Необходимость контроля содержания при актуализации требований заказчика — изменение внешних условий осуществления проекта делает нестабильным не только первоначальное планирование, но и меняет предпочтения и пожелания целевой аудитории и, самое главное, заказчика. Изменение или выдвижение новых требований заказчика (при соответствующем финансировании и документальном оформлении) вызывает необходимость допланирования и перепланирования, что в свою очередь ведет к изменению хода реализации проекта, необходимости внесения изменений в проект, обновления состава ресурсов, добавления новых участников проекта и др. Несмотря на возможность изменения требований со стороны заказчика и влияния стейкхолдеров на содержание проекта, необходимо осуществлять постоянный контроль содержания проекта и выполнения первоначальной цели, не допуская «расползания» содержания [2]. Исходя из отчета PMI HQ «Pulse of the profession» за 2018 г. эффект «сползания границ» содержания наблюдался в 57 % проектов по сравнению с 43 % в предыдущем исследовании [11]. Команда проекта должна контролировать вносимые изменения и сопоставлять их с первоначальными целями, задачами и техническим заданием на проект.

- Низкоэффективное управление изменениями — изменения в первоначальный план надо не только внедрить, самое главное — их нужно реализовать, с этим и возникают обычно трудности. Низкая эффективность управления изменениями вызвана, как правило, несколькими причинами: отсутствие апробированных методик управления изменениями; сопротивление изменениям со стороны команды проекта и исполнителей; отсутствие дополнительных выделенных ресурсов и времени на реализацию изменений. Это всё ведет к непрофессиональному внедрению и реализации изменений, которые оказывают скорее негативное, чем позитивное влияние на итоговый результат проекта.

- Нестабильность инвестиционной политики проектов — основная проблема проектного управления, заключающаяся в перебоях в финансировании, а зачастую и в его прекращении в связи с финансовыми проблемами у инвестора. Опытные менеджеры проектов, понимая этот опасный и часто возникающий риск, применяют различные способы для его минимизации — это формирование резервов, поиск дополнительных инвесторов, перенос наиболее затратных пакетов работ на первоначальные периоды и т. д. Вопросы проектного финансирования являются ключевыми для многих исследований, разрабатываются различные модели и принципы финансирования, позволяющие завершить проект в рамках выделяемых финансовых средств. Необходимо понимать, что на общую стоимость проекта влияет также качество управления, поэтому заказчик (инвестор) должен серьезно подходить к назначению руководителя проекта, команды, состава подрядчиков и т. д. Опыт антикризисного управления проектами позволит предугадать, предотвратить или минимизировать негативное влияние проблем финансирования на ход проекта.

- Обеспечение проекта необходимыми ресурсами согласно плану и рациональное их использование — проблемы с финансированием своим следствием имеют нарушение графиков закупки и использования ресурсов в проекте либо снижение качества этих ресурсов [10]. Кроме этого, одной из проблем рыночной экономики является снижение качества выпускаемой продукции при наличии устойчивого спроса. При реализации высокотехнологичных проектов возникают проблемы с поиском необходимых ресурсов требуемого качества и количества и в установленные сроки. Одним из решений данной проблемы является заключение долгосрочных договоров с поставщиками.

- Снижение качества продукта проекта — одна из ключевых проблем любого проекта, которая может быть вызвана как некачественными ресурсами, низкой квалификацией исполнителей, недобросовестностью подрядчиков [4]. Обеспечение поддержания требуемого уровня качества является основной задачей руководителя проекта. По статистике, большинство проектов завершаются с нарушением (хотя и небольшим) первоначальных технических требований (уровня качества).

- Необходимость адаптации теоретико-методических концепций и инструментария проектного управления к специфике проекта и его

участников — одним из признаков проекта является его уникальность (новизна достигаемой цели), которая подразумевает, что в мире не существует двух одинаковых проекта (даже если проекты типовые, условия их реализации всегда будут разными). Проекты классифицируются по масштабу, сложности, срокам осуществления, территориальной распространенности, сфере деятельности и др. Помимо сущностной специфики большое влияние оказывает состав его участников, который требует построения уникальных систем взаимодействия [6]. В связи с этим подходы к управлению проектом, практику разработки и реализации необходимо адаптировать к специфике и особенностям конкретного проекта. Такая адаптация требует дополнительного времени, средств и сил от команды проекта.

- Невозможность разработки универсальных стандартов и правил [1] — данная проблема является своеобразным следствием из предыдущей. Широкое разнообразие проектов не позволяет разработать универсальные стандарты, методики и правила управления ими, которые можно одинаково эффективно применять к абсолютно любой проектной деятельности, вне зависимости от ее особенностей. Существует международный стандарт, огромное количество национальных и корпоративных стандартов, которые регламентируют те или иные процедуры и процессы по проекту, однако разработать универсальную комплексную методику управления любым проектом не представляется возможным, поскольку существует большое количество внешних и внутренних факторов, различающихся в разных проектах.

- Отсутствие институциональной матрицы проектного управления [7] — осуществляемые проекты должны иметь серьезную организационную поддержку со стороны их участников, то есть проектное управление должно быть включено в стратегию развития организации. Противоположная ситуация создает большие трудности для осуществления проекта, поскольку в таком случае проектная деятельность не поддерживается на стратегическом уровне и высшее руководство организаций не уделяет ей должного внимания. Кроме этого, в организациях должна быть создана организационная структура, осуществляющая контроль, поддержку и обеспечение функционирования всех подсистем и объектов проектной среды (проектный комитет, проектный офис).

Выводы

Проведенный автором анализ проблем развития проектного управления позволил выявить основные направления совершенствования проектной деятельности. По данным исследований, проведенных PMI, только 70 % проектов достигают поставленных целей, 57 % — укладываются в первоначально запланированный бюджет, 52 % — выполнены в пределах срока, при этом полностью неуспешными оказываются 15 % проектов [9]. Определенные в статье проблемы в целом негативно сказываются на ходе осуществления проектов и программ, однако их решение позволит повысить эффективность проектной деятельности за счет:

- более сплоченной и грамотно работающей команды проекта, что позволит сократить вероятность и серьезность срывов плана реализации проектов и программ;
- повышения степени взаимодействия с окружающей средой проекта, которая позволяет более глубоко учитывать интересы и ожидания стейкхолдеров проекта;
- профессионализации проектного управления и увеличения числа профессиональных менеджеров проектов, владеющих современными компетенциями, необходимыми для реализации проектов и программ в условиях меняющегося мира;
- повышения значения и качества стратегического проектного планирования, определяющего долгосрочные цели, поставленные перед проектами и программами (актуально только для долгосрочных проектов и программ);
- повышения степени контроля хода реализации проекта, позволяющего снизить долю проектов, «растекающихся» по содержанию, нарушающих плановые сроки и стоимость проектов, завершающихся с более низким уровнем качества;
- повышения скорости реакции, качества проработки и реализации предлагаемых изменений в проекте;
- более грамотного выстраивания процесса финансирования проекта и избежания «финансовых лагов» в процессе реализации проекта;
- более грамотного распределения ресурсов проекта, которое позволит избежать «простоев» и «производственного избытка» ресурсов, влияющих на общую стоимость проектов и программ;
- более точного учета специфики проекта, влияющего на ход его реализации и итоговый успех;
- стандартизации множества проектных процедур, снижающих затраты на их выполнение.

Список источников

1. Асенова З. Т. Применение зарубежного опыта управления проектами в российской практике // Евразийский совет ученых. 2018. № 1 (46). С. 37–41.
2. Варназов Л. А. Тенденции развития проектного управления за рубежом // Экономическая наука и практика : материалы VIII Междунар. науч. конф. Краснодар, 2020. С. 20–28.
3. Геокчакян А. Г. Актуальность профессии проектного менеджера в условиях больших вызовов мировой экономики // Управление проектами: карьеры и бизнес : материалы II Всероссийской научно-практической конференции. М., 2021. С. 16–17.
4. Дранкова Н. А., Денисова Я. В. Проблемы эффективности системы менеджмента качества и пути их решения в условиях новой экономической среды // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. 2023. Т. 21, № 1. С. 65–73.
5. Евдокимова Ю. Г., Сычёва С. М., Шрамченко Т. Б., Халимон Е. А. Эскалация как способ урегулирования конфликтов и противоречий // Вестник университета. 2021. № 6. С. 14–21.
6. Зыкова Н. В., Агауров С. Ю. Проблемы реализации крупных проектов в нефтегазовой отрасли // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 8. С. 121–128.
7. Мироненко Н. В., Леонова О. В. Эволюция развития проектного управления в России и за рубежом // Управленческое консультирование. 2017. № 6. С. 65–72.
8. Мойсяк Г. Ю., Дармилова Ж. Д. Современные проблемы проектного управления в органах государственной власти // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 44 (6). С. 452–457.
9. Прима Я. Г. Тенденции развития проектного управления в России // Экономика инновационного развития: теория и практика. 2018. № 2 (18). С. 49–57.
10. Силова Е. С. Актуальные проблемы реализации национальных проектов в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). С. 137–144.
11. PM Solutions research: Pulse of the Profession: Success in Disruptive Times, 2018.

References

1. Asenova ZT. Application of foreign project management experience in Russian practice. *Yevraziyskiy Sovet Uchenykh = Eurasian Council of Scientists*. 2018;(1(46):37-41. (In Russ.).
2. Varnazov LA. Trends in the development of project management abroad. In: *Ekonomicheskaya nauka i praktika: materialy VIII Mezhdunar. nauch. konf. Krasnodar = Economic Science and Practice: Materials of the VIII International Scientific Conference*. Krasnodar; 2020. Pp. 20–28. (In Russ.).
3. Geokchakyan AG. The relevance of the profession of project manager in the conditions of great challenges of the world economy. In: *Upravleniye proyektami: kar'yera i biznes: materialy II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii = Project management: careers and business: materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference*. Moscow; 2021. Pp. 16–17. (In Russ.).
4. Drankova NA, Denisova YaV. Problems of the effectiveness of the quality management system and ways to solve them in the new economic environment. *Vestnik Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta imeni G. I. Nosova = Bulletin of Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov*. 2023;1(21):65-73. (In Russ.).
5. Evdokimova YuG, Sycheva SM, Shramchenko TB, Halimon EA. Escalation as a way to resolve conflicts and contradictions. *Vestnik Universiteta = Bulletin of the University*. 2021;(6):14-21. (In Russ.).
6. Zykova NV, Agaurov SYu. Problems of implementation of large projects in the oil and gas industry. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: politics, economics, law*. 2023;(8):121-128. (In Russ.).
7. Mironenko NV, Leonova OV. Evolution of project management development in Russia and abroad. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye = Managerial consulting*. 2017;(6):65-72. (In Russ.).
8. Moisyak GYu, Darmilova ZhD. Modern problems of project management in public authorities. *Yestestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural sciences and humanities research*. 2022;(44(6):452-457. (In Russ.).
9. Prima YaG. Trends in the development of project management in Russia. *Ekonomika innovatsionnogo razvitiya: teoriya i praktika = Economics of innovative development: theory and practice*. 2018;(2(18):49-57. (In Russ.).
10. Silova ES. Actual problems of implementation of national projects in Russia. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(11(469):137-144. (In Russ.).
11. PM Solutions research: Pulse of the Profession: Success in Disruptive Times, 2018.

Информация об авторе

А. Г. Геокчакян — преподаватель кафедры управления проектом.

Information about the author

A. G. Geokchakyan — Lecturer of the Department of Project Management.

Статья поступила в редакцию 09.08.2023; одобрена после рецензирования 11.11.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 09.08.2023; approved after reviewing 11.11.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.1

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-237-245

ОСОБЫЕ ТЕРРИТОРИИ КАК ДРАЙВЕР РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Елена Сергеевна Силова¹, Светлана Геннадьевна Аюпова²,
Татьяна Александровна Мутовкина³

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, metod@csu.ru, ORCID 0000-0002-5813-0145

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, s-aupova@mail.ru

³ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, tatyana.mutovkina6@csu.ru

Аннотация. В условиях санкционного давления, нестабильности и экономического кризиса в современных условиях вновь приобретает важность проблема поиска драйверов экономического развития и роста на региональном уровне. Для региональной экономики одним из определяющих экономическое развитие субъектов является малое предпринимательство, и поэтому важно исследовать различные институциональные формы поддержки и развития этого экономического сектора. В представленной работе рассмотрены существующие формы поддержки инвестиционной активности предпринимателей в виде специально выделенных территориальных образований, особенности их институционального регулирования, условия, влияющие на их эффективность, а также некоторые примеры успешных кейсов подобных территорий. Цель работы — оценить перспективы использования института особых экономических зон как драйвера регионального экономического развития и роста. В представленном исследовании проанализированы тенденции развития малого предпринимательства в России в условиях нестабильности и санкций. В работе также изучены особенности развития технопарков, территорий опережающего развития и особых экономических зон. Рассмотрена деятельность территории опережающего развития в г. Бакал Челябинской области и выявлены причины ее неэффективности. Разработаны предложения по повышению эффективности рассмотренных форм институциональной поддержки предпринимательства.

Ключевые слова: драйверы экономического развития, территории с особым статусом, региональная политика

Для цитирования: Силова Е. С., Аюпова С. Г., Мутовкина Т. А. Особые территории как драйвер регионального экономического развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 237–245. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-237-245.

Original article

SPECIAL TERRITORIES AS A DRIVER OF REGIONAL ECONOMIC DEVELOPMENT

Elena S. Silova¹, Svetlana G. Aupova², Tatiana A. Mutovkina³

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, metod@csu.ru, ORCID 0000-0002-5813-0145

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, s-aupova@mail.ru

³ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, tatyana.mutovkina6@csu.ru.

Abstract. In the context of sanctions pressure, instability and the economic crisis in modern conditions, the problem of finding drivers of economic development and growth at the regional level again becomes important. For the regional economy, small business is one of the determinants of economic development, and therefore it is important to investigate various institutional forms of support and development of this economic sector. The presented work considers the existing forms of support for the investment activity of entrepreneurs in the form of special economic zones, territories of advanced development, industrial parks, features of their institutional regulation, conditions

affecting their effectiveness, as well as some examples of successful cases of such territories. The purpose of the work is to assess the prospects for using the institute of special economic zones as a driver of regional economic development and growth. The presented study analyzed the trends in the development of small business in Russia in conditions of instability and sanctions. The work also studied the peculiarities of the development of technology parks, territories of advanced development and special economic zones. The activity of the territory of advanced development in the city of Bakal, Chelyabinsk region, was considered and the reasons for its inefficiency were revealed. Proposals have been developed to improve the effectiveness of the considered forms of institutional support for entrepreneurship.

Keywords: drivers of economic development, territories with special status, regional policy

For citation: Silova ES, Ayupova SG, Mutovkina TA. Special Territories as a Driver of Regional Economic Development. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):237-245. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-237-245.

Введение

Актуальность и целесообразность использования специальных экономических зон как инструмента регионального развития подтверждается в последние годы. Следует отметить, что подобные специально выделяемые территории существуют во многих странах мира. Их активное развитие стало следствием применения на практике теории французского экономиста Ф. Перру, исследовавшего вопросы пространственного развития сквозь призму «полюсов роста» и поляризации пространства [9]. В ряде стран, особенно во Франции, накоплен значительный успешный опыт применения данной теории для развития регионов при помощи инструментов формирования специальных территориальных зон [7]. Вопросы стратегического развития территорий являются первоочередными для нашей страны, последнее десятилетие было связано с активной разработкой стратегий на уровне отдельных регионов и муниципальных образований [6; 10]. Цели создания территорий с особым статусом существенно отличаются: сведение к минимуму дисбалансов в развитии (проблема выравнивающей модели развития особенно характерна для нашей страны с ее огромной территорией), «выращивание» новых видов бизнеса, привлечение инвесторов, в том числе иностранных, развитие особых видов экономической деятельности (например, высокотехнологичных и высокорисковых видов бизнеса) и т. д. В основном создание подобных зон связано с необходимостью активизации экономического роста и развития конкретных территорий.

Целью данной работы является исследование особенностей применения в России инструмента особых территориальных образований и оценка их эффективности, выявление условий и ограничений их эффективной работы. В исследовании использованы методы теоретического обобщения, сравнительный анализ, методы классификации.

Обзор истории возникновения особых территорий в РФ и их влияние на развитие МСП

В России с момента перехода к новой модели экономики использование территорий с особым статусом стало востребованным инструментом с начала либерализации экономики, привлечения инвесторов и улучшения инвестиционного климата, а в более позднее время — в рамках реализации программ модернизации и импортозамещения. Наиболее активно данный инструмент региональной политики стал использоваться начиная с середины 2000-х гг., однако, несмотря на постоянный рост количества территорий с особым статусом, не все из них демонстрировали высокий уровень эффективности. Поэтому в 2021 г. основной целью стало систематизировать управление подобными образованиями.

Одна из ключевых целей территориального развития — поддержка малого предпринимательства, поскольку именно оно генерирует ключевые доходы региональных и муниципальных бюджетов и по сути является основной движущей силой экономического роста территорий и наращивания их конкурентоспособности. В последние несколько лет именно малый бизнес переживает серьезное давление в результате ограничений, связанных с пандемией, снижающимся уровнем жизни и санкционной политикой в отношении РФ. Наиболее пострадавшими отраслями оказались туристический бизнес, общественное питание, в целом зафиксировано снижение численности занятых в сфере МСП на 0,8 % [16]. Помимо объективных факторов, многие представители малого бизнеса отмечают проблему избыточности регуляторных норм и административных барьеров, мешающих развитию бизнеса¹. Многие

¹ Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка предпринимательской инициативы» // Министерство экономического

эксперты считают, что государство должно усиливать поддержку МСП и это является ключевым фактором развития данного сектора [13]. Анализ инвестиционной активности субъектов в России показывает, что крупные инвестиции осуществляются в основном корпорациями, а у малого бизнеса отсутствуют достаточные средства для инвестиций [2].

Среди необходимых экономических мер специалисты указывают снижение налоговой нагрузки, поддержку платежеспособного спроса и создание новых рынков для отечественных производителей [15]. Инструментом, объединяющим данные меры, могут стать особые экономические зоны.

Отметим, что особые экономические зоны, например свободные экономические зоны, имеют достаточно длительную историю развития в России. Первые такие территории были созданы еще в начале 1990-х гг., и их количество достаточно быстро увеличивалось, однако большинство этих зон не достигли значимых результатов и целей своей деятельности. Среди причин их неэффективности исследователи называют масштабность этих свободных экономических зон (статус часто присваивался региону в целом), недостаток инвестиционных средств, слабую институциональную среду и ее неконкурентоспособность в сравнении с сопредельными государствами [5].

Деятельность ОЭЗ регламентируется федеральным законом от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» в редакции от 27.12.2021. Зоны предлагают бизнесу ряд конкурентных преимуществ для реализации проектов, в том числе по локализации производств в России и выходу на глобальный рынок, в том числе путем серьезного снижения административных барьеров; введения значительных налоговых льгот и таможенных преференций; снижения цен на аренду и выкуп земли; помощи в реализации инвестиционных проектов на первой стадии развития, а также их дальнейшем сопровождении со стороны управляющих компаний ОЭЗ.

Около трети всех особых экономических зон, существующих в стране, были созданы за последние два года, в 2022 г., например, были открыты 45 подобных территорий.

развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_inicijativy/?ysclid=lcr4wq6u3471012168

На следующем этапе формирования территорий с особыми условиями хозяйствования были выделены территории опережающего развития (ТОР) в соответствии с ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации», принятым 29 декабря 2014 г., который ввел в правовое поле новый вид льготных территорий — ТОСЭР. Этот инструмент должен привлекать инвестиции, создавать качественные условия для жизни и работы населения и быть локомотивом регионального роста [3].

Для обоих видов территорий существует набор льгот для осуществления предпринимательской деятельности. Основным отличием ТОР от ОЭЗ является наличие льгот по таможенным платежам, первоначально ОЭЗ создавались для привлечения предприятий с иностранным капиталом с учетом возможности их обеспечения импортным оборудованием, комплектующими и технологиями. ОЭЗ включает в себя также отдельную территорию и индустриальную зону с таможенным постом и КПП.

Территории опережающего развития могут располагаться на территории всего города, на любой площадке в пределах установленных властями границ. Недавно было внедрено в практику такое понятие, как трансграничные территории опережающего развития. Например, одну из них планируется расположить на границе России и Китая в городе Суйфыньхэ. Ее территория будет включать в себя 233 гектара с российской стороны и 188 га с китайской, где планируется беспрошленное перемещение товаров и свободное передвижение людей.

Общее количество территорий опережающего развития на сегодняшний день следующее: 92 территории опережающего развития в моногородах, 22 дальневосточных территории и одна арктическая.

Интересен опыт применения этого инструмента регионального развития на Дальнем Востоке. Эксперты отмечают сложность и неоднозначность тенденций развития территорий опережающего развития на Дальнем Востоке. Во-первых, это связано с тем, что здесь существуют зоны с различными статусами, а именно: ТОРы, свободный порт Владивосток (СПВ) с 2015 г. и специальный административный район (САР) остров Русский с 2018 г. (по сути одна из двух наравне с САР Октябрьский в Калининградской области офшорных зон РФ). СПВ в отличие от ТОР требует гораздо большего объе-

ма инвестиций (от 5 млн руб. в течение трех лет в отличие от 500 тыс. руб.), подключает самостоятельно инфраструктуру и может получить землю в муниципалитете без аукциона (для многих инвесторов именно это — ключевой приоритет при выборе места дислокации). Налоговые преференции очень схожи. Территории опережающего развития на Дальнем Востоке стали достаточно активно развиваться, и их опыт затем стал использоваться во многих других муниципалитетах страны, особенно в моногородах. Более 607 инвестиционных проектов на Дальнем Востоке реализуются в ТОРах. Основная часть резидентов данных территорий ведет бизнес в сфере логистики и транспорта, туризма либо строительных материалов — это три наиболее востребованные отрасли по количеству резидентов. По объему инвестиций лидером является газохимическая отрасль (более 1,6 трлн руб.), второе место приходится на горнорудную промышленность (860 млрд руб.). Каждая ТОР имеет свою специализацию и якорных резидентов. По вводам в работу новых предприятий лидируют ТОР «Камчатка», где запущены 33 компании, ТОР «Чукотка» и ТОР «Хабаровск» — 26 и 22 компании соответственно. Это заводы по производству тепло- и звукоизоляционных материалов, производственно-логистический центр, животноводческий и тепличный комплексы¹.

На рис. 1 представлены основные показатели работы территорий с льготными режимами на Дальнем Востоке.

¹ Сайт Корпорации развития Дальнего Востока. URL: <https://erdc.ru/upload/iblock/bc5/fv1juudu30emkij5d85y15py2p8486o/1-KRDV-katalog-2022.v2-RU.pdf>

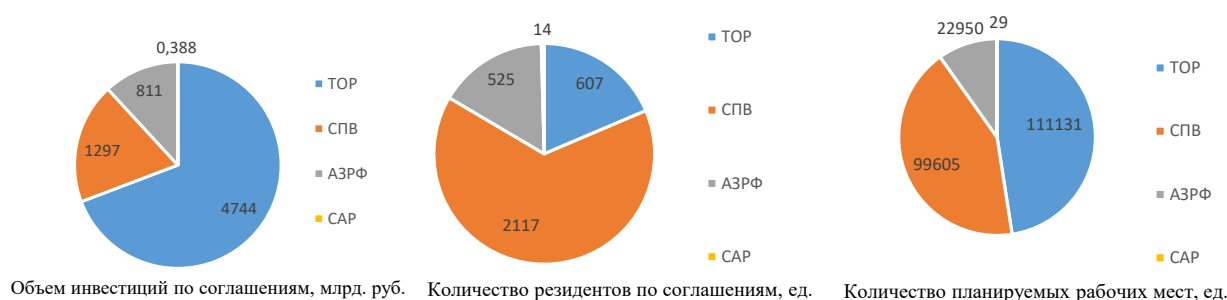

Рис. 1. Показатели результативности зон с льготными условиями хозяйствования на Дальнем Востоке
Fig. 1. Performance indicators of zones with preferential economic conditions in the Far East

ТОР — территория опережающего развития;

СПВ — свободный порт Владивосток;

АЗРФ — Арктическая зона РФ;

САР — специальный административный район

Источник: Данные Корпорации развития Дальнего Востока. URL: <https://erdc.ru/upload/iblock/bc5/fv1juudu30emkij5d85y15py2p8486o/1-KRDV-katalog-2022.v2-RU.pdf>

Наибольший планируемый объем инвестиций и количество рабочих мест приходится на территории опережающего развития, а наибольшее количество резидентов — на свободный порт Владивосток, что связано с заинтересованностью именно микробизнеса, занятого в сфере транспорта и логистики, как указывалось выше. По данным Корпорации развития Дальнего Востока на 2022 г., уже 591 резидент действует на исследуемых территориях, объем инвестиций составил 2,418 трлн руб. и создано более 100 тыс. рабочих мест, то есть по ключевым показателям территории с особым статусом уже демонстрируют свою состоятельность¹. Однако есть и недостатки в использовании данного инструмента регионального развития.

С. Н. Леонов отмечает, что большое количество режимов в различных зонах становится фактором, скорее вызывающим конкуренцию между этими режимами и активизирующим их внутреннюю борьбу за резидентов, а влияние на экономику регионов не всегда положительно. Среди резидентов дальневосточных зон ключевыми участниками являются представители МСП, причем в свободном порту Владивосток 97 % МСП приходится на микропредприятия. Подобные зоны на Дальнем Востоке стали центром притяжения инвестиционной активности, удалось создать много рабочих мест, инвестиционный климат в целом имеет позитивное влияние, но исследователи отмечают, что использование преференциальных режимов позитивно влияло на динамику доходов региональных бюджетов только в краткосрочном периоде в 2014–2015 гг., а затем качество бюджетов ухудшилось за счет

**Основные показатели территорий опережающего социально-экономического развития
Челябинской области**
**The main indicators of the territories of advanced socio-economic development
of the Chelyabinsk region**

Название ТОСЭР (район, город)	Дата создания	Приоритетные виды деятельности, коли- чество	Рабочие места, человек	Капитальные вложения, млн руб. без НДС	Рабочие места, человек	Капитальные вло- жения, млн руб. без НДС
Бакал	06.03.2017	16	нет	нет	20	5
Верхний Уфалей	13.11.2017	18	нет	см. по оквэд	10	2,5
Озерск (ЗАТО + льготы таможен- ной процедуры)	06.02.2018	25	нет	5	нет	нет
Снежинск (ЗАТО + льготы таможен- ной процедуры)	06.02.2018	19	нет	5	нет	нет
Миасс	12.04.2019	все, кроме запре- щенных ОКВЭД (от 26 декабря 2020 г. № 2288)	нет	нет	10	2,5

снижения доли налога от прибыли и роста доли НДС/Л [5].

Территории опережающего развития в моногородах Челябинской области

Тем не менее, несмотря на данные отрицательные моменты, в целом дальневосточный успешный опыт использования территорий с льготными условиями хозяйствования был распространен на моногорода; на данный момент они созданы в 92 муниципалитетах¹.

Для старопромышленных регионов создание новых полюсов роста — задача очень актуальная, так как в них накоплен существенный технологический и человеческий капитал, но необходимо использование новых инструментов, позволяющих диверсифицировать структуру экономики [1]. В Челябинской области в период с 2017 по 2019 г. выделено пять подобных зон (табл. 1).

Причинами низкой эффективности территорий опережающего развития в Челябинской области предприниматели называют сложность, длительность и большое количество согласований при оформлении разрешительной документации, особенно при оформлении земли, недоступность или низкое качество инфраструктуры (в частности, в Миассе предприниматели столкнулись

с лимитами по газообеспечению), слабую заинтересованность местных органов и, соответственно, слабую маркетинговую и информационную поддержку не только инвестиционных проектов на территориях, но и самих территорий².

Е. А. Колесник, исследуя проблемы развития ТОЭСР в моногородах Челябинской области, указывает на внутреннюю конкуренцию за инвесторов между городами и на необходимость проработки эксклюзивных конкурентных преимуществ каждого конкретного города. Например, органы местного самоуправления отдали под свой индустриальный парк неиспользованные земли Бакальского рудоуправления, к которым необходимо заново проводить газ, электро-снабжение, тепловые сети, дороги. При этом заказчики, металлургические предприятия и прочие важные для инвесторов субъекты инвестиционного процесса оказались сосредоточены ближе к Магнитогорску [4]. Найти данные о результативности работы ТОСЭР в г. Бакале достаточно сложно, так как на сайте муниципалитета данные не представлены, на сайте Министерства экономического развития Челябинской области представлены только нормативно-правовые акты о создании ТОСЭР, что подтверждает тезис об отсутствии заинтересованности органов местной

¹ Полный список преференциальных территорий: особых экономических зон (ОЭЗ) федеральных и региональных, опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР, ТОР) в моногородах, на Дальнем Востоке и других муниципальных образованиях Российской Федерации. URL: <https://решение-верное.pdf/toser-all>

² «Если так пойдет дальше — мы уйдем». Инвесторы не хотят работать в ТОСЭРах Южного Урала. URL: https://news.rambler.ru/other/43015015/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink <https://news.rambler.ru/other/43015015-esli-tak-poydet-dalshe-my-uydem-investory-ne-hotyat-rabotat-v-toserah-yuzhnogo-urala/>

власти в развитии и продвижении собственных территорий. По данным информационного портала Полит.ру, на начало 2022 г. в Челябинской области резидентами заключено 40 соглашений, реализация проектов дала региону 950 новых рабочих мест и 9,8 млрд руб. инвестиций¹.

Однако ситуация в самом Бакале по состоянию на начало 2023 г. не очень оптимистичная, поскольку основное предприятие — Бакальский рудник — находится в предбанкротном состоянии, инвестиций привлечь практически не удалось; в связи с резким ударом по металлургической отрасли добываемая в Бакале руда оказалась маловостребованной, что сказалось крайне негативно на социально-экономических показателях всего муниципалитета и его уровне жизни и доходах его населения².

Развитие технопарков в России

Важной проблемой в условиях санкций остается создание собственной технологической базы, достижение технологического суверенитета. Для решения этой проблемы используется еще один вид особых территорий — индустриальные парки, которых на начало 2022 г. создано около 400, в том числе 306 в виде индустриальных парков и 90 в виде технопарков. Индустриальный парк представляет собой новую территорию с управляющей компанией, на которой размещаются новые производства, данная территория обеспечена всей необходимой инфраструктурой, как правило, отраслевая направленность предприятий схожая, возможно сочетание предприятий смежных отраслей, что может давать дополнительные возможности диверсификации. Важной составляющей технопарков является их инновационная направленность, поэтому они также включают лаборатории, научные центры в своем составе. Первые попытки создания индустриальных парков были сделаны в начале 2010-х гг., но тогда эти образования не получили должного развития. Среди причин ученые называют непривлекательность индустриальных парков для инвесторов, отсутствие стимулов для привлечения высококлассных специалистов [12]. В результате на начало 2020 г. реально действующими были лишь около 2 % индустриальных парков.

¹ Шевелева А. Челябинская область лидирует по числу ТОСЭП. URL: https://polit74.ru/economics/chelyabinskaya_oblast_lidruet_po_chislu_toser/

² Бакал наполовину пуст. Как живет город, где готовят к банкротству один из старейших рудников Урала. URL: <https://74.ru/text/world/2023/03/07/72110792/>

С точки зрения отраслевой структуры российские технопарки в основном представляют собой многоотраслевые комплексы — практически около трети от всех технопарков, чуть менее трети занимают технопарки в сфере информационно-коммуникационных технологий, менее всего развиты технопарки в области сельского хозяйства и фундаментальной науки.

В целом проблемой является развитие технопарков из-за отсутствия интереса к ним со стороны инвесторов, так как немногие заинтересованы в долгоокупаемых и высокорискованных проектах. Анализ зарубежного опыта показывает, что чаще всего наиболее активным инвестором подобных проектов является государство. Льготное налогообложение, государственное софинансирование, государственные гарантии и таможенные льготы могут стать хорошими инструментами развития технопарков, которые могут стать механизмом объединения усилий государства и бизнеса в решении вопроса обеспечения развития отечественных высоких технологий в условиях расширяющегося спроса со стороны отечественных производителей. Многие специалисты отмечают достаточно позитивные тенденции в замещении ушедших с российского рынка импортных производителей. По словам Моисея Фурщика, в нынешней сложной ситуации ОЭЗ и ТОР стали еще более привлекательными для отечественных инвесторов, хотя и по очевидным причинам потеряли ряд иностранных³.

На наш взгляд, для преодоления указанных ограничений эффективного применения такого инструмента, как зоны с особым статусом, необходимо следующее:

- более активное включение государства в инвестиционные процессы, особенно в моногородах, необходимы прямые государственные инвестиции для старта эффективной работы индустриальных парков и территорий опережающего развития;
- более серьезный контроль за правами собственности на активы, продолжение курса на деофшоризацию предприятий реального сектора;
- активизация политики региональных и местных органов по привлечению инвесторов, продвижению создаваемых территорий в интернет-пространстве, в СМИ, в аналитических изданиях, на мероприятиях международного, национального и регионального уровнях, активная

³ Еремина Т. Спрос и ныне там // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5644248>

борьба за привлечение инвестиций на свои территории;

– активизация информационного сопровождения инвесторов и всех заинтересованных лиц, публикация данных, оперативное обновление сайтов.

Заключение

В работе было проведено исследование практики использования территорий с особым статусом как инструмента регионального развития и поддержки малого и среднего бизнеса. Подобные территории могут стать драйвером экономического развития территорий, но пока опыт

их использования есть как позитивный (преимущественно в первых подобных территориях, созданных в регионах Дальнего Востока), так и негативный (моногорода в Челябинской области, в частности Бакал, пока не достигли успехов в реализации инвестиционных проектов). Проанализированы ограничивающие условия: незаинтересованность региональных и местных органов власти, слабое продвижение и поддержка данных зон, недостаточные объемы инвестиций в инфраструктуру. Разработаны предложения по совершенствованию работы в области развития территорий с особым статусом.

Список источников

1. Аюпова С. Г., Силова Е. С. Точки роста промышленного региона в Уральском федеральном округе // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 11 (445). С. 19–30.
2. Бархатов В. И., Капкаев Ю. Ш., Силова Е. С., Бенц Д. С. Инновационная активность в России: субъектный анализ // Жизнь как служение: к юбилею Учителя. Бархатов В. И. Собрание сочинений к 75-летию В. И. Бархатова : в 4 т. / под общ. ред. Д. А. Плетнёва. Челябинск, 2021. С. 93–106.
3. Еремина Т. Спрос и ныне там: инвесторы проявляют устойчивый интерес к российским территориям с преференциальным режимом // Коммерсантъ. 2022. № 207. С. 1.
4. Колесник Е. А. Первые территории опережающего социально-экономического развития в Челябинской области: опыт и перспективы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 91–98. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-91-98.
5. Леонов С. Н. Преференциальные режимы созданных локальных точек роста и их влияние на экономику Дальнего Востока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 3. С. 28–45. DOI: 10.15838/esc.202.3.69.3
6. Медведева О. С., Левкина В. Н. Современная стратегия социально-экономического развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 7-1. С. 144–150. DOI 10.17513/vaael.1219.
7. Нешадин А., Треву Д. С. О французском опыте создания полюсов конкурентоспособности // Общество и экономика. 2012. № 5. С. 129–134.
8. Панышин И. В., Тябина З. М. Ключевые проблемы создания и развития технопарков в России // Материалы III Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум».
9. Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения // Пространственная экономика. 2007. № 7. С. 77–93.
10. Пешкова Г. Ю., Михальчук К. М. Драйверы роста экономики России в условиях санкций // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 12-1. С. 130–135. DOI: 10.17513/vaael.2628.
11. Потапцева А. Г., Субботина Т. Н. Анализ видов предпринимательской деятельности в России: современная ситуация // Дневник науки. 2022. № 5 (65). DOI 10.51691/2541-8327_2022_5_3.
12. Романович М. А., Оспищев П. И., Романович Л. Г., Кузнецова И. А. Технопарки России: проблемы развития и пути их решения // Наука Красноярья. 2020. № 2. С. 206–223.
13. Россихин А. П., Чаусов Н. Ю. Государственная поддержка как ключевой фактор обеспечения конкурентоспособности малого бизнеса // Российский экономический интернет-журнал. 2021. № 3.
14. Сапир Е. В., Карачев И. А. Специальные экономические зоны в мировой экономике. М. : Юрайт, 2023. 149 с.
15. Субботина Т. Н. Анализ регионального рынка труда (на примере Калужской области) // Научные труды Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского. Калуга : Издательство Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского, 2016. С. 129–133.
16. Чебурахина Д. И., Субботина Т. Н. Современное состояние малого и среднего бизнеса в России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 4-2 (74). С. 235–238. DOI 10.24412/2411-0450-2021-4-2-235-238.

References

1. Ayupova SG, Silova ES. Points of growth of the industrial region in the Ural Federal District. *Vestnik Chelyabincso go gosudarstvennogo Universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2020;(11(445):19-30. (In Russ.).
2. Barkhatov VI, Kapkaev YuSh, Silova ES, Benz DS. Innovative activity in Russia: subject analysis. In: Life as a ministry: to the anniversary of the Teacher. Barkhatov V. I. Collected works for the 75th anniversary of V. I. Barkhatov. In 4 volumes. Under the general editorship of D. A. Pletnev. Chelyabinsk; 2021. Pp. 93–106. (In Russ.).
3. Eremina T. Demand and now there: investors show a steady interest in Russian territories with preferential treatment. *Kommersant = Kommersant*. 2022;(207):1. (In Russ.).
4. Kolesnik EA. The first territories of advanced socio-economic development in the Chelyabinsk region: experience and prospects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo Universiteta = Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*. 2018;(2):91-98. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-2-91-98. (In Russ.).
5. Leonov SN. Preferential regimes of the created local growth points and their impact on the economy of the Far East. *Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2020;13(3):28-45. DOI: 10.15838/esc.202.3.69.3 (In Russ.).
6. Medvedeva OS, Levkina VN. Modern strategy of socio-economic development. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2020;(7-1):144-150. DOI 10.17513/vaael.1219. (In Russ.).
7. Neshadin A, Trevu DS. About the French experience of creating poles of competitiveness. *Obshchestvo i ekonomika = Society and economics*. 2012;(5):129-134. (In Russ.).
8. Panshin IV, Tyabina ZM. Key problems of the creation and development of technology parks in Russia. In: Materials of the III International Student Scientific Conference “Student Scientific Forum”.
9. Perru F. Economic space: theory and applications. *Spatial economics*. 2007;(7):77-93. (In Russ.).
10. Peshkova GYu, Mikhalkhuk KM. Drivers of growth of the Russian economy under sanctions. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2022;(12-1):130-135. DOI: 10.17513/vaael.2628. (In Russ.).
11. Potaptseva AG, Subbotina TN. Analysis of entrepreneurial activities in Russia: the modern situation. *Dnevnik nauki = Diary of science*. 2022;(5(65). DOI: 10.51691/2541-8327. (In Russ.).
12. Romanovich MA, Ospishchev PI, Romanovich LG, Kuznetsova IA. Technoparks of Russia: development problems and ways to solve them. *Nauka Krasnoyarska = Science of Krasnoyarsk*. 2020;(2):206-223. (In Russ.).
13. Rossikhin AP, Chausov NY. State support as a key factor in ensuring the competitiveness of small businesses. *Rossiiskij ekonomicheskij internet-zhurnal = Russian Economic Online Magazine*. 2021;(3). (In Russ.).
14. Sapir EV, Karachev IA. Special economic zones in the global economy. Moscow; 2023. 149 p. (In Russ.).
15. Subbotina TN. Analysis of the regional labor market (on the example of the Kaluga region). In: Nauchnye trudy Kaluzhskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. E. Ciolkovskogo = Scientific works of Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky. Kaluga; 2016. Pp. 129–133. (In Russ.).
16. Cheburakhina DI, Subbotina TN. The modern state of small and medium-sized businesses in Russia. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and business: theory and practice*. 2021;(4-2):235-238. DOI: 10.24412/2411-0450-2021-4-2-235-238. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. С. Силова — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

С. Г. Аюпова — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Т. А. Мутовкина — магистрант первого курса Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Information about the authors

E. S. Silova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of Industries and Markets of the Institute of Economics of Industries, Business and Administration.

S. G. Aupova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of Industries and Markets of the Institute of Economics of Industries, Business and Administration.

T. A. Mutovkina — Master Student of the Department of Economics of Industries and Markets of the Institute of Economics of Industries, Business and Administration.

Статья поступила в редакцию 23.03.2023; одобрена после рецензирования 27.09.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 23.03.2023; approved after reviewing 27.09.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД A FRESH LOOK

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 246–252.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(11(481):246-252. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 332.1

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-246-252

ПРОМЫШЛЕННЫЕ КЛАСТЕРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Иван Сергеевич Тушин¹, **Максим Андреевич Рупасов²**

¹Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, tushin.ekb@gmail.com

²Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, mrupasov@gmail.com

Аннотация. Исследуется тема промышленных кластеров и их роль в развитии регионов. Рассматриваются различные типы кластеров, факторы, особенности и условия функционирования, которые определяют их успех, и роль государства и образовательных учреждений в этом процессе. Также обсуждаются важность международного сотрудничества и проблемы недостатка финансирования проектов на развитие кластеров, низкой эффективности взаимодействия между участниками кластера, несоответствие между ожиданиями и результатами реализации проектов по созданию кластеров, отсутствие прозрачности информации и недостаточность управления, с которыми сталкиваются промышленные кластеры. Предложены инструменты, которые могут быть использованы для разработки стратегий и мероприятий, которые помогут улучшить функционирование и развитие промышленных кластеров в различных регионах. Статья может быть полезна для специалистов в области экономики, управления, государственного управления, а также для тех, кто заинтересован в изучении вопросов, связанных с промышленными кластерами и их ролью в развитии регионов.

Ключевые слова: промышленные кластеры, развитие регионов, факторы успеха, государственная поддержка, международное сотрудничество

Для цитирования: Тушин И. С., Рупасов М. А. Промышленные кластеры как инструмент развития регионов // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 246–252. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-246-252.

Original article

INDUSTRIAL CLUSTERS AS A TOOL FOR REGIONAL DEVELOPMENT

Ivan S. Tushin¹, **Maxim A. Rupasov²**

¹ Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, tushin.ekb@gmail.com

² Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, mrupasov@gmail.com

Abstract. The scientific article explores the topic of industrial clusters and their role in the development of regions. The article discusses various types of clusters, factors, features and conditions of functioning that determine their success, and the role of the state and educational institutions in this process. The importance of international cooperation and problems in the lack of funding for cluster development projects, the low efficiency of interaction between cluster participants, the discrepancy between expectations and results of cluster creation projects, the lack of transparency of information and the lack of management faced by industrial clusters are also discussed. The tools that can be used to develop strategies and activities that will help improve the functioning and development of in-

dustrial clusters in various regions are proposed. The article may be useful for specialists in the field of economics, management, public administration, as well as for those who are interested in studying issues related to industrial clusters and their role in the development of regions.

Keywords: industrial clusters, regional development, success factors, state support, international cooperation

For citation: Tushin IS, Rupasov MA. Industrial Clusters as a Tool for Regional Development. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):246-252. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-246-252.

Введение

Промышленные кластеры играют значимую роль в развитии регионов и являются одним из ключевых факторов повышения конкурентоспособности национальных экономик. Кластерный подход предполагает интеграцию и взаимодействие между предприятиями, научно-исследовательскими организациями, образовательными учреждениями и государственными органами в рамках определенной территории. Такая сетевая организация обеспечивает оптимальные условия для распределения ресурсов, создания инноваций и развития экономики.

В последние годы наблюдается активное изучение и применение кластерных подходов во многих странах мира. В развитых странах промышленные кластеры стали важным инструментом региональной политики, способствующим модернизации производства и повышению экспортного потенциала. В развивающихся странах, включая Россию, кластерные инициативы также приобретают всё большее значение, поскольку они способствуют диверсификации экономики, созданию новых рабочих мест и улучшению благосостояния населения.

Однако, несмотря на многочисленные преимущества кластерного подхода, существует ряд проблем и вызовов, которые могут сдерживать его успешное применение. В частности, важным аспектом является определение оптимальных условий для формирования и развития кластеров, а также преодоление барьеров между участниками кластера и организация эффективного взаимодействия между ними. Также актуальным вопросом является поиск баланса между государственной поддержкой и самостоятельностью участников кластера, а также определение роли международного сотрудничества в развитии промышленных кластеров.

В современной экономике промышленные кластеры стали одним из ключевых инструментов развития регионов. Кластеры представляют собой географически сконцентрированные группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, образовательных и научных

учреждений, которые сотрудничают и конкурируют друг с другом. Важность промышленных кластеров для регионального развития заключается в том, что они способствуют повышению конкурентоспособности, инновационной активности и экономического роста.

Цель данного исследования заключается в анализе особенностей формирования и развития промышленных кластеров, их влияния на экономику регионов и выявлении факторов, способствующих успешной реализации кластерных стратегий. Для достижения поставленной цели был проведен обзор существующих исследований и литературы, в рамках которого были изучены теоретические подходы к пониманию кластеров, их классификация и механизмы функционирования.

Материалы и методы исследования

Применены методы логического, статистического и сравнительного анализа, формализации и синтеза. В качестве источников исследования использованы труды зарубежных и российских авторов, материалы государственной статистики. В статье рассмотрены экономические и статистические показатели, связанные с развитием промышленных кластеров в регионах. Анализ этих показателей позволил оценить вклад промышленных кластеров в развитие региональной экономики и определить эффективность инвестиций в этот сектор.

Результаты исследований вопросов создания и развития промышленных кластеров позволили выявить проблемы и вызовы при создании и развитии промышленных кластеров:

- недостаток финансирования;
- низкая эффективность взаимодействия между участниками;
- несоответствие между ожиданиями и результатами;
- отсутствие прозрачности и управления.

Результаты исследования и их обсуждение

Промышленные кластеры — это совокупность предприятий, которые находятся в географиче-

ски близких местах, производят схожую продукцию и имеют схожие специализации. Они являются ключевым инструментом развития регионов, поскольку способствуют повышению конкурентоспособности компаний, созданию новых рабочих мест, развитию инноваций и укреплению бизнес-сообщества [2].

1. Увеличение экономической эффективности. Промышленные кластеры могут увеличить экономическую эффективность региона. Участники кластера имеют возможность использовать общие ресурсы, такие как инфраструктура и производственные мощности, что позволяет снизить затраты на производство и повысить качество продукции. Кроме того, общий рынок сбыта позволяет снизить затраты на маркетинг и рекламу, а также создать дополнительный спрос на продукцию.

2. Повышение конкурентоспособности. Промышленные кластеры способствуют повышению конкурентоспособности компаний. Участие в кластере позволяет компаниям развиваться и использовать новые технологии и методы производства. Кроме того, участники кластера могут сотрудничать между собой, обмениваться опытом и знаниями, что способствует росту компетенций и инноваций.

3. Создание рабочих мест. Промышленные кластеры могут создавать новые рабочие места в регионе. Объединение компаний в кластер позволяет им совместно использовать ресурсы, что позволяет сократить затраты на производство и повысить конкурентоспособность. Это, в свою очередь, приводит к росту производственных мощностей и созданию новых рабочих мест. Помимо увеличения количества рабочих мест, в результате достижения синергетического эффекта, путем объединения компетенций, технологий и имеющихся ресурсов, появляется возможность для формирования новых, ранее не актуальных для этих предприятий (региона) специализаций.

4. Развитие инноваций. Промышленные кластеры способствуют развитию инноваций в регионе. Участники кластера могут сотрудничать между собой, обмениваться опытом и знаниями, что способствует росту компетенций и возможностей для инноваций. Кроме того, кластеры могут привлекать крупные инвестиции и высококвалифицированных специалистов, которые в свою очередь могут стимулировать развитие новых технологий и идей.

5. Укрепление бизнес-сообщества. Промышленные кластеры способствуют укреплению биз-

нес-сообщества в регионе. Участие в кластере позволяет компаниям обмениваться опытом и знаниями, создавать новые партнерские отношения, расширять свой бизнес и участвовать в международных проектах. Это способствует росту бизнес-сообщества и улучшению качества услуг и продуктов в регионе.

В целом промышленные кластеры представляют множество преимуществ для развития регионов, способствуя экономическому росту, увеличению конкурентоспособности, созданию новых рабочих мест, развитию инноваций и укреплению бизнес-сообщества. Однако для достижения этих целей необходимо эффективное управление проектом, сотрудничество между участниками и разработка эффективной стратегии [7].

Промышленные кластеры являются ключевым инструментом развития регионов. Некоторые из наиболее успешных примеров реализации промышленных кластеров в разных регионах мира включают:

1. Швейцарский часовой кластер расположен в регионе Женевы и Лозанны и является одним из наиболее успешных кластеров в мире. Он объединяет более 500 компаний, которые занимаются производством часов и других изделий из драгоценных металлов. Кластер был создан в XVIII в. и с тех пор продолжает быть одним из лидеров в своей отрасли. Швейцарский часовой кластер известен своей инновационностью, высоким качеством продукции и эффективностью производства.

2. Кремниевая долина расположена в Калифорнии и является одним из наиболее известных и успешных технологических кластеров в мире. Кластер объединяет более 3000 компаний, которые занимаются разработкой программного обеспечения, электроники, телекоммуникаций и других технологий. Силиконовая долина известна своей инновационностью, высоким уровнем образования сотрудников и наличием крупнейших технологических компаний в мире, таких как Google, Apple, Facebook и др.

3. Индийский информационно-технологический кластер находится в городе Бангалор (Индия) и является одним из наиболее успешных технологических кластеров в мире. Он объединяет более 2000 компаний, которые занимаются разработкой программного обеспечения, веб-разработкой, аутсорсингом и другими информационными технологиями. Индийский информационно-технологический кластер известен своей

экономической эффективностью, высоким качеством продукции и высоким уровнем компетенций в сфере информационных технологий.

Все эти кластеры имеют общие черты успешной реализации: сильное бизнес-сообщество, поддержка правительства и инвесторов, концентрация талантов и экспертизы, доступность ресурсов и инфраструктуры, а также открытость для сотрудничества и инноваций. Швейцарский часовый кластер, Кремниевая долина и Индийский информационно-технологический кластер также являются примерами того, как промышленные кластеры могут стать катализаторами роста и процветания для всего региона. Они сформировали экосистемы, которые обеспечивают создание новых рабочих мест, инновационный рост и экономическое развитие, а также повышают качество жизни людей в регионе.

Процесс создания и развития промышленного кластера включает несколько этапов. Рассмотрим их подробнее:

1. Формирование критической массы участников.

Первым шагом при создании кластера является формирование критической массы участников, то есть компаний и организаций, которые будут объединяться в кластер. Цель этого этапа — привлечение предприятий, которые могут дополнить и усилить друг друга, чтобы создать сильный кластер.

2. Определение общей цели.

После того, как участники кластера были определены, необходимо определить общую цель, которую они будут преследовать. Цель должна быть четкой и конкретной, чтобы ее можно было измерить и оценить. Общая цель должна учитывать потребности и интересы участников кластера, а также региона, в котором он будет функционировать [3].

3. Разработка стратегии.

После того, как была определена общая цель, необходимо разработать стратегию, которая определит, как кластер будет достигать этой цели. Стратегия должна включать в себя планы по созданию инфраструктуры, управлению проектом, разработке программ и мероприятий для достижения цели.

4. Создание инфраструктуры.

Для успешной работы промышленного кластера необходима соответствующая инфраструктура, которая обеспечит комфортные условия для работы участников кластера. Это может включать в себя создание производственных помещений, лабораторий, конференц-залов, обществен-

ных пространств, доступа к транспортным и коммуникационным средствам и т. д.

5. Привлечение инвестиций.

Для успешного развития промышленного кластера необходимы инвестиции, которые могут быть получены из различных источников, таких как государственные и частные инвесторы. Инвестиции могут быть направлены на создание инфраструктуры, проведение мероприятий, поддержку и развитие инноваций, обучение персонала и т. д.

6. Управление и координация проекта.

Последний этап процесса создания и развития промышленного кластера — это управление и координация проекта. Важно обеспечить эффективное управление кластером, чтобы достигнуть общей цели и поддерживать высокий уровень работы. Это может включать в себя координацию работы участников кластера, поддержку взаимодействия между участниками, разработку стратегий и планов действий, проведение мероприятий и многое другое.

В целом создание и развитие промышленного кластера — это сложный процесс, требующий много ресурсов и усилий. Но при правильном подходе и эффективном управлении кластер может стать мощным инструментом развития региона, способствуя росту экономики, созданию новых рабочих мест, укреплению бизнес-сообщества и привлечению инвестиций [1].

По данным Исследовательского института McKinsey Global Institute, в 2019 г. объем инвестиций в промышленные кластеры в мире составил более 1,7 трлн долл. Рост инвестиций был замечен во многих странах, в том числе в США, Китае, Германии, Индии, Бразилии и др. Ожидается, что этот тренд сохранится и в будущем, так как промышленные кластеры продолжают оставаться одним из наиболее важных инструментов развития экономики во многих странах¹.

Общий объем инвестиций в промышленные кластеры в России за последние несколько лет увеличился. В частности, в 2016 г. общий объем инвестиций составил 260,2 млрд руб., в 2017 г. — 305,7 млрд руб., в 2018 г. — 355,1 млрд руб., в 2019 г. — 406,3 млрд руб., а в 2020 г. — 445,8 млрд руб. Рост объема инвестиций свиде-

¹ McKinsey Global Institute. The Future of Work in America: People and Places, Today and Tomorrow. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/the-future-of-work-in-america-people-and-places-today-and-tomorrow> (дата обращения 20.04.2023)

Таблица 1

Table 1

Рост производительности труда в промышленных кластерах СЗФО
Labor productivity growth in industrial clusters of Northwestern Federal District

Год	Производительность труда в промышленных кластерах, руб./чел.	Производительность труда в других секторах экономики, руб./чел.	Разница в производительности труда, %
2016	1 082	938	15,3
2017	1 194	1 025	16,5
2018	1 305	1 118	16,7
2019	1 423	1 240	14,8
2020	1 552	1 336	16,2

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

тельствует о том, что промышленные кластеры являются важным объектом для инвестирования и развития экономики в России.

Рассмотрим Северо-Западный федеральный округ России. В табл. 1 отражена динамика роста производительности труда в промышленных кластерах в этом регионе в сравнении с другими секторами экономики за последние пять лет.

Из табл. 1 можно видеть, что в Северо-Западном федеральном округе России производительность труда в промышленных кластерах выше, чем в других секторах экономики. Кроме того, разница в производительности труда между промышленными кластерами и другими секторами экономики в последние годы растет, что может свидетельствовать о том, что инвестиции в развитие промышленных кластеров окупаются.

В табл. 2 представлен Центральный федеральный округ России и количество созданных рабочих мест в промышленных кластерах в этом регионе за период с 2016 по 2020 гг.

Из этой таблицы можно видеть, что в период с 2016 по 2020 г. количество созданных рабочих мест в промышленных кластерах в Центральном федеральном округе России увеличилось с 23 540

до 44 260. Это свидетельствует о том, что промышленные кластеры в этом регионе действительно могут стать важным инструментом создания новых рабочих мест и развития экономики.

Создание и развитие промышленных кластеров может столкнуться с рядом проблем и вызовов, которые необходимо учитывать и решать для успешного результата. Некоторые из наиболее распространенных проблем и вызовов при создании и развитии промышленных кластеров включают следующее:

- Недостаток финансирования: создание и развитие кластера требует больших финансовых затрат, и это может быть недоступно для многих участников. В связи с этим может возникнуть проблема нехватки финансирования, что может привести к снижению эффективности работы кластера.

- Низкая эффективность взаимодействия между участниками: взаимодействие между участниками кластера является ключевым фактором успеха, но может возникнуть проблема низкой эффективности этого взаимодействия. Например, взаимодействие между участниками может быть затруднено различиями в культуре, языковых барьерах, различиями в ожиданиях и т. д.

- Несоответствие между ожиданиями и результатами: ожидания участников кластера могут не совпадать с реальными результатами, что может привести к разочарованию и снижению мотивации участников. Например, участники могут ожидать большего улучшения экономической ситуации в регионе, чем это может быть достигнуто [4].

- Отсутствие прозрачности и управления: управление и координация работы кластера является ключевым фактором успеха, но может возникнуть проблема отсутствия прозрачности и эффективного управления. Например, неопре-

Таблица 2

Table 2

Количество созданных рабочих мест в промышленных кластерах ЦФО
Number of jobs created in industrial clusters of Central Federal District

Год	Количество мест
2016	23 540
2017	28 780
2018	33 620
2019	39 430
2020	44 260

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

деленность в роли и ответственности каждого участника может привести к конфликтам и неэффективности работы кластера.

Для решения этих проблем и вызовов необходимо разработать эффективную стратегию, которая учитывает мнение и интересы всех участников. Также необходимо обеспечить прозрачность и эффективное управление, чтобы участники кластера могли четко понимать свои роли и ответственность. Кроме того, важно обеспечить доступность финансирования и других ресурсов для всех участников, включая малые и средние предприятия [5].

Ключевым фактором для повышения эффективности взаимодействия между участниками является развитие доверия и взаимопонимания. Это может быть достигнуто через проведение регулярных встреч, форумов и мероприятий, на которых участники кластера смогут общаться и обмениваться идеями. Кроме того, необходимо улучшить коммуникацию и обмен информацией между участниками кластера, что поможет повысить эффективность их взаимодействия.

Для решения проблемы несоответствия между ожиданиями и результатами необходимо более тщательно анализировать потребности и цели всех участников, чтобы убедиться, что они реалистичны и могут быть достигнуты. Также важно улучшать систему мониторинга и оценки результатов, чтобы участники кластера могли видеть, какие изменения происходят в регионе благодаря работе кластера.

Отсутствие прозрачности и эффективного управления может быть решено путем определения четкой структуры управления и ролей всех участников. Кроме того, необходимо установить эффективный механизм мониторинга и контроля за выполнением задач и реализацией стратегии. Важно также обеспечить доступность информации об управлении и работе кластера для всех участников.

В целом, успешное создание и развитие промышленного кластера зависит от того, насколько

эффективно будут решаться проблемы и вызовы, которые могут возникнуть в процессе его работы. Это требует тщательной разработки стратегии и ее реализации, а также активного взаимодействия между всеми участниками кластера.

Заключение

В заключение можно отметить, что промышленные кластеры представляют собой один из ключевых инструментов для развития регионов в современных условиях. Кластеризация помогает объединять усилия многих участников, повышать конкурентоспособность и эффективность производства, создавать новые рабочие места, развивать инновации и укреплять бизнес-сообщество.

Примеры успешной реализации промышленных кластеров в разных регионах мира, таких как Швейцарский часовой кластер, Кремниевая долина, Индийский информационно-технологический кластер, подтверждают эффективность этого подхода.

Однако создание и развитие промышленных кластеров может столкнуться с рядом проблем и вызовов, таких как недостаток финансирования, низкая эффективность взаимодействия между участниками, несоответствие между ожиданиями и результатами, отсутствие прозрачности и управления.

Для решения этих проблем необходимо разработать эффективную стратегию, которая учитывает мнение и интересы всех участников, повысить эффективность взаимодействия между ними, а также обеспечить прозрачность и эффективное управление.

В целом промышленные кластеры имеют большую значимость для развития регионов в будущем, и их роль будет только увеличиваться с развитием технологий и изменением экономической среды. Важно продолжать исследования и разработки в этой области, чтобы оптимизировать работу кластеров и повысить их эффективность в решении экономических задач.

Список источников

1. Бардин И. В. Промышленные кластеры в региональной экономике: принципы формирования и развития. М. : Экономика, 2018. 205 с.
2. Власова Е. А. Проблемы и перспективы развития промышленных кластеров в России // Вестник экономики и управления. 2016. № 3 (12). С. 45–52.
3. Долгополов А. И. Кластерный подход к развитию регионов: опыт и перспективы // Региональная экономика. 2017. № 1 (25). С. 78–88.
4. Карпова А. В., Михайлова Т. В. Роль промышленных кластеров в развитии региональной экономики

ки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. 2015. № 2 (32). С. 45–58.

5. Минакир П. А. Промышленные кластеры: теория, методология, практика. Владивосток : Дальнаука, 2018. 265 с.

6. Портер М. Э. Кластеры и новая экономика конкуренции // Гарвард бизнес ревью. 1998. № 76 (6). С. 77–90.

7. Портер М. Э. Конкуренция. М. : Вильямс, 2003. 496 с.

8. Романова О. А., Чернявский Д. С. Промышленные кластеры как фактор развития региональной экономики // Регион: экономика и социология. 2013. № 2 (85). С. 48–64.

9. Тихомирова Е. В. Промышленные кластеры: мировой опыт и российская практика // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2014. № 6 (72). С. 38–45.

10. Шереметьева Е. В. Методология исследования промышленных кластеров: подходы и инструменты // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 12 (465). С. 56–65.

References

1. Bardin IV. Industrial clusters in the regional economy: principles of formation and development. Moscow; 2018. 205 p. (In Russ.).

2. Vlasova EA. Problems and prospects of development of industrial clusters in Russia. *Vestnik ekonomiki i upravleniya = Bulletin of Economics and Management*. 2016;(3(12):45-52. (In Russ).

3. Dolgoplov AI. Cluster approach to regional development: experience and prospects. *Regionalnaya ekonomika = Regional economy*. 2017;(1(25):78-88. (In Russ).

4. Karpova AV, Mikhailova TV. The role of industrial clusters in the development of the regional economy. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seria 5. Ekonomika = Bulletin of St. Petersburg University. Series 5. Economy*. 2015;(2(32):45-58. (In Russ.).

5. Minakir PA. Industrial clusters: theory, methodology, practice. Vladivostok; 2018. 265 p. (In Russ.).

6. Porter ME. Clusters and the new economy of competition. *Garvard Biznes Revyu = Harvard Business Review*. 1998;(76(6):77-90.

7. Porter ME. Competition. Moscow; 2003. (In Russ.).

8. Romanova OA, Chernyavsky DS. Industrial clusters as a factor in the development of the regional economy. *Region: ekonomika i sociologia = Region: Economics and Sociology*. 2013;(2(85):48-64. (In Russ.).

9. Tikhomirova EV. Industrial clusters: world experience and Russian practice. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plehanova = Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2014;(6(72):38-45. (In Russ.).

10. Sheremetyeva EV. Methodology of industrial cluster research: approaches and tools. *Economicheskii analiz: Teoriya i praktika = Economic analysis: theory and practice*. 2016;(12(465):56-65. (In Russ.).

Информация об авторах

И. С. Тушин — аспирант кафедры международной экономики и менеджмента.

М. А. Рупасов — аспирант кафедры международной экономики и менеджмента.

Information about the authors

I. S. Tushin — Postgraduate Student of the Department of International Economics and Management.

M. A. Rupasov — Postgraduate Student of the Department of International Economics and Management.

Статья поступила в редакцию 29.04.2023; одобрена после рецензирования 29.10.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 29.04.2023; approved after reviewing 29.10.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 330.826

doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-253-258

АКТУАЛЬНОСТЬ ИДЕЙ Ж. Ш. ДЕ СИСМОНДИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Иван Игоревич Алферов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, ivan.alferov.04@mail.ru

Аннотация. Цель исследования — оценка актуальности идей Жана Шарля Леонарда Симонда де Сисмонди критики капитализма в современном мире. Статья представляет собой анализ идей Сисмонди, швейцарского экономиста и философа XIX в., и их связи с критикой капитализма. Исследование основано на анализе первоисточников, включая сочинения Сисмонди и работы других авторов, упоминавших его как источник вдохновения своих работ. Также будут использованы современные исследования и публикации, посвященные критике капитализма и анализу его последствий. Методологический подход будет использовать качественные методы исследования для обеспечения более полного и глубокого понимания темы. Статья выявляет основные идеи Сисмонди, касающиеся критики капитализма, и их актуальность в современном мире. Отмечается, что его идеи, такие как ограничение роста капитала, защита прав работников и более справедливое распределение богатства, будут иметь значимость и применимость в современных условиях, характеризующихся социальным и экономическим неравенством, сосредоточением богатства и эксплуатацией трудовых ресурсов.

Ключевые слова: Сисмонди, теория, исследование, политэкономия, идеи, взгляды, экономические учения

Благодарности. Автор выражает благодарность своему научному руководителю Дарье Сергеевне Бенц, кандидату экономических наук, профессору кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, за ценные советы при подготовке статьи.

Для цитирования: Алферов И. И. Актуальность идей Ж. Ш. де Сисмонди в современном мире // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 253–258. doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-253-258.

Original article

RELEVANCE OF THE IDEAS OF J. CH. DE SISMONDI IN THE MODERN WORLD

Ivan I. Alferov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, ivan.alferov.04@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to assess the relevance and relevance of Jean Charles Léonard Simond de Sismondy's ideas in the direction of criticism of capitalism in the modern world. The article is a study and analysis of the ideas of Jean-Charles Sismondi, a Swiss economist and philosopher of the XIX century, and their connection with the criticism of capitalism. The research is based on the analysis of primary sources, including the works of Sismondi and the works of other authors who mentioned him as a source of inspiration for their works. Modern research and publications devoted to the criticism of capitalism and the analysis of its consequences will also be used. The methodological approach will use qualitative research method to provide a more complete and in-depth understanding of the topic. The article reveals the main ideas of Sismondi concerning the criticism of capitalism and their relevance in the modern world. It is expected that Sismondi's ideas, such as limiting capital growth, protecting workers' rights and a more equitable distribution of wealth, will have significance and applicability in modern conditions characterized by social and economic inequalities, concentration of wealth and exploitation of labor resources.

Keywords: Sismondi, theory, research, political economy, ideas, views, economic teachings

Acknowledgements. The author expresses gratitude to his scientific supervisor of Benz Daria Sergeevna — Candidate of Economic Sciences, Professor of the Department of Economics of Industries and Markets of Chelyabinsk State University, for valuable advice in preparing the article.

For citation: Alferov II. Relevance of the Ideas of J. Ch. de Sismondi in the Modern World. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(11(481):253-258. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-253-258.

Введение

В современном обществе критика капитализма является одной из наиболее актуальных и дискуссионных тем. В условиях экономической нестабильности, социального неравенства и экологических проблем всё больше людей обращаются к альтернативным идеям и системам экономического устройства. Одним из ранних критиков капитализма был Жан Шарль Леонард Симонди де Сисмонди, швейцарский экономист XIX в. Его идеи о необходимости ограничений капитализма и роли государства в регулировании экономики остаются актуальными и предлагают альтернативные подходы к проблемам современного капиталистического общества.

Цель исследования — оценка актуальности и релевантности идей Сисмонди в контексте критики капитализма в современном мире. Ученый открыто критиковал капитализм и подчеркивал такие его недостатки, как безработица, обусловленная заменой человеческих ресурсов машинами, бедность, а также неизбежность экономического кризиса. Он считал, что жизнь большинства населения при старом порядке была лучше, хотя прибыль крестьян и рабочих была невелика, но они не были на грани нищеты, что приводит к моральному упадку и беспорядкам.

Сисмонди поддерживает трудовую теорию стоимости, согласно которой стоимость товара зависит от труда, затраченного на его производство. В этом случае прибыль считается доходом капиталиста, который представляет собой вычет из продукта труда рабочего. Сисмонди подчеркивал эксплуататорский характер прибыли и считал, что при капитализме рабочий класс буквально грабят. Таким образом, заработная плата должна соответствовать всей стоимости продукта труда работника [1].

Предмет и метод учения Сисмонди

Предметом исследования Сисмонди являются люди. Их мнения, чувства, эмоции. При чтении первого тома «Новых начал политической экономии» можно заметить, что это именно то, на что он ссылается. В той же книге Сисмонди выделяет основные этапы развития политической экономии:

Этап 1 — меркантилистская школа. Благополучие рассматривается в односторонней системе. Источником богатства является только торговля.

Этап 2 — школа экономических физиократов. Благополучие рассматривается в односторонней системе. Источником богатства является только сельское хозяйство.

Этап 3 — Школа Адама Смита. «Адам Смит не пытался, подобно своим предшественникам, создать априорную теорию, чтобы затем присоединить к ней факты» [1]. Именно с ним Сисмонди был солидарен. В конце концов, источник богатства кроется в социальной работе. Но государство обязано «дать возможность всем гражданам наслаждаться физическим удовлетворением, которое обеспечивает богатство» [1].

Ж. де Сисмонди дает два объяснения политической экономии: во-первых, она изучает правильность управления богатством нации. Во-вторых, она является моральной наукой. То есть экономика должна опираться на людей, ведь они являются ее главной ценностью [1].

Итак, предметом исследования Сисмонди являются люди. Государство должно управлять богатством людей, но в то же время с учетом их мнений, чувств, эмоций.

В своих работах Сисмонди использовал следующие методы исследования:

- Противопоставление сфер производства и обращения друг к другу и признание первой определяющей сферы общественной экономики.

- Классовый метод анализа, согласно которому рассматриваются социально-экономические отношения между так называемыми основными классами общества.

- Дорогостоящий метод определения стоимости и дохода с учетом количества затраченного труда.

- Деньги не являются независимыми и не играют главную роль в общественном производстве.

- «Морально-нравственная» политэкономия.

При специфике понимания ее метода появляется возможность судить о значимости наследия Сисмонди, о научной новизне его взглядов. Также в его работах можно выделить следующие позиции.

Ученый был убежден, что лишь правительство в силах уберечь расширение производства для высших каст, в свою очередь помогая росту довольства и процветания нации.

Было необходимо уберечь политэкономия от метода научной абстракции для объективного понимания дел, происходящих в стране. Ведь метод затрагивает лишь теоретическую обоснованность, не осуществляя практические действия.

В доктрине Смита об «экономическом человеке» формулируется мысль о том, что «интерес каждого формирует общий интерес» [2], однако Сисмонди считал иначе, суть заключалась в том, что во время того, как человек пытается достичь свои цели,

он делает всё возможное, чаще всего, не обращая внимания на других людей. Поэтому с чем благополучие общества невозможно в случаях, когда человек заботится лишь о себе, корыстно подставляя других для достижения своих интересов.

Сисмонди считал, что в политэкономии все факторы взаимосвязаны, поэтому необходимо использование как причинного, так и функционального метода в анализе.

Сисмонди предугадывал кризисы. И по его мнению, каждый кризис это повторение всех тех же ошибок, что и раньше. И чтобы избежать их, необходимо переосмыслить стратегию в экономике.

Частные интересы не должны быть приоритетней интересов общества, поэтому сами люди должны исправлять свои ошибки и делать это наглядно, чтобы другие не повторяли их в будущем.

Основные идеи Ж. де Сисмонди

Теория производительного труда [3]. Характеристика производительного и непроизводительного труда по Сисмонди совпадает с определением А. Смита. Таким образом, богатство производительного труда — это новый объект обмена или увеличение уже существующего объекта. Непроизводительная работа — это работа, целью которой является наслаждение, и в результате ее плоды не приносят пользы, не могут быть накоплены.

Однако их выводы расходятся. Если увеличение производительного труда будет неограниченным, то удовольствия и роскошь богатых людей будут только увеличиваться, и «чем большего развития нация достигает в области ремесел и промышленности, тем больше неравенство между работниками... чем больше работают одни люди, тем роскошнее чувствуют себя другие» [1].

Для Сисмонди своего рода основным капиталом является мастерство, достигнутое рабочими. «Хранители» богатства также необходимы, потому что без них богатство, произведенное рабочим классом, было бы разграблено.

Теория разделения труда [3], как и остальные, направлена категорически против суждений других классиков. Несмотря на то, что в разделении труда показатель производительности является самым высоким, ценности работников приравниваются к ценностям машин. Кроме того, С. Сисмонди выделяет следующие положения, которые подчеркивают негативные последствия разделения труда: потеря человеком «умственной и физической силы» [1], «здоровья и жизнеспособности» [1], пропорционально тому, «насколько возрастает производительность его труда» [1].

Трудовые операции становятся настолько простыми, что даже дети в очень раннем возрасте способны выполнять эту работу.

Вместо процветания всего общества, за счет роста оборотного и основного капитала, процветают в основном крупные предприниматели.

Однако стоит отметить, что Сисмонди не является противником инноваций. В конце «Новых начал политической экономии» он отмечает, что, в зависимости от применения улучшений, они могут быть как вредными, так и полезными.

Согласно демографической теории Сисмонди [3], все страдания работающего населения связаны с несоответствием между численностью населения и доходами. Сисмонди делает следующие заявления:

— Количество браков и рождаемость регулируются финансовым положением.

— Преждевременные браки и фертильность связаны с отсутствием дохода у работника.

— Восстановление мастерских и уставов цеховых организаций обеспечит каждому работнику «право собственности на продукты своего труда» и возможность рассчитывать на доход и надеяться на создание семьи.

— «Трудоспособность» [1] работника не является его гарантированным источником дохода.

Итак, необходимо изменить саму «социальную организацию», которая порождает «непостоянный спрос» и, «создав работников, затем обрекает их на страдания и смерть».

Теория дохода [3]. Несмотря на то, что работник производит больше, чем ему нужно, владелец забирает то, что является избыточным для первого. Именно рабочий создает, в дополнение к своей заработной плате, доход для владельцев богатства, а именно арендную плату для землевладельцев и прибыль для капиталистов. Следовательно, фактически рента и прибыль напрямую вычитаются из дохода рабочего, тем самым можно сделать вывод, что происходит ограбление рабочего, отнимающее у него произведенные сверхштатные товары.

Гуманизм Сисмонди [5]. Его идеи сосредоточены на счастье людей. Чтобы быть счастливыми, пролетарии должны иметь процветание. Однако при капитализме ранее счастливые самозанятые или мелкие предприниматели, у которых было богатство, становились наемными работниками. С накоплением капитала собственность отбирается в первую очередь у малого бизнеса, и владельцы обедняются.

Богатство, по его мнению, является хорошей вещью только тогда, когда им обладают все классы.

Поэтому приоритетом должно быть благополучие, а не равенство всех. Политическая экономия, с другой стороны, должна быть направлена не только на получение прибыли, но и на «заботу о судьбе бедных» [1].

Либерализм. Классическая политическая экономия включала в себя отказ от государственного вмешательства в экономику в надежде, что «невидимая рука» Смита решит все проблемы. Но на практике всё оказалось по-другому. В связи с этим Сисмонди потребовал, чтобы государство, как и прежде, вмешивалось в экономику. «Материальное благополучие людей, поскольку оно зависит от государства, является предметом политической экономии». Государство должно было повышать благосостояние людей, вмешиваясь в экономику, позволяя любому предприятию, как по размеру, так и по обороту капитала, занять свою нишу. «Мы называем управление народным богатством политической экономией».

Воспроизводство капитала [5]. Закон Сэя гласит: совокупный спрос автоматически поглощает весь объем продукции, произведенной в соответствии с существующими технологиями и ресурсами в экономике с гибкими ценами. Но на самом деле всё оказалось по-другому, и спрос просто не мог расти быстрее производства. Сисмонди считал, что капитализм сужает внешние рынки до уровня внутренних, из-за чего может произойти коллапс. Государство смогло сдерживать развитие крупносерийного производства и недооценило роль машин в производстве. По его мнению, будущее общество должно стать более гуманным, в связи с улучшением положения трудящихся классов. Он предсказал кризисы XIX в. Сисмонди считал основными причинами медленный рост потребностей и потребления вслед за производством. Из-за концентрации богатства в одних руках рынок сужается. Заработок предпринимателя заключается в том, что он недостаточно платит работнику за его работу.

Критика учения

Марксисты критиковали теорию воспроизводства и кризисов Ж. де Сисмонди. Для него целью капитализма является потребление, но он не учел процесс формирования внутреннего рынка и становления производственных отношений при капитализме.

В отличие от его видения капитализма как угрозы развитию мелких производителей, суть была иной, а именно, в создании капиталистических производственных отношений.

Благодаря разложению мелких производителей на буржуазию и пролетариат внутренний рынок был создан, а не, как он думал, сужен.

В. И. Ленин показал, что благодаря укрощению мелкого производителя растет буржуазное и пролетарское товарное хозяйство, причем на обоих полюсах [4].

Сисмонди не понимал процесса создания внутреннего рынка и, ошибочно связывая необходимость реализации прибавочной стоимости и сверхценности в потребительских товарах, видел выход из ситуации во внешней торговле. Он не связывал материальную форму с общественным производством и продуктом, не проводил различия между капиталом и доходом с социальной точки зрения. Однако появление спроса на удовольствия и предметы роскоши растет за счет личного потребления капиталистов. Это связано с тем, что с расширением производства увеличивается спрос на сырье и рабочую силу.

Сисмонди не определял противоречия производства и потребления в системе как главные противоречия капитализма. Придерживаясь «Догмы Смита», он подчеркнул неправильность производства и потребления, отметив важность потребления в теории воспроизводства.

Советская экономическая литература неоднозначно, но всё же содержала политические указания Сисмонди. Он, казалось, дополнял результаты выводов Рикардо, предоставляя свои работы. Он понимал противоречивость капиталистического производства, но подчеркивал, что кризисы возникают в результате разрастания тех самых противоречий, бурно проявляющихся в определенные периоды. К. Маркс считал Сисмонди завершителем направления классической политической экономии в Англии [6].

Для В. И. Ленина он был довольно важной фигурой. В своей работе «О характеристиках экономического романтизма (Сисмонди и наши отечественные сисмондисты)» (1897) Ленин критиковал его. Указав, что он только предложил идею, он не назвал способов ее реализации. Для Ленина Сисмонди был критиком капитализма, оратором, который призывал бороться с проблемой, но о том, как ее решить, какими четко определенными путями [4], не сообщил.

Актуальность идей в экономических учениях XIX–XX вв.

Идеи Ж. де Сисмонди продолжали жить и после его смерти. Так, Луис Блант, изучив его работы, позаимствовал множество различных аргументов

против конкуренции. Родбертус, хотя не раскрыл этого, но также считал, что преимущества социального прогресса распространяются только на классы собственников, никоим образом не помогая рабочим. Заимствовал теорию кризисов.

К. Маркс отдал дань уважения швейцарскому ученому. В своем «Манифесте коммунистической партии» он прямо заявил, что был вдохновлен этим в своем проницательном анализе, принял идею о том, что собственность сосредоточена у небольшого числа владельцев и что в результате растет пролетаризация рабочей силы. Рабочая сила эксплуатируется капиталистом. На это утверждение Маркса повлияли мысли Сисмонди. Это видно по сходству формулировок. Аналогичным образом для Маркса прибыль объясняется продажей рабочими не их труда, а силой их труда. Это похоже на утверждение Сисмонди в его работах: рабочий продает «силу своего труда» [6], свою «жизнь» [6]. Несмотря на то, что никто конкретно на него не ссылался, в заявлениях многих других социалистов также видны предпосылки, заложенные в идеях де Сисмонди.

Его идеи отражены в основных законодательных актах в настоящее время. Сокращение рабочего дня, запрет на работу в воскресенье, запрет на детский труд и обязанность работодателя обеспечивать работника во время болезни или поиска работы.

Учитывая идеи Сисмонди, можно понять, что он недооценил инвестиционную составляющую совокупного спроса. Однако его взгляды актуальны и в настоящее время. И так, подобно его идеям, в России вступают в силу законы и разрабатываются различные проекты по поддержке малого бизнеса и частного предпринимательства. Сейчас люди не делятся на классы, любой может открыть собственное дело и быть уверенным, что государство его поддержит.

Заключение

В заключение необходимо отметить вклад Сисмонди в историю экономических учений. Именно он одним из первых раскритиковал капитализм, подчеркнув в нем классовую несправедливость и отметив, что богатые люди оставляют свое влияние на простых людей. Он предложил выплачивать сотрудникам заработную плату в соответствии с проделанной ими работой. Он настаивал на влиянии государства на рынок, чтобы обеспечить на нем справедливые условия как для крупных корпораций, так и для малого бизнеса.

Книга «Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению» (1819) принесла де Сисмонди широкую известность. В своей работе он идеализирует мелкое производство и стремится защитить интересы трудящихся. Он выражает сочувствие к трудящимся, приветствует фабричное законодательство и осуждает эксплуатацию детского труда.

Сисмонди считал капитализм обществом, лишенным социальной справедливости. Он также исследовал вопросы распределения доходов, капитал, кризисы и вопросы реализации продукта. Он выдвигал мелкобуржуазную программу преобразования общества. По мнению Сисмонди, политэкономия — это наука о том, как управлять хозяйством и сохранять общественный порядок. Он считал, что политэкономия должна изучать чувства, потребности и страсти людей. отождествлял предмет политэкономии с экономической политикой государства и игнорировал производственные отношения и необходимость изменения экономических законов.

Де Сисмонди рассматривал капитализм как противоположность классической буржуазной школе, антагонистический строй, в котором богатство сосредоточено в руках немногих, а большинство трудящегося населения живет в нищете. Он также указывал на несовпадение интересов общества и частных предпринимателей, а также на отставание развития земледелия от торговли и промышленности. В отличие от классической школы, Сисмонди не считал увеличение прибылей буржуазии главной задачей и критерием экономического прогресса.

Он также критиковал рассуждения классической школы о том, что капитализм не знает противоречий и кризисов. Однако он не понимал прогрессивного содержания капитализма и его преимуществ перед феодализмом. Он выражал мелкобуржуазную оценку возможностей капиталистического строя и предлагал регламентацию капитализма и возвращение к подобию цехового строя мелких ремесленников.

Сисмонди был экономистом-романтиком и ставил перед государством цель удовлетворить всё население. Главная задача, как он считал, состоит в том, чтобы учитывать интересы, эмоции, пристрастия людей.

Он стремился создать общество, в котором не будет угнетения классов, размышляя о порядке, в котором всё общество будет довольно. Однако он так и не смог найти рациональных путей достижения этой цели.

Список источников

1. Сисмонди Ж. С. де. Новые начала политической экономии, или о богатстве в его отношении к народонаселению. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 386 с.
2. Смит А. Теория нравственных чувств / пер., вступ. ст. Б. В. Мееровского; подготовка текста и коммент. А. Ф. Грязнова. М. : Республика, 1997. 350 с.
3. Ядгаров Я. С. История экономических учений : учебник. 5-е изд. , перер. и доп. М., 2020.
4. Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма // Новые начала политической экономии в его отношении к народонаселению. Т. 1. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 192.
5. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Антология экономической классики. Т. 1. М., 1993. 576 с.
6. Первая программа Союза коммунистов «Манифест Коммунистической партии» в контексте истории / отв. ред.: Г. А. Багатурия, Д. В. Джохадзе. М. : Изд-во ВГУ, 2007. 288 с.
7. Беглова Н. Сисмонди — экономист, которого цитировал Пушкин. 2014.
8. Розенберг Д. История политической экономии. Москва, 1934–1936. 484 с.
9. Аникин А. Юность науки: Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М., 1983. 386 с.
10. Маркс К. К критике политической экономии. М. : Госполитиздат, 1939. 272 с.

References

1. Sismondi JS de. New beginnings of political economy, or about wealth in its relation to the population. Moscow; 1937. 386 p. (In Russ.).
2. Adam S. The theory of moral feelings. Moscow; 1997. 350 p. (In Russ.).
3. Yadgarov YaS. History of economic studies. Moscow; 2020. (In Russ.).
4. Lenin VI. New beginnings of political economy in its relation to the population. Moscow; 1937. 192 p. (In Russ.).
5. Ricardo D. The beginnings of political economy and taxation. Moscow; 1993. 576 p. (In Russ.).
6. The first program of the Union of Communists: “Manifesto of the Communist Party” in the context of history. Moscow; 2007. 288 p. (In Russ.).
7. Beglova N. Sismondi is an economist quoted by Pushkin. 2014. (In Russ.).
8. Rosenberg D. History of Political Economy. Moscow; 1934–1936. 484 p. (In Russ.).
9. Anikin A. The youth of science: The life and ideas of economic thinkers before Marx. Moscow; 1983. 622 p. (In Russ.).
10. Marx K. On the criticism of political economy. Moscow; 1939. 192 p. (In Russ.).

Информация об авторе

И. И. Алферов — студент.

Information about the author

I. I. Alferov — Student.

Статья поступила в редакцию 09.08.2023; одобрена после рецензирования 11.11.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 09.08.2023; approved after reviewing 11.11.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

MONTIBVSELSIN
LOIACIARATCORI
CRVDELISNEXINI
CARMINLNOSTRI
REFORMAFDNI.VN
MONTIBVSELSIN
LOIACIARATCORI
CRVDELISNEXINI
CARMINLNOSTRI